

Б.С. КИРЬЯКОВ

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВЯТСКОМ КРАЕ

1942-1947 гг.

(СПЕЦГОСПИТАЛИ)

Документы и материалы

Б.С. КИРЬЯКОВ

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В ВЯТСКОМ КРАЕ 1942-1947 гг.
(СПЕЦГОСПИТАЛИ)**

Документы и материалы

**КИРОВ
2007**

ББК 63.3 (2) 622, 72
УДК 356.33 – 054.65 (470.342)
К 43

Кирияков Б. С.

К 43 **Военнопленные в вятском крае 1942–1947 гг. (Спецгоспитали): Документы и материалы** / Борис Семенович Кирияков; Правительство Кировской области; Департамент культуры и искусства Кировской области. – Киров: О-Краткое, 2007. – 304 с. – илл.

ISBN 978-5-91402-002-3

Вятский краевед Борис Кирияков собрал уникальный материал и приоткрыл завесу секретности над пребыванием бывших солдат вермахта в спецгоспиталях Кировской области. Написанная Б. Кирияковым книга – не только достойный вклад в подлинную историю, но и дань признательности тем, кто самоотверженно работал в спецгоспиталях ради будущего мира.

ББК 63.3 (2) 622, 72
УДК 356.33 – 054.65 (470.342)

ISBN 978-5-91402-003-0

© Кирияков Б.С., 2007.
© Правительство Кировской области
© Департамент культуры и искусства
Кировской области, 2007.
© Издательство «О-Краткое», 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ НЕНАВИСТЬЮ! Вступление 6

ВЯТКА ИСЦЕЛЯЮЩАЯ 13

Принесенные ветром 13

На всю оставшуюся жизнь 19

Искусство переубеждать 26

«Серый» рынок военных лет 33

Красноармейцы и военнопленные 38

Примирение: начало большого пути 41

ВОЙНА ДОКТОРА МЫШКИНА 48

Врач с улицы Водопроводной 48

Защитники Отечества и солдаты Паулюса 49

Разгаданная загадка 51

Верность человечности 53

СПЕЦГОСПИТАЛИ:

ФАКТЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ 55

Спецгоспиталь № 1773

(д. Тарасовы, ст. Быстряги Оричевского района) 55

Живые, полуживые и мертвые 57

Хозяйственная работа 59

Питание 60

Лечебная работа 61

Воспоминания 65

Спецгоспиталь № 1952

(ст. Оричи) 71

Распорядились. Решили 71

Люди, которых не спросили 72

Зоны 73

Начало – половина сражения 75

Человеческий фактор 76

Принимать решения быстро. Выполнять еще быстрее 78

До полного восстановления 81

Теория и практика 82

Врачебные кадры 85

В день радости и грусти 85

Воспоминания 86

Спецгоспиталь № 3947

(п. Санчурск, с. Верхошижемье, с. Пищалье)	106
Скупой строкой	107
Врачебные кадры	114
Воспоминания	114

Спецгоспиталь № 1149

(г. Белая Холуница)	116
Санитарное состояние госпиталя	116
Диагностика и лечение больных	117
Что еще предстояло сделать?	118
Врачебные кадры	121
Письмо медсестры	122
Воспоминания	124

Спецгоспиталь № 2074

(п. Пинюг Подосиновского района)	133
Как первое сражение	134
Лечебная работа	136
Врачебные кадры	140
Европа на станции Пинюг	141
Хозяйственная работа в госпитале	142
Воспоминания	144

Спецгоспиталь № 3169

(ст. Фалёнки)	157
В распутицу, до распутицы и после	157
Госпиталь: «красноармейский» период	159
Август сорок четвертого: ослабленные балки	160
Два месяца спустя: комиссия доктора Мышкина	162
Спецконтингент: у кого что болит?	163
Апатnes morbi	164
Воспоминания	168

Спецгоспиталь № 3426

(г. Халтурин)	181
Серые стены, яркие фрески	182
Сбитые подковы	184
Горячее горе	184
Дело табак	185
Движение больных	185
Кадры	186

Снабжение	187
Смертность	189
Движение – жизнь!	189
И снова внезапность	190
Спецгоспиталь № 3160	
(г. Халтурин)	192
Отставить скальпель!	192
Лоренц Конрад	198
Спецгоспиталь № 3007	
(Рязанский госпиталь в Прикамье)	199
КАЙСКИЕ ТУПИКИ	208
«Сигналы» и «Сигнальщики»	209
Где тонко, там не рвется	215
Бег за целью или основная работа	218
Работа над ошибками	223
Письмо И.Я. Брагинской	227
НЕ ОТДЫХАЯ	230
ЛАГЕРЬ № 101 – ТРУДОВОЙ, ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ..	234
Кайский край: привязка московских мечтаний к местности	236
Работать по-социалистически!	239
Подсобное хозяйство лагеря	242
Питание и контроль	244
Главная задача	248
Жилье, одежда военнопленных	251
О дисциплине и поведении сотрудников лагеря	252
Воспоминания	254
ДОКУМЕНТЫ	258
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	303

Прощение врагов – прекрасный подвиг, но есть подвиг еще более прекрасный, еще более человеческий – это понимание врагов, потому что понимание – разом прощение, понимание, оправдание.

Александр Герцен

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ НЕНАВИСТЬЮ!

Вступление

Был месяц июль. В наших вятских лесах пели птицы. А где-то кровь лилась рекой, свистели пули и горела земля: шел десятый день войны. Гитлеровские дивизии стремительно продвигались на запад, километрами глотая территорию советской страны...

Первого июля 1941 года И.В. Сталин и управделами СНК Я. Чадаев подписали «Положение о военнопленных», сохранившее жизнь сотням тысяч людей, воевавшим на стороне Гитлера. «Положение» стало известно широкой общественности лишь в девяностые годы двадцатого века.

Гитлер, напад на Советский Союз, был уверен в быстрой победе: у обескровленной сталинскими репрессиями Красной Армии нет никаких шансов, эти «недочеловеки» славяне не только не окажут сопротивления, но и помогут чистокровным арийцам в великой битве за тысячелетний Рейх.

С другой стороны, советских людей, особенно юношей и девушек, родившихся при советской власти, с довоенных лет готовили к тому, что «если завтра война, если завтра в поход», наша Красная Армия тотчас даст отпор врагу и продолжит победоносную битву на территории врага.

Но История рассудила иначе. Война затянулась. Гитлеровцы прорвались сначала к Москве, затем к Волге, но... «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!»... И страна, «оттолкнувшись ногой от Урала», встала.

Нашим врагам пришлось отступить.

С жестокими боями, с огромными потерями (сотни, тысячи немецких солдат и гитлеровских наемников попадали в плен) враги откатывались на запад.

Агрессоры зверствовали в оккупированных районах, расстреливали и вешали; отступая под натиском советских войск, фашисты бешено сражались за каждый метр земли, за каждый квартал, за каждый дом, оставляли за собой сожженные руины... На все города, села и деревни нашей страны сыпался бесконечный снег похоронок.

Ненависть к фашистам – не плод коммунистической пропаганды, а деяние их собственных окровавленных рук.

Но руководство страны многократно сообщало в печати и по радио о гуманном отношении к военнопленным на всей территории Советского Союза, и это были не просто слова.

Например, согласно «Положению»* нормы продовольственного и вещевого снабжения военнопленных были не ниже норм, установленных для тыловых частей Красной Армии: «Хлеб из муки простого помола – 600 г, крупа (всех видов) – 90 г, мясо – 90 г, рыба – 10 г, сало и комбижир – 15 г, масло растительное – 15 г, сахар – 17 г, картофель – 600 г, и, наконец: лавровый лист, перец, уксус».

Пунктом 12 «Положения» утверждалось, что военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с тыловыми частями военнослужащих Красной Армии.

Но казалось ли это справедливым тем, кто проводил пункты «Положения» в жизнь, – тем тысячам людей, которые непосредственно работали с военнопленными? Ведь многие из них теряли на войне родных и близких, покидали свои дома, уезжали в неизвестность в эшелонах эвакуации, мерзли, голодали – и все это из-за тех, кого им выпало кормить и лечить «на одинаковых основаниях»... В книге приводится множество воспоминаний свидетелей и участников тех событий: люди сами отвечают на непростые вопросы, поставленные перед ними судьбой. Простые вятские люди.

Когда население Европы задыхалось в коричневом тумане фашизма, а советские воины сражались с полчищами фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, в СССР были организованы госпитали для лечения раненых и больных военнопленных (далее по тексту – спецгоспитали, СГ).

Отвоевавшие свои солдаты Паулюса и стали первыми пациентами спецгоспиталей в Кировской области. За время второй мировой войны в нашей области было организовано 11 спецгоспиталей. Причем речь идет именно о целенаправленных лечеб-

*Из других пунктов «Положения о военнопленных» упомянем:

Пункт 2. Воспрещается:

а. Оскорблять военнопленных, жестоко обращаться с ними.

б. Применять к военнопленным меры принуждения с целью получения сведений от них.

в. Отбирать находящиеся при военнопленных белье, обувь и другие предметы личного обихода.

Пункт 11. Военнопленным разрешается носить их форменную одежду и знаки отличия.

Пункт 20. Офицеры и приравненные к ним военнопленные могут привлекаться к работам лишь с их согласия.

Пункт 21. На военнопленных, привлекаемых к работам, распространяются постановления об охране труда и рабочем времени, применяемых в данной местности к гражданам СССР, работающим в той же отрасли труда.

Пункт 25. Использование труда военнопленных воспрещается:

б. Для обслуживания личных нужд администрации учреждений, а также личных нужд других военнопленных (деньгишество).

ных учреждениях, устроенных для больных и раненых военнопленных, а не о трудовых лагерях.

Не только у нас, но и на территории других регионов СССР, включая Украину и Белоруссию, под СГ приспособляли «гражданские» здания или, согласно вышедшему в 1942 году совместному распоряжению ОПВИ НКВД и НКЗ РСФСР, преобразовывали госпитали, первоначально предназначавшиеся для лечения солдат и офицеров Красной Армии.

По архивным документам и воспоминаниям участников событий мне удалось проследить деятельность кировских спецгоспиталей начиная с их наполнения военнопленными в 1943 году.

Весной 45-го, когда над Рейхстагом реяло Знамя Победы, деятельность кировских СГ не прекратилась.

Фронтовики вернулись к мирному труду, страна поднималась из руин, а в три оставшихся в области спецгоспиталя (№ 1773, № 3171, № 2074) военнопленные продолжали поступать до 1947 года**.

***

Главная цель организации спецгоспиталей никогда не скрывалась. В.М. Молотов прямо говорил: «Если каждый военнопленный по возвращении на родину скажет правду десяти немцам о том, как его содержали в плену, тогда миллионы немцев, австрийцев и других народов будут знать правду».

Что же получилось в реальности? Как на деле была организована госпитальная помощь военнопленным?

Прежде всего, нужно отметить, что во всех спецгоспиталях продовольственное, медицинское и вещевое довольствие было гораздо лучше, чем в госпиталях для лечения защитников Отечества.

Штаты врачей, медсестер, других сотрудников СГ комплектовались за счет эвакуированных госпиталей, а также из медсотрудников, прибывших к нам с общими потоками эвакуации из оккупированных немцами регионов.

Из сохранившихся документов, в частности, списков личного состава видно, что в СССР, вероятно, не было медицинского вуза, техникума, выпускники которого не работали бы в спецгоспиталях нашей области.

О качестве медицинского обслуживания в СГ можно судить по ответам современных германских врачей на запросы родственников умерших у нас военнопленных. «Лечение производилось на уровне, соответствующем медицинской науке данного времени».

**ГАКО Фонд Р – 2248, оп. 6, дело 269.

«Ежедневная статистика загрузки спецгоспиталей Кировской области 1946–1947 гг.»

В то же время (военное время!) в зависимости от местных условий не все пункты «Положения о военнопленных» оказались реально выполнимы. Все усилия страны были направлены на разгром фашизма. Советские люди в городах, селах и деревнях падали и умирали от голода, болезней и непосильного труда. Смысл жизни был один на всех: «Все для фронта! Все для Победы!».

И наши вчерашние враги, военнопленные, это понимали.

В г. Халтурине военнопленный врач, спасший в СГ № 3160 жизнь многим людям, – а это был сорокалетний австрийский ученый Конрад Лоренц, который вряд ли предполагал, что в 1973 году станет лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине, – в 1944 г. говорил: «Русские дают нам столько, сколько могут, они и сами сейчас голодают». И это верно: давали, сколько могли и даже больше. Ведь по сравнению с ранеными и больными бойцами Красной Армии военнопленные пациенты были едва ли не в привилегированном положении.

В этой связи интересно упомянуть о научной комиссии федерального правительства Германии по истории военнопленных, которая вела опрос военнопленных, вернувшихся домой после окончания второй мировой войны. В публикациях Комиссии, дошедших до российских читателей, даже нет упоминания о том, что советские спецгоспитали, куда из-под Сталинграда попали раненые и больные солдаты Паулюса, снабжались наравне, а зачастую лучше, чем эвакогоспитали для красноармейцев.

Впрочем, надо отметить, что тема эта действительно непростая для исследователей. Все документы, относящиеся к лечению, обеспечению вещевым и продовольственным снабжением военнопленных, оставались под грифами «Секретно», «Строго секретно», «Копированию не подлежит» до начала девяностых годов прошлого века. Туман секретности вокруг СГ был настолько плотным, что до конца не развеялся даже с распадом СССР. Часть документов, относящихся к функционированию спецгоспиталей, недоступна для ученых и краеведов до настоящего времени. Вот почему некоторые документы ГАКО, свидетельствующие о гуманном отношении к военнопленным в Кировской области, отправлены мной ученым федерального фонда ФРГ «Память, Ответственность и Будущее». Так сказать, для большей ясности.

Инструкции НКВД запрещали не только разглашение каких-либо сведений о спецгоспиталях, но и любые разговоры с военнопленными на темы, не относящиеся к лечению. Даже спустя 60 лет мне с большим трудом удавалось уговорить (и то не всех) состарившихся врачей, медсестер, санитарок поделиться воспоминаниями. До самых глубин въелся в души людей этот страх – эта тень занесен-

ной над головой карающей дубины, эта дрожь в ожидании «назидательной беседы» оперативника НКВД и скорого на расправу суда... «Наши подруги сгнули за такие разговоры», – плакали старушки.

Государство умело хранить свои секреты. И все же от местных жителей трудно было утаить, что пленных обеспечивают лучше, чем «наших сокольников», красноармейцев. Чтобы успокоить население, была пущена легенда: содержание военнопленных в СССР якобы полностью взял на себя Международный Красный Крест (МКК). Вброс этой идеи в общественное сознание настолько силен, что до сих пор некоторые жители (в том числе и молодые) тех мест, где были спецгоспитали, думают, что так оно и было: МКК полностью содержал военнопленных в СССР.

Документов, подтверждающих эту версию, мне в Кирове найти не удалось. Единственное косвенное документальное свидетельство о той роли, какую хотел бы, видимо, сыграть МКК, можно увидеть в публикации Сырокамского, обнаруженной, но, к сожалению, не атрибутированной сотрудниками ГАСПИ КО: «Второго декабря 1941 года Уполномоченный Международного Красного Креста К. Бутхардт пытался убедить Посла СССР в Великобритании Майского, что правительство СССР, разрешив делегатам МКК посещать лагерь для военнопленных у себя, прежде всего позаботится о своих соотечественниках в немецком плену. В противном случае есть опасность, что немцы запретят делегатам МКК посещать лагерь для советских военнопленных в Германии. Посол Майский обещал поддержку, но поступило распоряжение из Москвы: “Всякие переговоры о военнопленных прекратить!”».

***

Мысль рассказать современникам о пребывании военнопленных в Кировской области появилась у меня не сразу. И появилась эта мысль благодаря одной счастливой встрече.

Первоначально у меня было лишь желание рассказать о тяготах, выпавших во время войны медицинским сотрудникам эвакуационных госпиталей. Я много ездил по области, встречался с людьми... И однажды в электричке разговорился с бабушкой Шурой, которая во время войны была санитаркой спецгоспиталя, то есть госпиталя для спецконтингента – раненых и больных военнопленных.

Ее воспоминания меня потрясли...

Вскоре выяснилось, что собирать сведения о спецгоспиталях – дело очень непростое. Но чем труднее было находить материалы о спецгоспиталях и живых участников и свидетелей, способных о таких спецгоспиталях рассказать, тем сильнее увлекало меня исследование.

И вновь кропотливые поиски в архивах. И поездки, поездки, поездки – встречи с людьми из ушедшего от нас поколения...

Сухие строки документов, отпечатанные на тех еще канцелярских «ундервудах»... Пожелтевшие фотоснимки, на которых такие молодые лица... Поседевшие ветераны, их живые взволнованные слова... О многом приходилось мне задуматься, многое переосмыслить.

И вот что, по-моему, особенно важно: пережив войну и мучительные голодные послевоенные десятилетия, наполненные неподъемно-тяжким трудом без сна, выходных, отпусков, наши постаревшие ветераны, труженики тыла по праву гордятся причастностью к Победе над фашизмом; но в них нет ни капли ненависти к бывшим врагам.

Но это сейчас, а так ли было в те дни и ночи, когда к нам, в Кировскую область, в вятский край, эшелонами везли раненых и больных солдат и офицеров любимца Гитлера – Паулюса? Неужели и тогда ненависть не туманила глаза вятским людям, потерявшим своих родных на фронтах войны?

Я постоянно задавал этот вопрос на встречах с участниками событий. И что я слышал в ответ? Пусть разными словами, но по сути, по смыслу мне все отвечали одинаково – так, как учитель Нечаев.

Нечаев сказал: «О том, что у нас в Лузе жили и работали военнопленные, по округе знали все. В том числе те, кто оплакали, отголосили, отпричитали потерю близких людей в этой проклятой войне, кто получил в ней ранения, контузии, увечья. Но все, с кем приходилось говорить о военнопленных, не могли назвать примеров злобы, нападений, выкриков – любых проявлений неприязни к этим людям, в сущности, не виноватым, что их послали на эту разбойничью войну».

Вспоминаю и моего отца, вятского крестьянина Семена Алексеевича Кирьякова, с 13 лет исходившего с плугом все поля в окрестностях нашей деревушки. Он был призван 16.08.1941 г. в 222-й артполк орудийным номером, воевал телефонистом 244-го артполка и закончил ручным пулеметчиком 364-го стрелкового полка. Комиссован после тяжелого ранения и лечения в госпитале в январе 1944 г.

С осколками в спине прожив до 80 лет, он не уставал мне повторять:

– Немцы такие же люди, как мы. Нельзя жить ненавистью!

Видимо, нужно отдельно сказать о главе, посвященной работе трудового лагеря № 101 для военнопленных. Эта стоящая не-

сколько особняком глава об одном из лагерей Вятлага появилась после того, как я случайно наткнулся на протоколы партийных бюро и собраний Управления лагерем. В моих руках оказались небрежные, зачастую совершенно безграмотные записи секретарей, разрозненные фразы и цифры. И все же это были любопытнейшие, по-своему весьма красноречивые документы! Казалось, что властная репрессивная система написала автопортрет и вывернула наизнанку свое чудовищное чрево... Знать о таких вещах правду необходимо хотя бы для того, чтобы они никогда не повторялись.

***

О книге судить читателю. Я могу лишь пожелать, чтобы это был читатель, выбирающий не псевдоисторические приключения, а правдивую историю своей страны.

В книге о спецгоспиталях, естественно, много места уделено вопросам лечения и обеспечения эпидемиологической безопасности. Полагаю, что проблемы, которые пришлось решать врачам в спецгоспиталях Кировской области, могли бы стать предметом серьезного изучения для современных ученых: в наше время очень важно еще раз показать людям, как война воздействует на личность человека, на его организм и психику.

Книга не претендует на исчерпывающую полноту и законченность. Поскольку основная часть хранившихся в Кирове документов была отправлена в г. Подольск, в архив Министерства обороны, там и предстоит продолжить исследовательскую работу. Но при открытии доступа к засекреченным пока документам ГАКО, ГАСПИ КО, я думаю, картина будет дополняться и здесь, в нашем вятском крае, ставшем по воле истории местом действия значительных и трагических событий.

***

За помощь в работе выражаю искреннюю благодарность Каролине Нэве, сотруднице Восточноевропейского отдела радио «Дойче Велле».

Благодарю за проявленное внимание к письмам и документам уважаемых граждан ФРГ – господина М. Цандера из Международной службы поиска, господина Ментце из центрального архива г. Аахен, а также историков фонда «Память, Ответственность и Будущее».

Борис Кирьяков

ВЯТКА ИСЦЕЛЯЮЩАЯ

ПРИНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Пребывание военнопленных на вятской земле и реальная жизнь окружающего населения находились в такой тесной и сложной взаимосвязи, что исследовать одно в отрыве от другого просто невозможно.

Как было уже сказано во вступительной части, условия содержания военнопленных на территории СССР определялись «Положением о военнопленных», подписанном И.В. Сталиным первого июля 1941 года.

Напомню, что согласно «Положению» нормы питания военнопленных должны были соответствовать нормам для тыловых частей Красной Армии. Возможно, кому-то покажется, что это частный вопрос, на котором не следует особенно задерживаться. Нет, дорогие читатели, это вопрос чрезвычайно важный, без его рассмотрения невозможно понять сложность проблем, связанных с военнопленными.

Давайте представим себе, что было на чашах исторических весов.

С одной стороны, Сталин и его окружение думали не только о сиюминутной ситуации, но и о завтрашнем дне – о расстановке сил на мировой арене после окончания войны. Военнопленные вернутся в Европу и, рассказывая о том, как гуманно с ними обращались (например, в той же Кировской области), вольно или невольно станут пропагандистами и агитаторами социализма, советского образа жизни, причем такими агитаторами, которым невозможно не поверить. С другой стороны, сотрудники госпиталей, местное население, простые труженики тыла не заглядывали так далеко. Их непосредственная реакция на то, что «фрицев кормят лучше, чем наших», была неоднозначной.

Вот что в октябре 2000 года рассказала А.И. Ильинская (Фалалеева), бывшая старшая сестра-хозяйка спецгоспиталя № 2074, организованного на станции Пинюг Северо-Печорской ЖД (как все первые спецгоспитали в Кировской области, этот СГ был образован на базе обычного тылового красноармейского госпиталя): «Недолеченных красноармейцев вывезли в Слободской перед декабрем 1942 г. Мы, сотрудники, белили, красили, утепляли здания и слушали многочисленные инструкции и наставления. Учились, как следует себя вести с военнопленными: не ругать, не оскорблять, быть культурными, соблюдать чистоту».

В Пинюге все – от врачей до санитарок – разгружали вагоны. Продукты завезли с запасом на 20 дней. Мука для белого и черного хлеба, свежее и копченое мясо и рыбу, сало, сухофрукты для компотов. Даже красную рыбу доставили. А еще сахар, всякие жиры. Из ближайших колхозов через РПС поставляли масло сливочное, молоко, сметану. Даже в 2000 году Ильинская не могла скрыть давнюю обиду: «Мы многих продуктов, доставленных *им*, до войны и не видели. Продуктов, поставленных американцами, и подавно: яичный порошок, тушенку, сало копченое»... Примерно так же было и в СГ № 1773.

А вот замена красноармейцев военнопленными в кайских госпиталях № 3007 и № 3171 (и, по крайней мере, еще в четырех госпиталях области в 1944 году) проводилась без предварительной подготовки в срочном порядке. Ни о каком запасе продуктов не могло быть и речи.

Но и там, где запасы были сделаны, продукты быстро кончились. Об этом замполиты спецгоспиталей докладывали в первых же донесениях.

Так, в июле в 1943 года замполит Гарцман сообщает из СГ № 3171: «То отсутствует наряд на мясо, то на складе НКО № 1269 в Кирове нет сахара, рыбы, масла». Документально отмечены нарушения поставок и в другие места, например, в Рудничный, где дислоцировались СГ № 3171, СГ № 3007, а по округе были разбросаны отделения лагеря № 101. Пищевое снабжение производилось по линии НКО. На первых порах и раненые красноармейцы, и военнопленные получали продукты на общих основаниях. Однако к середине 1943 года наметился перекосяк... в пользу пленных!.. Василий Михайлович Шуралев, раненый красноармеец Ленинградского фронта, проходил лечение в СГ № 3339, в Кирсе. Как же накипело на сердце у бойца, если 16 апреля 1943 года он решился написать в Кремль товарищу Сталину: «В соседнем госпитале, где лечат военнопленных, им дают суточно: 0,5 кг хлеба, масло, сахар. Мы, защитники Отечества, потерявшие в борьбе свою силу и кровь, получаем суточно 0,6 кг хлеба, пшеничную кашу и горькую черную капусту. Мы считаем, что здесь есть вредительство».

В Кирове за доставку и распределение продуктов отвечал ЭП-22. По его данным, за 1943 год госпиталям области недопоставлено продуктов:

мука для белого хлеба – 807 т,
рис – 64 т,
рыба – 310 т,
молочные продукты – 1430 т,
картофель и овощи – 1178 т,
сухофрукты – 61 т.

Количество раненых и больных, поступавших в область, постоянно увеличивалось: если в первом полугодии 1943 года их было 35 тысяч, то во втором полугодии 1944-го уже 45 тысяч. Продуктов питания не хватало. Но как только они поступали на склады НКО, они в первую очередь направлялись в госпитали для военнопленных.

Инспектирующий доктор Мышкин 6 июня 1944 г. телеграфирует в ОК ВКП(б) и командованию ЭП-22: «Прошу принять меры к обеспечению мясом спецгоспиталей № № 1149, 1733, 3947, 3007, 3171. Основной контингент в них больные дистрофией, а мясо – главное условие лечения».

Итак, военнопленным – мясо. А советским раненым бойцам?..

Летом 2004 года 80-летний А.К. Антипин, бывший пациент одного из крупнейших госпиталей г. Кирова – ЭГ № 1773, вспоминал: «Основным блюдом лечившихся тогда красноармейцев была пшенка».

Но и в спецгоспиталях вопрос «Как накормить людей?» в соответствии с нормами «Положения о военнопленных» был на первом плане.

Вот пример: в СГ № 1773 с прибытием военнопленных потребление хлеба возросло в три-пять раз, старая пекарня уже не справлялась. За короткий срок силами сотрудников и выздоровевших военнопленных были построены новая пекарня и пищеблок. Госпиталь стал образцом организации качественного питания военнопленных. Люди порой делали невозможное. Был случай: врачи порекомендовали ввести в рацион группы военнопленных свежие помидоры. И что же – нашли! И это в голодном, лютом феврале 1944 года!

Высоких результатов в организации питания военнопленных добился и СГ № 1952 в том же Оричевском районе. Но чего это стоило! Мысленно перенесемся в 1945 год... Весна. Посевная. А где машины МТС – моторно-тракторной станции? Их не видно. Техника «на приколе»: нет горючего, запчастей, шоферов... На полях работают 470 буренок и быков!.. Однако здешние спецгоспитали (их два) не знают отказа в колхозных лошадях – и с железнодорожной станции Киров доставка продуктов питания для военнопленных идет в Тарасовы и Оричи без задержки. Оба госпиталя имеют полуторки.

Иная ситуация в Кайском крае, Белой Холунице, Верхошижемье: поставки продуктов в размещенные там спецгоспитали задерживаются. Причины: плохое состояние дорог и нехватка вагонов, машин и лошадей. Именно эти проблемы вынудили командование ЭП-22 поставить вопрос перед НКО СССР о передислокации СГ № 1149 и СГ № 3947 в освобожденные Запорожье и Белоруссию.

В белохолуницкий СГ № 1149 продукты питания, лекарства, инвентарь и самих военнопленных приходилось доставлять на

подводах с железнодорожной станции Слободской – а это без малого 45 километров. Продукты для СГ № 3947 в Верхошижемье (затем в Пищалье) возили со станции Котельнич – это 85 км. Весенние и осенние распутицы делали дороги непроезжими и даже непроходимыми. Останавливалось всякое движение. Да и лошадей большинству госпиталей не хватало. Местная власть требовала, чтобы их выделяли ближайшие колхозы, но и там для работы на полях запрягали быков и коров.

В спецгоспиталях уже в 1943 году были отмечены попытки обмена военнопленными вещей на хлеб, молоко, табак.

В донесении замполита Эпштейна читаем: «Шеф-повар кухни СГ № 3007 К., через посредничество итальянского военнопленного Поли Эрнесто, взяла золотое кольцо у Марио Полоски, в обмен за обещание расплатиться 2 буханками хлеба и 4 пачками табаку. Обещание не выполнила и кольцо вернула под угрозой наказания. Виновной себя признала. К. исключена из членов в кандидаты ВКП (б), уволена с работы из госпиталя и отдана под суд». Надо ли говорить, что суд военных лет не был «самым гуманным судом в мире»...

У командования спецгоспиталей был только один выбор – самостоятельно решать труднейшую задачу обеспечения военнопленных продуктами питания, причем продуктами высококачественными! Любой ценой, любыми способами. Это и организация госпитального подсобного хозяйства, и налаживание отношений с ближайшими колхозами, с хозяевами личных подворий, и даже участие в каком-то неофициальном подобию теневого рынка.

В подсобных хозяйствах пытаются растить картофель, горох, зерновые культуры, овощи, табак; держат коров, телят, свиней, лошадей. Получается не у всех. Не удается правильно организовать дело, сказывается отсутствие специалистов, неэффективно действуют местные власти. Но вот руководство госпиталя № 2074 каким-то образом сумело преодолеть эти трудности. Госпитальное подсобное хозяйство было организовано весьма умело. Здесь выращивали овощи, картофель, капусту, зерновые. Содержали коров и свиней.

Но надо отметить одно важное обстоятельство: с отбытием красноармейцев и поступлением военнопленных госпитали сразу лишились добровольной помощи населения из ближайших колхозов. В первой половине 1943 года замполиты спецгоспиталей сообщают, что «вся лечебная и хозяйственная работа ведется силами сотрудников». Если подсобные хозяйства еще как-то держались, то лишь благодаря их самоотверженному труду. Это были в основном женщины.

И все же, несмотря на энтузиазм сотрудников, подсобные хозяйства, за редким исключением, себя не оправдали. Но почему?

Прежде всего, свобода действий руководства госпиталей была жестко ограничена директивными документами, бесчисленными проверками, контролем со стороны РК, ОК, ЦК ВКП (б); УралВО, НКВД – всех уровней. Но были и другие причины... Участки для подсобных хозяйств выделяли колхозы. Как правило, это были какие-то неудобные для обработки, неплодородные куски земли вдалеке от поселка. Да и те выделялись так поздно, что уже не было возможности их удобрить. Случай в СГ № 3171 довольно типичен. В 1944 году картофель, посаженный в количестве 10 тонн, принес 7 тонн урожая. Часть овощей местные жители стравили скоту. Из-за отсутствия тары запоздали с засолом капусты. Она замерзла.

Отчаянно не хватало рабочих рук. Использование труда выздоровевших военнопленных запрещалось совместной инструкцией НКЗ и НКВД РСФСР, но этот запрет повсеместно нарушался.

Был еще один способ хотя бы частично улучшить питание военнопленных (правда, при желании этот способ легко можно было представить как незаконный): работа на полях ближайших колхозов за натуральную плату – мясом, молоком, сметаной, маслом, свежими овощами и другими продуктами.

И для руководства госпиталей, и для колхозного крестьянства это был своеобразный НЭП – новый экономический порядок, новые, не принятые прежде отношения. Ведь еще недавно те же колхозы шефствовали над госпиталями, помогали совершенно безвозмездно. Да, помогали, но кому? Раненым и больным красноармейцам. Своим героическим защитникам. А с военнопленными отношения выстраивались весьма прагматично, можно сказать, по законам рынка, что, впрочем, европейскому сознанию пленных было и привычнее, и понятнее. Начальник госпиталя, рискуя получить нагоняй со всех сторон (от НКВД, обкома партии, райкома партии, Уральского ВО и других контролирующих структур), договаривался с председателем колхоза примерно так: «Председатель, у тебя в работниках одни бабы, подростки и старики. А у нас – выздоровевшие военнопленные. Мужские руки». И куда деваться председателю? Он соглашался.

Пример таких отношений – работа итальянцев из дислоцированного вблизи Кирова отделения лагеря № 307 в знаменитом колхозе «Красный Октябрь» Вожгальского района. Документально подтверждены подобные взаимовыгодные отношения военнопленных лагеря № 307 УНКВД с Унинским районом. Отмечена работа выздоровевших военнопленных в колхозах Кайского рай-

она, где райком ВКП(б) – редчайший случай! – даже объявлял группе военнопленных в 1944 и 1945 годах благодарности за работу на колхозных полях.

Но где-то там, наверху, заботились о военнопленных, кажется, больше, чем сами военнопленные. И вот уже начальник СГ № 3171 И.Я. Брагинская вынуждена оправдываться – в «инстанции» на нее поступила жалоба: использовала труд военнопленных. Брагинская дает письменное показание начальнику УНКВД Кировской области: «Выздоровевшие военнопленные трудятся на посадке капусты в колхозе «Балаковский» по 4–8 часов в сутки. Таков же режим их работы в колхозе «Новая жизнь». Колхоз выделил для военнопленных помещение и улучшенное питание с молоком и мясом, свежими овощами. Для сохранения сил обед доставляется на место работы. Никаких нечистот военнопленные не вывозят и не вывозили... В то же время наши сотрудницы трудятся на полях по 10-12 часов».

Командование спецгоспиталей находилось между молотом и наковальней. Не сумел обеспечить военнопленным должное качественное питание – отвечай по закону. Не сумел организовать пищевое обеспечение строго в рамках закона – отвечай!

Закон, например, запрещал любые контакты военнопленных со спецпереселенцами. Легко ли было в таких условиях взаимодействовать с колхозами?..

Замполит СГ № 3171 Гарцман пишет: «Специфической особенностью нашего района по линии транспорта является ряд запрещенных зон для выезда лошадей. Для «помощи» районный УНКВД посылает человека на границу зоны. Картофель или овощи, например, привозятся на границу зоны, перегружаются на подводы возчиков, которым разрешается контакт с военнопленными».

В СГ № 3007 и СГ № 3171 пошли на смелый шаг: часть крупы и овощей стали обменивать у местных жителей на молоко, масло, творог, сметану – эти продукты были совершенно необходимы для больных военнопленных, страдающих дистрофией (а таких было большинство). Некоторым военнопленным командование госпиталей разрешало бесконвойный выход в населенные пункты, чтобы наниматься на работы и в качестве оплаты получать продукты. Хозяйки крайне нуждались в помощи: залатать крышу, прочистить колодец, печь починить, нарубить дров, вспахать землю... Дел невпроворот. Чтобы оплатить работу, женщины, потерявшие на войне мужей, сыновей и братьев, специально откладывали часть продуктов, если, конечно, были для этого хоть какие-то возможности. Но чаще хозяйки сами голодали, ведь содержать коров им не по силам... И сплошь и рядом: запреты.

Начальник СГ № 3007 Морозов Г.А. разрешил своему начпроду продать урожай картофеля с подсобного хозяйства осенью 1944 года, чтобы можно было добавить в рацион тяжелобольных военнопленных молоко и другие высококачественные продукты. В феврале 1945 года местная милиция отправляет на него жалобу в область. «Весь картофель в госпитале осенью купил спец. переселенец. В феврале он заполонил поселок картофельными котлетами, которые продает». Это был один из тех бесчисленных доносов, на которые огромная государственная машина реагировала быстро и однозначно. УНКВД Кировской области немедленно запросило оперуполномоченного Касаткина... Но, к счастью, Касаткин ответил: «Данный поступок не относится к уголовным преступлениям». И на том инцидент был исчерпан.

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ...

Этот рассказ об условиях, в которых работали сотрудники спецгоспиталей, днями и ночами выхаживая раненых и больных военнопленных, хочется предварить простыми и точными словами из песни П. Фоменко и В. Баснера.

*Сестра и брат... Взаимной верой
Мы были сильными вдвойне,
Мы шли к любви и милосердию
В немилосердной той войне...*

Придирчивый читатель, возможно, заметит, что «милосердных войн» история рода человеческого вообще не знала. Это верно. Но до середины двадцатого столетия история не знала и такой огромной жертвенно-кровавой войны, как вторая мировая...

Но по нашей вине она перешла в многолетнюю «холодную войну», дыхание которой ощущается до сих пор. Современные западные обыватели в большинстве своем пребывают в полной уверенности, что Гитлера победил дядя Сэм. Их так учили. Гитлер – это страшно, это холокост, шесть миллионов убитых евреев! Разве могли победить великого и ужасного фюрера, посланника Люцифера, какие-то дикие, «недемократизованные» русские? Другое дело веселые и brave американские парни, это они, пощелкивая затворами, как зажигалками «зиппо», и распевая песенку «Янки-Дудль», спасли мир от коричневой чумы.

Но давайте не будем уподобляться западным идеологам-кукловодам. Не будем умалять достойную роль союзников по антигитлеровс-

кой коалиции. Не надо забывать, что их помощь сражающейся советской стране началась еще до открытия в 1944 году второго фронта: английские конвои, атакуемые немецкими эсминцами и подлодками, начали доставлять в наши северные порты военную технику.*

Но и мир спасенный, нравится это ему или нет, должен свято помнить, что своей жизнью он прежде всего обязан советским солдатам-освободителям.

Наше счастье, что Россия, пусть еще не вполне, но все же оправилась от постперестроечной эпидемии беспамятства. Сейчас юноши и девушки с георгиевскими ленточками на лацканах и рукавах первыми встают на защиту памятников воинам-освободителям.

А защищать, увы, есть от кого! Русский солдат так потряс поработавшую Гитлером Европу, что до сих пор, спокойно возвышаясь над ней в бронзе и мраморе, никак не дает покоя реваншиствующим господам, хорошо и правильно питающимся, но, видимо, страдающим амнезией. (Кстати, не повод ли для размышлений: насколько известно, шумная война радикалов всех мастей с памятниками солдатам-освободителям характерна лишь для стран-осколков разбившегося вдребезги социалистического лагеря, но не для современной Германии).

В нашей стране о фронтовых подвигах написаны книги, сняты фильмы художественные и документальные... А вот о тружениках тыла – во всяком случае, о вятских – рассказано крайне мало.

Молодым читателям, вероятно, не раз встречалась в учебниках фраза: «Труженики тыла всем, чем могли, помогали фронту». Фраза верная. Но, глядя на то, как нынешние русские богачи «помогают» всем прочим, молодой читатель может понять и так: если эти тыловики кому-то помогали, то, наверное, сами-то жили сносно, вот и помогали, когда появлялись какие-то излишки. Так сказать, «от щедрот».

Да нет, друзья, какие там излишки! Все было по-другому. С военных лет осталась емкая, монолитная формула: «Победа ковалась в тылу!»

Понимайте так: Победа ковалась и в нашей Кировской области.

С полным напряжением сил.

В сложнейших условиях.

Прежде всего, всех людей – и своих, вятских, и эвакуированных, и прибывших на госпитальное лечение – нужно было кормить. Крыша над головой и нормальная человеческая еда – самые первые, самые главные тыловые вопросы.

* Я встречался с Евдокией Ходыревой, летавшей радисткой на американских «Дугласах». Эти самолеты летели с Аляски и Чукотки до Красноярска, где плоскости с них снимали, чтобы дальше гнать ж/д платформами к фронту. Экипажи возвращались из Красноярска за новыми машинами.

С жильем и размещением было, может быть, немного проще. А вот обеспечение питанием – это по тем временам уже и не вопрос, это проблема. Кировская область даже в лучшие мирные годы никогда не была ни «всесоюзной здравницей», ни «всесоюзной житницей», а тут война...

Раненые и больные фронтовики вряд ли представляли себе, что их отправляли в край, где женщины, старики и дети работали от зари и до зари, от темна и до темна, чтобы хоть что-нибудь получить от скупой северной вятской земли.

Имена простых работников тыла не сверкают на мемориальных досках и обелисках, но их подвиг, без преувеличения, бессмертен так же, как подвиг советских солдат, проливавших кровь на фронтах.

Наши земляки делали все возможное и невозможное, чтобы не позволить призраку голода, этому вечному спутнику всех войн, собирать свою страшную дань.

Кстати, напомним, что паспортов у колхозников не было, перебраться в другие, более плодородные места они не могли. Питались крайне скудно, не доедали практически все, даже те немногие колхозники, у которых были свои хозяйства. Ведь каждый колхозник, имеющий личное хозяйство, обязан был ежегодно сдавать государству продукты по следующему списку: мясо – 40 кг; молоко – 230 кг; яйца – 75 шт.; овощи, картофель, зерно – по 8 кг; а также часть овечьей шерсти и даже половину шкуры забитого домашнего животного! Заметьте: не продавать продукцию, а именно сдавать, то есть отдавать бесплатно – как произведенную колхозом! Причем дополнительно к налогам – сельскохозяйственному, подоходному и холостяцкому (холостяцкому налогодобложению подвергались юноши после 16 лет, не имеющие детей).

Интересный факт: на каждый вид сданного продукта колхозники получали квитанцию определенного цвета – розовую, голубую, белую, салатную. Эти разноцветные квиточки были документами, по которым государство обещало впоследствии расплатиться. Но к 60-м годам, когда «неперспективные» деревни (а таковых по воле партии оказалось большинство) ликвидировались, никакой надежды у крестьян на то, что государство с ними рассчитается, уже не было – люди бросали насиженные места и уезжали в города, в неизвестность, а квитки просто выбрасывали. Над опустевшими улицами деревень бушевала разноцветная метель.

Читатели уже знают, что жизнь многих спецгоспиталей разделилась на два периода: первый, очень трудный, – когда госпита-

ли были переполнены ранеными и больными красноармейцами; и второй, еще труднее, – при военнопленных.

Многие спецгоспитали Кировской области еще до прибытия военнопленных успели обзавестись подсобными хозяйствами, как подспорьем в организации питания медицинских сотрудников.

Обратимся к примерам: в сентябре 1943 г. в СГ № 3171 заводят двух коров. Конечно, по 13-17 литров от буренки – совсем немного, но ведь это не порошковое, а натуральное молоко. Его выдают эвакуированным сотрудницам, имеющим детей!.. Для прокорма коров и лошадей выделяются покосы. На 23 гектарах «подсобной» земли старательно выращивают картофель, капусту, лук, морковь, огурцы, помидоры, овес, ячмень, бобы и горох. Все это предназначалось сотрудникам госпиталя, но с прибытием военнопленных медперсоналу практически ничего не достается: дистрофия – бич военнопленных – вынуждает продукты с подсобных хозяйств отдавать пациентам.

А велико ли было централизованное снабжение продуктами врачей, медсестер, санитарок? Вот типичный пример: для питания более чем 200 человек личного состава СГ № 3007 за 2-й квартал 1943 года со складов НКО выдано 125 кг мяса, 20 кг сахара. Получая свои скудные пайки, медработники еще не знали, что скоро будут лишены и этого. Продуктовые карточки превратятся в пустые бумажки: их перестанут отovarивать...

Медсотрудники, набранные из местных жителей, еще как-то кормились за счет личных подворий. Эвакуированным особенно тяжело. Ведь многие из них, собираясь в панике и спешке, не успели взять с собой даже самые необходимые личные вещи, а ведь сорванных с родных мест людей эшелоны везли не в теплые края... В большинстве своем эвакуированные кормились лишь за счет милосердия местного населения.

Только представьте себе: раннее предрассветное утро... Морозные узоры в оконце избы понемногу светлеют, но в комнате еще сумрачно. Женщина умывается ледяной водой из раковины. Собираясь на работу в госпиталь, она старается не скрипнуть половицей: за ситцевой занавеской спит ее ребенок... Что снится малышу? Может быть, родной дом, еще не сгоревший от зажигательной бомбы; солнечный двор с песочницей, руки отца, запах стиральной и отглаженной гимнастерки... А может быть, снится большой лязгающий эшелон, суровые дяди и тети, мешки, чемоданы – и во сне мальчик снова прижимается к вагонному окну, боясь, что мама не вернется с кипятком, останется на станции... Во сне хочется плакать.

Мама осторожно целует сына и, застегнув телогрейку, выходит на улицу...

Вот он – поселок Рудничный. Вокруг поселка, это знают все, находятся лагеря с заключенными, есть места, где живут спецпереселенцы, контакт с ними строго запрещен. Поправив плавок, женщина торопливо идет к госпиталю: ее ждут пациенты – немецкие, австрийские и прочие военнопленные, которых никто не просил являться на нашу землю, но которым сейчас очень нужна помощь. Их нужно кормить и лечить... лечить и кормить... Господи, как ей хочется есть!..

Из сообщения замполита СГ № 3171 Гарцмана: «Чтобы найти продукты, надо удалиться из поселка на десятки километров. Вахтеры, канцелярские работники НКВД, повара нашего госпиталя, наконец, все сотрудники лагеря № 101 по соседству поставлены на продуктивное довольствие. Мед. сотрудники у нас и в соседнем госпитале № 3007 – нет! Медсестре или санитарке, заменяющей вахтера, в еде все равно отказано».

Шестого июля 1943 года замполит СГ № 3171 Гарцман пишет в обком партии:

«С переходом госпиталя на обслуживание военнопленных вопрос питания всего личного состава приобретает исключительную остроту.

Аргументы, убеждающие советского патриота и патриотку в необходимости хорошо питать бойца Красной Армии, защитника Родины, быстрее восстановить его здоровье, вернуть его в строй, вернуть свою силу в условиях госпиталя для военнопленных.

Большинство понимает, всем разъяснено и разъясняется, что пленного тоже нужно лечить и кормить, что его скорее надо отправить в лагерь на работу, что это диктуется международной обстановкой и т. д.

Но наряду с этим врач, медсестра, санитарка острее чувствуют свое неудовлетворительное, исключительно скудное питание».

Через два месяца после прибытия военнопленных в Верхошижемье в СГ № 3947 замполит Чиров сообщает в обком ВКП(б):

«40 человек личного состава больны тифом. Есть случаи смерти. Медсестры и санитарки сейчас поправляются. Но требуется помощь в части питания и фондов. Находясь в деревне, где нет рынка, продуктов они достать не могут. Все наши резервы исчерпаны, а наши сотрудники, из числа эвакуированных жителей страны, своих хозяйств не имеют. А ведь наши сотрудники: врачи, санитарки, медсестры – провели и проводят самоотверженную работу среди военнопленных, прибывших к нам в ужасном

состоянии (грязные, завшивленные, обмороженные, истощенные до теней»).

Часто отмечают попытки военнопленных (кроме немцев) подкормить голодных врачей, сестер и санитарок. Но для сотрудниц госпиталей это редко остается безнаказанным.

Санитарка П. (СГ № 1149) осуждена по обвинению в связи с военнопленным. «Связь» заключалась в том, что измученная голодом женщина съела еду, которую ей предложил итальянец. Срок наказания – один год лишения свободы. Год за колючей проволокой, год в лагерном бараке на холодных нарах, год каторжного труда, насилий и издевательств – за тарелку остывшего супа.

В 1945 году осуждены медсестра и диетсестра 5-го отделения СГ № 1952. «В отделении найдены припрятанные миски с молоком и компотом. По кухням и складам подобного не обнаружено».

Но нельзя не сказать, что и среди тех, кого называли «властью», были люди совестливые и ответственные. Они пытались обратить внимание высших инстанций на ненормальное положение дел. Руководство ЭП-22 еще в марте 1943 года обращалось в ОК ВКП(б): «Личный состав спецгоспиталей обслуживает инфекционных больных, а питается значительно хуже военнопленных».

Но все оставалось без перемен.

Из Оричей замполит СГ № 1952 в декабре 1944 года сообщал в обком партии: «Несколько сотрудниц из числа эвакуированных не могут регулярно выходить на работу из-за отсутствия зимней одежды и обуви. За два года нахождения госпиталя тут РПС выделило две пары валенок и три фуфайки!»

Почему-то эти две пары валенок и три фуфайки особенно поражают.

Три фуфайки – и постоянное, не прерывающееся ни днем, ни ночью добросовестное выполнение медицинских профессиональных обязанностей...

Три фуфайки – и заготовка дров, ремонт, а порой и строительство зданий и корпусов...

Несчастные три фуфайки, полученные за два года, – и авральные, помимо основной работы, выходы сотрудниц на поля ближайших колхозов, ежедневный труд в подсобном госпитальном хозяйстве, непременная помощь семьям фронтовиков, сбор вещей, продуктов, денег...

Две пары валенок. На всех сотрудниц госпиталя. На долгие два года...

Как же выстояли, как выдержали неопишущую фантазмагорию военных дней и ночей эти скромные и милые сотрудницы госпиталей?!

Чем внимательнее я перечитывал документы, написанные просто, без затей, тем чаще приходили на ум удивительные образы, уместные скорее в мифологии, в героическом эпосе, чем в исследовании. Вдруг начинало казаться, что война изменила саму природу человеческую: из чего же были сделаны эти люди, которые жили и работали (и еще как работали!), не требуя еды, одежды, тепла! Все решалось верой и волей людей, их мускульной силой (уж сколько ее было!) – без соприкосновения с какой-либо предметно-вещевой или продуктовой сущностью... Но ведь это были не могучие титаны и колоссы, а простые люди, такие же смертные, как мы, из плоти и крови.

Каждый случай оказания внимания к нуждам сотрудников превозносился повсеместно и на всех уровнях как знак великой заботы ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

Медсестра СГ № 3169 А.Н. Драничникова в Фаленках рассказывала в 2003 году: «В день зарплаты кто-нибудь из членов парткома прибежал с ведомостью. Мы расписывались и через два часа на собрании слушали отчет о собранной сумме на танковую колонну, эскадрилью самолетов, помощь жителям освобожденных районов страны».

Отчетный доклад партийной организации СГ № 3007 за период с ноября 1943-го по январь 1945 гг. включает информацию о добровольных пожертвованиях сотрудников:

1. Подарки Красной Армии к 26 годовщине Великого Октября.
2. Индивидуальные подарки бойцам Красной Армии к 1 Мая.
3. Закуплено 36 пар теплых носок, 26 пар валенок, собрано 2600 рублей для детей-сирот поселка.
4. Собраны деньги для детей, живущих в детском доме г. Кай.
5. Собраны и перечислены деньги детям фронтовиков, обучающимся в школе поселка Рудничный.
6. Собраны деньги жителям освобожденных районов Украины, Белоруссии.
7. Собраны деньги семьям погибших фронтовиков.

Общая сумма собранных денег на перечисленные нужды – 50351 рубль.

Отдельной строкой идет сумма на Кировскую танковую колонну – 13201 рубль.

Сотрудникам госпиталя за три денежно-вещевые лотереи реализовано билетов на сумму 39310 рублей.

Еще 1029090 рублей забрал военный заем. (Его размер варьировался добровольно от 1,5 до 2 месячных зарплат).

Кроме того, в фонд Красной Армии собрано 2280 кг картофеля.

Общая сумма всех сборов – 1727701 рубль. Это была зарплата сотрудииков за три месяца.

И так жили все сотрудиики спецгоспиталей Кировской области.

ИСКУССТВО ПЕРЕУБЕЖДАТЬ

Все спецгоспитали располагали штатом сотрудииков для организации массовой работы с военнопленными: замполит, пропагандист, завклубом, завбиблиотекой, освобожденный секретарь партийной организации. Весь этот аппарат госпиталей находился в подчинении ЭП-22. Однако ни от ЭП-22, ни от других ведомств четких инструкций и указаний о содержании и формах политмассовой работы не поступало. В некоторых госпиталях шли разговоры, что такой работы с военнопленными в госпиталях вообще не должно проводиться – необходима лишь «бдительность».

И бдительность действительно требовалась, причем требовалась от всех без исключения сотрудииков: от младшего медперсонала до «особистов» – представителей НКВД при госпиталях.

Лишь в начале 1945 года ОПВИ НКВД СССР (отдел по делам военнопленных и интернированных) дал разъяснение, смысл которого в следующем. Политмассовая работа с военнопленными в лагерях и госпиталях имеет, соответственно, свою специфику: в лагерях она проводится в полном объеме, а в госпиталях, где основное внимание уделяется лечению, политмассовая работа заключается в индивидуальных и групповых беседах, в снабжении военнопленных специальной политической литературой, газетами, книгами. Такова была, так сказать, установка сверху.

Но, по-видимому, непосредственно в спецгоспиталях политмассовую работу ни в коей мере не считали чем-то второстепенным, сводящимся к чтению газет и книг. Здесь важно понять позицию политруков. Они постоянно находились рядом с военнопленными. Свои соображения о необходимости изживания «фашистской дури» сообщали в своих донесениях политруки СГ № 3160, СГ № 3264, СГ № 3171, СГ № 3007, СГ № 1149, СГ № 1952.

Замполиты не могли мириться с фактами резкого отторжения немцев итальянцами, мадьярами и венграми.

Командование СГ № 1149 вынуждено было определить больных немцев в отдельные палаты, чтобы предотвратить постоянно вспыхивающие драки (чаще всего дрались с итальянцами).

Нужно было не только гасить эти, пусть маленькие, «внутрипалатные», но, тем не менее, яростные «войны», но и разбираться в их глубинных причинах.

Как бы ни было трудно лечить болезни и раны, гораздо труднее переделать самого человека – изменить его взгляды на свое прошлое, на себя и на своего соседа по койке, который постанывает по ночам и что-то шепчет на своем языке... В том же СГ № 1149 немцы не пускали в свои палаты врачей, медсестер – девушек и женщин еврейской национальности, оскорбляли пожилых санитарок, ухаживающих за ними.

Офицерский состав выздоравливающих немецких военнопленных в Оричевском СГ № 1952 в течение какого-то времени весьма своеобразно пользовался доверием медперсонала. Медсестра Л.Н. Багаева рассказывала: «Каждый вечер после отбоя они выстраивали своих бывших подчиненных в коридорах первого корпуса по 1,5 – 2 часа, что-то им говорили. Обыски НКВД, проводимые раз в неделю по палатам, приносили обильные плоды. Целые горы заточек, самодельных ножей и другого холодного оружия сваливали потом в кучу. Говорили о готовящейся «заброе»...» Замполит госпиталя сообщил: «В среде немецких военнопленных бродят разговоры о том, что они могли бы предпринять в случае высадки вблизи Кирова немецкого десанта: “Перебьем охрану и двинемся в сторону границы”».

Но кое-где «выдвигаться к границе» пытались, не дожидаясь высадки эсэсовского десанта на вятские берега. Сведения о побегах военнопленных встречаются в документах и воспоминаниях сотрудников СГ № 3169, СГ № 2974, СГ № 1952, СГ № 3007, СГ № 1149, СГ № 3264.

Опасным настроениям и призывам нужно было что-то противопоставить. Но что именно? Четких указаний не было. Многие замполиты действовали по своему усмотрению – буквально на свой страх и риск.

В СГ № 3264 замполит Трубочкин, например, не ограничивался проведением воспитательных бесед. Военнопленные в этом госпитале готовили концерты художественной самодеятельности, включавшие пение, декламацию, музыку. Помогал Трубочкину штатный переводчик при госпитале, числящийся в аппарате НКВД. То есть идейно-воспитательная работа при Трубочкине шла как бы по негласному принципу: вы здесь лечитесь, господа? – вот и лечитесь, выздоравливайте, не забивайте больные головы фашистской дурью, а развивайте свои художественные дарования.

Подобная работа проводилась в Фаленках (СГ № 3169, замполит Гаврилов); в Пинюге (СГ № 2074, замполит Яковлев); в Белой Холунице (СГ № 1149); в Рудничном (СГ № 3007, замполит Эпштейн; СГ № 3171, замполит Гарцман) и в других местах.

По свидетельству бывших работников РО НКВД в Халтурине (Орлов), такая работа с военнопленными зимой 1944–1945 гг. пре-

кратилась. Якобы поступило распоряжение областного УНКВД «о свертывании». В частности, «свертывание» в СГ № 3264 прошло так: Трубочкин был отозван и заменен майором Вениаминовым.

Позже выяснилось, что начальник ОПВИ НКВД КО полковник Умахин на совещании начальников госпиталей дал установку: «Политмассовая работа в спецгоспиталях, тем более художественная самодеятельность, может и должна проводиться под наблюдением начальников райотделов НКВД и руководства спецгоспиталей».

Сейчас трудно понять, что же имел в виду полковник Умахин: или то, что чекисты прекратят эту непонятную лично ему какую-то самостоятельную деятельность, или то, что чекисты лично будут подбирать художественный репертуар? Но указания не обсуждают – их выполняют, а особо ревностные подчиненные – перевыполняют.

В СГ № 3947 замначальника по режиму и охране Гушеваров пытался запретить выдачу военнопленным газет и других печатных материалов. Прекратилось и больше не возобновилось просвещение в халтуринских СГ № 3160, СГ № 3264 и некоторых других госпиталях. После чего начальник СГ № 3264 В.Б. Семеновский доложил, что военнопленные «самостоятельно переваривают сообщения, услышанные по радио, прочитанные в газетах... они используют контакты и мнения более активных, зараженных фашистской дурью военнопленных».

В некоторых спецгоспиталях на стенах были развешены карты, на которых военнопленные отмечали положение фронтов по сводкам, услышанным по радио. Доктор Грабен в СГ № 3169 заплакал, услышав сообщение о капитуляции: «Такого не может быть, чтобы Германия не победила!»

Вместе с тем в архивных документах нашлись записи о наличии антифашистских комитетов в СГ № 2074 и СГ № 3171.

Есть сведения о разнообразной деятельности выявленных из среды военнопленных художников, резчиков по дереву, мастеров по художественной ковке металла.

В организации агитационно-политической работы многое зависело от личной инициативы замполитов. Например, в СГ № 3171 в 1943–44 гг. замполит капитан Гарцман поставил дело так.

Политинформации для военнопленных проводились ежедневно с 9 до 11 часов утра. На них зачитывались не только сводки Совинформбюро, но и другие сообщения из газет, журналов и даже фрагменты художественных произведений классиков русской литературы.

Ежедневно с 16 до 18 часов военнопленным выдавались поступившие из Москвы и Кирова газеты. Чаще это были «Известия», «Правда», «Кировская правда». Иногда поступали издаваемые, видимо, в Москве газеты на итальянском, немецком, вен-

герском языках. Все газеты поступали с запозданием, но зачитывались военнопленными до дыр.

Газеты на 4 иностранных языках поступали в крайне ограниченном количестве, по несколько экземпляров. Но в спецгоспитали № 3171 и № 3007 часть газет передавалась из находящегося вблизи лагеря № 101.

Поскольку большинство военнопленных русским языком не владели, они собирались группами по национальности и специально выделенные медсестры читали им советские газеты вслух, а переводил кто-нибудь из военнопленных, знакомый с русским языком.

Замполит Гарцман подчеркивает важность работы по устранению вражды между военнопленными разных национальностей. Им описан случай, когда в палату с итальянскими военнопленными зашел румын с газетой «Известия» в руках и сообщил, что немцы заняли Рим. «Офицеру Видини показалось, что сказано это было со злорадством, и он кинулся на румына с кулаками... прокричал: "Если еще раз появишься у нас, я не отвечаю за себя!". Замполит ему сказал: "В СССР драться запрещено". На что Видини простодушно произнес: "Я не знал"».

Во всех госпиталях политруками отмечалась тревога евреев за свое будущее после окончания войны.

Гарцман по этому поводу сообщает:

«Много вопросов задают о судьбе евреев в Венгрии и Румынии после войны. Среди евреев сильны собственные настроения. Среди них находятся люди, подвергшиеся гонениям у себя дома в этих странах. Фашисты заставляли их работать на себя в рабочих батальонах. Ход их мыслей таков, что после войны им достанется такая же тяжелая участь, какой была до войны. При этом ссылаются на разговор какого-то пленного офицера, который им сказал, что в послевоенной Венгрии евреям равноправия не дадут.

Я разъяснил им, что демократические принципы, за которые ведется война всеми объединенными нациями, предполагают и включают равноправие и для евреев. Главный враг – фашизм, который должен быть уничтожен.

Некоторые из венгерских и румынских евреев изъявили желание пойти в еврейский легион, который якобы формируется с одобрения английского правительства в Палестине. Мне об этом ничего не известно».

«Гарцмановским» военнопленным зачитывали постановления советского правительства, сообщения о наиболее важных событиях на фронте, приказы по госпиталю. Например, в июне 1943 года, были сделаны сообщения: «Итоги шести недель боев на

подступах к Сталинграду», «О новых знаках отличия личного состава Красной Армии», «О наступлении советских войск южнее Воронежа», «О ликвидации немецко-фашистских войск в районе Сталинграда», «Боевое донесение командующего войсками Донского фронта генерал-полковника Рокоссовского».

Понятно, что после таких сообщений военнопленные активно и шумно обсуждали их у себя в палатах.

В СГ № 3947, СГ № 3169, СГ № 3171, СГ № 2074 военнопленных знакомили с докладом Щербакова «19-я годовщина со дня смерти Ленина», зачитывали приказы Верховного Главнокомандующего по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Волховского, Ленинградского и Калининского фронтов. Судя по сообщениям из госпиталей, «военнопленные с удовольствием читали русскую классическую и современную литературу: Шолохова, Эренбурга, К.Симонова и др.». В Рудничном сложилась система обмена художественной литературой и газетами с лагерем № 101.

Работа строилась на энтузиазме таких замполитов, как Гарцман. Он неоднократно обращался в политуправление Красной Армии – просил прислать какие-либо рекомендации по ведению работы с военнопленными. Однако его попытки успеха не имели. Добился лишь одного ответа: «Обращайтесь по подчинению». Но свою работу среди военнопленных Гарцман не прекратил.

Вот что он пишет:

«Отсутствие письменных инструкций и указаний по ведению политмассовой работы имеет следствием обстоятельство – мероприятия приходится проводить в атмосфере порой сопротивления, вытекающего из сомнительной целесообразности ведения политмассовой работы с военнопленными. Располагаю лишь несколькими брошюрами и книгами на немецком и румынском языках, которые одолжил в лагере № 101 Вятлага.

Ввиду изложенного прошу:

- 1. Директивного письма, указаний, хотя бы на основные формы антифашистской работы с военнопленными.*
- 2. Несколько хотя бы номеров журнала "Война и рабочий класс".*
- 3. Выделить толику бумаги на ведение протоколов собраний с военнопленными, корреспонденций в газеты.*

На основе "Антифашистского манифеста" и газеты "Свободная Германия" немцами, находящимися на лечении в госпитале, разработана антифашистская резолюция. Среди немцев проведена конференция, 5 собраний по ее обсуждению. Резолюция поддержана 102 из 103 немцев.

Содержание резолюции гласит:

“Гитлер вверг в пучину бедствий многие народы мира. Он ведет к гибели немецкий народ. Следуя своим благородным принципам, Советский Союз дает истинно немецким патриотам активно участвовать в спасении своей родины. Создание “Национального комитета немецких военнопленных” – первый шаг в этом направлении. Его программу и цель кратко можно изложить так:

- 1. Уничтожение Гитлера.*
- 2. Отзыв германских войск с оккупированных территорий к границам Германии.*
- 3. Свободная, демократическая Германия отвечает подлинным интересам германского народа.*
- 4. Создание “Союза немецких офицеров” во главе с крупнейшими генералами создает авторитет “Комитету немецких военнопленных”.*

Выступление ефрейтора Паппеля дает новое направление во взаимоотношениях между офицерами и рядовым составом немецких военнопленных: “Долой Гитлера! За свободную демократическую Германию!”

Резолюция отправлена в газету “Свободная Германия!”.

Индивидуально подано 10 заявлений с ходатайством о направлении на фронт с оружием в руках для борьбы с фашизмом.

Организованы три местных румынских антифашистских группы. Они написали ряд материалов для газеты “Свободное слово”.

Как свидетельствуют архивы, представители РК ВКП(б) регулярно напоминали медсотрудникам и всему личному составу госпиталей о повышении бдительности и о международной важности работы, которую им приходилось выполнять.

Во всех районах проводились более или менее регулярные совещания по вопросам текущей политики, сообщениям Совинформбюро, заслушивались доклады, приуроченные к празднованию того или иного события. Но даже самые длинные доклады не ограждали спецгоспитали от случаев нарушения дисциплины среди младшего медперсонала и обслуживающих работников.

Наиболее предосудительными считались интимные связи девушек и женщин с военнопленными.

Поскольку понятие «предосудительная, интимная, порочная связь» толковалось в то время совсем не так, как сейчас, эта щекотливая тема требует пояснения. В интимной связи могли быть обвинены (и обвинялись!), к примеру, санитарки и медсестрички, которые имели неосторожность в палате или в коридоре разговаривать с военнопленными о чем-то, не связанном напрямую с болезнями и лечением. Явное подозрение у «бдительных

товарищей» вызывал какой-то «не такой», по их мнению, взгляд медсестры в сторону военнопленного красавца. Словом, там, где на все смотрели сквозь призму повышенной бдительности, понятие «связь» преломлялось самым невероятным образом. Ломались и конкретные человеческие судьбы.

Возможно, читатели спросят: а настоящие связи – неужели их не было? Были. Молодость и жажда любви все же брали свое: да, были и «случаи», и рождение детей... Когда я собирал материал для книги, мне рассказывали и про это. Но «это» бывало крайне редко и вдали от взглядов НКВД. Как правило, медсестра, оказавшаяся в положении, быстро находила повод выехать в другое место проживания.

А среди вахтеров спецгоспиталей самым распространенным нарушением дисциплины было пьянство.

Разумеется, райкомы партии не дремали. Но, как правило, работа с личным составом спецгоспиталей сводилась к общим советам и рекомендациям, к тому же зачастую противоречивым.

Вот, например, выдержка из выступления инструктора РК ВКП(б) на партсобрании в СГ № 3007 в Рудничном в сентябре 1943 года: «Перестройка госпиталей на лечение военнопленных требует политической выдержанности, бдительности, не вступать с ними в частые разговоры, соблюдать точное, правильное лечение».

В СГ № 3171: «О замеченных подозрительных действиях немедленно сообщать начальству, сигнализировать».

А вот еще замечательные фрагменты:

«В корпусах надо ликвидировать мастерские по ремонту обуви и одежды. Там водится много лишних разговоров... военнопленные приспособились выполнять там заказы для местного населения. Это нарушение бдительности».

«Политруки редко бывают с лекциями и беседами в среде военнопленных... Санитарок, медсестер, которые сопровождают военнопленных в качестве вахтеров, надо инструктировать, а то идут по поселку с ними рядом, как на вечерку со своими ягодичками».

Какой же вывод должны были сделать врачи, если на одном партинструктаже они слышат: «С военнопленными обращаетесь слишком грубо...», а на другом прямо противоположное: «...слишком мягко, словно не видите, что перед вами враги?»..

Как же нужно было обращаться с «врагами», чтобы не вызвать недовольство инструкторов? Лечить, отвечать за жизнь и здоровье каждого военнопленного – это главная установка НКВД).

Да и газовых камер для «врагов» у нас, как известно, не было.

«СЕРЫЙ» РЫНОК ВОЕННЫХ ЛЕТ

О значительном количестве вещевого и продуктового довольствия, медицинских средств, инструментов и препаратов, недопоставленных в спецгоспитали с государственных складов НКО, уже было сказано.

По протоколам партсобраний и закрытых партбюро спецгоспиталей можно проследить, что какая-то часть жуткого всеобщего дефицита все-таки восполнялась. Практически все спецгоспитали пользовались услугами негласного подобия темного рынка. Так, недостаток лекарств поначалу компенсировали залежами «ненужных» лекарств в госпиталях, где лечили хирургических больных – советских солдат и офицеров. Лекарства, не применяемые в хирургии, были очень кстати в спецгоспиталях, где военнопленные пациенты находились, как правило, в терапевтических отделениях. Но это перемещение медикаментов из госпиталей в спецгоспитали по «принципу сообщающихся сосудов» не решало всех проблем.

В протоколах партсобраний СГ все чаще появляются требования начмедов к замначальникам по снабжению: «Доставайте!.. Ищите!.. Командируйте в Ижевск, Свердловск, Глазов...»

Начмеды спецгоспиталей в выступлениях на партсобраниях жалуются: «Гипс со складов Аптекоуправления негоден для медицинских целей... Нет бактериофага, мыла «К-2», хлорки... Срочно нужен сульфидин, камфара...». Из штаба Уральского ВО (из Свердловска), из НКЗ (из Москвы) ответы на запросы однозначны и неутешительны: «Лекарства, медсредства отправлены в освобожденные районы».

И все же, если не все, то хотя бы часть необходимого, наиболее ухватистые заместители начальников умели со временем находить.

Можно предположить, что уже существовал некий черный рынок продуктов, медицинских и санитарных средств, инструментов, белья – словом, всего, что было в дефиците.

Умение пользоваться этим негласным рынком ценилось наравне с разворотливостью при «выбивании» лекарств из Аптекоуправления, вагонов – от НКПС, продуктов и вещевого довольствия – от начальников складов НКО в Кирове.

Бывший начпрод ЭГ № 3339 (п. Кирс) рассказывал мне летом 2003 года: «Главное качество, которым должен был обладать участник «серого» рынка продуктов, медикаментов и вещей, – доверие к нему со стороны всех других игроков». А там можно было найти почти все, если не стоять за ценой.

Материалы совещаний, проводимых начальниками госпиталей с участием начмедов, замполитов при посещении комиссий

НКЗ, говорят о почти полном затухании централизованного снабжения к концу войны.

В июле 1944 года, несмотря на пустые склады НКО в Кирове, в кайские СГ № 3007, СГ № 3171 целенаправленно поступили из Москвы несколько вагонов с лекарственными средствами и медицинским инвентарем. Но этого было недостаточно и никак не повлияло на «серый» рынок.

Конечно, этот рынок не был развитым. Но, скажем так, роль второго плана он все-таки сыграл.

Власть во все времена наказывает продавцов чаще, чем покупателей. Так было и в те годы. Но это не означало, что руководитель госпиталя (то есть покупатель), вступая в рыночные отношения, мог ни о чем не беспокоиться. Во всяком случае, разбираться в этих отношениях он должен был очень хорошо.

Зададимся вопросом: откуда шли поставки на рынок?

Найти ответ нам помогут некоторые документы.

Из документов

ГАКО, ф. 2248, оп.6, д. 170, стр. 65

Решение исполкома Кировского областного Совета депутатов трудящихся от 8.12.1944 г.

Исполком облсовета отмечает, что пользуясь бесконтрольностью облздрава, группа воров пробравшихся на работу в контору снабжения и на склады, умышленно запутывала учет и отчетность. На протяжении ряда лет организованно расхищала товары и материалы. Всего по выявленным материалам расхищено на 102 695 рублей (по твердым ценам).

Заведующий конторой снабжения облздрава Култышев, зная беспорядки в приеме, хранении и отпуске товаров, в безобразном оформлении документов, подписывая заведомо неправильные, месячные и годовые отчеты и сличительные ведомости по инвентаризации, создавал условия для хищения государственного имущества и прикрытие организованного хищения его.

Из-за неумелого использования складской площади и безобразного хранения на складах материалов, большое количество товаров испорчено.

На складах задерживаются товары и материалы, в которых лечебные, детские учреждения и госпитали ощущают большую нужду...

Секретарь облсовета Теплов

Данный документ рассылается: облздраву, обл. управлению милиции, уполномоченному ревизионного управления НКФ РСФСР, облФО, СНК СССР.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37, стр. 189 (378)

Спец донесение № 401 (14с)

28. 12. 1943 г. Начальник управления НКЮ по Кировской области специальным донесением докладывает о выполнении приказа НКЮ СССР от 30. 10. 1943 г. № 81171 о запрещении торговли хлебом.

Осуждены:

1. Соколов Иван Дмитриевич, председатель сельскохозяйственной артели «В. Пичанур», Юрьяльского сельского совета, Пижанского района за продажу 19 пудов хлеба на рынке. Осужден по ст. 109 УК, к 7 годам лишения свободы.

2. Новоселов Иван Дмитриевич, председатель сельскохозяйственной артели «Память Ленина», за продажу 5 центнеров 28 кг хлеба (зерна) на рынке, к 6 годам лишения свободы.

На 1. 12. 1943 года не рассмотрено одно дело также по Пижанскому району и т. д.

Спрашивается: ради чего идут люди на такие рискованные по тем временам продажи? Кто-то – по незнанию законов, кто-то – сознательно идут на их нарушение, но общий мотив один: спасти от голода колхозников. Положение многодетных семей, оставшихся без мужчин, особенно ужасно. Взгляды голодных детских глаз были сильнее грозящего суда...

Во время многочисленных разъездов по области мои собеседники не припомнили ни одного толкового председателя, который пошел бы на незаконную продажу ради собственного благополучия.

Правда, была и другая разновидность председателей – гореначальников и начальниц. О таких мне в 1999 году рассказывал бывший житель д. Яицевщина В.М. Комаровских:

«К нам в деревню Яицевщина Халтуринского района председательствовать посылали беспутых баб – они только пьянствовали да гуляли. Все коровы на ферме сдохли. Две семьи фронтовиков вымерли полностью».

Что ж, на Руси ведь издревле говорят: в семье не без урода.

Из документов.

ГАСПИ, ф. 2248, оп. 6, д. 211

При ревизии ЭГ № 3154 в Кирове обнаружены незаприходованные документами медикаменты, (дефицитнейшие по тому времени, начало 1945 года. – Б.К.): бинты, сахар, сульфазол, спирт – 822 кг, мыло, стрептоцид.

Незаприходованные медикаменты отпускаются по визе инспектора Облздравотдела, причем не всегда по прямому назначению.

20.01.1945 г.

Выдается марли для нужд драмтеатра 500 м, в то время как госпитали испытывают острую нужду в перевязочных средствах (используют после стерилизации бинты дважды и трижды).

ГАСПИ, ф. 2248, оп. 6, д. 223

Из докладной начальнику ЭП-22 п-п. Барынину, начальнику отдела ЭГ ЭП-22 при облздраве Жислину от начальника ЭГ-1734 Крутика Б.Н.

22 марта 1944 года в госпиталь поступил рядовой 287 стрелкового полка Гехман Н.Г. Имел тяжелое ранение бедра с повреждением кости (история болезни № 7708).

5 мая 1944 года признан годным к нестроевой службе, направлен в распоряжение Слободского РВК. Райвоенком отправил его на хозяйственную работу обратно в госпиталь.

В работе проявил себя как инициативный и трудолюбивый работник. В дальнейшем назначен начальником ОВС. Тут он также проявил себя предприимчивым, инициативным, преданным делу работником.

По мере роста авторитета Гехмана как работника все больше накапливалась атмосфера враждебности и неприятия со стороны сослуживцев. В адрес его посыпались жалобы, склоки, сплетни с единственной целью: выжить его из госпиталя.

4 июня 1945 года Гехман задержан органами Слободского НКВД и на основании материалов, предоставленных работниками госпиталя, допрошен, как «немецкий шпион», «агент гестапо», «царский охранник, расстреливающий революционеров». Во время допроса ему угрожали оружием, избиениями, расстрелом и 10 годами тюрьмы.

Гехман пытался объяснить, что, как еврей, не мог пользоваться доверием гестапо, царской охранки, что попал в госпиталь не по путевке гестапо. В ответ посыпался каскад антисемитских измышлений времен Пуришкевича и Маркова 2-го. Отпустили его только когда донесли до полного отчаяния и изнеможения.

Прошу активно вмешаться.

Причина столь очевидного неприятия Гехмана местным НКВД проста. Работавший до него начальник ОВС ЭГ № 1734, местный житель, воровал, запутывал отчетность и фактически развалил хозяйство госпиталя. Был членом ВКП(б). Б.Н. Крутику удалось выдворить его из госпиталя после вмешательства УНКВД КО, обкома ВКП(б).

19.02.1945 г.

От начальника отдела эвакогоспиталей в ЭП-22 Жислина в Слободской РК ВКП(б) Кировской области поступило: «Начальник эвакогоспиталя № 1734 тов. Крутик доносит, что им обнаружено захоронение умершего ран. бойца Моисеева, раздетого работниками кладбища и без гроба».

Прошу проверить.

В архивном деле имеется документ, поступивший от Б.Н. Крутика, начальника ЭГ № 1734.

Начальнику отд. службы войск Урал. ВО
Начальнику сан управления Урал. ВО
Прокурору Кировской области
Слободскому городскому прокурору

3 февраля 1945 года для отдания воинских почестей умершему в госпитале рядовому п.п. Моисееву Николаю Самойловичу на городском кладбище обнаружено:

1. Умершего бойца не оказалось. Гроб, белье, обмундирование похищены. Под давлением кладбищенский сторож Бородин признался, что бойца он похоронил в другом месте.
2. При проверке оказалось, что Моисеев похоронен в чужой могиле, в раздетом виде, без гроба и засыпан тонким слоем земли.
3. Гроб употребили для похорон какого-то другого гражданина.

Следующий документ от секретаря Слободского горкома ВКП(б) Бородина сообщает Жислину: «По делу о похищении гроба и одежды ран. бойца сообщаем: проверка факта не подтвердила».

«Старший экономист планово-финансового отдела эвакогоспиталей облздрави Гитерман С.Г., озабоченный поступлением от госпиталей жалоб на неполучение ими финансирования, 31.03.1945 года отправился со старшим бухгалтером Бахновой С.Н. в Госбанк. Они встретились с главным бухгалтером Кировского Госбанка Беленьким.

При сопоставлении выписки из текущего счета отдела эвакогоспиталей с выпиской, предъявленной Госбанком, было установлено:

5 марта кассир отдела ЭГ при облздраве Крестьянинова получила наличными из кассы Госбанка по чеку на производство расходов по переезду врачей. В оправдание потребностей означенных расходов к чеку было приложено письмо на бланке за поддельной подписью зав. облздрави Зацепина – ходатайство о

выдаче банком наличными 350 000 (триста пятьдесят) тысяч рублей. Означенную сумму Крестьянинова получила, но по кассе отдела госпиталей было израсходовано 5000 рублей.

Тогда же установлено, что якобы переведены госпиталю 570 000 (пятьсот семьдесят) тысяч рублей. В оригинале выписки банка перевода не значит.

Спустя некоторое время в отдел эвакуогоспиталей явились сотрудники НКВД, была снята наличность кассы бухгалтерии отдела. У Крестьяниновой обнаружилась недостача наличными 2261 рубль. Ей приказано сдать все финансовые документы и чековую книжку. Она была взята под стражу, также и муж ее, инспектор по топливу и транспорту Инеев.

31.03.1945 г. старшим бухгалтером Бахчевой были обнаружены под тумбой стола, где работала Крестьянинова:

1. Изорванный чек за подложной подписью.
2. Изорванная справка труд колонии об отбытии ею наказания.
3. Четверть изодранного листа бумаги с подложной подписью Зацепина.
4. Записка мужу, что она, вероятно, будет арестована».

КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Вместе с военнопленными в спецгоспитали попали красноармейцы, находившиеся на оккупированных территориях. Их трагическая судьба зависела в основном от НКВД. Ведь был уже издан приказ Сталина: живым в плен не сдаваться!

В рассказах сотрудников спецгоспиталей есть повторяющийся сюжет: побывавший в плену пожилой красноармеец, чувствуя приближение смерти, просит медсестру бросить в почтовый ящик письмо родственникам.

Сейчас нам кажется: бросить письмецо в ящик – ну что может быть проще? Но это сейчас, а в то время лишь самые смелые девушки решались отправлять весточки своих несчастных пациентов.

Упоминания о красноармейцах встречаются в политдонесениях, относящихся ко времени прибытия первых эшелонов с военнопленными в 1943 году.

Так, например, политрук А.И. Орлов из СГ № 1773 сообщает 01.04.1943:

«Большинство из красноармейцев, прибывших с военнопленными, попали в плен летом 1942 года, когда бои шли на территории Курской и Воронежской областей. Например, бывший полит-

рук 798-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии Преснов Сергей Иванович. В начале 1942 года их подразделение было в обороне, потом отходило в районе Старобельска, попало в окружение и пленено. Партбилет свой закопал в землю. Говорит, что был в лагерях. Пытался бежать, но пробраться к частям Красной Армии не удавалось. Наконец, когда он лежал больным в Касторной 2 февраля 1943 года, прибывшие части Красной Армии их освободили».

Примерно так же, судя по донесению Орлова, объясняли свое положение С.И. Крыльцов и И. С. Даричкин. Бывший старший лейтенант 60-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона 75-ого укрепрайона Сергей Иванович Крыльцов попал в плен 14 июля 1942 года под Воронежем. Красноармеец Илья Степанович Даричкин находился в плену 5 месяцев – с 10.10.41 по 10.02.42 в районе г. Сумы; его немцы использовали на ремонте дорог, в обозе, конюхом.

Некоторые русские, оказавшиеся в спецгоспиталях, были сугубо гражданскими лицами. Их «вина» состояла в том, что они жили на оккупированных немцами территориях и использовались, как рабочая сила – что и позволило приравнять их к военнопленным.

Раненый красноармеец одного из госпиталей с первого же дня отказался принимать лекарства и выполнять процедуры, назначенные врачом. Он вообще не подчинялся каким-либо приказам командования госпиталя. Его спросили: «Почему так себя ведешь?» На что он ответил: «Мораль читать мне не надо. Дальше фронта или тюрьмы меня не пошлете».

Вышеупомянутый политрук Орлов из СГ № 1773 сообщает 21.06.43 г.:

«Среди военнопленных находятся 167 русских, бывших в плену у немцев. В их числе 7 человек начальствующего состава. Все они крайне недовольны, что находятся под охраной, как другие военнопленные. На работу их выводят под конвоем. Со слов красноармейцев: в плену они рыли блиндажи, копали окопы, служили ездовыми в обозах. Некоторые из них держали оружие у врагов, чтобы охранять больных и раненых красноармейцев, были комендантами и полицейскими среди них. Сестры и санитарки не говорят им: «Здравствуйте», не отзываются на просьбы отправить письмо родственникам.

Абсолютное большинство красноармейцев находились в немецких лагерях для военнопленных».

Вятку не коснулся ни один фронт во всех войнах, которые вела Россия. Ей досталась гуманная доля – возвращать к жизни солдат, которые раньше других покинули поля сражений. Кроме защитников Отечества, у нас лечили солдат Наполеона. Лечились польские,

турецкие, финские солдаты. Но самой большой армией солдат, избавляющихся от последствий войны, стали воины второй мировой.

Первыми в область прибыли раненые красноармейцы в 1941 г. За время Великой Отечественной войны на Вятке разместилось около 60 эвакуационных госпиталей. Бездорожье наших глубинок заставило часть из них переместить в другие области, где они были дислоцированы вблизи проезжих дорог.

На 1 июня 1943 года в госпиталях области было развернуто 31245 коек. Но раненые и больные фронтовики занимали 20030 коек, и выделенных площадей явно не хватало. 5043 койки временно были размещены в коридорах, манипуляционных, ленинских комнатах, помещениях для физкультуры, грязе- и торфолечения, даже в клинических лабораториях и столовых. Собственно, столовые остались только в 20% госпиталей.

Секретарь Кировского обкома ВКП(б) Лукьянов в донесении Центральному Комитету ВКП(б) сообщает: «Под госпитали в области отданы все крупные здания. В Кирове нет ни одной свободной школы. Дети учатся в мелких приспособленных помещениях.

Перед СНК СССР 14 мая 1943 г. поставлен вопрос о размещении госпиталя на 800-1000 мест в здании бывшего пединститута».

Все комиссии НКЗ СССР, сануправления НКО и Уральского военного округа признают чрезвычайную переуплотненность госпиталей нашей области.

Три кировских госпиталя (общее количество коек – 1600) остались в подчинении НКО, они стали базой для эвакуированных к нам Военно-медицинской морской академии и Института санитарии и эпидемиологии Красной Армии. Остальные госпитали переданы в распоряжение НКЗ еще в 1942 году.

Медицинские сотрудники, годные к строевой службе, после переподчинения госпиталей отправлялись на фронт. Так, в 1943 году из госпиталей области отбыло не менее ста врачей (в их числе 6 хирургов).

За время войны в госпиталях области навыки лечения огнестрельных ран приобрели 80% врачей (надо отметить, что до этого никакой целенаправленной подготовки они не получали, приходилось все осваивать на практике). И это при том, что, по данным за первое полугодие 1943 года, врачей в госпиталях было 68,9%, а медсестер – 77% от штатного расписания.

Между тем количество раненых и больных, поступающих в область, неумолимо увеличивалось. Одновременно, по наблюдениям врачей, увеличивался удельный вес тяжелых поражений. Смертность к концу 1944 года достигла 1,4%. Но еще раньше, с начала 1943 года, отмечались следующие тенденции.

Показатели	Январь 1943 г.	Февраль 1944 г.
Возвращение в строй(%)	48,3	53,8
Смертность(%)	0,6	1,2
Уволено в запас(%)	50,9	45,1

Отчеты и справки Всесоюзному комитету помощи раненым отмечают, помимо кадровых проблем, наличие проблем лекарственного, продовольственного, вещевого снабжения госпиталей.

В госпиталях нательное и постельное белье изношено, не хватает мягкого и твердого инвентаря.

Не хватает самых простых предметов и средств ухода за больными: суден, плевательниц, грелок.

Да, «плевательница» – слово, явно не ласкающее тонкий слух. Но надо понимать: если нет плевательницы у постели больного, то нет и возможности для полного стопроцентного обеззараживания выделений, а это уже зияющая брешь в защите от внутригоспитального распространения инфекции. Надо ли объяснять степень опасности? Ведь читатель уже знает, в каком состоянии был прибывающий спецконтингент.

В лавине раненых и больных, хлынувшей на Вятку, уже в декабре 1941 г. были и первые военнопленные.

По некоторым данным, в феврале 1943 года 123 военнопленных находились на лечении в госпиталях области вместе с красноармейцами.

ПРИМИРЕНИЕ: НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Взаимное понимание бывших врагов не приходит в день победы. Для этого требуется время. Когда оно придет, тогда наступит и примирение.

Долгий и очень трудный путь к примирению начинался в спецгоспиталях.

О подробностях окружения под Сталинградом фашистских дивизий (конец 1942 г. – начало 1943 г.) написано много. Есть документы, изданы книги, сняты фильмы. Но до сих пор еще мало что известно (особенно на Западе) о первых месяцах пребывания солдат Паулюса в русском плену.

Документы о прибытии военнопленных второй мировой войны в Кировскую область постепенно раскрываются. Но живых свидетелей, к сожалению, остается все меньше и меньше. Да и годы берут свое, время стирает в стареющей памяти быв-

ших сотрудников спецгоспиталей имена многих пациентов. Каждое воспоминание на вес золота.

Л.Н. Багаева, бывшая медсестра 1-го отделения оричевского СГ № 1952, мне рассказывала:

«Привезли раненого немца, почти мальчонку. Поправлялся быстро. Еще не вставал, но улыбался и легко осваивал русскую речь.

Пожилая санитарка как-то купила себе в Котельниче новенькие солдатские ботинки. Приходит на смену веселая, щеголяет обновкой. Обихаживает больного, улыбается. И вдруг слышит: «Моя мама в Германии имеет много всякой одежды. Кончится война, она обязательно подарит Вам вещи»».

Видеть улыбки поправляющихся людей – главная награда медицинским сотрудникам спецгоспиталей за неимоверно тяжкий труд».

Кто мог предположить, что для большинства это будет едва ли не единственной наградой на всю оставшуюся жизнь!.. Люди, потратившие свою молодость на работу в спецгоспиталях, получавшие и раньше мизерные зарплаты, в восьмидесятые и девяностые «перестроечные» и «постперестроечные» годы едва сводили концы с концами на свои крохотные пенсии, они уже и не жили, а кое-как существовали в унижительной нищете. Буйной ватаге младореформаторов, устроившей распродажу страны, старики, особенно те, что сохранили память, только мешали. Их труд был практически забыт. Не было денег ни на нормальную еду, ни на лекарства. Инсульты и инфаркты добывали их, как мины с часовыми механизмами, заведенными в годы войны.

А если бы медсестричке, с коптилкой обходившей во время ночного дежурства своих больных, вдруг открылось, какой «заслуженный отдых» ждет ее в пожилые лета? Как бы она поступила?

Девушка, наверное, тотчас бы приостановилась, на несколько секунд крепко зажмурила глаза, чтобы избавиться от наваждения (мамочка моя, и чего только не привидится от недоедания и бессонницы!), поправила фитилек коптилки... и пошла к следующему больному. Как же его зовут? Ах, да – Йозеф Шульц. А до конца смены еще столько дел!..

В спецгоспиталях поступали раненые и больные итальянцы, венгры, румыны, чехи, словаки, испанцы, поляки, евреи, сербы, австрийцы, а после 1944 года – французы, люксембуржцы, норвежцы, шведы, финны...

Буквально «все флаги в гости были к нам».

Но, как выше уже упоминалось, попадали в спецгоспитали и красноармейцы, побывавшие в немецком плену.

Были среди спецконтингента и воевавшие против нас украинские националисты и власовцы.

В Кировской области военнопленных в разные годы войны
лечили в следующих госпиталях

Пункты дислокации	№№ госпиталей
г. Киров	№3373
г. Белая Холуница	№1149
г. Омутнинск	№3159
г. Слободской	№1734
г. Халтурин (ныне Орлов)	№3160, №3426
с. Верхошижемье	№3947 (был переведён в с. Пищалье)
ст. Вятские Поляны	№3161
ст. Зуевка	№3162
г. Кирс	№3339
п. Луза	№3469
ст. Оричи	№1952
ст. Пинюг	№2074
ст. Просница	№3168
п. Рудничный (ст. Фосфоритная)	№3171, №3007
д. Тарасовы (ст. Быстряги), Оричевский р-н	№1773
ст. Фалёнки	№3169
п. Юрья	№3166

Общее время пребывания военнопленных в госпиталях области можно с долей условности поделить на периоды.

1-й период (с 1941 г. до февраля 1943 г.).

Год начала войны отмечен эпизодическими случаями прибытия 1-2 военнопленных, иногда небольших групп (отмечено в справке УВД правительству области от 6.03.96 г. – **Б.К.**).

2-й период (с февраля 1943 г. до августа 1944 г.).

За первую половину 1943 года военнопленными заменяют красноармейцев в 6 госпиталях: февраль – СГ № 1773; март – СГ № № 1773, 3947, 1149, 2074.

В апреле-мае этот список пополняется двумя госпиталями: № 3007, № 3171 (причем продолжается прием военнопленных в вышеперечисленных госпиталях).

Спецгоспиталь № 3161 (Вятские Поляны) оказался в зависимости сразу от трех эвакуопунктов: за Кировским ЭП остались обязанности кадрового и лекарственного обеспечения; за Ижевским – доставка спецконтингента; Казанский отвечал за вещевое и продовольственное снабжение. К сожалению, в архивах

Кировской области точных сведений о времени пребывания военнопленных в этом госпитале найти не удалось.

3-й период (с лета 1944 года до 1947 года)

Время больших перемещений и репатриации.

В августе 1944 года в область прибывает 5000 военнопленных! Госпитали № 1952, № 3426, № 3160, № 3169 были в авральном порядке освобождены от лечившихся там красноармейцев и подготовлены к приему военнопленных (спецконтингента).

С июня 1945 г. начинается процесс репатриации. Первыми в Италию отбывают пациенты СГ № 1149, но уже не из Кировской области, а из Запорожья, куда осенью 1944 года спецгоспиталь был передислоцирован из Белой Холуницы.

СГ № 3947 из с. Пищалье вывезен в том же 1944 году в Белоруссию.

Подготовка к массовому приему спецконтингента началась в ноябре 1942 года.

В СГ № 2074, № 1173 доставлен двухмесячный запас продуктов. Нормы и перечень завезенных продуктов питания соответствовали «Положению о военнопленных». Завезен запас нательного и постельного белья. Некоторое время госпитали стоят на консервации. Работники НКВД, «опекавшие» спецгоспитали из Москвы, Свердловска, Кирова, ставят основную задачу: «Обеспечить надлежащее лечение и отвечать за жизнь каждого военнопленного».

Спецконтингент можно разделить на три группы:

1. Военнопленные, поступившие из районов боевых действий.
2. Военнопленные, поступившие из лагерей НКВД.
3. Военнопленные, поступившие из лечебных учреждений других регионов.

Первая группа была самой неблагополучной в санитарно-эпидемиологическом отношении. Прибывали раненые и больные с громадной завшивленностью, выраженными и инкубационными формами сыпного тифа, алиментарной дистрофией. И это при одновременных обморожениях, простудах, пневмониях и других поражениях. Конвой, если он вообще был, зачастую тоже прибывал больным. (Иногда военнопленные прибывали в вагонах без конвоя).

В эшелонах было много трупов.

В 13 вагонах, доставивших 17.03.43 на ст. Пинюг военнопленных, прибывших без документов и сопровождения в СГ № 2074, врачи нашли до 200 трупов.

Разъезд «934 км» между Вятскими Полями и Кукмором также стал местом захоронения военнопленных, умерших в пути. Рабочие Вятскополянского машзавода рассказывали: «До 200 трупов молодых людей в зеленой форме долго лежали в вагоне, стоящем у пакгауза железнодорожной станции; многие были в окровавленных повязках».

По рассказам жителей, в том числе бывшего председателя Слободского райисполкома, несколько раз хоронили мертвых военнопленных вблизи полотна железной дороги Киров – Слободской между деревнями Синцово и Стулово.

Бригада пленных немцев в селе Вазюг Опаринского района работала на утилизации и разборке прибывшей разбитой фронтальной техники. В обгоревших машинах находили трупы немцев и русских. Со слов жителей села, пленные сами хоронили погибших, вели записи о каждом.

Военнопленные, прибывшие из лагерей, были в лучшем состоянии. Среди них, правда, тоже встречались случаи сыпного тифа, но, судя по документам, преобладали уже переболевшие военнопленные.

Пленные из «третьей группы» были в относительно хорошем состоянии. По железной дороге они доставлялись в специально оборудованных для раненых вагонах быстрого продвижения, так называемых «спецлетучках» – менее скученно и в сопровождении медперсонала.

Таким образом, наиболее опасными в эпидемиологическом отношении были военнопленные из «первой группы», которых в скверных санитарных условиях долго везли эшелонами с фронта.

И потенциальная эпидопасность не замедлила себя проявить сразу после прибытия спецконтингента в госпитали: вспышками сыпного тифа «заполыхали» СГ № 1173, № 1149, № 3947, № 2074. Общей бедой стали недостаток средств защиты, инвентаря и предметов ухода, запоздалое оборудование вошебоек.

В СГ №№ 3171, 3007 избежать эпидвспышек удалось, видимо, лишь благодаря тому, что начальники этих спецгоспиталей И.Я. Брагинская и Г.А. Морозов обладали большим опытом работы в условиях инфекционной опасности.

Самая крупная вспышка сыпного тифа произошла в СГ № 2074, чему «способствовали» тесные санпропускники, отсутствие помещений для организации карантина, нарная система размещения людей.

Строго говоря, вспышки были неизбежны: прибытие столь огромного количества инфицированных людей не могло не прорвать наспех сформированную, но еще не сложившуюся до конца противозидемическую оборону.

За первое полугодие 1943 года в Кировскую область:

- доставлено 5948 военнопленных; из них врачи нашли здоровыми только 127 человек;
- пораженных в боях было 2048 человек (преобладали обморожения – 1604 случая);
- после излечения в лагеря было отправлено 644 человека; 533 выздоровевших военнопленных НКВД долго не забирал по причинам не медицинского характера: не хватало вагонов, обмундирования, лагеря не всегда вовремя высылали конвойные команды;
- умерли 2311 человек, причем из 1439 больных сыпным тифом умерли 713, из 316 больных дизентерией – умерли 289 человек.

В донесении замначальника ЭП-22 Тормосова есть фрагмент, на который следует обратить особое внимание.

«Диагностированы, – пишет Тормосов, – как дизентерия наиболее выраженные случаи, соответственно дающие тяжелые исходы... Более легкие случаи «замаскировались» под алиментарную дистрофию, на фоне которой она протекала, так как некоторые общеизвестные симптомы (понос, интоксикация) наблюдались при отсутствии сопутствующей дизентерии. Но недостаток лабораторного, бактериологического контроля позволял трактовать алиментарную дистрофию только в клинически бесспорных случаях».

Иначе говоря, Тормосов полагал, что дизентерия (в легких формах) «маскировалась» под алиментарную дистрофию и не фиксировалась врачами именно как дизентерия.

Если это так, то это очень опасно. Алиментарная дистрофия – болезненное состояние, развивающееся главным образом вследствие длительного недоедания; ни заразить, ни заразиться алиментарной дистрофией нельзя. Дизентерия – острое инфекционное заболевание; при попадании возбудителя (т.н. дизентерийной палочки), например, в продукты общественного питания возможны массовые поражения. Внутригоспитальная вспышка могла перерасти в эпидемию и перекинуться на поселок; учитывая всеобщую физическую ослабленность, снижение всех защитных функций у недоедающих в голодное военное время людей, это могло привести к самым тяжелым последствиям.

Но прав ли был Тормосов? Ведь, по логике вещей, все могло быть наоборот: не дизентерия «маскировалась» под дистрофию, а дистрофия под дизентерию. Какая разница? Очень большая. Разные методы лечения. Совсем иные шансы на выздоровление. А ставка чрезвычайно высока: здоровье военнопленных (вспомните задачу, поставленную органами НКВД).

Вопрос, таким образом, настолько важный, что возвращаться к нему придется еще не раз.

Летом 1943 года в Кирове работала комиссия НКВД СССР, которая нашла недостатки в вопросах диагностики и лечения авитаминозов и дистрофии у военнопленных.

На базе госпиталей № 3154, № 3156 в Кирове в августе 1943 года проведен семинар-декадник по данной проблеме для врачей периферийных госпиталей.

Из документов

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 269

Во второй половине 1944 года в область прибыло 6316 военнопленных. Среди них диагноз туберкулез в различных стадиях установлен у 9,7%, сыпной тиф – 0,4 %, множество случаев пеллагры, цинги и прочих авитаминозов. Но самый массовый диагноз – алиментарная дистрофия (61,1%).

Но при всей своей значимости вопрос массовости и «маскирования» алиментарной дистрофии не исчерпывал всех острых проблем.

15.03.44 НКЗ РСФСР совместно с Управлением по делам военнопленных и интернированных НКВД принимают решение организовать в госпиталях отделения для больных туберкулезом.

В Кировской области на базе СГ № 2074 и СГ № 3007 выделены соответственно 200 и 300 коек. (По несколько коек выделено в изоляторах СГ № 1773, № 3947, № 1149).

Общие статистические сведения 1946–1947 гг. таковы: в апреле 1946 г. 5 спецгоспиталей лечат 6678 военнопленных, к ноябрю в оставшихся трех спецгоспиталях – 1440, а в мае 1947 г. – 2982 военнопленных.

Вятка и в мирные дни, наступившие после Великой Победы, продолжала исцелять сотни и тысячи раненых и больных военнопленных, граждан разных стран Европы, втянутых в проклятую войну.

ВОЙНА ДОКТОРА МЫШКИНА

Пленные, лечившиеся в Кировской области, вернувшись домой, в Европу, еще много лет напоминали о себе вятскому врачу с мирной, вызывающей улыбку фамилией. Через какую-то щель в «железном занавесе», разделившем послевоенный материк, Иван Иванович Мышкин получал от них поздравления с днем рождения.

Уважение и благодарности бывших пациентов-военнопленных, добрые воспоминания сослуживцев, документы архивов свидетельствуют о немалом вкладе доктора Мышкина и его коллег в великое дело примирения стран и народов.

ВРАЧ С УЛИЦЫ ВОДОПРОВОДНОЙ

И И. Мышкин родился в 1899 г. После окончания Вятской гимназии поступил на медицинский факультет Казанского университета. Студентом участвовал в борьбе с эпидемией холеры в Казани. В родной город вернулся в 1925 году с дипломом врача-терапевта и однокурсницей Зоей Федоровной, ставшей женой. Вырастили сына и дочь. Были бы живы, растили сегодня правнуков.

Врачуя, доктор с ненасытным, беспримерным постоянством пополняет запас своих медицинских знаний. Им собрана лучшая в городе личная библиотека медицинской литературы.

Шестнадцать лет работы в областной больнице еще до войны принесли ему славу «врача, потрясающей диагностической вездливости». Он ставит диагнозы болезней, о которых коллеги не слышали. Трудные обстоятельства жизни пациентов, нехватка, а порой отсутствие всяких лекарств побудили искать свои пути лечения общеизвестных болезней. До 1951 года доктор лечит защитников Отечества, работая в госпитале ветеранов войны.

Затем его назначают городским терапевтом, лечит всех: от безвестных старушек, детей до VIP-персон советского и партийного разлива.

В послевоенные, даже самые трудные, полуголодные для семьи годы Мышкин каждый отпуск проводит рядовым врачом в клинике известного московского кардиолога Мясникова, рядом с профессором трудится в его прозекторской.

В Кирове он щедро и безвозмездно делится приобретенными знаниями. С особой любовью и старанием пестует выпускников медицинских вузов, молодых специалистов, делая из них врачей высочайшей квалификации.

Любовь к работе ради людей, озаренной жадой знаний, сделали Ивана Ивановича самым почитаемым врачом в Кирове. Для учеников он был и остался непререкаемым авторитетом. Все его коллеги и пациенты говорят: «Он знал много о многом».

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА И СОЛДАТЫ ПАУЛЮСА

Война укрепила доктора в верности принципу: «Люди – прежде всего люди: русские немцы, венгры, итальянцы... Болезни, страдания и смерть равняют всех».

С прибытием в Киров эшелонов с ранеными военнослужащими Красной Армии И.И. Мышкин назначен начальником 4-го терапевтического отделения ЭГ № 1733, одного из крупнейших в области.

Но в 1942 году капитан медицинской службы, беспартийный, свободно владевший немецким языком врач вновь становится штатским человеком. Он переведен в облздрав. Должность Мышкина – главный терапевт отдела госпиталей. За ним закреплен самолет.

Перед ним, как перед всеми врачами, причастными к работе спецгоспиталей, поставлена задача: «Отвечать за жизнь каждого военнопленного. Обеспечить надлежащее лечение».

Эту громадную и сложнейшую задачу ставит НКВД, курирующий наряду с НКЗ и НКО спецгоспитали.

Но между установкой «органов» и возможностями реальной жизни во все время пребывания военнопленных в Кировской области была «ди-станция огромного размера».

Тиф, туберкулез, дизентерия, пневмонии, экземы на фоне дистрофии и авитаминозов (этих неизбежных последствий пребывания в грязи, голоде, на 20-градусном морозе в степях под Сталинградом) – повели счет проигравшим сражение еще до окончательной атаки советских войск.

Но раненые и пораженные всевозможными заболеваниями военнопленные прибывают в нашу область в то время, когда в Кирове на улицах по разнарядке горкомхоза и облздрава извозчики собирают тру-

И.И.Мышкин. Студент Казанского университета, 1920 г.

И.И. Мышкин. Капитан медицинской службы, 1942 г.

пы умерших от голода людей. Смерть ребятишек, стариков в деревнях стала обыденной.

На этапе поступления первых партий военнопленных Мышкину пришлось быть свидетелем прибытия эшелона. Из выстроенной огромной колонны офицеры госпиталя уводили группы по 15 военнопленных в баню, на санобработку, отбирая самых слабых. После каждой уведенной группы колонна выдыхала негромкое, но четкое, на немецком: «Капут». Они не знали, куда и зачем их привезли, не знали, что рядом находится русский врач, знающий их язык.

Штат врачей не превышал треть от необходимого количества. Эвакуированные врачи из городов запада СССР имели специальности: детский врач, гинеколог и другие, экзотические для

войны. Но что говорить о педиатрах и стоматологах – многие терапевты не были знакомы с практикой военной медицины. Им нужна была помощь.

И доктор Мышкин, завершив дневные дела, садиться за перо...

«Практические указания по организации лечебно-профилактического процесса в спецгоспиталях», подготовленные Мышкиным, стали незаменимым подспорьем для врачей и, несомненно, ускорили избавление военнопленных от бесчисленных болезней.

Вот где пригодился энциклопедический запас знаний! Запросы на методичку поступали из всех регионов, где были такие же госпитали.

Мышкин находит и включает в работу врачей из выздоровевших военнопленных: немцев, итальянцев, венгров, румын.

Ему лично приходится устанавливать причины многочисленных смертей. Однажды при обследовании нашел неверно зашитый желудок у скончавшегося после операции немца. Хирург, тоже немец, находился тут же. Всегда сдержанный, Мышкин с укором взглянул, произнес: «Ну как же Вы так могли?» Ответ был таков: «Немецкий воин может жить при любом положении органов».

К счастью, таких происшествий было не много.

Врачи из военнопленных оставили о себе добрую память не только среди товарищей по оружию. Через 60 лет местные жители помнят имена.

В Пинюге – Фабетти, Франзенелли, Легель. В Фаленках – Грабен. В Тарасовых – Струвель. В Оричах – Инсмайер, Кюхлер, Пунш, Ланге. В Халтурине – Яхте Вальтер, Ганс Тайс, Освальд Гиншт, Карл Гейаузен, профессор-невропатолог Жрао Георг и сам Конрад Лоренц.

РАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

В 1944 году в изнуренной войной стране дистанция между установками НКВД и реальными возможностями двух кайских спецгоспиталей (п. Рудничный) становится особенно трагичной.

В Рудничный пошли партии военнопленных, о которых начальник спецгоспиталя Г.А.Морозов 20 декабря говорит на партсобрании в госпитале: «41% безнадежно больных, нетранспортабельных, пораженных всеми видами инфекции; 47% – с дистрофией 2-й и 3-й степени».

Мышкин рассказывал в кругу своих коллег:

«Наш отдел подняли ночью. Военнопленные в Рудничном грозят бунтом, потому что подозревают: будто бы их намеренно травят – все заболели дизентерией.

Утром вылетели туда. Картина действительно открылась тяжелая. Серые лица. Потухшие взгляды. Многие имеют какое-то странное шелушение кожи, без явных признаков заболевания. Поголовная диарея.

Первые анализы в лаборатории госпиталя ничего не высяели. Повторили в лаборатории соседнего ЭГ № 3339 в г. Кирсе. Затем самолетом отправили в ИСЭКА, где имела лаборатория бактериологического анализа. Везде результат отрицательный. Дизентерии нет!

Откровенно, мы оказались в недоумении: от чего же лечить? Несколько дней не решались предпринять что-либо существенное.

Зав. отделением попросила осмотреть немецкого парня в изоляторе. Он вдруг проявил сложный тип психопродукции – дебилизм. Осмотр показал: не притворяется. Одновременно обнаружили общие для многих симптомы: шелушение кожи, диарея. Тут-то меня и прострелила мысль: недостаток витаминов в организме человека приводит к нарушениям кожного покрова, пищеварения, нервной системы – классическая триада!

Больным назначили отвары мелко нарубленной хвои, шиповника, выгребли со складов Аптекоуправления запас витаминов в драже».

Речь, таким образом, идет не о терминологических спорах, а о моменте истины. Доктор Мышкин сорвал маску дизентерии с

костлявого лица дистрофии, определил пути эффективного лечения – и тем спас жизнь огромному количеству военнопленных.

Руководителям кайских госпиталей доктор Мышкин вновь и вновь повторяет: «Основной контингент вверенных вам госпиталей болен дистрофией 2-й и 3-й степени, авитаминозами...»

Он обращает внимание командования ЭП-22: «Примите меры к обеспечению мясом спецгоспиталей, так как основной контингент военнопленных болен дистрофией, а мясо – основа лечения для них».

Но НКВД видит ситуацию по-своему.

Тезис чекистов прост: «Раз смерть военнопленных наступала в госпиталях, вина за высокую смертность ложится на командование, врачей, руководителей облздрави». Весь декабрь и январь 1945 года сотрудники областного управления НКВД настойчиво ищут аргументы для обоснования своего тезиса.

Акт с «аргументами» остался в архивах облздрави. Знакомство с ним не оставляет сомнений: были попытки найти (точнее, назначить) виноватого, а не выявить причины. Объективные условия, в которых приходилось функционировать госпиталям, состояние прибывающих военнопленных – все это не принималось в расчет.

Но у доктора Мышкина были свои аргументы. И было мужество, чтобы их отстаивать.

Есть веские основания полагать, что именно И.И. Мышкин убедил комиссию НКВД СССР, работавшую в Кирове летом 1943 года, обратить особое внимание на дистрофию и авитаминозы среди военнопленных.

И.И.Мышкин. 1982 г.

Но не чекистам, курировавшим спецгоспитали, а врачам приходилось непосредственно заниматься лечением военнопленных. Эта загадка, этот диагностический вопрос: «Дизентерия или алиментарная дистрофия?» – сплошь и рядом продолжал вызывать затруднения. Обращения врачей к Мышкину с просьбами о помощи и консультациях встречаются во многих воспоминаниях и документах. Обращались, естественно, не только по поводу дистрофии.

Весной 1944 года в районной больнице с. Вожгалы хирурги Ленинградской ВММА прооперировали восьмерых итальянцев. Швы у больных, к недоумению врачей, че-

рез две недели разошлись. При консультации Мышкина получили совет: «Найдите больным квашеной капусты». С большим трудом, ведь дело было поздней весной, все-таки удалось найти бочонок с плесенью по поверхности. Этот заплесневевший бочонок стал для итальянцев поистине волшебным целебным сосудом.

Болезни, принесенные войной, были общими для воюющих сторон.

В хранящихся в архиве записях Б.Н. Крутика, подполковника медслужбы, начальника ЭГ № 1734 в Слободском, говорится:

«Из числа прибывших с фронтов раненых военнослужащих Красной Армии выделилась значительная группа дистрофиков.

Алиментарная дистрофия особенно расцвела в 1942–1943 годах.

Заболевание, к тому времени мало изученное, дезориентировало не только молодых, начинающих, но и старых опытных врачей. К 1943 году болезнь стала бичом госпиталя.

Прибывающие с фронтов военнослужащие фигурировали как раненые, а не больные.

У фронтовиков наряду с явлениями раневого истощения обнаруживались определенно выраженные дистрофия, цинга и даже пеллагра. Но врачи какое-то время не обращали на это внимания, а лечили место повреждения. Оно не поддавалось лечению, ввиду резкого нарушения обмена веществ и регенеративных способностей организма. Больного оперировали повторно, но успеха вновь не видели...»

ВЕРНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Отец самого почитаемого при жизни врача города был дьяконом. Но с Церковью не поладил. Точнее, местные церковные чины не поладили с дьяконом Мышкиным. Его расстригли и предали анафеме во всех вятских церквах... за любовь к астрономии.

Но именно астрономией он и кормил семью после отлучения – делал теллурии для школ. (Кстати, примерно в то же время он получил патент на серпозубную машину; как видим, бывший «служитель культа» был всесторонне одаренным и широко образованным человеком).

Вятские бандиты поймали его как-то ночью, но, разглядев, отпустили: «Да что с него взять? У этого попа, кроме детей, ничего нет».

А дети действительно были выше и дороже всего.

И платили любовью за любовь.

Рассматривание теллурий увело сына за отцом – в мир знаний.

Правда, это были уже не астрономические, а медицинские знания. Но, в сущности, мир знаний един, и сын не предал отца, оставшись верным своему выбору до конца дней.

При этом И.И. Мышкин не был мрачным затворником-анахоретом, уединенно ищущим свой «философский камень», свою «панацею от всех болезней». Нет. На трудном, порой тернистом пути его постоянно согревала привитая с детских лет любовь к людям.

И.И. Мышкин считался завзятым театралом. Любил классическую музыку.

В то же время он был страстным и удачливым охотником на зайцев и вальдшнепов.

Считался своим в рыбацком содружестве.

А каждое зимнее утро выходных дней его видели с лыжами на мосту через Вятку: он возвращался с ранней прогулки из Заречного парка.

Каким же он был, доктор Мышкин?

В памяти многочисленных пациентов и учеников хранится образ мягкого, доброго, бесконечно щедрого на книги и знания человека, очень любящего детей.

Ученики рисуют его портрет такими словами:

«Внимательный, теплый взгляд серых глаз, чуть ироничная улыбка интеллигента высшей пробы. Не громкая, но четкая, ясная речь. Даже фигура и осанка из тех, что зовутся «тонкая кость», выделяли врача из окружающих, отражая мир знаний, в котором он жил».

Что к этому добавить?

Доктор Мышкин был своим в мире знаний. Он жил в мире людей, таком несовершенном, и работал ради людей.

Исследователям еще предстоит в полной мере оценить вклад И.И. Мышкина в развитие вятской медицины. Хорошая память о нем в сознании земляков и лечившихся у нас европейских солдат второй мировой войны – бесценна.

Ивана Ивановича не стало 17 октября 1982 года.

Может быть, когда-нибудь граждане Вятки найдут возможным назвать его именем одну из множества улиц, которые он исходил вдоль и поперек, спеша на помощь больным и страждущим...

СПЕЦГОСПИТАЛИ: ФАКТЫ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Каждый спецгоспиталь имел свою собственную уникальную историю (о людях в таких случаях говорят – личную биографию). Вместе с тем между спецгоспиталями, которые действовали на территории Кировской области, безусловно, было много общего.

В главе приводятся сведения, собранные о следующих спецгоспиталях: СГ № 1773, СГ № 1952, СГ № 3947, СГ № 1149, СГ № 2074, СГ № 3169, СГ № 3426, СГ № 3160.

Особый интерес представляют воспоминания свидетелей и участников событий.

Спецгоспиталь № 1773

(д. Тарасовы, ст. Быстряги Оричевского района)

Госпиталь эвакуирован в Кировскую область из Белоруссии. Штат сотрудников был рассчитан на одновременное лечение 250 раненых. В 1942 г. после перевода госпиталя из подчинения НКО в НКЗ эвакуированные госпитальные врачи отозваны в Москву, мобилизованы на фронт. Новый штат врачей с огромным трудом набирается среди эвакуированных специалистов, работавших в районных, участковых больницах области, причем на работу в госпиталь переводились и врачи общелечебного профиля, и детские врачи, и гинекологи.

Список врачей госпиталя № 1773 на 8.12.1943 года

Ф.И.О.	Год рождения	Должность	Где работал(а)	Стаж работы в госпитале
Лесовая Александра Алексеевна	1910	нач. отдел. терапевт	зав. отдел. б-цы г. Антропьевка	6 лет
Целищева Елизавета Андреевна	1910	завлаб	поликл. г. Рыбинск	5 лет 6 мес.
Лебецова Екатерина Ивановна	1891	врач-лечебник	ординатор ЭГ ст. Свеча	6 лет
Дементьева Надежда Михайловна	1921	врач-лечебник	нач. отделения ЭГ №3947	нет данных

Эвакуированный из Белоруссии вместе с госпиталем средний и младший персонал составлял костяк коллектива до 1947 года.

Тарасовы находятся в 1 километре от железнодорожной станции Быстряги. Госпиталю выделены здания местной школы, колхозного клуба. Электричества, канализации не было. Воду брали из колодцев.

Санпропускник состоял из трех комнат с двумя ваннами. Не было дезкамеры. Ее, за неимением лучшего, заменяла баня, приспособленная для серной дезинфекции (баня эта, кстати, находилась в 6 км от госпиталя).

Весь госпитальный транспорт – пять лошадей с подводами.

Следует отметить, что положение с лошадьми, транспортом для спецгоспиталей Оричевского района складывалось все-таки легче, чем в других районах Кировской области. Руководство района нашло возможным настоять на выделении дополнительных лошадей. Появился в спецгоспитале даже исправный грузовик.

Но госпиталь испытал острый недостаток подсобных помещений – кухонь, разделочных, столовых, складских помещений для продуктов и вещевого имущества. Поначалу в госпитале не было даже гардероба для верхней одежды.

В первом здании площадью 669 кв. метров часть здания (229 кв. м) удалось приспособить под 8 огромных палат, во втором здании из 440 кв. метров 4 палаты заняли 173 кв. м.

Группа технических сотрудниц госпиталя № 1773, 1946 г.

На подготовку к приему нового контингента ушли последние месяцы 1942 года. Весь январь 1943 г. госпиталь стоял на консервации.

Переуплотнение было неизбежно: для размещения спецконтингента (после отправки недолеченных советских воинов) госпиталю предписывалось подготовить 600-коек, но при всех усилиях удалось подготовить 450 мест.

Переуплотнение усугубилось тем, что командование ЭП-22 обязало госпиталь стать перевалочным пунктом для военнопленных, прибывших в другой госпиталь – СГ № 3947, который находился в селе Верхошижемье, в 40 километрах от железной дороги. Путь до села можно было преодолеть пешком, либо на подводе. Нехватка лошадей и распутица задерживали военнопленных в Тарасовых на несколько суток.

Страшная скученность тяжелобольных людей чрезвычайно затрудняла всю работу по приему, санобработке, диагностике, питанию и лечению.

ЖИВЫЕ, ПОЛУЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

За февраль 1943 года в Оричевский район доставлено 123 военнопленных.

В марте 1943 года было принято «по счету», без всяких документов 1543 человека.

Первый секретарь Оричевского РК ВКП(б) Созинов докладывает в обком:

«Все прибывшие не имели в пути медобслуживания, страшно грязные и завшивленные, истощены, с обморожениями конечностей. Часть военнопленных временно отправлена в Оричевскую районную и Посадскую больницы».

Замполит госпиталя Орлов сообщает:

«...В Верхошижемье отправлено 880 человек. Первоначально их пришлось размещать в страшно переполненном тарасовском госпитале. С прибывшими рядовыми военнопленными находятся 6 офицеров, 2 врача».

Размещение первых партий военнопленных в госпитале, совершенно не рассчитанном на столь большое количество больных, было особенно трудным.

В первом корпусе – 150 коек вагонного типа. В нем располагался санпропускник.

Во второй корпус втиснули изолятор, где постоянно находилось 35-40 человек. Больных из него приходилось носить на санобработку за 400 метров.

Коллектив медицинских сотрудников госпиталя СГ № 1773, 1946 г.

Врачи из числа прибывающих военнопленных больны и ослаблены настолько, что потребовалось длительное время, чтобы вернуть их к жизни и включить в работу по спасению соотечественников.

Многие прибывшие едва передвигались и были похожи на трупы. Некоторые находились в агонизирующем состоянии. Много военнопленных погибло за два месяца пути в вагонах.

И в Тарасовых, и в Верхошижемье смерть продолжает свое дело, начатое на линии фронта. Жертвами становятся не только прибывшие военнопленные, но и заразившиеся сыпняком медицинские сотрудники госпиталей и жители окрестных сел.

За март 1943 года в Тарасовых умерло 280 итальянцев и венгров, которые прибыли настолько слабыми, что умирали в ваннах, при санобработке.

Спустя месяц замполит Орлов в донесении от 5.05.1943 г. сообщает:

«Из 224 военнопленных за 15 дней мая в госпитале осталось 166. Умерли 13 военнопленных. Причина смерти – дистрофия. 45 – отправлены в СГ № 3947*.

Эпидемические заболевания среди военнопленных прекратились. Завшивленность ликвидирована. Санобработка проводится регулярно. В палатах и во всех помещениях наведен порядок».

* Партии военнопленных, прибывающие в СГ № 3947, пришлось размещать время от времени в Тарасовых, до середины 1944 года.

Всего из первой партии военнопленных в Тарасовых к середине 1943 года умерли 461 военнопленный. Причиной смерти стали дистрофия 2-й и 3-й степени, туберкулез, сепсис, сыпной тиф.

Вместе с военнопленными прибыли красноармейцы, бывшие в плену. Почти все они попали в плен летом 1942 года, когда бои шли на территории Курской и Воронежской областей.

В упомянутом донесении Орлов отмечает:

«Больные ежедневно слушают сводки Совинформбюро, которые доносятся им через переводчиков.

Среди военнопленных удовлетворительное настроение и дисциплина. В каждой палате назначен ответственный человек за порядок, чистоту, дисциплину. Выделены группы для колки дров, уборки территории, рытья могил. Правда, интенсивность их работы невысока, так как они еще не вполне здоровы. Отношение военнопленных к обслуживающему персоналу и персонала к ним хорошее».

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАБОТА

В отношении СГ № 1773 неумолимо действовала закономерность, общая для всех спецгоспиталей Кировской области, а именно: полноценное лечение могло быть только там, где жизнь госпиталя обеспечивалась напряженной хозяйственной деятельностью.

Но не всем начальникам госпиталей удавалась эта составляющая общей работы.

Кто такой начальник госпиталя? Опытный авторитетный врач? Профессиональный администратор? Умелый хозяйственник? Жизнь заставляла быть единым в трех лицах. Не все и не везде были к этому готовы. От руководителей требовалось постоянное сбалансированное внимание к медицинским и хозяйственным проблемам, каждая из которых многократно усложнялась обстоятельствами, вызванными войной и особенностями «вятского комфорта».

Как же справлялись с туго затянувшимся клубком проблем в СГ № 1773? Удалось ли в сжатые сроки добиться положительных результатов? Обратимся к фактам.

В Тарасовых к имевшимся первоначально пяти лошадям скоро добавили еще четыре.

С помощью выздоровевших военнопленных были выстроены: три помещения для продовольственных и вещевых складов, три овощехранилища, пекарня, пищеблок с моечным и раздаточным помещениями, кухня для сотрудников госпиталя, санпропускник; оборудованы сушилка и дезкамера.

Результаты, таким образом, были налицо.

ПИТАНИЕ

Поначалу проблемы, связанные с питанием, были вызваны организационными неурядицами.

Первого апреля 1943 г. замполит Орлов сообщает: «Особенно остро стоит вопрос с хлебом. Раньше для красноармейцев требовалось 150-200 кг, сейчас – 400 кг. Местная пекарня не справляется. Случаются перебои».

Пекарня была вскоре выстроена выздоровевшими военнопленными, трудности с хлебом устранены. Благодаря близости к Транссибирской магистрали, складам НКО, вниманию со стороны Оричевского РК ВКП(б) госпиталь не испытал таких трудностей с питанием военнопленных, с какими пришлось столкнуться, например, кайским спецгоспиталем.

Организация питания в госпитале значительно улучшилась уже к августу 1943 года. Выстроен отдельный большой пищеблок. Выделили диетврача и диетсестру, они прошли специальные курсы. Приглашен шеф-повар. Ежедневно стали готовить 5-6 блюд, а также индивидуальные блюда. В большом количестве стали использоваться овощи, молочные продукты.

Актом обследования в январе 1944 г. в данном госпитале признано необходимым включение в рацион питания некоторых военнопленных свежих помидор.

По итогам за 1944 год спецгоспиталь № 1773, согласно актам проверок облздрава, по качеству организации питания военнопленных признан лучшим в области.

Четкая организация качественного питания военнопленных в СГ № 1773 документально прослеживается до 1947 г.

Но военнопленные – это одно, а вот отношение к сотрудникам госпиталя – это совсем другое.

Чтобы представить себе, как «решалась» проблема питания сотрудников, вернемся к донесению Орлова от 15 апреля 1943 года:

«...40 человек личного состава: медсестры, санитарки больны тифом. Есть смертельный случай. Сейчас многие выздоравливают, но требуется помощь в части питания и фондов для личного состава. Через райпотребсоюз, заготконтору продуктов нет. ...Мы бессильны, живя в селе, где нет рынка. И достать продукты невозможно. Все наши резервы исчерпаны, а наши сотрудники – из эвакуированных жителей страны, своих хозяйств не имеют. А ведь наш аппарат: врачи, медсестры, санитарки – провели и проводят самоотверженную работу в госпитале среди больных военнопленных, прибывших к нам в ужасном состоянии (грязные, завшивленные, обмороженные, истощенные».

ЛЕЧЕБНАЯ РАБОТА

Ко времени массового поступления военнопленных в госпитале остался один врач (остальные были отозваны без замены в Москву и Киров). Врачи, оказавшиеся среди прибывших военнопленных, приступили к своей профессиональной деятельности летом 1943 года.

Ждали хирургических больных, но поступили терапевтические.

Первая медицинская проблема, требующая срочного решения, – сыпной тиф и туберкулез. Это задача для инфекционистов и эпидемиологов. Но эпидемиолога нет. Быстро и точно диагностировать, ввиду массового поступления тяжелобольных и отсутствия должной лабораторной базы, не удастся. Также не удалось разместить больных по роду заболеваний. Смешанное размещение чревато перекрестными заражениями. Госпиталь действует под постоянной угрозой эпидемического распространения инфекционных заболеваний. Но самое главное, что ждали хирургических, а прибыли терапевтические больные.

Несложную хирургическую работу первоначально выполняла медсестра.

Но многие военнопленные поступили уже с гнойными и другими тяжелыми осложнениями ран и обморожений. На помощь госпиталю командировались хирурги из эвакуированной в Киров Ленинградской военно-медицинской академии. В документах и воспоминаниях часто упоминается профессор Тихонович, отличавшийся необыкновенной хирургической активностью: в 1943 году профессором Тихоновичем только за один месяц выполнено 100 хирургических операций в периферийных госпиталях области.

Первое время в СГ № 1773 врачи из других госпиталей, направленные облздравом для консультаций и практической помощи, прибывали в Тарасовы на 10-12 дней. Но от этой затеи пришлось отказаться. Ограниченный срок командировки не позволял вникнуть в существо проблем, сгустившихся в госпитале.

Но время, что называется, работало на нас.

К маю 1943 года начали отчетливо проявляться перемены к лучшему.

Поток прибывающих военнопленных уменьшился, и немислимая нагрузка на сотрудников, пусть немного, но снизилась. Штат врачей дополнили специалисты, отозванные из больниц области.

В госпитале открылась клиническая лаборатория. Палаты с больными дистрофией заполнили с учетом степени тяжести заболевания. Для работы в палатах, где лежали больные туберкулезом, был выделен особый штат сотрудников.

Врачи и медсестры периодически направлялись на научно-практические конференции, семинары, проходили курсы повы-

шения квалификации (прежде всего в лечении дистрофии, туберкулеза, брюшного и сыпного тифа).

В лечебном процессе использовался весь рекомендованный набор медикаментов: сульфидин, глюкоза, хлористый кальций, аскорбиновая и никотиновая кислоты. Помимо того, в лечении дистрофии и авитаминоза использовали дрожжи, отвары хвои.

В начале апреля 1944 года госпиталь проверяет старший инспектор эвакуотдела облздрава С.И. Пивоваров.

В акте проверки отмечается:

«Температура в палатах 17-20 градусов. Купание больных проводится раз в 10 дней. Больные все пострижены и побриты, некоторые лежат без рубашек. Белья не хватает. То, что имеется, – крайне ветхое. Вшивости нет.

В каждом отделении действует санпропускник с ваннами.

29-31 марта поступило 248 человек военнопленных из лагеря № 148, из Курска. Среди них обнаружено 26 больных сыпным тифом. Все они приняты в отдельный корпус. При поступлении всем проведена санобработка: мытье в ванне, стрижка волос, бритье волосистых частей тела с последующей обработкой мылом «К-2».

Все грязное белье завязывалось в мешки и пропускалось через жаровую камеру. Перед стиркой замачивалось в 5%-ном растворе мыла «К». После этого белье и одежда стирались и кипятились в котлах. Через 5 дней повторили бритье тела, обработку мылом «К». После повторной обработки вши обнаружены только у одного человека. Несмотря на то что эшелон находился в пути только 9 суток, завшивленность обнаружена у 50% военнопленных.

В течение 5 суток от сыпного тифа в госпитале умерли 3 человека. Контингент поступивших военнопленных на 100% поражен дистрофией 1-й, 2-й, 3-й степени.

Заражений сыпным тифом внутри госпиталя не было.

Персонал, ухаживающий за больными сыпным тифом, живет не на квартирах, а в общежитиях. Этим предотвращается распространение сыпного тифа среди населения.

Питание больных удовлетворительное. Имеется 5 столов и стол индивидуальный, а также проводится дробное питание. Делаются отвары хвои. Дрожжи в течение 10 дней не давались. Эвакопункт-22 запретил использовать муку для их приготовления. Приготовление пищи вполне удовлетворительное. Питание личного состава сотрудников удовлетворительное».

Статистические изменения таковы:

- в начале июня 1944 года в госпитале находится 560 человек, из них 100 человек здоровы и ждут представителя лагеря с конвоем;

- наиболее проблемные больные (313 человек) сосредоточены в первом корпусе;
- во втором корпусе – 247 выздоравливающих больных.

Комиссия во главе с главным терапевтом облздрава Мышкиным находит «госпиталь во вполне удовлетворительном санитарном состоянии. В палатах чисто, койки заправлены, белье на койках и на больных, хотя и ветхое, но чистое. В хорошем состоянии пищеблок: окна засечены, посуда чистая, Персонал пищеблока раз в месяц проверяется на бациллоношение. Диетврач Дементьева, диетсестра Котий исключительно добросовестны в работе. Штатное количество врачей 11, фактическое – 5. Из них один ветеринарный врач – лаборант. Из числа военнопленных привлечено к работе 5 врачей. Выделено 5 субординаторов (2 фельдшера, 3 медсестры). С субординаторами ведутся занятия – собирание анамнезов, внесение субъективных и объективных данных в истории болезней. Контингент больных на лечении в госпитале состоит в основном из больных алиментарной дистрофией, авитаминозами, туберкулезом и 120-130 человек хирургических. Принципы лечения алиментарной дистрофии вполне правильные.

Из моментов, неблагоприятных для лечения, следует отметить длительный перерыв в получении свежего мяса, недостаточное количество дрожжей, отсутствие никотиновой кислоты. Питание дистрофиков происходит 5 раз в день с соблюдением принципа механической обработки и с достаточным содержанием витамина «С» (свежая крапива в супах, измельченная в сметане. (Любопытно, что больные принимают ее с большой охотой).

Туберкулезные больные выделены в отдельные палаты в первом отделении: отдельные койки, достаточная кубатура, много воздуха, плевательницы у каждой койки с дезинфицирующей жидкостью. Количество больных туберкулезом в госпитале, безусловно, велико. На рентгеноскопию больных возят в поселок Оричи.

Требуется более четкая работа лаборатории.

Из методов лечения туберкулезных больных необходимо отметить строгий санитарный режим, терапию большими дозами аскорбиновой кислоты, медикаментозно-симптоматическое лечение и применение некоторыми больными солнечных ванн.

Двое больных острым нефритом лечатся строгим постельным режимом, лечебным питанием – стол № 7, с введением разгрузочных дней и дней отдыха. Надо указать, что назначение в остром периоде нефрита сахарных разгрузочных дней выполнялось не полностью.

Хирургические больные ведутся хирургом из военнопленных, доктором Штрувелем (Струвелем? – Б.К.).

В лечении хирургических больных недостаточно используется «кислая диета» при лечении вяло гранулирующих ран, хронических остеомиелитов.

Во втором отделении находится один душевнобольной с явлениями маниакально-депрессивного психоза. Требуется перевод в специализированный госпиталь.

Госпиталь недостаточно снабжается медикаментами. На момент обследования совершенно отсутствовала никотиновая и аскорбиновая кислоты. Недостаточно препаратов кальция, железа, щелочей, глюкозы, нет хлорной извести.

Госпиталь недостаточно обеспечен предметами ухода за больными».

Из документов: цифры и факты

За период 15.02.1943 – 30.06.1944 по учетным карточкам (без учета поступивших военнопленных в первых эшелонах, на которых карточек нет) принято 2482 человека. Из них 1680 – терапевтических; 802 – хирургических больных. Умерли за это время 456 человек. За 6 месяцев 1944 года умерли 82 военнопленных.

На 22 мая 1947 года в госпитале состоит на довольствии 432 военнопленных. Здоровых – 35; больных – 82; в дистрофичном состоянии – 274. Больных офицеров – 35; здоровых – 6.

25 мая умер военнопленный Габриэль Тросфт.

На 1.06.1947 в госпитале находится – 406 военнопленных. Здоровых – 22; больных – 82; с дистрофией – 265. Больных офицеров – 30; здоровых – 7.

Приказом переводится питание врача Штрувеля с нормы № 2 на норму № 5.

4.06.1947 из лагеря № 307 прибыло 18 военнопленных. Поставлены на довольствие по норме № 3.

1.07.1947 выдан сухой паек на 11 человек, проездное требование для поездки в г. Киров за медикаментами.

2.07.1947 в СГ № 3171 отправлены 150 военнопленных. Сняты с котлового довольствия, выдан сухой паек.

На 2 июля в госпитале остались 179 человек. Здоровых – 17; больных – 43; дистрофиков – 111. Здоровых офицеров – 4.

4.07.1947 в госпитале – 52 человека.

8.07.1947 направлено в лагерь № 307 12 выздоровевших военнопленных. В СГ № 2074 отправлено больных 12 человек.

13.07.1947 отправлено в СГ № 2074 7 больных военнопленных, через 4 дня (17.07) туда же отправлено еще 7 человек.

8.07.1947 умер Шнейдер Крестов Иогану.

Подавляющее большинство пациентов, остававшихся в госпитале до его полного расформирования, – инвалиды.

Госпиталь был расформирован в августе 1947 года. (ГАКО, фонд 2248, оп. 3, д. 33). При закрытии находившиеся в нем военнопленные отправлялись в СГ № 2074 и СГ № 3171. После войны в СГ № 1773 поступали инвалиды из других госпиталей и больные из лагеря № 307.

ВОСПОМИНАНИЯ

Зоя Ефремовна Гребнева

С бывшей медсестрой СГ № 1773 Зоей Ефремовной Гребневой мы встретились, когда ей было за 80.

Самые тяжелые воспоминания у нее остались от первых месяцев пребывания военнопленных.

«Диарея приносила пленным страшные страдания. Не хватало ведра марганцовки, чтобы промыть желудки. Проходы между кроватями забросали досками, иначе невозможно ходить... Жуткая тишина ночных дежурств. Темные коридоры, с крошечным облачком света лампы-коптилки на столе дежурной. Осторожное постукивание самодельных деревянных сандалий по полу и тихий голос: «Швестер, камрад умер».

О своих подругах из Украины и Белоруссии вспоминает: «Ох, умницы, красавицы и певуни были! Смену отработаешь, от усталости не знаешь, как до дома дойти. Они запоют, словно и не работали. Красивые у них песни.

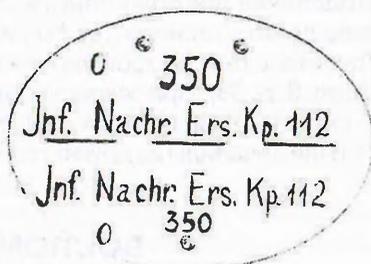
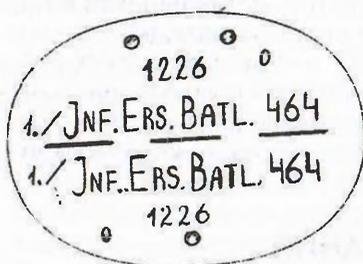
Весной, летом по пути с работы пели. Пели так, что вся деревня затихала и слушала... Мои дорогие, самые близкие подружки тех лет – эти девушки!».

З.Е. Гребнева

Где они? Как-то сложилась их жизнь? Люба Котий, Зина Крицкая, Маруся Бовкун, Юлия Диденко – украинские и белорусские подружки, с которыми двадцатилетняя Зоя спасала от смерти немецких, итальянских, румынских, австрийских, венгерских и других военнопленных...

Будущий муж, Борис Михайлович Гребнев, в это время находился в немецком плену. Под номером 32560 он работал в гончарной мастерской. Номер, выжженный на руке, остался до его смерти в 1999 году.

Жетоны бывших военнопленных, найденные на территории бывшего КПП СГ № 1773 (военнопленных, которым принадлежали жетоны, установить пока не удалось).

Танк, в котором Борис Гребнев был наводчиком, немцы подбили 16 июля 1942 года. Остался ли кто-нибудь еще живым из 5 человек экипажа, неизвестно.

После возвращения на Родину Борис Михайлович каждую неделю отмечался в райотделе КГБ.

Красноармейскую книжку районный военком разорвал при первой встрече.

Даже в новой «перестроенной» России доказать чиновникам свое участие в войне, получить документы на инвалидность Борису Михайловичу, старому, больному, уже беспомощному человеку, удалось лишь перед самой смертью.

Зою Ефремовну в 1947 году перевели в СГ № 2074 п. Пинюг. Там и вышла замуж за своего Бориса Михайловича. Появилась дочка.

Валентина Ивановна Пугина

Наше знакомство почти сразу перешло в разговор о пожилom венгерском солдате, забытом и, спустя годы, найденном в психиатрической больнице г. Котельнича. Андрoш Томаш из своих 75 лет почти 50 провел там.

Валентину Ивановну возмутило до глубины души и одновременно рассмешило написанное в «Новых известиях»: «Привезли из госпиталя в Быстрягах грязным, неухоженным».

«Да с нас три шкуры спускали, если не успевали вовремя умыть больного. Одежда у них хоть неважной была, но стирали ее и прожаривали крепче домашней. Врут ваши газеты! Зачем? Скорее всего, Андрoша сняли в Быстрягах с поезда, а у нас его не взяли, уж не знаю, по какой причине».

Валентина Ивановна была санитаркой в госпитале.

«В деревне голодали. Сотрудникам госпиталя выдавался хлебный паек.

Чтобы устроиться на работу, год прибавила к своим пятнадцати. Старалась, работала, без упреков. Так почти все тогда работали».

Из выздоровевших пленных помнит чеха Василия, отменного портного, и немца, парикмахера Ланге и других...

«Не только мне – всем запомнился пожилой немец Вилли, до хохота доводивший своими смешными поучениями о жизни».

Жизнь в деревне, переполненной эвакуированными людьми, – не передать, какой трудной была. Большинство местных жителей голодны. Вся одежда в единственном числе. Но люди пели! Особенно девушки украинские и белорусские. Ох, голосистые были! Не описать, как красиво звучали их песни тихими летними вечерами. К этим песням присоединялись и мелодии на немецких губных гармошках.

Кто-то из фронтовиков после победы привез трофейный аккордеон. Узнав о военнопленных в госпитале, подарил им дорогой инструмент.

У подружки перед войной брата забрали в армию. Выучился на летчика. И тут война. «Идем с ней летним днем по деревне. Самолет далеко-далеко загудел, чуть слышно. Она вдруг заплакала, запричитала: “Где-то наш Витька теперь?..” Мистика, не мистика, но в похоронке на Витю, которую принесли семье, был указан тот самый день».

Александра Яковлевна Оливенко (Савиных)

Наша встреча с Александрой Яковлевной произошла, когда ей исполнилось 80 лет.

Погожий день золотой осени она отдала копке картофеля. Разговор получился недолгим, но мои вопросы схватывались на лету. Я получал короткие и ясные ответы.

«Работала вахтером. Сослуживцы подшучивали: мол, посадят тебя Шура немцы в рюкзак, увезут в Германию.

Винтовка выше меня была, да и тяжела. Пистолет дали. Правда, ни разу не стреляла. Пленные смеялись: “Куда мы побежим? Цап-царап – и в карцер!”

Возила их на машине по 5-8 человек в лес на заготовку дров для госпиталя. Нарубят, нагрузят машину, шофер уезжает – я с ними одна в лесу. Сперва боялась. Потом привыкла. Они яйца утиные ловко находили. Напекут, угощают: «Швестер, Шуричка, ешь. Вкусно».

Был у нас доктор Струвель. Как-то на медосмотре увидел пятнышко у меня на груди. Говорит: «Шуричка, не сделаешь операцию, потом семь раз будут резать тебя». Я согласилась. И, правда, всю жизнь не болею».

После основной, вахтерской работы начальство часто просило ехать в Киров. Разгружали вагоны с продуктами для госпиталя. Мешки с мукой, сахаром, изюмом по 70 кг таскали. Всемером с подружками справлялись с вагоном».

О характере Александры говорит и то, что еще перед войной она спасла всю семью с многочисленными братьями и сестрами от голодной смерти. Уехала на время уборочной страды в Марийскую республику. Вернулась с целым возом зерна. Муки хватило семье на целый год.

Лидия Григорьевна Елсукова

«Я в госпитале работала полтора года. И санитаркой трудилась, и вахтером. Среди пленных были настоящие мои друзья – Вильгельм и Антон, которые называли себя братьями. Первый из Германии, второй из Южной Словакии.

Как-то Антон говорит: “Приснился Вильгельм. Я с ним целовался на прощание». И, правда, Антона скоро репатриировали”.

Водила пленных в лес на заготовку дров. Группами по 20–30 человек. Бывало, задремлешь, Антон говорит: “Ты спи, начальство появится – разбудим”.

Как-то сiju, двое приближаются. Я закричала: “Стойте! Стрелять буду!”. Они смеются. Спичек им надо».

Анна Федоровна Вычугжанина

«У моей тети квартировал начальник охраны госпиталя. Он меня устроил вахтером. Как и другие вахтеры, водила пленных в лес на работу. Перед выходом всегда бочку дрожжей им наводили. Выпивали всю.

Запомнился немецкий доктор Струвель. Как-то корова распоролась себе брюхо, мужики держали ее, а он зашивал. Кто жил в те годы, знают: без коровы в деревне – голодная смерть.

Как-то пленный, пока шли в лес по деревне, спрятался за воротами одного дома. Я в лесу недосчиталась. Не знаю, что делать. Плачу. Да он промашку сделал: спрятался за ворота дома, где начальник госпиталя жил. Тут же беглеца привели обратно.

При возвращении в госпиталь у них на вахте обычно ягоды-грибы отбирали. Я те ягоды им проносила через проходную: у меня-то не отбирали.

Меня начальство ругало: «Зачем разрешаешь пленным купаться?» Я твержу: «Они же потные от работы, жары. Хочется».

С мясом порой худо было. Они просили подстрелить ворону, голубя или еще какую-нибудь птицу. Прносила им через вахту.

Они, как сейчас помню, на коленях стояли у печи в корпусе – варили еду в самодельных котелках, сделанных из больших банок от американской тушенки.

Устроился вахтером в госпиталь Борис Дмитриевич Решетников. Подходит к нему как-то немец. Из военнопленных. Улыбается. Говорит:

– Не знаешь меня?

– Откуда могу тебя знать?

А тот называет место, где воевал Борис Дмитриевич.

– Ты в плен меня вел! – и показывает, как Борис с автоматом в штаб батальона его сопровождал.

В 1945 г. в Котельниче на рынке мне повезло купить отрез на платье. Сшил его чех Василий. Носила это платье аж до девяностых годов и Василия добрым словом вспоминала».

Мария Ивановна Зыкова

Мария Ивановна во время войны преподавала немецкий язык в школе деревни Тарасовы. Муж Марии Ивановны, Павел Михайлович (1916 – 1991), работал в госпитале № 1773 бухгалтером.

О военнопленных Мария Ивановна вспоминает:

«Большинство деревенских жителей в Тарасовых боялись их. Возможно, потому, что общаться с ними было запрещено. Из старых вещей они шили варежки, костюмы, пальто, брюки, рубашки».

Марии Ивановне сшили очень красивый костюм. Долго его носила.

Пленным разрешали наниматься копать картофель, косить и собирать сено и для другой работы. Они охотно это делали, так как хозяева щедро одаривали их едой.

Супруги Тарасовы, Мария Ивановна (в девичестве Зыкова) и Павел Михайлович, фото 70-х гг.

Лидия Васильевна Старикова (Тиунова)

*Старикова Л.В. через 10 лет
после отъезда своих пациентов*

«Летом 1943 года я поступила работать санитаркой в СГ № 1773 и проработала до его закрытия в 1947 году.

Перед закрытием госпиталя военнопленные умирали очень редко.

Военнопленные разнились по своему физическому состоянию. Кормили их отменно, ежедневно, обязательно мясной суп на обед, второе блюдо, прекрасный даже по нынешнему времени хлеб, компот или сладкий чай. Но одни стали крепкими, упитанными, другие – продолжали оставаться худыми, беспомощными, не способными не то что работать, а вообще ходить. Большинство из таких больных были инвалидами, многие лежали, не вставая.

Людей, способных выполнять та-

кие работы, как обеспечение чистоты на территории, заготовка дров, подвозка продуктов, осталось наперечет.

Все они слушались и подчинялись мне. Нарушений госпитальной дисциплины и режима с их стороны я припомнить не могу... кроме одного случая.

Захожу в палату, а они все собрались около одной кровати с лежачим больным. Увидев меня, что-то спрятали. Начальство требовало от нас выяснения до конца всяких недоразумений в общении с больными.

Я подошла, потребовала показать, что спрятали.

– Сестра Лида, обещайте, что Вы не отберете у нас фотографии?

– Я обещаю вам все оставить, но мне любопытно увидеть вашу жизнь до войны.

Они достали кипу фотографий. У каждого из них было много фотографий.

На всех карточках – молодые, красивые и счастливые лица. Некоторые были сфотографированы с женами, детьми.

Они очень скучали по своим родным. Очень, очень ждали, когда их отправят домой, на родину».

Спецгоспиталь № 1952

(ст. Оричи)

Госпиталь по итогам лечебной работы в 1943 – 1944 гг. признан лучшим в Кировской области.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 234, л. 1

РАСПОРЯДИЛИСЬ. РЕШИЛИ

По распоряжению СНК СССР № 15490-рс от 28.07.1944 года в Кировской области дополнительно выделяются госпитали для размещения 5000 раненых и больных военнопленных.

На основе поступившего распоряжения Исполнительный комитет Кировского областного Совета депутатов трудящихся вынес решение № 60-с от 12.08.1944.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 170, л. 54–55

В решении № 60-с, в частности, значились следующие пункты:

1. Выделить для размещения раненых и больных военнопленных эвакогоспитали:

№ 3426 – 600 коек; г. Халтурин,

№ 3160 – 800 коек; г. Халтурин,

№ 1952 – 700 коек; ст. Оричи,

№ 3169 – 500 коек; ст. Фаленки.

2. Облздраву, МЭП–22 совместно предложено разгрузить указанные госпитали от находящихся в них больных и раненых бойцов, командиров Красной Армии, переведя их в другие госпитали по специфике ранений и болезней.

3. Обеспечить размещение в указанных госпиталях 5000 раненых и больных военнопленных с дислокацией:

Эвакогоспитали:

№ 3426 – 1200 мест

№ 3160 – 1600 “

№ 1952 – 1200 “

№ 3169 – 1000 “

4. Обеспечить за счет местных ресурсов выделение эвакогоспиталю в Халтурине 360 кубометров досок, в Оричах – 160 кубометров, в Фаленках – 120 кубов для устройства двухъярусных нар вагонного типа. Оказать помощь начальникам госпиталей материалами и транспортом. Совместно с областным управлением НКВД построить на 1.10.1944 вокруг зданий, выделенных

под госпитали, заборы для создания охранных зон. Предложить облплану (т. Брюхову) выделить 1 (одну) тонну гвоздей.

Председатель исполкома Кокурин,
Секретарь Теплов.

ГАКО, ф.2248, оп. 6, д. 170. стр.58

Кроме того, облисполком распорядился:

«Обязать председателя исполкома Оричевского райсовета тов. Зорина:

До 1.01.1945 г. вывезти топлива на двор госпиталя № 1952 – 2500 кубометров дров и к 1.03.1945 – 1500 кубометров. Выделить госпиталю № 1773 до 15.11.1944 г. из колхозов района 2 бычков для использования их на тягле».

«...п. 5. Управляющему Кировской конторой Госснаба, тов. Рубочкину к 20.10.1944 г. передать облздравотделу для эвакуогоспиталей:

фанеры: СГ № 1773 – 30 листов; СГ № 1952 – 30 листов;

висячих замков по 20 штук; колодок – 500;

лопат железных: 500 – распределить ЭГ;

автокамер: 50 – распределить ЭГ;

подков: СГ № 1773: 35 шт., подковных гвоздей 1кг;

...п. 7. Обязать тов. Брюхова (Облплан) в 4 квартале 1944 года предусмотреть отпуск отходов кожи для выработки и ремонта обуви в госпиталях».

ЛЮДИ, КОТОРЫХ НЕ СПРОСИЛИ

Все директивные документы, касающиеся спецгоспиталей и военнопленных, шли под грифами «Секретно», «Категорически воспрещается снятие копий и выписок».

В отличие от областного центра, который в разные исторические времена назывался по-разному (Хлынов, Вятка, Киров), Оричи никогда не переименовывались.

Как много лет назад, так и сейчас станция под названием «Оричи» находится на железнодорожном пути, ведущем из Кирова в Котельнич, далее в Нижний Новгород (в советские времена – Горький) и далее – в Москву.

Весть о том, что в Оричи привезут военнопленных, все жители поселка, включая представителей местной власти и сотрудников эвакуогоспиталя, приняли с холодным отчуждением. Иначе и быть не могло: слишком много горя принесла война каждому человеку, где бы он ни работал, кем бы ни был.

И все же люди, пусть не сразу, переступили через свою горькую обиду, через ненависть к врагу. И сделали первый шаг...

В годы войны нужна была одна Победа, как сказал поэт, «одна на всех!». Но после Победы нужен был мир. Мир во всем мире.

Заботиться, лечить и ухаживать за людьми, лично причастными к принесенному советскому человеку горю, – это ли не первый шаг к примирению!

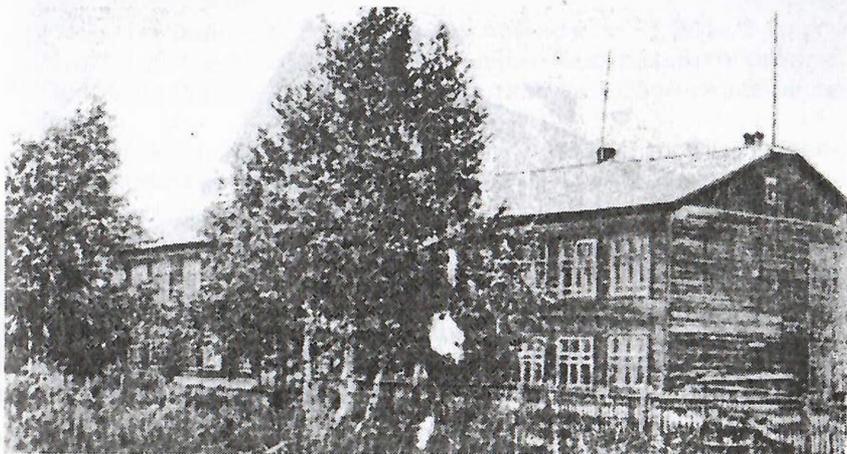
ЗОНЫ

Спецгоспиталь в Оричах размещался в 5 корпусах, в центре поселка, но при этом был разделен на две зоны.

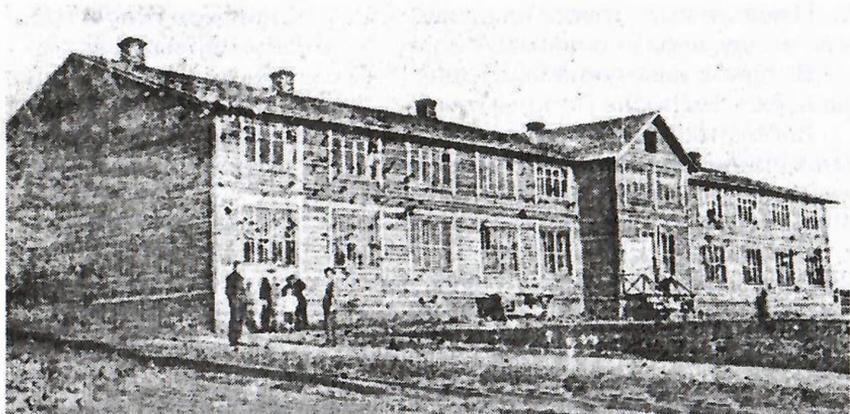
Ограждение, условно говоря, «центральной зоны», где основным было здание, прежде принадлежавшее Потребсоюзу, создавало крайние неудобства и жителям поселка, и самому госпиталю: высокий забор перекрыл две главные улицы и подъездные пути к хлебозаготовительным пунктам.

Другая зона ограничивала территорию, на которой находились выделенные для нужд госпиталя здания средней школы, МТС (моторно-тракторной станции), амбулатории.

Деятельное участие в организации и работе госпиталя приняли местные оричевские власти – райком ВКП(б) и райисполком. На вверенной им территории оказалось два спецгоспиталя: № 1773 и № 1952, о котором идет речь в данной главе. В деятельной помощи нуждались оба госпиталя. Сохранившиеся до

Один из корпусов СГ № 1952

Корпус СГ № 1952

кументы – политдонесения, переписка с обкомом ВКП(б), комитетами помощи раненым разных уровней, облздравом – подтверждают: такая помощь была оказана.

В этой связи нужно подчеркнуть, что в нашей стране без взаимодействия с местными партийными органами работать образцово, да и просто работать невозможно было нигде. Порой вмешательство партийных структур носило навязчивый характер, мешало, создавало дополнительные трудности, которых в условиях войны и без того было много. На отвлекающее от работы, бесполезное, если не сказать вредное, навязчивое вмешательство

Корпус СГ № 1952

всевозможных местных органов в текущие дела жалуются многие начальники госпиталей и других учреждений (например, лагеря для военнопленных № 101). А вот когда помощь в решении сложных проблем действительно была необходима, партийные и советские бюрократы почему-то никак не могли ее оказать.

Но это никак не относится к оричевским руководителям. Работа Оричевского РК ВКП(б) могла бы служить примером своевременной, активной, целенаправленной помощи спецгоспиталям (разумеется, в тех пределах, которые были возможны в военно-тыловых условиях).

Отдавая должное руководству, важно не забывать, что спасение жизни военнопленных оплачено прежде всего мужеством и подвижническим трудом вятских жителей и эвакуированных в область людей.

НАЧАЛО – ПОЛОВИНА СРАЖЕНИЯ

Да, госпиталю предстояло стать лучшим, но в последние летние дни и ночи сорок третьего года об этом никто не думал.

Недолеченных красноармейцев вывезли из госпиталя в течение 3 дней.

Одновременно в авральном порядке готовили помещения к приему военнопленных. Неразбериха была страшная – и прежде всего по той причине, что количество больных военнопленных, прибывающих в Оричи, почти в два раза превышало вместимость госпитальных палат.

Раненых и больных военнопленных принимали 23, 24 и 25 августа. И это были одни из самых тяжелых дней в биографии госпиталя.

Прибывшие военнопленные представляли собой ужасающее зрелище.

Госпитальным медикам пришлось иметь дело с тяжелыми ранениями, переломами костей, черепно-мозговыми травмами, эмфиземами легких, повреждениями крупных сосудов и т. д., и т. п. Причем все это было осложнено алиментарной дистрофией 2-й и 3-й степени.

Все больные поступили в антисанитарном состоянии. Крайне завшивленные, без всякой медицинской обработки ран. Медицинские сестры падали в обморок от вида и запаха ран, в которых шевелились черви.

За три дня с эшелона сняли 1200 раненых и больных военнопленных. Почти все, говоря медицинским языком, тяжелые. Более 20 человек поступили в состоянии агонии.

Уточнение диагнозов, сортировка и первичные назначения осложнялись тем, что при поступивших на лечение не было историй болезней, не было вообще никаких медицинских документов. Не было даже именных списков.

По симптоматическим признакам были выявлены контагиозные инфекционные заболевания: дизентерия, дифтерия, скарлатина, рожистые воспаления, сыпной тиф, паратифы, пятдневная лихорадка (это в госпитале, ориентированном на общую хирургию!).

Но самая главная, самая большая трудность, потянувшая за собой длинную цепь проблем, формулировалась арифметически просто: штатная вместимость госпиталя – 700 коек, поступили в госпиталь – одна тысяча двести больных.

Чудовищная переуплотненность!

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Не стоит умалчивать и о том, что возникли трудности не медицинского, а, скорее, психологического плана. Так называемый человеческий фактор по-своему осложнял лечебный процесс.

Дело в том, что некоторые сотрудники, узнав о смене контингента, то есть о замене раненых и больных красноармейцев и командиров Красной Армии военнопленными, категорически отказались работать. Это было похоже на саботаж. Саботаж? В военное время?! Как это понимать?

А вот так: женщины, обязанные по долгу службы оказывать помощь тем, кто напал на нашу страну, обязанные буквально вытаскивать с того света тех, кто, прикрываясь «освобождением от большевизма», пришел на нашу землю грабить, насиловать, жечь и убивать, – эти женщины испытывали чувство вины, если не предательства, по отношению к убитым и раненым на фронте мужьям, отцам и братьям. По-человечески это можно понять.

Но, будучи штатными сотрудниками госпиталя, могли ли они подавать рапорты на увольнение?

Для большего прояснения этой ситуации следует сказать, что госпиталь был переведен из подчинения наркомату обороны в подчинение «гражданскому» наркомздраву, одновременно изменился и статус сотрудников: они уже числятся работниками по свободному найму. Кто смог воспользоваться этим правом, уволились. Выехали к себе на освободившуюся от оккупации Украину, вернулись в послеблокадный Ленинград.

Сказать об этом необходимо не для того, чтобы задним числом осудить ни в чем, в сущности, не виноватых, пострадавших-

ся людей, а для того, чтобы точнее представить себе положение, в котором оказался спецгоспиталь № 1952. С одной стороны, почти двукратное переполнение, с другой – сокращение штатов, потеря опытных специалистов.

Нежелание многих сотрудниц работать с военнопленными, упадочное настроение, возникшее из-за смены контингента, конечно, очень затрудняли работу госпиталя, действовавшего в чрезвычайных условиях сверхпереполнения.

Добавьте к этому «новые», не профильные для специалистов госпиталя болезни... Добавьте трудности общения – элементарное незнание иностранных языков, а ведь среди военнопленных были представители десяти национальностей...

Кроме того, нужно было заново строить отношения с населением и местной властью: проводив раненых и больных недоленных красноармейцев, население на первых порах выказывало военнопленным (а значит, и госпиталю) явное неприятие... Это были те же самые оричевские люди, которые еще недавно со-

*Коллектив 4-го отделения. В центре начальник госпиталя И.П. Марченко с дочкой Мариной, справа – Роднянский (замполит госпиталя), слева: Е.Г. Побегайло – врач-терапевт, начальник 4-го отделения, Г.А. Загвоздин – ведущий хирург госпиталя.
Стоят: Ю. Диденко, Т. Чикишева – палатные мед. сестры, Ж. Смоленская – операционная мед.сестра, Т.И. Якимович – ст. мед. сестра, Г. Гвоздик – ст. мед. сестра 4-го отделения, Романовская – мед. сестра физиокабинета, И. Навроцкая, В. Тупицына – бухгалтер столовой для личного состава*

вершенно бескорыстно помогали госпиталю – помогали всем, чем могли, буквально делились последним куском. Но «не те», по их мнению, были пациенты.

И все же главное, что мешало, что буквально в прямом и переносном смысле не давало свободно шагу шагнуть, – это неимоверная внутригоспитальная скученность, чреватая эпидемическими вспышками любой этиологии.

Госпиталь был словно заминирован: взрыв эпидемии мог грянуть в любой момент. Под угрозой был весь поселок.

Между тем на смену августу быстро шел сентябрь. Наступала осень. Пора было думать и о зиме...

ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЯ БЫСТРО. ВЫПОЛНЯТЬ ЕЩЕ БЫСТРЕЕ.

В августе было организовано:

1. Инфекционное отделение.
2. Карантинное отделение для вновь поступающих военнопленных.
3. Терапевтическое отделение.

Оборудовали рентгенкабинет, лабораторию, физиокабинет.

В терапевтическом отделении были выделены палаты для дистрофиков (им готовилось дробное специальное питание).

Общую реорганизацию госпиталя успели провести за 2 недели.

Личному составу срочно провели прививку против сыпного тифа.

За 5 дней оборудовали сухожаровую дезинфекционную камеру-землянку.

Санобработку поступающих военнопленных проводили дважды: первый раз вдали от корпусов, в санпропускнике, второй – в санпропускнике корпуса.

И все это время велась работа с медперсоналом.

Помимо общего инструктажа, проводились тематические беседы. Ведущий терапевт Е.М. Юргенсон, начальник госпиталя, фтизиатр Марченко, ведущий хирург Загвоздин читали доклады на темы: «Алиментарная дистрофия и ее лечение», «Лечение туберкулеза», «Наложение искусственного пневмоторакса», «Авитаминозы и их лечение». Таким образом, персонал, что называется, без отрыва от производства готовили к лечению терапевтических больных.

Облздравом отмечают организаторские способности, врачебный талант Елены Федоровны Тарасовой. Ей 25 лет, терапевт, успела поработать два года лечашим врачом в районной боль-

нице. Можно себе представить, как же работала Елена Тарасова, если сумела отличиться, когда все вокруг выкладывались полностью, не щадя сил, не думая о себе!.. Тарасова вместе с Евгенией Эммануиловной Юргенсон привели 3-й корпус с терапевтическим и хирургическим отделениями в образцовое состояние.

Евгения Эммануиловна – аспирантка Ленинградского института охраны здоровья детей. Война заставила ее, детского врача, занимавшуюся наукой, переквалифицироваться в терапевты. И это был не единичный случай освоения смежных специальностей. Так, например, другой ленинградец – Петр Алексеевич Загвоздин, работавший до войны акушером-гинекологом, стал ведущим хирургом.

В хирургическом отделении под руководством П. А. Загвоздина был проведен ряд сложных и интересных операций. К ним относились операции на черепе, трепанации с удалением костных и металлических осколков. Удаляли инородные тела из коленного сустава с полным восстановлением функций. Выполнялись операции на крупных сосудах, в частности, на бедренной и плечевой артериях, операции по поводу аневризм, делали рефрактуру бедренной кости. Провели ряд эффективных пластических операций.

Физиотерапевтическим отделением руководил Роман Владимирович Скляр, молодой и очень способный врач. До войны 6 лет работал невропатологом, заведовал водолечебницей в городе Ромны на Украине. В спецгоспитале ему пришлось переквалифицироваться в психиатра-невропатолога. В возглав-

Работа в операционной СГ № 1952.

В центре И.И. Русинова (Гвоздик), операционная мед.сестра

ляемом им физиотерапевтическом отделении широко применялись электро- и светотерапия, торфо- и парафинотерапия, лечебная физкультура, массаж. Доктор Скляр относился к своему делу творчески, искал, пробовал, комбинировал различные методы, а жизнь, словно испытывая на прочность, подбрасывала ему все новые задачи повышенной сложности. Например, было не один, не два, а двадцать случаев полиневритов невыясненной этиологии. Скляр подобрал ключ и к этому «ларчику», который открывался отнюдь не просто. Эффективным оказалось применение гальванизации, массажа, ЛФК в комбинации с витаминотерапией. Из двадцати были полностью вылечены девятнадцать человек.

В конце 1944 и в 1945 годах в госпиталь поступали исключительно терапевтические больные. Среди них большой процент туберкулезных. Командование госпиталя вынуждено было организовать для них отделение в 4-м корпусе. Выделили в нем кабинет для наложения искусственного пневмоторакса. Руководил кабинетом и выполнял операции опытный фтизиатр И.П. Марченко, до войны он руководил тубдиспансером все в том же украинском городе Ромны. Больным после пневмоторакса становилось лучше. Но эшелоны привозили все новых и новых, нетранспор-

Раненые красноармейцы в госпитале № 1952, 1942-44 гг.

табельных, порой настолько ослабевших в пути, что им уже невозможно было помочь.

Врачи ни на минуту не забывали об эпидемиологической нестабильности.

Больные с подозрением на инфекцию, лихорадящие срочно переводились из «терапии» и «хирургии» в инфекционное отделение. Вообще, режим в спецгоспитале № 1952 был таков, что за все четыре года работы госпиталя ни разу не было зафиксировано ни одного случая внутрибольничного инфекционного заражения. Быстро и полно обследовать больного, установить точный диагноз – эти требования стали в госпитале законом.

Все поступившие больные проходили в карантинном отделении полное клиническое обследование, включавшее и лабораторные анализы. На каждого терапевтического больного врачи получали данные 4-5 анализов, иногда больше. Также в обязательном порядке проводилась рентгеноскопия грудной клетки. Хорошо оборудованный рентгенкабинет использовался с максимальным эффектом. Заведовала кабинетом высококвалифицированная врач-рентгенолог, эвакуированная из города Ромны, Зинаида Александровна Демидас. Вместе с ней работал ее сын.

В спецгоспитале ко многим вещам, довольно обычным для эвакогоспиталя, подход особый. Например, к реконвалесценции.

ДО ПОЛНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Реконвалесценция (от лат. *convalescentia* выздоровление) – период выздоровления от исчезновения клинических признаков болезни до полного восстановления нарушенных болезнью функций. Иначе говоря, симптомы болезни, ее наглядные проявления исчезают, человек внешне здоров... но пока еще только внешне. Однако он в таком состоянии, что начальственное лицо, неискушенное в медицине или, прямо скажем, не очень заинтересованное в судьбе человека, вполне может его выписать. Тонкость в том, что из спецгоспиталя военнопленных выписывали... в трудовые лагеря.

В СГ № 1952 реконвалесцентов выписывали в лагерь только при определенных качественных показателях, после серии лабораторных анализов и рентгеноскопии. При любых сомнениях спецгоспиталь № 1952 человека, находившегося в состоянии реконвалесценции, в лагерь просто не отдавал.

Этот подход, этот амальгамовый сплав высокого профессионализма и человечности многим военнопленным спас жизнь.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

«Учеба никогда не кончается!» Кажется, этот лозунг в госпитале никогда не декларировался, но действовали именно так: постоянно работали над повышением квалификации сотрудников. Даже некоторые военнопленные освоили новые для них медицинские специальности.

Для медсестер врачи госпиталя провели шестимесячные курсы по программе Красного Креста. По окончании курсов санитарка Нечаева и еще несколько девушек были переведены на работу медсестрами, а позже постановлением Кировского облздрава их утвердили субординаторами.

Многие девушки виртуозно освоили технику переливания крови. Среди них особо отмечаются руководством Навроцкая и Малютина.

Коллектив медработников госпиталя постоянно, все четыре года, помогал медицинским учреждениям Оричей. Ведущий хирург (из военнопленных) Инсмайер провел много операций в районной больнице. Терапевты консультировали и принимали гражданское население поселка и окружающих деревень. Можно сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло: жителям Оричей действительно повезло – им оказывали неоценимую медицинскую помощь такие специалисты, как Евгения Эммануиловна Юргенсон, Елена Марковна Рабовская, Ольга Васильевна Лучник, а Вера Васильевна Валуева вообще была единственным на всю округу специалистом отоларингологом.

Но врачи помогали населению, разумеется, лишь в свободное от работы в госпитале время.

Из документов

1. В справке о медико-санитарном состоянии спецгоспиталей (ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 211), составленной старшим инспектором, врачом УНКВД КО Котовым в конце января 1945 года о спецгоспитале № 1952, в частности, сообщается:

«Смертность в декабре – 1, в январе (по декадам) первая – 24, вторая – 12. Последний этап военнопленных прибыл с тяжелейшими формами дистрофии, в крайней степени загрязнения. Работают 3 санпропускника в отделениях. Имеется приемное отделение, где производится полная санобработка. Имеется инфекционное отделение (2 корпуса); хирургическое, терапевтическое, для выздоравливающих, а также четвертое отделение для неврологических больных, нуждающихся в физиотерапии, трудотерапии, парафинотерапии.

В лечении применяются новые методы.

Госпиталь вооружен рентгенкабинетом и лабораторией, имеется врачебный кабинет. Лучше всех организована медицинская учеба. По заранее намеченному плану проводятся врачебные, а также сестринские теоретические конференции: общегоспитальные и по отделениям».

2. Нужно понимать, что показатели работы можно по достоинству оценить лишь с учетом тех объективных условий, в которых действует госпиталь. Даже ребенку легко объяснить, что у кораблика, плавающего в ванне, несравненно больше возможностей сохранить свою чистую белизну, чем у кораблика, запущенного в сточные воды. С каждым поступлением военнопленных на госпиталь обрушивался невидимый, но вполне реальный и мощный вал патогенных микроорганизмов – возбудителей самых разных инфекционных заболеваний.

Из акта проверки от 19.01.1945 г. (ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 211): «...госпиталь признан неблагополучным в инфекционном отношении по дизентерии. Источником вспышки дизентерии послужили военнопленные, поступившие с 1 по 3 января, будучи уже дизентерийными больными и больными в инкубационном периоде. Источник инфекции не внутригоспитальный».

Вспышку удалось локализовать и погасить.

3. Из акта состояния госпиталя на 31 августа 1944 года (ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 140):

«Госпиталь расположен в 6 корпусах. Здания деревянные. Палаты вместимостью от 6 до 50 больных. Вентиляция форточная. Канализация – выгребные ямы, холодные уборные. Нары сплошные в 1-м отделении на 240 человек. Нары вагонного типа во 2-м, 3-м и 4-м отделениях на 500 человек. Освещение керосиновое.

Водопровод отсутствует. Питьевая вода берется из колодцев. В каждом корпусе имеется титан. Больными употребляется только кипяченая вода. В изоляторе третьего корпуса живет семья секретаря райисполкома Колеватова Владимира. Решением райисполкома (облисполкома? – Б.К.) от 31 августа он должен быть выселен. В изоляторе одновременно находятся больные скарлатиной и дифтерией.

Количество больных – 1200 человек.

Три самые оборудованные здания летом 1944 года у госпиталя отобраны.

Общее санитарное состояние удовлетворительное. Санобработка проводится раз в 10 дней.

Белье: 1050 пар нательного белья на 1200 человек. Тапочек нет. Простыней 1600 штук.

*Раненые красноармейцы с медсестрами госпиталя № 1952.
Участники ансамбля играли вечерами на поселковых танцах*

На день обследования 1242 человека. Раненых 904 (с повреждениями черепа, костей – 4, грудной клетки – 13, ранениями бедра – 17, терапевтических больных – 338, дистрофичных – 152). Много страдающих авитаминозами.

Инфекционные больные: скарлатина – 3, дифтерия – 4, сифилис – 2, дизентерия – 14, туберкулезные бацилловыделители – 4. Последняя цифра сомнительна, так как рентген приступил к работе с 9 октября. Необходимо уточнение диагноза у группы из 6 человек, страдающих полиневритами. Истории болезни ведутся удовлетворительно. Нет отметок о выполнении назначений. У больного Фильдир Леон Ластреннит нет отметки об отмене назначений сульфидина, стрептоцида...

Демидас – опытный рентгенолог... Лаборант Гигуз – стаж 5 лет.

Количество анализов вполне удовлетворительно. Ведущий терапевт Юргенсон на высоте современных взглядов на диагностику и лечение внутренних заболеваний.

Пищеблок.

Пищеблок рассчитан на 500 мест.

Обслуживает 1300 человек. В получении продовольствия отмечается недостаточное снабжение крупами.

Недостаточное количество котлов.

Необходимые мероприятия:

- 1. Необходимо выделить изолятор для больных дифтерией, скарлатиной, дизентерией, открытой формой туберкулеза.*

2. В каждом корпусе выделить палату для подозрительных лихорадящих больных.
3. Выделить палаты во втором корпусе для тяжелых терапевтических больных.
4. Доктора Побигайло Е. Т. командировать на стажировку».

ВРАЧЕБНЫЕ КАДРЫ

ГАКО, ф. 2248, оп «л.с», д. 91, л. 24)

Список врачей эвакогоспиталя № 1952 на 1.10.1943 г.

(В списке указываются: Ф.И.О., должность, стаж, зарплата).

1. Марченко Илья Прокопьевич, нач. госпит., 11 лет, 1400 руб.
2. Загвоздин Петр Алексеевич, ведущий хир., 26 лет, 1400 руб.
3. Лучник Ольга Васильевна, нач. мед. части госп., 13 лет, 1200 руб.
4. Валуева Вера Васильевна, нач. корпуса, 6 лет, 725 руб.
5. Комарова Татьяна Ивановна, нач. корпуса, 4 года, 725 руб.
6. Побигайло Екатерина Тимофеевна, нач. корп., 5 лет, 725 руб.
7. Тарасова Елена Федоровна, нач. корп., 2 года, 725 руб.
8. Юргенсон Евгения Эммануиловна, нач. госп., 5 лет, 825 руб.
9. Преловская Евгения Николаевна, нач. корп., 13 лет, 925 руб.
10. Пермякова Прасковья Кузьминична, врач-ординатор, 4 года, 600 руб.
11. Наринская Елизавета Михайловна, зуб. врач, 25 лет, 925 руб.
12. Рабовская Елена Марковна, врач-ординатор, 5 лет, 600 руб.
13. Скляр Роман Владимирович, зав. физ. каб., 13 лет, 925 руб.
14. Демидас Зинаида Александровна, нач. рентг. каб., 10 лет, 1063 руб.
15. Гигус Анна Борисовна, врач-ординатор, 7 лет, 650 руб.
16. Кондратьева Татьяна Андреевна, врач-ординатор, 4 года, 600 руб.
17. Романовская Наталья Михайловна, зав. лаб., 18 лет, 925 руб.

В ДЕНЬ РАДОСТИ И ГРУСТИ

Воспоминания о давно минувших днях, какой бы феноменальной памятью ни обладали постаревшие участники событий, как бы драгоценны ни были их воспоминания сами по себе, – это все-таки взгляд на прошлое из совсем уже другого – из нашего времени, это взгляд с другого берега, с другой высоты... А в ходе исследования порой хочется буквально перенестись в это самое прошлое, увидеть и ощутить его так, как виделось и ощущалось человеком, для которого оно было *настоящим*, сегодняшним,

сиюминутным. Но нет никаких машин времени, и только личные записи, сделанные людьми именно в те дни, что называется, по свежим следам, позволяют понять, что чувствовали эти люди в последние дни войны. Стиль той эпохи, подбор слов, сама манера письма (ведь так уже не пишут и не говорят) – доносят до нас воздух тех дней, тот воздух, которым они дышали.

Вот какие записи сделал начальник спецгоспиталя № 1952 Илья Прокопьевич Марченко в марте сорок пятого.

ВОСПОМИНАНИЯ

И.П. Марченко

*Записки начальника госпиталя,
оставленные при отъезде из Кировской области*

1. Близок час победы. Великий перелом войны произошел под стенами Москвы и Сталинграда. Несокрушимая сила героического советского народа под руководством великого Сталина раздала фашистов.

Впервые за все время войны в Европе хваленая гитлеровская армия потерпела полный разгром от Красной Армии. Миф о непобедимости развеян. Смертельно раненый зверь, оскалив зубы, попятился в свое логово. Город за городом, области и республики освобождает Красная Армия от фашистских оккупантов. Ликует советский народ. Лелеют надежду на скорое освобождение народы поработанной Европы. Победоносное движение Красной Армии на запад не ослабевает. Что ни день, то победа! Неизмеримой радостью и счастьем переполняются наши сердца от освобождения Киева и цветущей нашей Украины. Ликует наш украинский народ со всеми народами Союза. Скоро, скоро и мы будем на цветущей нашей родной Украине.

2. После сладкой мечты о поездке на родину пришло горькое разочарование. Получен приказ о реорганизации нашего госпиталя. Мы не поедем на Украину. Придется оставаться на месте и обслуживать военнопленных. Лечить наших врагов, кто вероломно вторгся на нашу родину? Лечить тех, кто разрушили наши прекрасные города, превратили цветущую республику в пустыню, уничтожили миллионы молодых жизней? Лечить убийц детей и беспомощных стариков. Видеть их рожи, руки, которыми убивали младенцев. Кажется, выше человеческих сил видеть в каждом из них убийцу родных, дорогих сердцу людей. Больно от всего этого.

За что нам такая участь – нести неимоверно тяжелый моральный труд. Хочется плакать. Кричать. Но так надо. Возьмем себя в руки, переступим боль своего сердца и выполним тяжелейший долг. Так надо.

3. Приказано в двухнедельный срок отправить наших раненых больных по другим госпиталям и приготовиться к приему военнопленных. Поставлена большая, но выполнимая задача: эвакуировать раненых больных, устроить ограждения для запретной зоны, построить новые здания под корпуса, кухни, дезкамеры, овощехранилища, колодцы, контрольные будки, сторожевые вышки. Процесс подготовки усложнился передачей лучших помещений госпиталя, больницы и Дома Советов для нужд района. Телеграмма о прибытии военнопленных получена до окончания срока, определенного приказом.

Надо было видеть пленных офицеров во главе с полковником, шедшим впереди колонны, продвигавшейся со станции к корпусам госпиталя. Не верилось, что эти люди когда-то маршировали по нашей украинской земле солдатами. Скорее, напоминали ватагу заблудившихся людей, причем силившихся выглядеть надменными.

Местные люди, стоя по обочинам дороги, молча смотрели на колонну, кто с ненавистью, кто с любопытством, некоторые плакали навзрыд, вспоминая своих родственников, погибших или пропавших без вести на фронте: «Ироды, ироды проклятые».

Колоссальное напряжение сил, моральных и физических, потребовалось, чтобы принять свыше 1000 больных, грязных, зашвыбленных. Оказали им первую медицинскую помощь, накормили, побрили, постригли, вымыли, одели в чистое белье, разместили на постелях со свежими простынями и наволочками. Не жалели себя на работе все сотрудники госпиталя: врачи – П.А. Загвоздин, Т.И. Комарова, Е.Н. Преловская, Е.Ф. Тарасова, Е.Э. Юргенсон, Е.Т. Побигайло, П.К. Пермякова, Н.М. Романовская, З.А. Демидас; также и медицинские сестры – Якимович, Гертель, В.М. Емельянова, А.И. Мальцева, Н.А. Малицкая, Г.И. Гвоздик, З.В. Гребнева, А.Б. Бизяева, М.В. Бузюн. Среди санитарок необходимо отметить добросовестность В.С. Сташевской.

Отношения установились холодно-корректные. Постарались организовать безупречно лечение, питание, уход. Любопытно, видели бы они у себя в Германии в такое время столько внимания к себе? Многие поправились довольно быстро. Отправили их в лагерь. Пусть восстанавливают то, что разрушили. Несколько выздоравливающих военнопленных используются на работах в госпитале. У нас организованы мастерские: столярная, слесарная, сапожная, портновская, кузница, изготовление детских иг-

рушек, механическая с ремонтом часов. Они работают не торопясь. Можно сказать, лениво. Особенно не любят тяжелый физический труд.

Близится час окончательной победы. Весь мир восхищается движением на запад Красной Армии. Освобождено уже 8 европейских столиц.

Март 1945 года

Анна Николаевна Помаскина (Андрушко)

Анна Николаевна работала в госпитале № 1952 рентгенологом-лаборантом. Иногда приходилось выполнять и обязанности техника.

«Госпиталь был организован в моем родном городе Ромны. Всем миром собирали посуду, кровати, подушки, одеяла, матрацы, но едва лишь успели принять раненых красноармейцев, тотчас пришлось эвакуироваться. Фашисты бомбили нас в родном городе. Немецкие летчики отлично видели красные кресты на зеленых крышах вагонов, но это их не останавливало...

Анна Николаевна Андрушко

Мы выехали только после того, как отправили наших раненых солдат. Вагонов не хватало.

Наш состав все время бомбили – в Купянске, Валуйках, Лисках.

Однажды на разбитом участке железной дороги состав сошел с рельсов, потерпели крушение.

На другой станций состав остановили вблизи вагона со спиртом, и нам пришлось прятаться от напившихся красноармейцев. Наше командование

потребовало от начальника станции переместить наш состав в другое место.

Попытались организовать прием раненых на железнодорожной станции Нежигель, вблизи поселка Шебекино в Курской области, но и здесь не успели. Налеты немецкой авиации не дали развернуть госпиталь.

Разделили госпиталь на две части: личный состав и имущество.

Личный состав выехал, а имущество начальник госпиталя Марченко с начальником интендантской службы подполковником Федор Иванович Анищенко вывозили уже с помощью партизан.

Испытания, которые пришлось вынести нашему женскому коллективу за время движения от Украины к Кирову, невозможно вспоминать и описывать без слез.

Женя Смоленская, операционная медсестра, оставила при эвакуации в Ромнах двухлетнюю дочку. В Оричах нас четверых разместили жить в комнате общежития: Романовская, Гвоздик, Женя Смоленская и я. Все прожитые вместе годы войны мы боялись за нее. Женя вскакивала ночью с рыданиями, бежала, падая, ступая на нас, за приснившейся доченькой. К счастью, после освобождения Украины от захватчиков дочка ее нашлась, и они уехали с ней жить в Польшу.

Эшелон шел очень долго. Я успела взять в дорогу несколько книжек на немецком языке (мы ведь в школе учили немецкий язык). Успела их прочесть. Словно предчувствовала, что придется общаться с пленными немцами.

Но военнопленные немцы в большинстве своем владели, и некоторые хорошо, русским языком. Со временем образовалась некая смесь из разных языков, которую понимали все.

Состав наш первоначально пригнали в Киров. Мы неделю стояли в тупике, ожидая отправления на место постоянной дислокации. По приказу начальника ЭП-22 Золотаревского нас разместили в Оричах. Золотаревский, кстати сказать, пользовался среди нас беспрекословным авторитетом врача-пульмонолога. Да и как человека все мы, эвакуированные, его любили.

Запомнились забота и помощь, участие к нам, личному составу, эвакуированным, со стороны первого секретаря Оричевского райкома партии Созина.

В Оричах началась работа по специальности. Рентгеновские снимки тогда делали на аэрофотопленке. Распаковывать ее, резать, заряжать в кассеты, проявлять приходилось в полной темноте. Какое-то очень непродолжительное время поступали стеклянные фотопластинки из Англии. Но хлопот с ними было еще больше. Они требовали очень аккуратного обращения: при малейшей неосторожности они бились.

Из военнопленных врачей запомнились Тыль и Френкель. Они приводили соотечественников в наш кабинет и всегда старались собственными глазами увидеть рентген-картину.

К вятскому климату я не могла привыкнуть лет десять. Особенно мучительными были воспоминания об Украине весной: там все цветет-расцветает, а здесь приходится ходить по снегу.

Там, на Украине, в Киеве остались двоюродные сестры, в Ромнах – родной брат.

Наведываться туда после войны удавалось, к сожалению, не так часто, как бы хотелось.

Таисия Филипповна Киселева

Самым ярким воспоминанием Таисии Филипповны, бывшей старшей операционной сестры, стала встреча военнопленных с русским хлебом:

«Хлеб для военнопленных пекли в специально организованной для них пекарне и не такой, какой продавали по карточкам населению. Это был довоенный, настоящий хлеб, горячий дух которого разносился по станции каждое утро, когда вынимали из печей.

По карточкам продавали слипшиеся кусочки с примесями мякины, отрубей, а то и головками клевера.

На пленных выданный хлеб действовал завораживающе. Они каждый раз целовали его и прятали в потайные карманы. Маленькими кусочками съедали потом в течение дня. Суп в обед выпивали через край тарелки, остальную, твердую часть ели ложками».

Таисия Филипповна попала в госпиталь № 1952 в 1944 году после 3 лет учебы в Халтуринском медучилище. Во время пребывания военнопленных стала старшей операционной сестрой, за что считает себя обязанной немецкому врачу из Мюнхена – Инсмайеру*. Он, по ее словам, даже переучил находившегося среди больных ветеринара Кюхлера в «доктора для людей». Во всяком случае, делать раненым перевязки ветеринар Кюхлер научился отменно.

С тремя подружками Таисия Киселева получила комнату при старом исполкоме. Работа никогда не кончалась. Зачастую не успевали получить по карточкам в магазине 400 г хлеба и сухой паек. По закону военного времени за 5 минут опоздания на работу судили народным судом.

Т.Ф. Киселева, 1980-е годы

* Моя попытка отыскать Инсмайера и других врачей, работавших у нас через МСП, результатов, к сожалению не дала.

«В госпитале имелся хороший физиокабинет. Я работала во втором корпусе. Столовая находилась в здании, где сейчас располагается лесничество.

Мы ходили в шинелях и считались военнообязанными. Норма: 30–40 перевязок за 10 часов работы. Прибывающих тяжело-раненых и больных красноармейцев, затем военнопленных мы со станции Оричи таскали на носилках. При нехватке крови во время операций делились своей. Среди военнопленных как-то оказался венгерский 14-летний мальчик. В госпитале он стал санитаром.

Военнопленные поступали этапами, понятнее сказать, большими группами.

В первом эшелоне люди были одеты очень плохо.

Во втором – большинство имели шерстяное белье. Среди них имелись тяжелораненые, но в основном сильно истощенные люди.

Везли их в телячьих вагонах, которые грелись печками на угле.

Они рассказывали: «Были долго в окружении». Но первые слова, которые от них слышали: «кальт», «брод» – холод и хлеб.

Все лекарства имелись в строго ограниченном количестве. Вместо ваты часто использовали лигнин. Бинты стирали, стерилизовали, использовали вторично, а то и третий раз. Еще использовали йод, марганец, спиртовой раствор зелени, раствор сулемы один к тысяче, гипертонический раствор 10%-ный и 3%-ную перекись водорода.

Обходы больных по палатам, как правило, совершали терапевт, субординатор. Эти обходы всегда были совместные: врач из наших и врач из военнопленных, с ними был переводчик. Некоторые немцы при появлении врачей издавали непристойные звуки. Переводчику приходилось одергивать их словесно, а те презрительно кривили губы.

Мужчин для тяжелой работы в госпитале не хватало. Умерших военнопленных на кладбище отвозила девушка, страдающая приступами эпилепсии. Люди в Оричах не раз видели бредущую лошадку, тянущую сани и за санями вцепившуюся в вожжи, бьющуюся в снегу девичью фигурку».

Таисия Филипповна проработала старшей операционной сестрой 56 лет. После войны она стояла на операциях рядом со всеми лучшими хирургами Кировской области. Не отходила от операционного стола по трое суток. В больнице всегда знали, где и на каком именно участке пути – в магазин, к родне или на почту – находится их операционная сестра.

Кстати, Оричевская – первая и единственная из районных больниц в области, где была проведена операция на сердце.

Донорская карта была заведена на Т.Ф. Киселеву со времени госпиталя. И в мирные послевоенные дни экстренные ситуации в операционной заставляли, как в войну, отдавать до 500 г. Донорская карта «весит 17 литров крови», отданных Таисией Федоровной больным и раненым людям.

Все проработанные годы ей помогали уроки, полученные от Инсмайера. Таисия Федоровна никогда не скрывала, от кого она приняла заряд умений и знаний, прослуживший ей так много лет.

Галина Исааковна Русинова (Гвоздик)

Сохранилась фотография, сделанная в госпитале в 1944 году: идет хирургическая операция, врачу помогает операционная сестра Галина Исааковна... Впрочем, тогда, конечно, просто Галя.

Она осталась в Оричах до конца жизни.

В 2000 году вспоминала:

«Госпиталь собирали в г. Ромны на Украине всем миром. Люди тащили кровати, матрасы, подушки, несли простыни, наволочки, одеяла, кухонную и столовую посуду. Собрали сотни чашек, стаканов, тарелок, ложек, вилок. Женщины после работы, часто ночами, шли белить, красить, убирать строительный мусор.

Первых раненых красноармейцев приняли 17 августа 1941 года. В Оричи эвакуировали в конце года. Сначала лечили наших раненых, а потом привезли военнопленных... наших недолеченных солдат увезли в Сибирь».

*Ветераны-сотрудники СГ № 1952. Фото 2000 г.
Г.И. Русинова – третья справа в среднем ряду*

Степан Аристович Корниенко

Он служил в охране госпиталя. Вспоминал:

«Первоначально, особенно первый год, правила общения с военнопленными были очень жесткими. Рядовому составу, медсестрам не разрешалось приближаться к эсэсовцам в коридоре, на улице ближе 5 метров.

Девушка-медсестра как-то в коридоре перекинулась словом на виду у оперативника. Ее, несчастную, увезли. Никто о ней потом ничего не слышал.

Продукты для военнопленных привозились по высшему разряду.

В «генеральской палате», где были офицеры, выдавали копченую красную рыбу, икру, другие продукты, о которых мы и думать забыли даже перед войной, в мирное время.

При появлении в госпитале немцы всех нас называли Иванами, мы их – фрицами. Потребовалось время, пока отношения установились взаимно-учтывые, корректные.

В 1943 году малым конвоем в Быстряги привезли 27 эсэсовцев. После их отправили в Киров, а потом не знаю, куда увезли. Система охраны небольшим числом охранников такого количества военнопленных строилась просто. В каждой деревне у нас были свои осведомители. В случае побега нам звонили: «Ваш человек в бегах». Побеге случались, но заканчивались одинаково: возвращением в госпиталь, карцером, отправкой в лагерь».

Степан Аристович с 1919 года.

Он хорошо помнил, что в украинском селе Шемахи находился детский дом, куда привезли детей репрессированных военачальников Косиора, Егорова, Якира, Тухачевского. Детский дом располагался в большом красного кирпича помещицьем доме.

«Общаться нам с этими ребятами не разрешали. Но с ними привезли прекрасный немецкий рояль белого цвета. А наше село славилось обычаем: настоящий парень обязательно должен играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Что за парень, если ни на чем не играешь! И вот я на этом рояле научился играть. А потом уж научился играть на баяне и струнных инструментах – гитаре, балалайке».

Мария Васильевна Корниенко

Будущая жена Степана Аристовича, Мария Васильевна, работала старшей медсестрой в одном из отделений госпиталя.

Поженились в 1945 году. Зимой решили ехать на Украину. Но в день, когда надо было идти из с. Истобенск на поезд, поднялась жуткая пурга. Не пошли: «У Бога дней не с решето». Остались жить в Оричах.

Мария Васильевна поделилась своими воспоминаниями о военнопленных:

«Разные среди них люди были. Большинство люди культурные, учтивые. Откроет дверь, пропустит: «Швестер, битте». И тут же укажет на чулки: «Наши фрау таких не носят». После этого обида душила: «Посмотрел бы ты, черт учтивый, какую рвань выше чулок приходится носить из-за войны. Мы в шинелях ходили. Пальто купить не могли, денег никто из медсестер не имел».

На дежурстве, бывало, спросишь больного:

– Почему не спишь?

– Швестер, рана болит, укол сделай.

А снотворного нет, дашь ему дистиллированной воды. Через 15 минут приходишь, он спит. Когда наших красноармейцев лечили, точно так же было.

Самое тяжелое – быть голодным при виде пищи. Вся еда 400 г хлеба да сухой паек по карточкам. Врачи, молоденькие медсестры из-за постоянной занятости работой карточки, как правило, отоварить не успевали. Им просто ничего не доставалось. В очереди стоять времени не было.

Как-то не выдержала. У девчонок от голода и работы глаза провалились, лица бледные. Налила в ведро супу из котла на кухне, где готовили для военнопленных. Всех увела в перевязочный кабинет. Едва успели наполнить тарелки, дверь открывается, заходит начальник госпиталя. Сразу: «Пройдите, пожалуйста, ко мне». За колоски судили, а тут!.. Я заревела: «Не отдавайте под суд». Пошла за ним, плачу от страха, умоляю: «Не отдавайте под суд!» Он все молчит. Зашли к нему в кабинет. Он молчит, я рыдаю: «В суд не отдавайте, пожалуйста».

Долго он молчал, потом говорит:

– Хоть бы немного взяла, чтобы никто не видел, а ты – на виду у всех – целое ведро. Иди! Чтобы так не было больше.

Моей обязанностью было носить список лекарств для отделения к начальнику медчасти госпиталя Ольге Васильевне Луч. Времени на эту подпись уходила уйма. Девчонки-то между тем перевязки делают, им то-другое надо дать, помочь. А ты сидишь, глаза таращишь. Научилась подпись сама ставить. Ольга Василь-

А.С. Корниенко с женой
М.В. Корниенко

евна как-то говорит при встрече: «Что-то ты редко стала ко мне заглядывать?» Но возвращения к прежнему порядку не потребовала. Потом и другие сестры отделения перестали к ней ходить со списками.

Лидия Николаевна Багаева

Лидия Николаевна Багаева – одна из самых ярких личностей, встреченных мной при поиске людей, работавших в спецгоспиталях.

Однажды военнопленный Чапо Симон, венгерский художник-самоучка, чуткий, как все художественные натуры, к неординарному, нарисовал ее портрет. За неимением подходящей бумаги и, тем более холста художник нарисовал девушку на обороте физкультурного плаката. Возможно, это лучшее, что сделал на войне Чапо Симон. Впрочем, и переводчиком при штабе госпиталя он был неплохим.

А для Лидии Николаевны тот портрет на обороте физкультурного плаката – одно из самых дорогих воспоминаний.

Еще военнопленные при отъезде подарили ей дощечку, на которой тонкая резьба – панорама третьего корпуса госпиталя.

После капитуляции Германии военнопленным разрешили писать домой. Они писали, сдавали письма командованию госпиталя. Но проходили месяцы, а ответных писем все не было. Ни один человек не получил ответа. Стали догадываться: «Нас обманывают!». Берлинец Отто Греб, высокий, пожилой мужчина, умолял красавицу медсестру бросить его письмо в поселковый почтовый ящик...

«Я, конечно, бросила письмецо, – рассказывала Лидия Николаевна. – А вскоре сотрудники НКВД принялись за розыски: «Кто отправил?» Отто Греб вызывали на комиссию при госпитале. Он долго сопротивлялся, но все-таки не выдержал. После того я сказала ему: «Ты меня продал». И больше в его сторону не смотрела».

История с письмом, конечно же, стала известна подружкам. Они только ахали: «Лидка, как ты не боишься?» Ведь все знали примеры, когда после обвинения в связях с военнопленными медсестры бесследно исчезали.

Много воспоминаний у Лидии Николаевны связаны с немецким доктором Инсмайером.

Молодой выпускник медицинского факультета в Мюнхене, 23–25 лет, он был универсальным хирургом. Врач от Бога. У операционного стола мог стоять сутками.

У жены начальника госпиталя как-то случился внезапный приступ боли. Инсмайер мгновенно установил аппендицит, прооперировал и спас женщину.

Однажды привезли беспомощного, раненого, ослепшего на фронте немца. Как только тот немного окреп, Инсмайер принял за его глаза. Операция еще не закончилась, когда пациент закричал: «Их зее! Их зее!»

Когда санитарка очень сильно обожгла руку, тоже Инсмайер спасал.

Среди военнопленных был высокий, с волнистыми волосами, красивый блондин Кюхлер. О себе говорил, что он доктор, умеет лечить. Только не уточнял кого. Выяснилось, что он – ветеринар, лечил зверей. Инсмайер его переучил, сделал своим помощником.

Инсмайер делал операции и в Оричевской районной больнице. И это было очень кстати, ведь наши врачи были слишком малоопытны в операциях на ранах, полученных на фронте.

«А был еще один врач, полный, чуть старше нас. Усиленно учил русский язык и довольно быстро начал сносно изъясняться. Однажды очень насмешил – спросил: “Сестра, куриный муж как звать?”»

Помнятся и другие люди. Красивый, грамотный поляк Савчук. Прекрасно играл на скрипке. Оперативники почему-то перевели его в другой госпиталь.

Федор Суско, чех по национальности, помогал всем, кто бы его о чем ни попросил. Он владел и украинским, и немецким языками. Целыми днями красивым почерком вел записи на немецком языке в историях болезни. Шутил: «Люди будущего должны знать историю». В случае смерти военнопленного добросовестно записывал результаты вскрытия. Потом истории болезней отправляли в Москву.

Запомнился самый авторитетный человек в венгерском «землячестве» госпиталя – Махай Загаран. Как-то от обеда военнопленных осталась маленькая кастрюлька молочной лапши. Мы запрятали, чтобы съесть после смены. Смена закончилась. Кастрюлю мы не нашли. Ее украли! Мы были в ужасе, заплакали. Ведь за потерю кастрюли грозил суд.

Пошли к Махаю, пожаловались. И уже через двадцать минут перед нами стоял высоченный мужик с татуировкой – женщиной во всю грудь. Он бил себя по этой татуировке и все повторял: «Нас двое, потому и съел!»

Мы обрадовались. Кастрюлю нашли – и ладно. О еде забыли.

Уезжая, Махай говорил: «Девушки, до войны я работал на чулочной фабрике в

Л.Н. Багаева, 1983 г.

*Портрет 23-летней
медсестры на обороте
физкультурного плаката*

Будапеште. Дайте мне ваш адрес, вышлю вам посылку самых красивых чулок, какие у нас делают». Но мы боялись, что нас обвинят в связях с военнопленными, и адреса не сказали.

Кормили нас, медицинских сотрудников, ржаной похлебкой с копчеными рыбьими головами. Карточки отоварить времени не хватало. Да на них и невозможно было что-то взять, кроме хлеба.

Военнопленных кормили отменно. Пекли им блины, оладьи, другие кулинарные изыски. Многие на глазах располнели, округлились.

О нашей еде они знали, и, кроме немцев, все пытались нас подкормить. Но мы стеснялись и боялись начальства. Всегда отказывались.

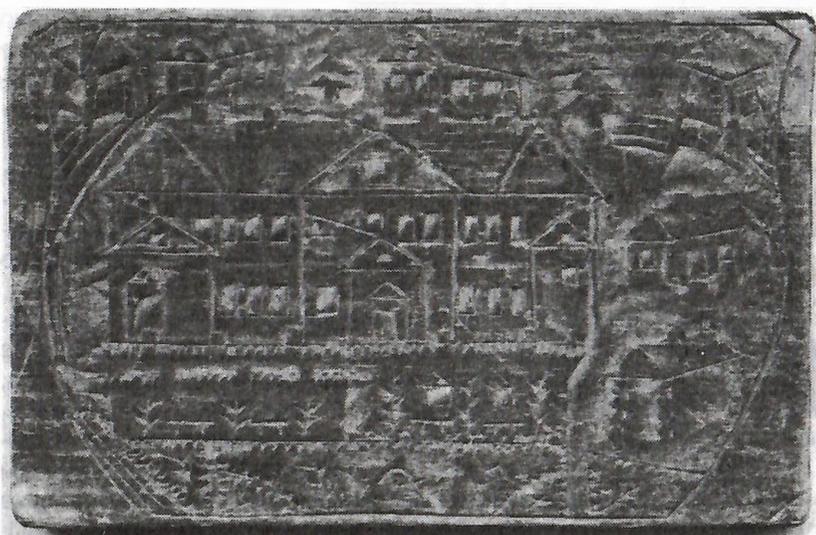
Все они были люди культурные. В корпусе у нас была одна ванна на 400 человек, но всегда все были чисто вымыты. Иметь бритвы им не разрешалось, поэтому брились осколками стекла.

Была в госпитале «генеральская» палата. Человек пять их там находилось, высших офицеров. Все сытые, здоровые, очень выскомерные. Радио, черная большая тарелка, висело в коридоре. Объявили о капитуляции Германии. Они кучкой вышли из своей «генеральской». Прослушали повтор. Кто-то из них произнес: «Русская пропаганда». Повернулись и ушли в палату.

На работу санитаркой однажды приняли пожилую женщину. От том, что обитатели «генеральской палаты» освобождены от всякого труда, в том числе и по санитарному состоянию своей палаты, ей сказать забыли.

Как-то она нашла эту палату неприбранной. Принесла ведро с водой, тряпку, нож-скребок для некрашеного пола, топнула ногой и сказала такое, что через два часа медсестры со всего корпуса сбежались поглазеть на качество «генеральского» поломытья. К чести «генералов» они не опустили до жалобы. Но один из обитателей палаты вел дневник на крохотных тонких листках курительной бумаги и прятал у себя в подушке. А сотрудники НКВД регулярно делали осмотры. Прочитали: «В русском плену очень плохо. Каждая навозная муха нами командует».

У всех военнопленных имелись фотографии родителей, жен, детей. На карточках все они так хорошо одеты...

Дощечка, вырезанная военнопленными и подаренная Лидии Николаевне Багаевой на память. На одной стороне изображен 3-й корпус госпиталя № 1952, на другой – букет цветов.

Иногда военнопленные рассказывали, как им жилось перед войной. В Германии почти в каждой сельской семье имели какую-нибудь технику. Даже трактор. Иметь велосипед не считалось чем-то особенным. А я велосипед впервые увидела перед самой войной, когда знакомому привезли из Горького.

И зачем только они пошли на нас? Что им надо было в России?

Нам становилось стыдно, когда мимо окон корпуса, утопая в грязи, тащила повозку тощая корова или бык. Они недоумевали: «Где же ваши трактора, машины? Мы думали, что колхозы вы придумали для того, чтобы иметь больше техники».

Весной 1945 года перед третьим корпусом они выкопали водоем, разбили клумбы. Так как цветочных семян не нашли, засадили их капустой. Сделали солнечные часы. Разбили парк.

Парк простоял до 1956 года. Какому-то партийному начальнику с самолета померещилось, что парк разбит в форме свастики. Вырубили. Сейчас там лысое место, а на нем рынок.

Для выздоравливающих военнопленных организовали сапожную и швейную мастерские. Врачам сшили пальто из старых армейских шинелей.

Всем коллективом вместе с выздоровевшими военнопленными ездили на колхозный сенокос. Работали, как в госпитале, весь световой день.

После войны военнопленных стали кормить хуже. Вахтеры стреляли им ворон, голубей, уток. Наверное, это время и стало поводом для немецких газет, чтобы писать о плохой еде в плену.

Мужчин для работы не хватало. Девушка возила умерших военнопленных на захоронение. Как-то зимой сани сильно раскатило на повороте, и один труп выпал на дорогу. Девушка от ужаса так закричала, что на улицу выскочили все, кто был в ближайших домах.

А еще был красноармеец, выдававший себя за немца. Поговаривали, что он сдался якобы на передовой. Научился говорить так, что они долго не могли догадаться. Но писать не научился, а среди них большинство имели среднее образование. Немцы выдали его оперативнику.

В августе 1946 года меня вместе с другими 15 военнообязанными медсестрами из госпиталя направили сопровождать эшелон с репатрированными военнопленными во Франкфурт-на-Одере. Для военнопленных из нашего госпиталя выделили вагон, дали врача. Загрузили всяких продуктов. Еды насмотрелась, какой всю войну не видела. Питались дорогой вместе с военнопленными.

Поезд шел неделю. Ехали они здоровые, радостные. А мимо окон вагона проплывали горы битого красного кирпича и дощечки-таблички с надписями: «Вязьма», «Смоленск»... На месте деревень – почерневшие печи... Проплывали выгоревшие леса, бесчисленные холмики с фанерными звездочками.

Перед границей один мужчина тяжело заболел. Но все равно радовался: «Умирать буду на родине».

Другой, уже в Германии, признался: «Будем стоять долго в городе, где живет моя семья». Умолял, выпросился сходить домой. Вернулся вовремя, выбритым, в отутюженном костюме, рубашке с галстуком. Поехал с нами дальше.

Во Франкфурте встречала какая-то молодежная организация. Девушки, парни в одинаковых брючных синих костюмах. Нам предлагали какой-то напиток из кувшинов. Народу встречало очень много. Но среди встречавших не нашлось родственников привезенных нами из Оричей людей.

Их выстроили по спискам и увели строем.

Перед прощанием говорили: «Дома будем еще не скоро. нас проверят на причастность к военным преступлениям»... Жизнь у них тогда тоже несладкой была. Магазины пусты. За 200 г хлеба отдавали пальто. Но нам запретили что-либо брать».

В 1977 году Лидия Николаевна получила письмо от Чапо Симона, ему было 55 лет.

«Я вспоминаю о Вас и о таких же, как Вы, Лидия Николаевна, которые тянули меня с того света назад».

Письма, наполненные искренним чувством благодарности, продолжают согревать сердце состарившейся Лидии Николаевны.

Она искренне верит: «Наш труд не был напрасным». И эта мысль помогает ей быть сильной и веселой, несмотря на возраст.

Полина Алексеевна Лаптева

«Смены у медсестер были дневные и ночные. Работали мы так: 10 смен в день, 10 смен в ночь. Если приходил состав с ранеными или больными, работали сутками, пока всех не выгрузим. 18-летние девчухи таскали по грязи, в непроглядной тьме, на носилках обескровленных мужиков. Кажется, до сих пор эта тяжесть в руках и спине держится.

В ночные смены тяжелых больных проверяли, подходя к ним с блюдцем касторки, из которого свисал горящий фитиль. Наутро медсестры выглядели чумазыми, как трубочисты: нос, щеки в копоти.

Немцу Папирсу после войны разрешили остаться работать в Кирове.

Как-то на автобусной остановке он увидел меня. Одет он был в старую свою солдатскую форму, без погон. Заулыбался, закричал: «Швестер Полина! Швестер Полина!»

Но мы страшно боялись обвинений в связях с пленными. Я отвернулась с таким видом, словно не узнала.

Наверное, ему было больно... Мне тоже неприятно за себя».

Анатолий Георгиевич Помаскин

В январе 1941 года Анатолию Помаскину исполнилось двадцать лет. В марте он был направлен в Свердловское пехотное училище, а с началом войны – в Читинскую область, где формировалась часть, и оттуда на фронт. Воевал под Москвой. После фронтового ранения Анатолий Георгиевич Помаскин был комиссован и назначен в райотдел НКВД Оричей.

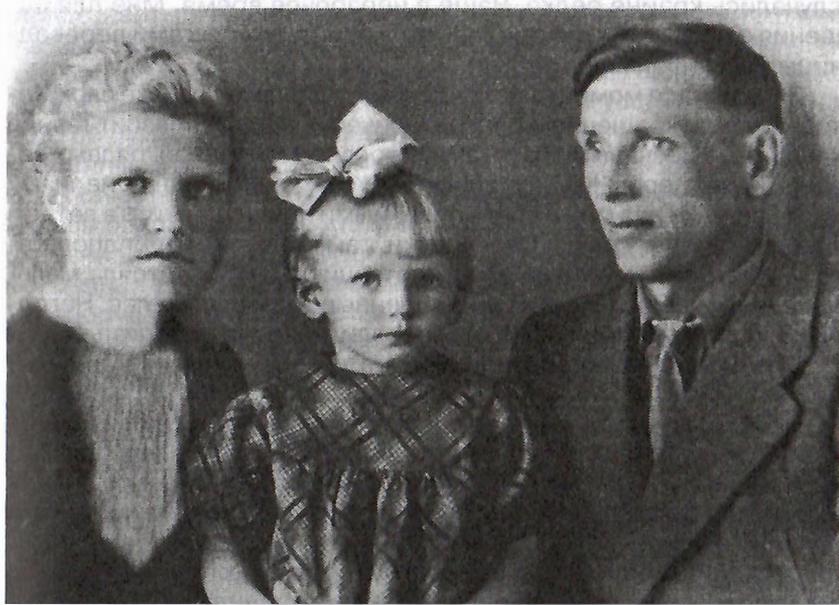
С прибытием военнопленных А.Г. Помаскин назначен заместителем начальника режима СГ № 1952.

«Моим начальником был старший лейтенант Головин.

Военнопленные прибывали в ужасном состоянии: грязные, завшивленные, истощенные до предела, зимой часто обмороженные и простуженные, полуживые.

Прием проходил по одинаковой схеме: полная санобработка, замена нательного и верхнего белья.

У пленных забирали имеющиеся ценные вещи из золота, которые вместе с описью передавались в областной ОПВИ при НКВД. Вещи по описи вновь возвращались к владельцам при репатриации.

*Сергей Георгиевич и Анна Николаевна Помаскины с дочкой Викторией.
Конец 40-х гг.*

Одежду, в которой прибывали военнопленные, после санобработки сдавали на специальный склад, до востребования при репатриации.

Требования к чистоте госпитального белья и одежды военнопленных со стороны командования госпиталя были очень высокие. При малейших претензиях к кому-либо из прачек следовало увольнение. Они дорожили своими рабочими местами, потому что зарплату платили пусть небольшими, но все-таки реальными деньгами.

Снабжение продуктами и медикаментами нашего спецгоспиталя все время, пока в нем находились военнопленные, было очень хорошим. Но это – для военнопленных. А санитарки, медсестры, врачи, работавшие в то время в спецгоспитале, от недостатка питания ослабли так, что не могли перепрыгнуть самую маленькую канавку, которая встречалась на их пути.

Среди военнопленных находились представители многих европейских государств. Были эстонцы, латыши, литовцы, финны, греки, испанцы, французы, западные украинцы, сербы, чехи.

После окончания войны в 1945 году на родину отправляли первых французов и финнов.

Мои контакты с военнопленными во время несения службы случались крайне редко. Чаще в нерабочее время. Мне для общения с немцами приходилось пользоваться услугами переводчицы Розы (фамилию забыл).

Запомнился момент, когда пленные разбили в поселке парк, который стал украшением центра Оричей. Парк был разбит в виде квадрата, с песчаными тропками, выровненной травой, рядами берез и других деревьев и кустарников... Кому парк помешал, не знаю?

Несколько раз мне с военнопленными пришлось жить в летнем лагере на берегу речки Снегиревки, там одно время предполагалось выстроить местную электростанцию. Там уже стояла мельница, небольшой сарай. Военнопленные заготавливали лес. Негодный для строительства лес отправляли на дрова в госпиталь.

Военнопленные работали в бригадах по 5 человек под охраной вахтеров.

Двое военнопленных в таких условиях бежали. Удивительно, как это им удалось. Одного задержали под Ярославлем, другого еще раньше – в Котельнице. В пути они питались тем, что давали им жители деревень за работу по хозяйству. Они пилили дрова, копали картофель, косили и убирали сено, ремонтировали жилье и хозяйственные постройки. Трудовой у них получился рейд.

Умерших в госпитале военнопленных хоронили на окраине поселка. Мы составили план места захоронения. Фиксировали каждую могилу с именем, фамилией, датой смерти военнопленно-

Ф.И. Анищенко – начальник материальной части госпиталя с супругой Розалией Ивановной – диет. сестрой госпиталя. Начало 50-х гг.

го. На каждой могиле ставили колышек с деревянной дощечкой, где краской писали номер и фамилию. Военнопленных хоронили в чистом нательном белье.

К сожалению, кладбище срыли после войны.

Среди военнопленных был венгерский водитель Юзеф Юзефович, он стал для меня другом.

В плен он попал, когда служил шофером при командире полка. Снаряд разбил машину, но они остались живыми, даже не ранеными. Красноармейцы, оказавшиеся поблизости, кричали им: «Стойте! Стрелять не будем!» Но венгерский полковник ринулся убежать, и в него стреляли. Один из выстрелов попал в цель. А Юзеф остановился... и попытался

представиться нашим солдатом. Он на русском, немецком и еще на многих языках разговаривал, как на родном, венгерском. Но его быстро раскусили. Посмеялись, что подвела шоферская привычка закатывать один рукав гимнастерки. Русские закатывали другую рукав, не тот, что венгры и немцы.

Отличный парень из Сегета!

В качестве заместителя начальника конвоя эшелона мне пришлось сопровождать репатриированных венгров в 1946 г. – от Оричей до этого самого Сегета, а затем побывать в Дербенце.

В дорогу эшелон упаковали по высшему разряду: от кухонного оборудования до простыней и матрацев, а уж колбасы, консервов, сахару – всего было в полном достатке. В Москве продуктов добавили еще.

Дорога запомнилась напряжением при проезде через Западную Украину. На проходящие составы нападали банды бендеровцев.

Случались казусы. На станции Каламые в Закарпатье банда бендеровцев ночью всех военнопленных из вагонов железнодорожного состава и накопительного пункта разогнала по окрестным лесам. Освободила, так сказать. Но как бы удивились «освободители», если бы узнали, что утром следующего дня все военнопленные вернулись. Все до единого!

С нами, к счастью, ничего чрезвычайного не произошло, доехали благополучно.

Юзеф сразу нашел жену своего погибшего командира, рассказал ей о муже.

Она жила в Дербенце. Нас пригласили в гости. С нами был местный полицейский и три местные женщины. Гостевание запомнилось искренностью и щедростью хозяйки. Мы по молодости, конечно, удивили ее чередованием напитков: пили крепкий 80-градусный ром и слабое, но очень вкусное вино.

Женщина имела небольшой магазинчик. А в Венгрии тогда была настоящая беда с солью, поэтому мы решили выделить ей целый мешок из остатков, выданных на дорогу.

Параллельно и одновременно с нами во Франкфурт-на-Майне шел эшелон с репатрированными немцами, который формировали в Быстрыгах.

Потом мы вернулись в Сегет. Нам обменяли леи на рубли и отправили эшелон обратно в СССР.

Немцы до самого последнего дня держали себя в фанатичной уверенности: «Мы победим!».

Среди старших немецких офицеров запомнился пехотный полковник. Был он, видно, из богатой семьи, от общих работ освобожден, держался надменно. Тем не менее он, как все другие офицеры, настойчиво учил русский язык. Когда прозвучало сообщение о капитуляции Германии, он подошел ко мне и с тревогой спросил: «Это правда, что вы победили? Что будет с нами?»

Ветераны госпиталя № 1952 после войны

Подобные вопросы казались нам странными: о чем они беспокоятся? Ведь по инструкциям, приходившим сверху, военнопленных нельзя было обидеть даже словом. Они знали об этом, но почему-то не верили.

Может быть, как у нас говорят, всяк по себе судит?»

Небольшое добавление к вышесказанному

Анатолий Георгиевич Помаскин – единственный из всех вятских жителей, с которыми удалось поговорить по поводу спецгоспиталей, припомнил, что в последние месяцы службы в СГ № 1952 замечал на продуктовых упаковках отметки Красного Креста (Б.К.)

Спецгоспиталь № 3947

(г. Санчурск, с. Верхошижемье,
с. Пищалье – Суводский лесотехникум)

Госпиталь организован в городе Санчурске Кировской области 28 августа 1941 года. Начальником госпиталя назначен главврач районной больницы А.И. Прохоров, комиссаром – В.С. Казаков.

(Летом 1943 года спецгоспиталь был переведен в Суводский лесотехникум, что в 30 километрах от села Пищалье, почему и назывался Пищальским).

Через 9 месяцев госпиталь был «приговорен» высшими инстанциями к расформированию, однако этого не произошло.

16 ноября 1942 года госпиталь переведен в Верхошижемье.

В феврале 1943 года смена руководства госпиталя: старший лейтенант, военврач 3-го ранга А.А. Бушмакин получил приказ о назначении начальником госпиталя. Капитан Чиров – замполитом. Это случилось незадолго до приема спецконтингента (в приказе о приеме спецконтингента стоит дата – 1 марта 1943 года).

Хотя госпиталю пришлось не раз перебираться с места на место, он все равно остался вдали от железной дороги – в 40 км от станции Быстряги, куда прибывали военнопленные. Дальше тяжелых военнопленных везли гужевым транспортом, остальные добирались пешком. (Продовольственное снабжение шло в госпиталь со ст. Котельнич, до которой 85 км проселочной дороги).

Госпиталь рассчитан на 500 коек. Врачей – 5, медсестер – 30, санитарок – 39, остального обслуживающего персонала – 55 человек.

При госпитале было подсобное хозяйство площадью 18 га, которые обрабатывались исключительно силами сотрудников. Для 3-разового питания сотрудников имелась столовая.

Однако пятисоткоечный госпиталь не был достаточно подготовлен к приему более чем восьми сотен больных военнопленных. Произошла вспышка сыпного тифа.

Для организации борьбы с сыпным тифом в госпиталь из Кирова 7 раз выезжали бригады врачей (по 10 человек в каждой бригаде).

Руководство техникума, райисполком ходатайствуют о том, чтобы помещения техникума оставить по назначению – для учебы, разместив госпиталь в другом месте, и добиваются этого в 1944 г.

Начальник госпиталя Бушмакин 24.07.1943 года обращается с письмом к руководству.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37

**«Начальнику Управления НКВД СССР
по делам военнопленных и интернированию
генерал-майору Петрову;
Секретарю Кировского ОК ВКП(б) Лукьянову;
Начальнику отдела эвакогоспиталей Жислину**

Госпиталь занимает три здания по 120 коек. Перебрасывать в новое место трудно и принесет огромные затраты. Госпиталь обеспечен подсобным хозяйством. Каждый работник покупал за большие деньги семена для посева; вплоть до того, что менял на них вещи. Сейчас все это придется бросать, когда уже ничего не посеешь и не вернешь семян. Переброска будет стоить десятки тысяч рублей».

На письме Бушмакина имеется резолюция: «Для обучения 80 человек совсем ликвидировать госпиталь не целесообразно».

Летом 1944 года совместным распоряжением НКЗ и ОПВИ НКВД СССР госпиталь со штатом сотрудников, контингентом, всем имуществом передислоцирован на территорию Белоруссии.

СКУПОЙ СТРОКОЙ...

Довольно полно представить себе жизнь госпиталя можно по донесениям, хранящимся в ГАСПИ.

*Из донесения замполита Чирова
за первую половину марта 1943 года*

«В госпитале находится 457 военнопленных:

- немцев – 144;
- венгров – 174;
- итальянцев – 69;
- евреев – 28;
- румын – 15;
- австрийцев – 5;
- чехов – 10;
- поляков – 10;
- сербов – 1;
- испанцев – 1.

Среди них:

- раненых – 157;
- обмороженных – 65;
- истощены – 81.

В госпиталь не допускаются посторонние и установлен следующий распорядок дня:

подъем – 6 час. 30 мин;

завтрак – 7 час.;

обед – 13 час.

ужин – 20 час.

сон – 23 час.

Морально политическое состояние спецбольных следующее:

а) итальянцы, венгры, румыны, поляки очень довольны, что оказались в русском плену. Большинство из них уверены, что будут живы и возвратятся домой, что Гитлеру и Муссолини «капут»;

б) немцы настроены иначе. Во-первых, они не откровенны. Во-вторых, любопытны и интересуются расположением местности: какие населенные пункты находятся вблизи госпиталя? Обер-лейтенант Крюгель Эльфейн Альберт, летчик, интересуется расположением г. Кирова, промышленностью в нем, на каком расстоянии находится? Почему Япония не вступает в войну против России? Высказывает мысль: Англия и Америка парализуют сперва Германию, потом нападут на Россию и завладеют всеми странами;

в) также немцы недовольны, что им не разрешают писать родственникам домой письма через нейтральные страны.

Произошла ссора между итальянцами Вайлони Паскуали и Бартелло Дживони.

Военнопленные привлекаются к обслуживающему труду: колют дрова, чистят картофель, убирают за собой в палатах. Во всех палатах назначены старшие, а в отделениях – дежурные.

Прошу РК ВКП(б) воздействовать на снабженческие организации – облпотребсоюз и райпотребсоюз, чтобы они допоставили продукты, недоданные в 1-м квартале 1943 года личному составу: масло растительное – 20 кг; сахар – 18 кг; сало – 10 кг; мясо – 50 кг; яичный порошок – 10 кг; молоко сухое, кондитерские изделия, картофель – 1992 кг, овощи – 3556 кг.

Недополучены по фондам НКО картофель, овощи, молоко, солома.

Прошу оказать помощь семенными материалами для подсобного хозяйства в 25 га».

На этом донесение кончается. На донесении имеется резолюция: «В связи с отсутствием фондов просьбу выполнить нет возможности».

Из донесения за вторую половину марта 1943 года

«14 марта со станции Быстряги поступила партия военнопленных 234 человека.

16 марта прибыла партия русских, побывавших в плену, – 126 человек.

В пути с линии фронта санобработка военнопленных не проводилась, поэтому прибыли все грязные, завшивленные, больные тифом. В результате в госпитале вспыхнула эпидемия сыпного тифа.

19 человек из обслуживающего персонала также находятся на излечении. От сыпного тифа умер вернувшийся комиссованным с фронта Прошкин Афанасий Семенович.

Эпидемия создала упадочное настроение и подорвала веру в жизнь у многих военнопленных. В период с 1 по 30 марта в госпиталь поступил 881 военнопленный. Умерли в госпитале 126 человек; дорогой – 16. У прибывших военнопленных обнаружены следующие болезни:

обморожения – 200;

раненые – 188;

дистрофия – 121;

сыпной тиф – 112;

чесотка – 1;

гонорея – 1.

В госпитале в настоящее время находится 739 человек. Из них здоровы – 36».

Из донесения от 15.04.1943 года

«Верхошижемье. В госпитале находится 622 военнопленных, в том числе:

русских – 167;

поляков – 10;

немцев – 131;

евреев – 24;

итальянцев – 163;

румын – 20;

венгров – 85;

чехов и словаков – 13;

югославов – 1;

австрийцев – 8.

Больные тифом, раненые находились в вагонах...»

(Далее идет текст, написанный неразборчивым почерком. – Б.К.)

...Настроение офицерского состава военнопленных и других бодрое. Крюгель Эльфейн Альберт дал кровь больному не немецкой национальности.

Итальянцы и венгры считают, что климат для них здесь суровый, и они его не перенесут.

Военнопленные пилят дрова, убирают внутри корпусов, кузницы ремонтируют телеги, печники – печи. Отдельная команда копает могилы, убирает трупы.

Зам. начальника по режиму и охране спецбольных заявил, что я не имею права давать пленным газеты, даже подчеркнул: «Сошлитесь на меня, Гушеварова». Поэтому прошу дать разъяснение и указание.

Работают военнопленные крайне лениво. Дают низкий показатель и используют выход на работу как возможность насладиться природой. Впрочем, встречаются военнопленные, которые относятся к работе хорошо, но таковых незначительное число.

Переводчики свои: медсестры; учительница, работающая начальником клуба.

Врачи и медсестры пользуются большим уважением среди военнопленных. Близкого контакта (*неустановленных отношений – Б.К.*) не наблюдается».

Из донесения от 15.05. 1943 года

«В госпитале находится 544 раненых и больных:

русских – 199;

немцев – 109;

итальянцев – 110;

венгров – 62;

чехов – 14;

югославов – 1;

румын – 19;

поляков – 9;

евреев – 21;

австрийцев – 4;

испанцев – 1.

За май умерли – 37. Всего – 356. Поляки, румыны, отдельные немцы были рады известию, что немцев и итальянцев разбили в Северной Африке. Надеются, так скорее закончится война.

Дисциплина среди военнопленных хорошая. Спецбольные русской национальности недисциплинированы, не выполняют госпитального режима. Савикцев Василий отказался работать,

употребив антисоветские выражения, порвал полотенце. Трое разодрались между собой. Наблюдаются случаи воровства сахара и других продуктов друг у друга.

Среди военнопленных врачей нет. Военнопленные продолжают выполнять по госпиталю прежние хозяйственные работы.

В госпитале нет радио, не показываем кинокартин.

Встречаемся с недостатками хозяйственного порядка.

Во-первых, неполная реализация нарядов на продукты для военнопленных и личного состава сотрудников. Имеется наряд на муку из Верхошижемского района – 10 тонн, получили – 6. Рожь находится в 35 км, водяная мельница затоплена.

Госпиталь имеет 5 лошадей. Машины нет. Перевозка губит нас. В результате военнопленные оставались без хлеба двое суток».

Из донесений замполита Чирова за июнь 1943 года

«На 15 июня в госпитале находится 516 военнопленных:

русских – 197;

немцев – 105;

итальянцев – 95;

венгров – 61;

чехословаков – 11;

югославов – 1;

испанцев – 1;

поляков – 8;

евреев – 17;

румын – 17;

востраичцев – 3».

За июнь умерли 9 военнопленных.

Умерли за время 01.03 – 15.06 1943 года: русских – 4; немцев – 57; итальянцев – 173; евреев – 13; поляков – 5; чехословаков – 8; румын – 2; венгров – 118; австрийцев – 8; сербов – 1.

Умерли с 1 марта по 15 июня 390 человек.

(Здесь уместно сказать, что за все время существования госпиталя в нем умерли 405 военнопленных; среди них: русских – 5; немцев – 60; итальянцев – 178; евреев – 12; поляков – 6; чехов – 9; румын – 2; венгров – 121; австрийцев – 10; сербов – 1. – Б.К.)

«Когда наш переводчик читал ноту тов. Молотова для немецких офицеров о насильственном уводе в Германию русских, то офицеры: Крюгель, Армин, Келлерт, Пони – встревожились. Они

говорили: «Это пропаганда!» Далее говорили, что в Германии русские прекрасно живут, работают на фабриках и заводах, в сельском хозяйстве. Когда читали ноту рядовым военнопленным, они целиком и полностью подтвердили ноту. Венгерские военнопленные также подтвердили ноту. Они лично видели, как немцы расстреливали русских, жестоко издевались над ними и насильственно угоняли в Германию.

Сообщение, что армия Роммеля разбита в Африке, также поразному принято: немецкие офицеры молчали, у них изменился вид – чувствовалось похоронное настроение, также и немецких солдат.

Итальянцы радовались успехам наших союзных войск и спрашивали, когда кончится война. Есть случаи нарушения дисциплины со стороны военнопленных: Макаревича, Дубровского, Корниенко, Савикцева, Тайхенбая, Вулера. В первом корпусе всю палату (...) подвергли наказанию «за систематическое нарушение дисциплины и госпитального режима».

Эпидемия инфекционных заболеваний в основном закончилась, но отдельные случаи сыпного тифа встречаются.

Военнопленные заготавливают и подвозят дрова, воду, работают портными. Продолжается самообслуживание в корпусах.

Переводчики есть в каждой палате.

Прочитаны для военнопленных лекции: «Ленин – Сталин – великие патриоты русского народа», «О текущих событиях на фронтах ВОВ».

Выявлено, что санитарка Кислицына А.Е., ездовой Филенок В.С., парикмахер Постникова А.Е. вступали в близкие разговоры со спецбольными и обменивали табак на мыло. За что Филенок В.С. и Кислицына А.Е. с работы уволены, Постникова А.Е. исключена из комсомола. Другие предупреждены.

Отношения военнопленных и обслуживающего персонала в основном хорошие.

Состояние охраны хорошее.

Связь с оперативными работниками хорошая. Начальник оперативного отдела НКВД Стариков пробыл трое суток».

В последнем донесении из Верхошижемья замполит Чиров описывает сцену отправки в Суводи пароходом последней партии военнопленных летом 1943 года. Большинство людей были тяжело больны, некоторые не вставали. Тем не менее все кричали остававшимся в Верхошижемье сотрудникам: «Спасибо!» Расставались со слезами.

Из донесений за период 15.10 – 15.11.1943 г. (п. Суводзь)

Умерли 3 немца. В списке военнопленных на 15.10 насчитывается 267 человек; на 15.11 – 351 человек.

В донесении Чирова от 15.11.1943 года отмечается воодушевление, с которым встретили итальянцы Декларацию Московской конференции об Италии.

Румыны (68 человек) во главе с капитаном Арвинти, врачом-терапевтом, желают пойти воевать добровольцами против гитлеровской армии.

Немцы, узнав, что румыны откликнулись на доклад Сталина намерением идти воевать против Гитлера, стали уговаривать их: «Напрасно затеваете преждевременную организацию борьбы против Гитлера. Ведь здесь нам хорошо, кормят, тепло, хорошо и уютно. Здесь Вы будете живы, на фронте могут убить». Немецкие офицеры и младший комсостав не верят, что они будут разбиты. Привожу характерный случай. 26 октября немецкий офицер Гасар избил румына Штадьера за то, что он рассказал в палате: «Русские заняли Мелитополь, Днепропетровск, Киев. Против немцев выступил польский корпус имени Костюшко, генерал дивизии Берлинг, который захватил 10 немецких генералов. В конце Штадьер добавил, что Гитлеру – разбойнику скоро придет капут». В этот момент Гасар закричал со злостью: «Нельзя так говорить о Гитлере, о таком большом политическом деятеле. Простой солдат не может рассуждать!» После этого ударил Штадьера по щеке. Гасару дали сутки ареста. Немец, старший ефрейтор Шток Генрих Иозеф в своей палате ведет разговор в том духе, что московская конференция – пропаганда, и верить сообщениям ее информационного бюро не стоит.

Вообще, кроме немцев, рядовые военнопленные других национальностей ведут себя бодро, ждут, что Гитлеру придет скоро «капут», и они поедут домой.

На 15.12.1943 года в госпитале 247 военнопленных. Настроение среди офицерского состава упадочное. Офицеры не верят в победу Красной Армии. Считают, что в газетах о победах Красной Армии пишут неправду. Уверены – победа будет за Гитлером. Такого же мнения немецкие солдаты, говорят между собой: «Надо меньше работать. При чтении газет не возражать, а поддакивать». Ведут и совсем фантастические разговоры: «Что будем делать, если около госпиталя высадится немецкий десант?» – «Откроем двери и выйдем с продуктами. Расправимся с командованием госпиталя, и нас наградят “Железным крестом 3-й степени”!»

Румыны в большинстве своем ненавидят немцев. Желают вести борьбу против них. Проклинают Гитлера, Антонеску.

Румынский врач лечит больных других национальностей.

В донесениях Чирова отмечаются такие нарушения дисциплины:

- «разбил градусник»;
- «пьют холодную некипяченую воду»;
- «воруют друг у друга порции хлеба»;
- «рвут пополам полотенца».

Главные нарушители внутреннего распорядка – немцы.

За все нарушения налагаются административные взыскания.

ВРАЧЕБНЫЕ КАДРЫ

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 2248

Список специалистов с высшим образованием в ЭГ № 3947
на 1.12.1943 г.

1. Бушмакин Александр Андреевич, 1905 г. р., вуз – 1937, нач. госп., хирург – с. Шестаково Слободского р-на.
2. Бушмакина Вера Александровна, 1912 г. р., вуз – 1936, терапевт – с. Шестаково, нач. отделения.
3. Двоеглазова Валентина Константиновна, 1920 г. р., вуз – 1942, выпускница мединститута.
4. Ворожцова Антонина Михайловна, 1916 г. р., вуз – 1942, выпускница мединститута.
5. Смышляева Анна Федотовна, 1905 г. р., вуз – 1936, врач-ординатор в Кирове.

ВОСПОМИНАНИЯ

Галина Николаевна Гребнева (с. Пищалье)

«Война началась, когда мне было 12 лет. Я успела окончить 4 класса, а больше учиться не довелось, потому что пришлось трудиться наравне со взрослыми. Нам, девочкам, еще можно было надеяться на какую-то малую поблажку, а парни 1928 года рождения трудились наравне с мужиками.

Г.Н. Гребнева в 50-е годы

В конце 1943-го – начале 1944 года председатель колхоза Илья Яковлевич Овчинников вдруг направил нас перевозить военнопленных из Тарасовых в Суводи (Пищальский лесотехникум). Они садились по 4-6 человек в сани. Одеты были в пальто и шинели. Ноги почти у всех замотаны тряпками. Зима в тот год была морозной. Мы, замерзнув, прыгивали, бежали, чтобы согреться, за санями. Пленным тоже, разумеется, было холодно, но они сидели, прижавшись друг к другу, словно боялись пошевелиться. Нам это казалось странным. Мальчишки зато пытались их даже злить, кричали им: «Гитлер капут!» Все они для нас были немцами.

Позднее нам пришло в голову, что бегать, как мы, они не могли, потому что не было сил. Тогда мы имели детский ум, а взрослым разговаривать с нами было некогда.

Помню, мертвыми в вагонах привозили в Тарасовы и наших солдат, и пленных. Складывали их у железной дороги (бывало вместе), только хоронили отдельно.

Страшное время было.

Хлеба, испеченного на 5 человек, в нашем доме хватало на два дня. Мама почти каждый день ставила квашню. Как-то я насчитала 25 нищих за день. Запираться от них мама не позволяла: «Не подать нищему – грех!» Если хлеб заканчивался, нищим отдавали по две-три картошки.

До 60-х годов мы не представляли, что могут быть выходные дни.

Грузов, которые я перенесла на своих плечах и перевезла лошаадьми, не счесть ни одной конторе. Приходилось пахать на быках, возить зерно, муку, картошку на сдачу государству.

Церковь села Шалегово мужики разбирали, а мы свозили кирпич и щебень в фундамент хранилища в Марадьково. Церковь в селе Камышница разобрали – для фундамента кирпичного завода в Стрижах.

Зерно из села Верхошижемье везли в Киров два дня – ночевали в пути. Дрова для госпиталя в Оричи возили по месяцу.

До сих пор мне странно видеть, что мальчики и девочки моего тогдашнего возраста ныне летом бездельничают.

Спецгоспиталь № 1149

(Белая Холуница)

Госпиталь № 1149 был эвакуирован в Белую Холуницу из Смоленской области.

Положение дел в госпитале всесторонне описывает акт проверки облздрави от 24.07.43 года. Ниже приводятся основные фрагменты данного акта (с сохранением стиля и пунктуации).

САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОСПИТАЛЯ

Санитарное состояние двора и прилегающих территорий – удовлетворительное. В палатах чисто. При обследовании вшивость обнаружена у одного больного. Состояние нательного и постельного белья удовлетворительное. Санобработка проводится регулярно. Однако, необходимо отметить, что в саду имеется мусорная яма, в которую выливаются помои. Яма открыта, не закрывается. Следует обратить внимание на нехватку уборных и состояние имеющихся. Заливка дезинфекционным раствором производится редко. Извести и хлорного молока недостаточно. В главном корпусе одна уборная на 509 человек. Устройство временной уборной в саду позволило бы пользоваться ею здоровому контингенту.

Военнопленные в июне 1943 г. в парке СГ № 1149

Вторая партия больных военнопленных, прибывших в конце июня, была с тремя видами инфекций. Она не была сконцентрирована в выделенном помещении. Партия была размещена по всем отделениям отдельными палатами.

При поступлении, были приняты достаточные меры против вшивости. Достаточно быстро была выделена форма № 4. Лихорадящие и с подозрением на это заболевание выявлены и помещены в две палаты. Точно так же выявлены и размещены больные с формой № 8.

Однако прибывшие этой партией военнопленные общались в столовой и коридорах, уборных. Мышкин, совместно с командованием госпиталя, дал телеграмму по этому поводу с требованием наложить на госпиталь карантин. Больные с инфекционными заболеваниями были сконцентрированы в трех отделениях, и к ним приставлены особые проинструктированные санитары из числа военнопленных. Некоторые из них справлялись с работой не хуже санитаров. Остальные больные, прибывшие со второй партией, собраны в смежных палатах левого крыла главного корпуса. Им запрещен выход в общую столовую, общую курилку и выделены отдельные часы прогулок.

ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ

Госпиталь имеет клинического типа лабораторию, которую возглавляет врач-специалист, прошедшая курсы усовершенствования, Шрамко Н.В.

Ей помогает опытная лаборант.

Количество проводимых анализов, однако, недостаточно. На каждого больного, прибывшего со второй партией военнопленных, проведено по два анализа. При этом явно недостаточно анализов мокроты на «БК», крови на РОЭ (реакция оседания эритроцитов). Эти анализы не проводятся по причине отсутствия химикалий, красок, капилляров к аппарату Панченкова.

Врач-лаборант, она же ординатор, ведет 80 больных. Старший лаборант чрезвычайно часто отрывается от своей работы на дежурство по кухне, общественную и прочую не связанную с медицинской работой деятельность.

Рентгенкабинет возглавляет врач Гризицкая. Она же – хирург госпиталя. Работает в госпитале по совместительству с основной работой в местной поселковой больнице. Рентгеноскопии подвергаются все больные госпиталя. Ввиду большого количества легочных больных требуется послать Гризицкую на специализацию по рентгеноскопии легких в город Киров.

Лечебное питание в госпитале формально существует. Практически, к сожалению, оно не обеспечено необходимым количеством продуктов.

ЧТО ЕЩЕ ПРЕДСТОЯЛО СДЕЛАТЬ?

Как всякий акт проверки, цитируемый документ завершался предложениями. Для исследователя они по-своему очень интересны: это те последние штрихи, без которых «портрет» госпиталя был бы неполным.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Изоляцию больных формой № 4 и № 8 строго поддерживать.
2. Поголовное ежедневное два раза в день термометрическое обследование всех лихорадящих больных в отдельных, выделенных палатах. Их обязательный осмотр ведущим терапевтом госпиталя.
3. Тщательный ежедневный осмотр всех больных и обслуживающего персонала на вшивость. Проводить регулярные санобработки.
4. Выделить и изолировать больных второй партии больных военнопленных, категорически запретив им общение с больными первой партии.
5. Выделить отдельные палаты для поносящих больных. Особенно, имеющих в анамнезе указания на дизентерию. Всем подозрительным на дизентерию больным провести курс лечения сульфидином.
6. Туберкулезному отделению организовать отдельное мытье посуды кипятком, сжигание мокроты.
7. Отсутствие лечебного питания в госпитале снижает качество исхода лечения. Поставить перед МЭП-22 вопрос необходимости снабжения госпиталя продуктами с расчетом на 20 дней. При снабжении учесть отоваривание свежим маслом, молочными продуктами, мясом.
8. Диетврачу Шапиро проработать с врачами и работниками пищеблока:
  - а) вопрос лечебного питания, витаминосителей;
  - б) провести решительную борьбу с мухами.
9. Поставить временную уборную в саду госпиталя. Закрывать крышками мусорные баки и ямы. Два раза в день заливать уборные дезинфекционными средствами.

Корпус № 2 СГ № 1149

10. Фарминспектора, товарища Ицкову, обеспечить сульфопрепаратами, дезинфекционными средствами, капиллярами к аппарату Панченко, красками и химикалиями.
11. Отделу материального снабжения эвакогоспиталей необходимо отпустить госпиталю для заразных отделений хозяйственное оборудование по заверенному Мышкиным списку.
12. Реконструировать санпропускник госпиталя по предложенному плану. Создать пропускную систему в санпропускнике. Изготовить под кресло для стрижки волос железный противень.
13. Командировать рентгенолога госпиталя Гризницкую для специализации по рентгеноскопии туберкулеза легких (срок командировки согласовать с завоблздравотделом Зацепным).
14. Доктора Шапиро командировать для специализации по туберкулезным больным (в порядке выполнения функций врача на рабочем месте) в эвакогоспиталь № 3154, сроком на две недели.
15. Врача Гудкову командировать на специализацию в патологоанатомическую клинику профессора Вайля сроком на один месяц.
16. В целях улучшения и увеличения количества проведенных анализов лабораторией госпиталя выделить второго лаборанта, для чего послать его на специализацию в г. Киров, сроком на один месяц.

Акт подписали:

главный терапевт отдела эвакогоспиталей Кировского облздрава Мышкин,

начальник госпиталя капитан медицинской службы Горшков,
начальник медицинской части госпиталя Гудкова,
замначальника по политчасти капитан Григорьев,
замначальника по режиму и охране госпиталя капитан Наговицын.

В июле 1944 года уже хорошо известный читателю доктор Мышкин вновь посещает госпиталь № 1149 – и вновь, как главный терапевт облздрави, он возглавляет проверочную комиссию.

На день обследования в госпитале находилось 703 пациента. Большинство военнопленных вновь прибывшие: 490 – в апреле, 203 – в конце июня.

Контингент больных делится на группы:

1. Самая большая группа страдающих дистрофией 2-й и 3-й степени, в комбинации с авитаминозами «С» и «В». Причем, в ней выделяется группа, где явления авитаминоза преобладают над истощением. Группа цинозных больных с выраженным кровоизлиянием в толщу мышц и кожи.
2. Большая группа больных туберкулезом, находящихся в состоянии декомпенсации процесса с выраженным явлением истощения и сопутствующими гиповитаминозами. В большинстве это больные с гематогенной формой, в фазе фильтрации и распада.

Военнослужащие из медперсонала и отряда охраны СГ № 1149

3. Значительная группа больных острой дизентерией – 9 человек. К этой группе необходимо добавить группу больных, страдающих колитами без крови, со слизью, и где в анамнезе – 80% имеют указания на перенесенную дизентерию. К концу обследования удалось установить до 40 таких больных.
4. Группа больных сыпным тифом – 10 человек. 13.07. один умер. Один лежит с подозрением на форму № 4 течения сыпного тифа. Течение сыпного тифа очень тяжелое. Почти на 50% поражено осложнениями, вторичной пневмонией. Из числа первой группы врачебной комиссией выделены 130 человек здоровых, годных к отправке в лагерь.

ВРАЧЕБНЫЕ КАДРЫ

Список врачей, работавших в ЭГ № 1149 на 6.12.1943 года.

1. Гудкова Ольга Кирилловна, 1926 г. выпуска вуза. 1900 г. рождения, начмед госпиталя, хирург-гинеколог со стажем 15 лет. До войны работала в Воронежской клинической больнице. Помимо административных, выполняет обязанности хирурга (ко времени прибытия военнопленных выбыла).
2. Шрамко Надежда Васильевна. 1941 выпуска вуза. 1918 года рождения, зав лабораторией госпиталя, бывший терапевт местной больницы.
3. Шапиро Берта Моисеевна, 1925 года выпуска вуза, 1898 г. рождения, начальник отделения госпиталя, педиатр с 17-летним стажем во 2-й Одесской педиатрической больнице.
4. Коновалова Тамара Тимофеевна, 1942 года выпуска института, 1918 года рождения, начальник отделения госпиталя, врач-лечебник по специальности. Направлена в Белую Холуницу работать педиатром в больницу, в госпитале работает на полставки, по совместительству. Потом выполняла обязанности начальника отделения.
5. Булатова Анфиса Павловна, 1938 года выпуска вуза. 1915 г. рождения, ординатор. До войны 5 лет работала педиатром в больнице Белой Холуницы. В госпитале выполняет обязанности врача-рентгенолога и врача-лечебника. (Выбыла в феврале 1944 года).
6. Александрова Татьяна Ивановна, 1926 выпуска вуза, 1899 г. рождения, начальник отделения госпиталя. Выполняет обязанности терапевта. До войны работала заведующей детской консультацией в г. Бугуруслан. Стаж работы – 17 лет.

Группа врачей СГ № 1149

7. Гризицкая Елена Федоровна. Начало рабочего стажа – 1931 год, 1908 г. рождения. До войны 12 лет работала хирургом в Белохолуницкой больнице. В госпитале выполняет обязанности штатного хирурга. (В госпитале работает на полставки по совместительству).
8. Степанова Нина Ивановна. Врачебный стаж с 1938 г. 1911 г. рождения. До войны работала 5 лет врачом в Белохолуницкой школе слепых. В госпитале работает общелечебным врачом.

К указанному списку врачей на день обследования госпиталя добавилась работавшая по совместительству на полставки терапевт Клейман. В помощь врачам выделены три субординатора. Кроме того, из военнопленных привлечены к работе врач ЛФК, зубной врач, фельдшер и несколько санитаров.

ПИСЬМО МЕДСЕСТРЫ

Ксения Филимоновна Байкова, медсестра 1-го отделения госпиталя № 1149, 26 мая 1943 года обратилась с письмом к начальнику отдела госпиталей ЭП–22 Жислину.

Ее письмо обнаружено мной в Архиве социально-политической истории. Это письмо хранится в ГАСПИ вместе с такими важными историческими документами, как донесения замполитов, переписка обкома ВКП(б) и Комитета Помощи Раненым.

Выпускники средней школы Б. Холуницы, утром 22 июня 1941 г.
Во втором ряду сидит М.А. Черезова

Письмо медсестры Байковой приводится здесь с незначительными сокращениями.

«Прошу рассмотреть мое заявление и направить меня работать в действующую Красную Армию. Родилась в 1922 году в Смоленской области. Мобилизована 26 июня 1941 года. Работала в госпитале № 1149, который перемещался из Смоленской области в Рыбинск (Ярославской области), Новосибирскую обл., только затем сюда...

Военнопленные в госпитале с 27 февраля 1943 года. Это наши враги, которые разлучили нас с родными и близкими, разрушили наши города и села. А здесь приходится за ними ухаживать, лечить их. Я понимаю, что приказ Родины – наша жизнь.

Сейчас местность, где жили мои родные, наша Смоленщина, освобождена. Но известий от родных нет. Возможно, их нет в живых. Нет, не могу я больше за этими гадами ухаживать.

Прошу очень Вас направить меня работать в любое место, лишь бы не с пленными. Я желаю приносить пользу, как это делают другие. Я хочу мстить за моих родных, за разрушенную Смоленщину. Постараюсь делать все, что от меня потребуют. Отдам все знания и силы на лечение своих солдат. Сейчас пленных у нас мало. Штата больше, чем больных. Мы от больных тифом заразились и потеряли троих сотрудников...

Представьте, как тяжело работать в наших условиях. Пленных кормят лучше, чем нас. Им дают масло, сахар... А мы, личный состав, с октября не получаем сахара. Жиров не видим 4 месяца. Утром наш завтрак – 200 граммов картошки в «мундире», в обед –

щи из тухлой капусты. А врагов кормят так хорошо. Конечно, все зависит от нашего начальства. Оно сыто: пробы с питания пленных снимают и сухой паек получают. А про остальных не догадываются. Плюс к тому, от личного состава еще выделяют им капусту и картошку, помимо обеда, чего мы, медсестры, не получаем...

Приехали работники НКВД. Первое время добивались для нас улучшения питания. Теперь ознакомились с кухней и живут прекрасно. Остальные работники чуть ходят на ногах».

28.06.1943 года медсестра Байкова переведена на работу в ЭГ № 3154 г. Кирова.

ВОСПОМИНАНИЯ

В старом парке

Должен признаться, что воспоминания жителей Белой Холуницы и бывших сотрудников госпиталя № 1149 постепенно слились в моем сознании в некий целостный рассказ. Начать его хочется с описания парка...

Старый парк на берегу пруда и по сей день является украшением Белой Холуницы. Но красив он той особенной, грустной красотой, которая свойственна тем русским местам, которые после былого расцвета пережили период заброшенности, забвения, запустения... В ясный солнечный день здесь зыбкие рассеянные тени... Деревья помнят, что когда-то под ними сияла ухоженная трава, цвели клумбы, бил фонтан, и молодые влюбленные что-то говорили и говорили друг другу на своих заветных скамейках. Ведь это был не простой, а регулярный парк, спланированный по-европейски.

Одно из двухзданий напоминает замок. Сейчас его занимает школа. Дубовый паркет внутри давно уж вытерся, закрашены дешевой краской бронзовые дверные ручки и шпингалеты окон, нет зимнего сада, разрушены котлы калориферного отопления, подвал по весне затопляет, а крыша протекает при каждом дожде.

Но и остатки бывшего великолепия потрясли даже много видевшего в жизни 76-летнего итальянского графа Г. Калеппио, специально приехавшего сюда в 1994 году. Старый солдат, побывавший в советском плену, он занимался розысками захоронений итальянских солдат, умерших на территории СССР во время второй мировой войны.

Когда-то в особняке размещалось педучилище. Но осенью 1941 года педучилище освободило здание для лечения солдат и командиров Красной Армии.

Особняк управляющего Белохолуницкого завода в годы войны был приспособлен под госпиталь. Сейчас здесь размещается школа.

К началу 1943 года недолеченных раненых развезли по 6 госпиталям Слободского и Кирова. Росшие по периметру парка голубые ели заменили пятиметровым забором с колючей проволокой, вышками для внешней охраны и следовой полосой.

Позднее добавили к парковому ансамблю танцплощадку, летний клуб, продуктохранилище с ледником, склад обмундирования.

Помещения в зданиях перепланировали: классы превратились в предоперационную, перевязочную, аптеку, библиотеку и единственный на район рентгеновский кабинет. Обновили белье, завезли такие продукты, каких сотрудники и не видывали.

Райисполкому пришло дополнительное распоряжение о необходимости бесперебойного снабжения госпиталя хлебом, сливочным маслом, молоком, сметаной, картофелем. Правда, не учли (да и вряд ли могли учесть, даже при желании) привязанность южан, и прежде всего итальянцев, к фруктам и зелени, но выручали местные пацаны...

В.И. Устюжанин весной 2002 года вспоминал:

«Мне тогда было четырнадцать лет... Когда пришло лето, таскали военнопленным свежую крапиву и кое-какую зелень, морковь, свеклу, брюкву и другие овощи с грядок. У некоторых жителей в огородах рос табак, пользовавшийся большим спросом. В обмен получали свистки, брелки, деревянные самодельные игрушки».

Может сложиться впечатление, что в Белой Холунице пациенты госпиталя наслаждались сытостью и комфортом, безмятежно ожидая встречи с солнечной теплой родиной.

Ждать-то, разумеется, ждали. Но что у них было на душе, у этих «счастливых» пациентов?

До прибытия в Белохолуницкий парк был Сталинград. И месяц пути от Сталинграда до Слободского... И полсотни километров Сибирского тракта до Белой Холуницы... Морозы, голод, болезни, последствия ранений еще по дороге сюда отняли 523 жизни бывших солдат Паулюса. Начавшиеся еще в окружении, на месте боев, тиф, туберкулез, пневмония, гангрены, дистрофия всех степеней оставляли людей на погостах Слободского, Ильинского, Слободки...

Умирала и сотрудники госпиталя.

Н.П. Сычугов вспоминал: «Я был мальчишкой, но все уже понимал. Моя мама заразилась тифом. Спасти не смогли. Умерла».

Умерших в госпитале военнопленных подводами отвозили на участок в дальней части кладбища, там и хоронили. Возможно, место выбрали потому, что в 1933 году какой-то неизвестный польский инженер с завода похоронил здесь свою еще совсем молодую жену. В память о ней оставил на большой, три обхвата сосне затес с надписью. И вот война начала пополнять интернациональную часть старого погоста.

Чужая смерть, округу заполонили волки. Зимними ночами стаи появлялись даже в городе. Стрелок охраны подстрелил как-то зверя у самых ворот госпиталя.

Будущие сотрудники СГ № 1149. Справа Игорь Колесников

*В.В. Попова, статист
канцелярии СГ № 1149,
учительница и директор школы
№ 1 в Б. Холунице*

Валентина Ивановна Собачкина работала в госпитале парикмахером. Она рассказывала: «Подводы с пленными приходили почти всегда ночью. Нас немедленно собирали для проведения санобработки. Почти всех их видела обмороженными, завшивленными. У всех были с собой семейные фотографии. Многие предлагали посмотреть на своих родных и близких».

Мария Алексеевна Черезова, окончив школу, первые три военных года проработала на заводе. После войны Мария Алексеевна закончила педучилище и стала учительницей начальных классов.

«Зимой 1943 года, – вспоминала она, – нас всех отправили расчищать дорогу на Слободской. Помогал нам маленький трактор с клином из бревен,

за ним оставались отвалы снега. В снежном отвале у деревни Слободки я вдруг увидела босую ногу. Подошла ближе и увидела труп исхудавшего мужчины с бородкой, почти без одежды. Другие девушки также натыкались на жуткие находки».

Анна Кирилловна Еремина из Нижнего Новгорода написала мне в 2001 году:

«Наш дед отвоевал три войны в начале XX века. Воевать с Гитлером его не взяли. Стар. Бабушка плакала: «Ерепенился все – в военкомат ходил, просился на войну». В 1959 году ему 85 лет стукнуло, он двухпудовой гирей привязь вколачивал у ворот. Родом наша семья из Татарии, дед очень любил лошадей. Военком его на всю войну и прикрепил к ним. С нами, ребятней, дед о пленных никогда не разговаривал. С бабушкой чем-то делился...».

Жительница Слободского Эмилия Ивановна Пэма:

«Военнопленных, прибывших по железной дороге в Слободской, размещали в здании манежа, при стадионе.

Подогнав подводы, приходилось наблюдать, как они ведут друг друга под руки, а то и несут в сани. Одежда на них годилась только для лета. Ходом греть себя не могли. Потому и мерли в дороге. Живые с мертвых тряпье стаскивали, укутывались, а покойников выталкивали на дорогу».

Альбина Васильевна Ильина в 90-е годы писала в районной газете:

«С зимы 1943 года мы с соседским Колькой повадились ходить к госпиталю “смотреть фрицев”. Стоим в опорках, мерзнем у ворот, пока охранник не шугнет нас. Среди военнопленных запомнился пожилой немец, которому почему-то разрешали выходить за ворота. Он сносно говорил по-нашему. Познакомились. Звали его Вальтер, а мы переименовали на дядю Витю. Подкармливал нас: кусочек сахара, ломтик хлеба или еще что-нибудь. Для нас это было настоящим счастьем. Был он с нами ласков. Как-то рассказал, что в Германии у него остались две девочки и два мальчика, и он очень по ним скучает. До войны он был рабочим... Как-то пришли к воротам, а охранник кричит: “Тиф. Умер ваш Витя. Уходите отсюда”».

Уж столько лет прошло, как закончилась война, но пожилую слобожанку (она просила не называть ее имя) по ночам, как навязчивый кошмар, будит одно воспоминание раннего детства... «Несмышленишами-малышами мы стояли на обочине дороги зимой, пропуская обоз с людьми. Кто-то из нас крикнул им. Один из них отломил отмороженный палец, швырнул в нас».

Последняя партия военнопленных в Белую Холуницу из Слободского отправлялась колонной и на лошадях летом 1943 года. Старые слобожане вспоминают, что «начало колонны ушло за мост, а хвост еще выходил из города».

До того слобожане видели военнопленных на стадионе, где пленные, сгорбившись, сидели на траве. Казалось, горбились они под градом мальчишеских криков из-за решетки забора. Жители, поднимаясь рано утром по откосу с берега Вятки, проходя через кладбище, огибали приготовленные или только что зарытые могилы. Иногда замечали выглядывающих из-за забора пленных, которые хотели увидеть, где похоронен друг, умерший прошедшей ночью. Забор разделял вечный приют – для тех, чей кредит на жизнь, отпущенный войной, закончился, и приют временный – для оставшихся в живых. Могилы военнопленных и красноармейцев разделяла узкая тропка.

15 марта 1943 года в госпитале находилось 390 пациентов. 353 из них – итальянцы, остальные венгры, мадьяры, немцы. Были и власовцы.

Похоже, что особенно запомнились итальянцы. Однажды теплым весенним днем 1943 года в особняке распахнулись окна второго этажа, и жители увидели, что на огромных подоконниках расположились веселые, курчавые, черноволосые парни.

Интересно, что в двух источниках – в письме из Иркутска от свидетельницы тех дней, а также в воспоминаниях жителя Белой Холуницы – мне встретилось одно и то же фольклорное отражение дав-

них событий, но, правда, с чуть разными словами. Холуницкие не годятся для печатной строки, а вот из иркутского письма привожу:

*Кабы милому пришлось
Хоть немножечко пожить,
Итальянского солдата
Не стала бы любить.*

Корреспондентка из Иркутска писала:

«Услышала частушку летом 1944 года, в Ильинском. Слухов много было, что кто-то из деревенских пытался оживить найденных на дороге людей. Но деревенские языки много лишнего порой болтают»...

Но политруки Красной Армии «лишнего не болтали». Возможно, их беседы на парковой траве сыграли не последнюю роль в том, что некоторые итальянцы решили идти на войну с Гитлером. После выхода Италии из союза с Германией набралось два взвода добровольцев. Их обмундировали, и они пешей колонной отправились в Слободской. Кто знает, что виделось им на этом пути... Но нет сомнений, что не все дошли по военным дорогам до белых итальянских домиков, увитых виноградными лозами.

При итальянцах из окон роскошного особняка разливалась музыка духовых инструментов, фисгармонии, губных гармоник. Да, нашлась в особняке и старая фисгармония!.. Порой звучало изуми-

Памятник итальянским жертвам войны, похороненным на кладбище Б. Холуницы

тельное по красоте пение. Итальянцы с большим желанием выступали с концертами и даже спектаклями в госпитале и в поселке.

Весной 1944 года оркестр духовых инструментов военнопленных играл на первомайской городской демонстрации. Но в этом был и оттенок горечи, ведь свои заводские оркестранты настолько ослабли от изнурительной работы и полуголодного пайка, что уже не брали в руки инструменты.

Для игры в невиданную игру «крокет», столь любимую иностранцами, рабочие деревообрабатывающего цеха выточили шары. Волейбол, шашки, шахматы также входили в набор развлечений вылечившихся, но остававшихся при госпитале людей.

Но на особенном месте был, конечно, футбол! Футбол объединял всех – и тех, кто пребывал в госпитале, и тех, кто имел право входить за высокий забор.

Комиссованный после ранения красноармеец Игорь Колесников устроился вахтером в госпиталь. Своим сверстникам, вернувшимся с фронта чуть позднее, он рассказывал: «Когда поблизости не было начальства, вахтеры, солдаты охраны, вместе с пленными очумело носились за мячом по полю, забыв снять кобру с оружием».

По классу игры четко выделились немецкая и итальянская команды. По отрывочным воспоминаниям можно, как мозаику, мысленно воссоздать «матч века», который, возможно, был организован командованием госпиталя.

Расселись зрители, игра началась по лихому свистку. И немецкие, и итальянские футболисты тотчас показали, на что они способны. Выкладывались на все сто. Никто не хотел уступать. Страсти на поле нарастали. Сейчас уже никто не сможет установить причину, но что-то вызвало спор. Спор разгоряченных игроков немедленно перешел в ссору, потом в драку, сладить с которой не смогла охрана. Досталось и ей. Смертей не было, но скреплять сломанные ноги, челюсти и ребра пришлось госпитальным хирургам. Пожалуй, это были первые не военные, а, так сказать, мирные, спортивные травмы.

И все же это было ЧП. При разбирательстве зачинщиками драки сочли немцев... и быстро выпроводили в лагерь в Верхнекамском районе. Сопровождающей медсестрой с ними ездила Л.И. Серкина, которую я повстречал уже 80-летней бабушкой.

Бывали и совсем не мирные выяснения отношений. Вести с фронта доводили немцев и итальянцев до потасовок в тихих углах особняка: к одним и тем же сводкам отношение было разное.

Люди по-разному переживали и то, что они, пусть в хороших условиях, но – в плену. Летом 1943 года унтер-офицер и рядовой

Сосна – ориентир на краю погоста, у которой хоронили первых жертв тифа, мороза и дорожных тягот

немецкий солдат совершили побег. При задержании под Котласом унтер-офицер погиб. Солдат рассказал, что планировали дойти до Архангельска и попытаться добраться до Германии морем.

К сожалению, как ни в одном другом госпитале, выздоравливающие немцы оставили о себе немало неприятных воспоминаний.

Но было и другое.

В начале лета 1944 года на улице Красной загорелась швейная мастерская. Огонь уничтожил семь домов и грозил переброситься на детдом, почту, банк. Жители – старики, женщины, дети да подростки – оказались бессильными перед огнем.

Военнопленные, схватившись за оглобли и толкая телеги с двумя бочками на каждой, носились до пруда и обратно. Другие, выстро-

ившись цепочкой, поливали из ведер стены и крыши ближайших к огню домов. Самые отважные тушили центр пожара. Пожарные из Слободского прибыли, когда пожар уже пошел на убыль.

Столяры, плотники и другие мастерские люди из пленных восстанавливали порушенное огнем здания, крыши. Н.П. Сычугос рассказывал: «На квартире у нас жила эвакуированная врач, работавшая в госпитале. Пленные сразу после пожара восстановили нам крышу. Однажды на себе принесли для квартирантки сразу 10 кубометров дров».

Летом 1944 года в госпитале находилось 708 человек. Более двухсот человек по медицинским показаниям направили в лагерь № 101 Вятлага. Несколько десятков военнопленных, которых нельзя было транспортировать, перевезли в другие спецгоспитали Кировской области. Остальных 415 военнопленных передислоцировали в Запорожье. Итальянский полковник Альдо в то время был назначен комендантом среди соотечественников.

Валентина Васильевна Попова (она работала в госпитале секретарем по учету кадров и выезжала с ними в Запорожье) рассказывала:

«В Запорожье пациенты нашего госпиталя мало напоминали военнопленных. Доброжелательность, предупредительность

были в них беспредельны. Их грела надежда, потом уверенность в скорой встрече с родиной, родными и близкими людьми».

Несколько жителей Белой Холуницы, уехав тогда, осенью 1944 года, остались на Украине. А Валентина Васильевна вернулась и, отработав в госпитале, уже в мирное время вплоть до ухода на пенсию была директором школы.

«Весной сорок пятого, – рассказывала Валентина Васильевна, – как-то я оступилась на территории госпиталя, вывихнула ногу, да так больно, что потеряла сознание. Итальянцы отнесли меня в санчасть и не захотели уйти, пока после уколов я не пришла в себя.

Весть о капитуляции Германии и конце войны распахнула души этих людей. Даже ворота госпиталя оставались открытыми двое суток. Слезы, рыдания, смех, песни, музыка на всем, что способно ее извлекать... Захоронили всех пациентов и военных, медицинских и хозяйственных сотрудников – всех вместе! Нашлось что выпить. Когда отпраздновали и вернулись к будничной жизни, все было на месте, ничего не украдено, не сломано.

Скоро первая партия репатриантов уехала в Италию. Мы расставались со слезами, но обмен адресами НКВД запретило».

Обоз из двухсот телег увозил их в сторону Слободского...

Мы не знаем, о чем мечталось и думалось тем людям, которые на тряских телегах в последний раз ехали по Сибирскому тракту...

Наверное, всматриваясь в вятское небо, кто-то всеми мыслями был уже на родине... Солнце, чудесные глаза Марии, залив...

А кто-то вспоминал... Фронт, заснеженные окопы, ранение, госпиталь...

Мимо проплывали березы и ели... В неласковой для них вятской земле навечно оставались друзья...

В 1994 году родственники Венценцио Маркетжони упростили знакомую москвичку съездить на Вятку, сфотографировать место, где похоронен их племянник.

Венценцио родился в 1922 году. Умер в Белой Холунице в 1943-м.

Спецгоспиталь № 2074

(п. Пинюг Подосиновского района)

Эвакогоспиталь № 2074 был организован приказом по Гомельскому облздраву 24.06.41 г. Через две недели госпиталь уже находился в шестидесяти километрах восточнее станции Зминка Орловской области. Через 18 дней передислоцировался на два месяца в Елец, потом – станция Убинская Новосибирской области...

И только затем – Пинюг. Это произошло 24 марта 1942 года. По существу, с этого времени началась основная работа, ради которой госпиталь и создавался.

Итак, госпиталь прибыл в Кировскую область из-за Урала. Сотрудники запомнили Убинское, как далекое сибирское село, переполненное эвакуированными. Под госпиталь там выделили здание местной школы. Своими силами провели текущий ремонт, построили прачечную, начали работать (точнее говоря, продолжили, ведь работа никогда не прекращалась).

Станция Убинская осталась в памяти сотрудников и по одному чрезвычайному случаю. Санитар госпиталя, Николай Васильевич Евстафьев, родом из Тамбовской области, очень резко высказался о советской власти, обвинив ее в неудачном для Красной Армии начале войны. НКВД срочно прибрал к рукам усомнившегося санитаря.

Командование госпиталя № 2074 с медицинскими сотрудниками, фото датировано 1949 г.

По распоряжению Сибирского военного округа госпиталь 6 марта 1942 года отбыл в Киров.

Еще при подготовке к новому переезду были приняты превентивные меры против сыпного тифа.

В Пинюге госпиталь разместился в железнодорожном клубе, школе и в помещениях лестрансхоза.

С 19 апреля 1942 года по ноябрь 1943-го госпиталь принял 1651 пациента. Поступали в основном бойцы и командиры Красной Армии с ранениями нижних конечностей.

За трудолюбие, верность врачебному долгу в указанные 11 месяцев работы госпиталя отмечены врачи и медсестры Н.А. Лещун, Е.М. Григоренко, А.Г. Сидоренко, В.Л. Давыдова, О.М. Плошкина и многие другие.

КАК ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ

Первая партия военнопленных прибыла 17 марта 1943 года. Принимали по счету, без всяких документов, поскольку таковых не оказалось. Насчитали 1094 человека.

Трудности, обрушившиеся на принимающий госпиталь, были предопределены организационными неурядицами, допущенными по месту отправления.

По прибытии эшелона в Пинюг выяснилось следующее:

1. Больные прибыли из какого-то распределительного пункта для военнопленных без именных списков, не говоря уже об историях болезней.

2. Больные следовали без сопровождения медперсоналом, без какого-либо разделения на инфекционных больных и здоровых.

3. Санитарное состояние вагонов, где размещались военнопленные, было ужасным; у многих военнопленных обнаружена зашивленность и чрезвычайная загрязненность.

4. Больные находились в пути около двух месяцев. За время пути произошло до 200 смертных случаев. Трупы доставлены в Пинюг.

При таких отягчающих обстоятельствах выгрузка больных военнопленных из вагонов продолжалась 6 суток. Чрезвычайный простой вагонов повлек за собой многотысячный штраф в пользу железной дороги.

Таким образом, коллектив госпиталя изначально оказался в чрезвычайно непростом положении. Госпиталь был рассчитан на 600 коек, а военнопленных, как было уже сказано, прибыло больше тысячи человек (не считая мертвых, с которыми тоже надо было что-то делать).

Нужно было действовать. И как можно быстрее.

Больных пропустили через баню. Их брили, мыли, стригли, одевали во все чистое и укладывали на такое же чистое белье. Тем не менее уже через два-три дня обнаружили случаи сыпного тифа.

Вспышка сыпняка разразилась среди военнопленных, которые и без того пребывали в тяжелейшем состоянии. Дистрофия и авитаминозы различной степени, туберкулез, воспаление легких требовали срочного и пристального внимания.

23 марта сыпной тиф обнаружен у парикмахера В.И. Визо. Вскоре уже 70% персонала и служащих были поражены этим высококонтагиозным особо опасным заболеванием! Каким-то образом смогли уберечься врачи С.С. Эльперин, Ф.И. Абрамович, В.В. Филиппова и несколько медсестер. На их плечи и выпал груз ответственности за спасение заболевших. Доктор Эльперин сутками не уходил от постелей больных. Немало случаев тяжелых форм болезни закончились благополучнее, чем можно было ожидать, только благодаря его врачебной настойчивости, исключительной добросовестности, вниманию и заботе. Сказался громадный опыт врача.

Не всех удалось спасти.

Четверо сотрудников умерли: прачка Русакова, чрезвычайно ослабленная работой; санитары Веселовских, имевший тяжелый миокард, и Дулькин, поступивший работать после ранения на фронте; повар Беликова.

Лузский районный отдел здравоохранения направил на помощь коллегам десять медсестер. Все они переболели. К счастью, смертельных случаев среди них не было.

Но среди военнопленных потери были громадные. Ослабленные дорогой, последствиями ранений и всевозможными болезнями, многие не смогли противостоять инфекции. Были ночи, когда умирали по 20 и более человек. Не успевали хоронить. Рыли общие могилы, хоронили по сто и более человек. Сыпной тиф практически выкосил первую партию военнопленных: до середины мая погибло около 800 человек.

Внутригоспитальная эпидемия была побеждена лишь к началу июня. Была одержана и другая весомая победа: тиф так и не вышел за пределы госпиталя. Неимоверными усилиями сотрудников удалось предотвратить расползание болезни по поселку.

В мае 1943 года поступила вторая партия военнопленных. В сохранившихся документах отмечено, что среди 319 прибывших находились 94 еврея из Чехословакии и Венгрии, служивших в немецких рабочих батальонах.

Санитарное состояние этой партии удовлетворительное. Больные прибыли в сопровождении медперсонала, с именными спис-

ками. В августе в таком же виде прибыла третья партия – 308 человек. Во избежание эпидемии при приеме этих партий были проведены карантинные мероприятия продолжительностью в 25 суток.

Затем до конца 1943 года военнопленные не поступали. Именно в этот период удалось привести госпиталь в более или менее удовлетворительное состояние.

5 июня 1944 года вновь поступило 66 военнопленных из Мурманска. Их состояние было ужасающим, 8 человек умерли в самые первые дни, несмотря на все усилия медперсонала.

ЛЕЧЕБНАЯ РАБОТА

Высокое начальство предполагает, а жизнь располагает.

Госпиталь № 2074 предназначался для исцеления людей с огнестрельными ранениями, а лечить пришлось в основном терапевтических больных.

Небольшое количество военнопленных с обморожениями и незначительными хирургическими проблемами собирали в первом корпусе, где находился хорошо оснащенный операционный блок. Всех остальных распределяли в 4-х других корпусах.

Мощная атака сыпного тифа была отбита. Но не прошла бесследно. Состояние пациентов ухудшилось:

- увеличилось количество туберкулезных больных;
- резко возросло количество дистрофиков;
- обострились скрытые прежде хронические колиты.

Статистика была красноречива: туберкулез потребовал к себе повышенного внимания.

Больные туберкулезом были сосредоточены в 3-м отделении. При этом их разделили на две группы: в одной – больные с открытой формой туберкулеза, в другой – с закрытой формой. Начальник 3-го отделения прошел в г. Кирове стажировку на кафедре туберкулеза Военно-морской медицинской академии. Цель командировки: познакомиться с последними достижениями в лечении туберкулеза, в частности, с показаниями к наложению искусственного пневмоторакса. Врач Абрамович была командирована в декабре 1943 года.

Полученные в ходе двух командировок знания применяются незамедлительно. В госпитале много нового. Уточняются диагностика туберкулеза, медикаментозные назначения (хлористого кальция, рыбьего жира, аскорбиновой кислоты и т. д.), показания к применению искусственного пневмоторакса и техника его выполнения; оптимизирована структура питания больных авитаминозами и туберкулезом.

В результате смертность от туберкулеза снизилась до 6–8 человек в месяц.

Успех нужно было закрепить. Консультантом госпиталя становится бывший его начальник Э.С. Берман, назначенный облздравом главным фтизиатром Кировской области.

К своим обязанностям Берман отнесся со всей ответственностью. Не реже раза в месяц он приезжал в госпиталь и на месте помогал решать возникающие проблемы.

Что касается больных дистрофией и колитами, сосредоточенных в 3-м корпусе, то в целом эта группа не вызывала каких-то особых опасений. Для лечения этой категории больных применяли качественное витаминизированное питание, медикаменты, физиотерапию, аэрацию, лечебную физкультуру, легкую трудотерапию. Исключая вспышку дизентерии летом 1943 года, смертность в этой группе больных была относительно невысокой.

В 1944 году в госпиталь поступило 693 военнопленных. 30 человек спасти не удалось. 380 человек после лечения и выписки отправлены в трудовые лагеря.

Состояние военнопленных при поступлении мало чем отличалось от прибывших в 1943 году. Но состояние госпиталя было уже совершенно другим – ситуация улучшилась по всем направлениям.

В этой связи интересно познакомиться с актом проверки санитарно-эпидемиологического состояния.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 187, л. 20–23

Из акта проверки от 7–8 апреля 1944 г.

На дни обследования установлено:

1. Санитарно-эпидемиологическая работа в госпитале проводится по определенному плану, составленному поквартально. Все мероприятия, предусмотренные планом в 1-й и 2-й кварталы 1944 года, выполнены.
2. В ведении госпиталя находится 5 отделений: первое – хирургическо-терапевтическое, второе – для выздоравливающих, третье – для туберкулезных больных с открытой и закрытой формами, четвертое – для больных с желудочно-кишечными болезнями, пятое – диагностическое. Кроме того, имеется один свободный корпус, на случай завоза инфекции.
3. Госпиталь рассчитан на 500 ранбольных. Но согласно последнему распоряжению Отдела эвакуационных госпиталей Кировского облздрова и НКВД по Кировской области, госпиталь развернут на 1000 больных. На день обследования – 925 человек. Имеется перегруженность палат, особенно в 1-м, 2-м, 4-м отделениях.

4. Во всех отделениях печное отопление. Температура – 20 градусов. Дровами госпиталь обеспечен.
5. Вентиляция в палатах обеспечивается через форточки и посредством кожухов печей 3 раза в день.
6. Мытье полов проводится горячей водой с добавлением хлорной извести до 2 раз в день. Генеральная уборка во всех отделениях производится не менее одного раза в неделю с мытьем нар и досок на койках горячей водой с добавлением дезсредств.
7. Санитарное состояние отделений в момент обследования в основном хорошее. Завшивленность при обследовании среди военнопленных не обнаружена.
8. За санитарным состоянием в палатах повседневно следят врачи, средмедперсонал, сами военнопленные. Ежедневный осмотр и проверка на вшивость. Данные осмотров фиксируются в историях болезни. Личный состав также проходит ежедневную проверку на завшивленность.
9. Спецконтингент проходит санобработку один раз в 10 дней с одновременной сменой нательного и постельного белья. Мылом обеспечены.
10. Вновь прибывшие больные размещаются до санобработки в эвакуприемнике.
11. Больные из отделений госпиталя (2-го, 3-го, 4-го и 5-го) проходят санобработку в специальном санпропускнике с пропускной способностью 15 человек в час. Санитарное состояние санпропускника удовлетворительное. Дезкамера исправна.
12. Прачечная госпиталя в момент обследования госпиталя находится в удовлетворительном санитарном состоянии. Белье из инфекционных отделений предварительно замачивается в дезсредствах, затем кипятится и стирается. Причем отдельно от другого белья.
13. Пищевые блоки 2-го, 3-го, 4-го и 5-го отделений расположены в отдельном здании. Его санитарное состояние удовлетворительное. 1-е отд. имеет свой отдельный пищеблок. Санитарное состояние его тоже удовлетворительное. Мытье полов в пищеблоке производится до 5 раз в день. Разделочные и раздаточные столы моются водой с добавлением хлорной извести. Посуда моется горячей водой, с добавлением хлорной извести. Посуда кипятится или чаще обдается кипятком. Больные туберкулезного отделения имеют индивидуальную посуду.
14. Все работники пищеблока обследованы в феврале на бактерионосительство. Носителей не обнаружено. Медосмотр работников пищеблока – два раза в месяц.

15. Требующие обеззараживания выделения больных на день обследования были только у туберкулезных. Они обрабатываются 10%-ным раствором хлорной извести. Все плевательницы имеют крышки и наполнены обеззараживающим раствором. Больные с открытой формой туберкулеза отделены от закрытой.
16. Нательного и постельного белья для контингента больных крайне недостаточно. В день обследования на 925 человек приходилось по 1,1 комплекта белья. Оно крайне застирано, ветхое, не имеет вида.
17. Уборные во всех отделениях очищены. Находятся в удовлетворительном санитарном состоянии, за исключением уборной во 2-м корпусе 1-го отделения.
18. На территории госпиталя имеются 4 колодца. Они исправны, имеют крышки и бадьи общего пользования. 3 колодца имеют питьевую воду, один – для хозяйственной воды.
19. Санпросвет работает. Не реже 3 раз в месяц проводятся врачебные конференции, общегоспитальные конференции медсестер – один раз в месяц. Начальники отделений проводят занятия со средним и младшим медперсоналом отделений – один раз в месяц, в разрезе практических противоэпидемических задач отделений. Начальники же отделений проводят занятия для военнопленных, санпросвет, беседы по привитию культурных, гигиенических навыков (один раз в неделю).
20. В ноябре всему обслуживающему персоналу госпиталя, не переболевшему сыпным тифом, сделаны противосыпные прививки. В апреле все сотрудники будут привиты против брюшного тифа. Часть сотрудников уже прошла.

Проверку провели:

Госсанинспектор Подосиновского района Цыбина,
Начальник госпиталя, капитан медслужбы Рабинович,
Начальник медчасти госпиталя Еленина.

Акт аналогичной проверки, проведенной в июле, фиксирует увеличение числа военнопленных: на 25 июля 1944 года их «больше 1000 человек».

По документальным данным (с учетом 1094 военнопленных из первого эшелона, принятых по счету, без карточек), за все время госпитализации военнопленных в СГ № 2074 поступило 2546 человек.

Умерли – 1002 (по другим документам 1200 – **Б.К.**).

Выписано – 1856.

Проделано физиотерапевтических процедур – 5428.

Рентгеновских процедур – 1794.
Проведено анализов – 13104.
Сделано операций – 442.
Сделано переливаний крови – 321.
Проведено иммобилизаций – 9.

ВРАЧЕБНЫЕ КАДРЫ

ГАКО ф. Р-2248, оп. «ЛС», д. 94, стр. 10 «А», «Б»

Список врачей эвакогоспиталя № 2074 на 1.01.1944 г.

(В списке приводятся следующие данные: Ф.И.О., год рождения, год окончания вуза, должность, работа до госпиталя).

1. Рабинович Давид Герцевич, 1889 г. р., 1916, нач. госпиталя, нач. медчасти. Детская больница – 28 лет.
  2. Елесин Владимир Александрович, 1908 г. р., 1930, начмед., терапевт – 12 лет, Зав. больницы в Краснодарском крае.
  3. Эльперин Самуил Семенович 1887 г. р., 1911, нач. отд., врач-инфектолог, ст. ординатор Гомельской инфекционной больницы.
  4. Зимин Константин Михайлович, 1902 г. р., 1927, нач. отд. – 14 лет, Мытищинская горбольница, хир. отделение, рентгенолог, хирург.
  5. Абрамович Фаня Иосифовна, 1903 г. р., 1935, нач. отд., ассист. 2-й инф. клин. ОМИ – 6 лет, терапевт-инфекционист.
  6. Мошева Нина Ивановна, 1918 г. р., 1942, ординатор, терапевт, до госпиталя училась.
  7. Солодкина Тамара Лаврентьевна, 1917 г. р., 1939, нач. отделения, Лонжа – врач амбулат., терапевт.
  8. Ордина Людмила Николаевна, 1918 г. р., 1942, ординатор, до госпиталя училась, терапевт.
  9. Филиппова Валентина Васильевна, 1900 г. р., 1928, нач. отдел., врач инфекционной клиники в Ленинграде, 14 лет, терапевт-инфекционист.
  10. Монусова Полина Михайловна, 1897 г. р., 1927, нач. лаборант, зав. лаборат. в Гомельской поликлинике, врач-лаб. – 17 лет.
  11. Эльперина Сарра Львовна, 1887 г. р., 1908, зубной врач Гомельской ДРП, 33 года.
- С 11 апреля 1944 года должность начальника госпиталя временно исполняет Елесин.

(Всего за время работы госпиталя сменилось три начальника. – Б.К.)

Немалую помощь в лечении больных оказывали военнопленные врачи. Таковых оказалось 13 человек: 2 немца, 2 итальянца, 9 чехосло-

вацких и венгерских евреев. В их числе были и очень опытные специалисты. Некоторые настолько продвинулись в изучении русского языка, что вполне грамотно делали свои записи в историях болезней.

ЕВРОПА НА СТАНЦИИ ПИНЮГ

В СГ № 2074 лежали на соседних койках, ходили по одним коридорам немцы, итальянцы, мадьяры, румыны, чехи, словаки, евреи.

Взаимоотношения больных военнопленных между собой были предметом постоянной заботы и пристального внимания со стороны командования, внутренней охраны, политчасти госпиталя и рядовых сотрудников госпиталя (причем особенного внимания требовали отношения немцев и итальянцев). Сами сотрудники, особенно средний и младший персонал, естественно, тоже находились под постоянным контролем.

Большая часть сотрудников была из Украины и Белоруссии, из областей, находившихся под оккупацией. Люди жили и работали в постоянной, неотступной тревоге за своих родных и близких, оставшихся на оккупированных территориях. Иногда женщины не выдерживали напряжения, но самое большее, в чем это выражалось, – в сердцах произнесенные вслух слова: «Лучше бы лечить своих!». Такие «возмущения» немедленно брались бдительными «контролерами» на заметку, но на работе никак не отражались. И для женщины-врача, и для медсестры, и для санитарки немец в госпитале – это не «проклятый фриц», принесший столько горя и, может быть, убивший на фронте мужа и родного брата, это больной, которого надо лечить, за которым надо ухаживать.

Специального переводчика не было. Благодаря чехословацким румынам из Прикарпатской Украины, неплохо понимавшим русский и венгерский, общение несколько облегчалось. Больным читались сводки Совинформбюро, проводили с ними беседы. Выручали советские газеты на итальянском, немецком, венгерском, румынском языках. Организовали и художественную самодельность, а творчество, пусть и не высокопрофессиональное, всегда способствует «смягчению сердец».

Имевшие место в первое время случаи межнациональных стычек, вызывающей недисциплинированности были решительно ликвидированы.

Надо сказать, что труднее всего было с немцами.

Там, в родной Германии, их нацистским воспитанием занимались с детства, многие прошли гитлерюгенд и были сознательными солдатами фюрера. Фашистская прослойка среди немец-

ких пациентов СГ № 2074 была достаточно сильной, потребовалось много усилий, чтобы ее расшатать.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАБОТА В ГОСПИТАЛЕ

Успехи лечения военнопленных, поступивших в состоянии авитаминозов, тяжелых форм дистрофии, были бы невозможны без целенаправленной хозяйственной деятельности госпиталя. Мясо, молоко, овощи, картофель, зерно, выращенные в подсобном хозяйстве, компенсировали перебои поставок продуктов со складов НКО. Основная часть продукции шла на питание военнопленных. Остальное – сотрудникам, не имеющим личных хозяйств, особенно эвакуированным.

Но извлечь пользу из ведения подсобных хозяйств смогли далеко не все. Не хватало квалифицированных специалистов, настоящих хозяйственников, способных организовать такую работу. С другой стороны, не всякий руководитель госпиталя мог успешно совмещать организацию лечебного процесса с такими явно не профильными проблемами, как содержание скота, проведение посевной, надзор за ростом зерновых и овощей, уборка урожая. Естественно, в большинстве госпиталей вопросы сугубо медицинские, безусловно, были на первом месте, все остальное имело второстепенное значение. Правда, были и казусные исключения. Так, например, отмечалась очень успешная работа подсобного хозяйства в Вахрушевском госпитале... при полной запущенности лечебного процесса (это притом, что лечили там не военнопленных, а красноармейцев, защитников Отечества).

Проблем с ведением госпитальных подсобных хозяйств, вообще говоря, было более чем достаточно. Колхозы выделяли для них участки бросовой земли, да и те ежегодно меняли; не было техники, а подчас даже самых простых инструментов для обработки земли; не хватало лошадей, удобрений, посевного материала.

Тем любопытней успех в ведении подсобного хозяйства спецгоспиталя № 2074.

Капитан медицинской службы Рабинович, подводя итоги работы при закрытии госпиталя, ставит в несомненную заслугу своим предшественникам то, что они нашли агрономов, животноводов, ветеринаров и других специалистов, которые смогли организовать труд военнопленных, причем организовать таким образом, чтобы военнопленные могли трудиться максимально свободно.

При заботливом, умелом обращении даже небогатая вятская земля сполна и щедро расплатилась за труд румын, венгров, итальянцев, немцев.

Сразу после окончания эпидемии сыпного тифа в госпитале были организованы мастерские: сапожная, портняжная, столярная, слесарная, кузнечная и, чуть позднее, гончарная. Выздоровевшие, самые сильные военнопленные привлекались к заготовке дров (в год в госпитале расходовалось до 5000 кубометров). Более слабые работали на кухне санитарями (кроме немцев). Привлечение к тем или иным работам военнопленных производилось в строгом соответствии с медицинскими показаниями. Вопрос всегда согласовывался с начальниками отделений.

Постепенно более сильные военнопленные были собраны во втором отделении, которое называли «рабочим». Списки рабочих, с указанием места работы, готовились с вечера, старший вахтер составлял наряд – и на другой день под командой вахтеров люди шли выполнять задания.

К сожалению, многие хорошие начинания были едва не загублены из-за неудачного подбора руководящих работников хозяев. Самый яркий пример – начальник материальной части госпиталя В.И. Назаров. Трудно сказать, о чем думал сей незадачливый начальник, но только не о проблемах хозяйственных работ. Он фактически развалил продовольственное и вещевое довольствие госпиталя, сорвал выполнение планов подсобного хозяйства и, что было очень досадно, заморозил производство кирпича. Однако механизм власти не позволял немедленно уволить члена ВКП(б), нерадивого, корыстолюбивого работника. Назарова сняли с работы лишь в июле 1943 года. Новому человеку пришлось все начинать заново...

Во всех отделениях военнопленные проделали большую работу по благоустройству. На территории госпиталя были разбиты клумбы, газоны, сделаны всякого рода украшения из зелени. Во второй зоне были устроены солнечные часы, весьма точно показывающие время. Отвели специальное место для курения, где поставили столы и скамейки. В палатах навели образцовый порядок.

Среди военнопленных нашлись мастера, сумевшие изготовить недостающий сельхозинвентарь – грабли, вилы, лопаты, мотыги, волокуши.

Столяры мастерили табуретки, стулья, столы, шкафы, рамы, корыта для стирки, причем не только для госпиталя, но и для местных хозяек.

Несмотря на трудности, в подсобном хозяйстве под руководством врача-лаборанта П. Манусовой все-таки организовали изготовление кирпича, столь необходимого и госпиталю, и для поселка; формы для кирпичей делали столяры из военнопленных.

Нашлись среди спецконтингента и классные кузнецы. Прежде всего они отремонтировали плуги, бороны, сеялки, телеги – все, что в первую очередь требовалось местному колхозу и госпитальному подсобному хозяйству.

Но сугубо хозяйственными нуждами труд военнопленных не ограничивался: мастера дали волю своей художественной фантазии. Они с удовольствием трудились над ложками, кружками, хлебницами, тарелками. Резчики украшали пепельницы, курительные трубки, изготавливали шахматы, шкатулки.

Роспись, затейливая резьба по дереву... Как далеки эти тихие мирные занятия от ужасающего грохота боев, истошного воя бомб и снарядов, от дыма пожарищ, фонтанов огня и предсмертных криков раненых солдат... Война осталась для ночных кошмаров, а днем, вырезая шахматную королеву, хотелось хотя бы в мечтах скорее вернуться к миру и спокойствию, к родным и близким, так хорошо улыбавшимся с заветных довоенных фотокарточек.

В госпитале наладилось целое производство великолепных кружек, в которые умельцы превращали обычные банки из-под американской тушенки. Кружками быстро забивали целый склад, но склад так же быстро и пустел: в окрестных селениях кружки раскупались на «ура», ведь полки местных магазинов пустовали...

ВОСПОМИНАНИЯ

Под стук вагонных колес

Поезд идет на север области...

Я рассчитываю найти бывших сотрудников спецгоспиталя № 2074 и записать их воспоминания. Это так же важно, как поиск нужных документов в недрах архива; может быть, даже важнее. Ведь документы, попавшие в архив, могут пережить не одно поколение людей, а люди... Люди рождаются, живут и умирают... Мне кажется, поезд идет слишком медленно. Я боюсь опоздать. Я прижимаюсь лбом к холодному оконному стеклу.

Поздняя осень. Холодное серое небо. И километр за километром – бесконечный лес... Изредка промелькнет свободное равнинное пространство, размытая сельская дорога, покосившиеся домики... И снова лес, лес, лес...

За окном под перестук колес проплывают оголенные светлые деревца, выбежавшие к насыпи, безнадежно протянувшие к железной дороге пустые черные ветви... За деревцами-нищенками – бесконечная неровная стена потемневших от непогоды сумрач-

ных елей... Грустный однообразный пейзаж иссечен мириадами повисших в воздухе снежинок...

Вагон старый, в оконные щели несносно дует. Немного согрел сладкий чай, принесенный проводницей... Следующая остановка – станция Пинюг. Уж скорее бы!..

Но вот, кажется, поезд понемногу замедляет ход... На столике граненый стакан позвякивает в подстаканнике. Чайная ложечка – простая, алюминиевая. А вот подстаканник просто раритетный. Определенно, ему не меньше полувека, такую чеканку сейчас не делают: в венке спелых колосьев – серп, молот и кремлевская звезда. Когда его держали в руках пассажиры военных и послевоенных лет, он был совсем новеньким... На кировской газете, купленной в дорогу в привокзальном киоске, расплылась капля чая, как раз на дате выпуска номера: «...ноября 2001 года». Вагон покачивается, вздрагивает на рельсовых стыках.

По этой железной дороге когда-то везли военнопленных. Эшелон за эшелон.

Больные и раненые пленные ехали в неизвестность. В наглухо закрытых вагонах. И хорошо, если была печка-«буржуйка» и было чем ее топить...

Железная дорога огибает болото... Люди с чемоданами и дорожными сумками потянулись по проходу к тамбуру... Чайная ложечка звякнула в последний раз и замерла.

«Пинюг, ваша станция», – поторапливает меня проводница. И уже в тамбуре зачем-то уточняет: «Отправляемся прямо сейчас».

Черная, чуть тронутая снегом платформа, раскисшие окурки. Холодно. Я поднимаю повыше ворот, поправляю рюкзак. Проводница машет мне: ступай, мол, ступай!.. Состав, тяжело громыхнув стальными сочленениями, медленно трогается и, набирая скорость, уходит от богом забытой станции.

Этому поезду еще ехать и ехать – к Северной Двине, к городу Котласу...

Здравствуй, Пинюг!..

...Несколько улиц с грязными дощатыми тротуарами, контора, школа, клуб за штакетным забором (немало штакетин было выломано, вероятно, для доблестных драк после танцев)... Что ж, так обычно и выглядят вятские леспромхозовские поселки...

Мимо меня, треща на весь поселок, разбрызгивая грязь, лихо проскакал по колдобинам оседланный влюбленной парочкой мотоцикл; определить родословную трескучего агрегата по причине его полной замызганности не смогли бы и лучшие эксперты: возможно, до вятской ссылки это была элегантная чешская «Ява», возможно – про-

*Фрагмент мемориала в
Пинюге венграм – жертвам
войны*

летарски настроенный «Иж»; но кем бы ни был он прежде, этот стальной росинант с пулеметной выхлопной трубой, здесь, в Пинюге, в нем явно развился неукротимый характер внедорожника!.. И наездник был ему под стать. Лихой парень, этот мотоциклетный пинюгский ковбой в американской бейсболке, незря так прижалась к нему девушка в красном плаще, наверное, местная королева красоты... Красный плащ еще долго маячил в серо-белом мареве.

Снег шел не переставая, а точнее, не шел, а висел в воздухе. Снежинки то замирали, то кружились навесу, словно не желая прикоснуться к неласковой черной земле.

Поселок Пинюг, каким я его увидел осенью 2001 года, словно для того и появился когда-то на свет, чтобы постоянно напоминать возгордившимся самонадеянным существам, называющим себя людьми: да, человек – дитя природы, но мать не обязана вечно баловать свое дитя, быть с ним неизменно доброй, ласковой и нежной.

Впрочем, это уже лирическое отступление.

А прибывавшим сюда раненым и большим военнопленным, даже представителям страны Гегеля и Гете, скорее всего, было совсем не до лирики и философских обобщений. Тем более что, покинув свои родные места и взяв в руки оружие, они шли на восток не под воздействием высокой поэзии, а в наркотическом опьянении речами Гитлера и доктора Гимmlера, в состоянии паранормальной экзальтации и неадекватного восприятия действительности.

Для кого-то этот сон наяву обрывался пулей, влетевшей меж глаз, или осколком снаряда...

Для многих отрезвление и «ломка» начались только после Сталинграда – уже в русском плену. И в Пинюге тоже.

Ясновидящий шумахер

У некоторых военнопленных, прибывших в Пинюг, особенно у немцев, были при себе вещицы из золота: брелки, портсигары, кольца, очки в золотой оправе. Некий чекист-оперативник, судя по воспоминаниям свидетелей, испытывал к таким вещичкам неудержимую страсть. И вскоре он был осужден за свою излишне

страстную «оперативность». К несчастью для многих, он был не только воришкой, страдающим «золотой лихорадкой», но и ретивым службистом. Он в буквальном смысле приравнял перо к винтовке. Его куда-то перевели, его уже не было в Пинюге, а составленные им докладные продолжали ломать человеческие судьбы.

Но иногда отлаженная репрессивная система давала сбой. И вот показательный пример.

Однажды сей бдительный карьерист-оперативник старательно зафиксировал подслушанный разговор:

«Отто Шумахер сказал Тимофееву: “Вы победили, но жить ваши люди будут все равно плохо”. – “Почему?” – “У вас слишком много начальников”».

Компромат явный. Однако, как ни удивительно, Шумахера не схватили, не судили, не отправили на лесоповал. Судьба «подозрительного футуролога» сложилась так, как мало кто мог ожидать. Вот уж действительно: «опер» предполагает, а Бог располагает!

Спустя десять лет после подписания в Карлсхорсте акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, в 1955 году, когда оставшихся по лагерям иностранцев давно уже репатриировали, военнопленный немец Шумахер, так неосторожно предрекший советским людям плохую жизнь и лишь одно изобилие – изобилие начальства, все еще оставался на территории СССР. Дело в том, что вступивший в ряды КПСС товарищ Шумахер возглавлял строительный трест в республике Коми. Так сказать, на своей шкуре испытывал, что такое быть начальником на стройке коммунизма.

Немец, как выяснилось, оказался выходцем из советских «обрусевших» немцев, в большинстве своем репрессированных сталинским режимом. Шумахер каким-то чудом уцелел. Повезло и на фронте: не убили. Наконец, повезло и в семейной жизни: жена нашла его после 15 лет разлуки; они жили в Воркуте, потом в Сыктывкаре; супруга подарила счастливому Отто четырех детей.

Впоследствии родители с младшими детьми уехали в Германию. А старший сын остался в Коми. Знакомство с ним укрепило меня в желании найти людей, когда-то трудившихся в спецгоспиталях Кировской области; я решил, что рано или поздно побываю в Пинюге.

Пинюгская пятерка.

Работа для будущей жизни

Осенью 2001 года в поселке Пинюг мне удалось встретиться и поговорить с бывшими сотрудниками СГ № 2074.

Их буквально можно было пересчитать по пальцам одной руки: пять человек. Всем далеко за семьдесят. А еще за год до нашей встречи их было одиннадцать. В 1942 году в госпитале было около трех сотен сотрудников, точнее говоря, сотрудниц, ведь мужчины были наперечет.

По воспоминаниям, эта история в общих чертах выглядит следующим образом.

Госпиталь, эвакуированный из Белоруссии и уже сменивший несколько мест дислокации, появился в Пинюге в начале 1942 года. К прибывшим сотрудникам присоединились специалисты из местных медицинских работников, а также из эвакуированных ленинградцев, которые квартировали тогда почти в каждом доме поселка и окрестных деревень. Лечили красноармейцев, поступивших с Ленинградского фронта, лечили как родных, отдавали этому все силы, ведь у каждой сотрудницы кто-то из *своих* был на передовой и в любой момент мог быть ранен или убит.

Но осенью сорок второго пришел приказ: «Приготовить госпиталь к приему военнопленных».

Наших еще недолеченных раненых увезли в Слободской.

Получили новое постельное и нательное белье, обмундирование, обувь.

К новому 1943 году госпиталь сверкал чистотой, палаты были готовы к приему спецконтингента. Но состав из 13 вагонов прибыл на станцию только в марте.

Прибывшие, путая русские и свои слова, твердили: «Кальт, кальт... Сталинград, окружение». Их состояние было очень тяжелым, вид ужасен.

Сотрудницы были потрясены, они поняли, кого им предстояло возвращать к жизни: женщины мыли, брили, стригли, кормили с ложек и поили микстурами полумертвых людей. «Их пришлось тянуть назад к жизни с того света».

Ни канализации, ни водопровода в госпитале не было. А ведь надо было мыть полы, стирать больничное белье, обрабатывать медицинский инструментарий, постоянно требовался кипяток. Воды в колодцах не хватало, нужно было воду возить с реки, а из леса доставлять дрова. А на чем возить? Лошади и машины использовались только строго для нужд фронта. Женщины и девушки, сняв белые халаты, впрягались в сани и телеги вместо лошадей... А в палатах ждали не красноармейцы, а те, кто красноармейцев убивал.

Еще до того мартовского дня, когда паровоз подогнал к Пинюгу тринадцать лязгающих вагонов, в коллективе госпиталя произошло волнение. Несколько человек из личного состава госпиталя попытались уехать сразу же, как только узнали, что надо бу-

дет лечить пленных фашистов. Госпиталь числился уже в подчинении наркомздрава, а не наркомата обороны, как прежде, то есть, иначе говоря, считался гражданским учреждением, и любой сотрудник имел законное право подать заявление об увольнении по собственному желанию.

Хотя командование госпиталя сумело сохранить ядро коллектива, какая-то часть сотрудников все же предпочла мобилизацию на фронт «работе по лечению врагов», а некоторые медсестры просто «удрали» на фронт, минуя всякие повестки от военкомата. Их задерживали, возвращали, но спустя некоторое время все повторялось.

С новым своим положением – с необходимостью выхаживать раненых и больных солдат вермахта – труднее всего было смириться женщинам, прибывшим из оккупированных территорий Белоруссии, Украины, из многострадального Ленинграда.

«Жить так, как до войны, уже не придется. Нет нашего дома. Нет отца, нет мужа, нет никого, с кем жила и дышала... Нужно поменять белье унтер-офицеру Шварцу, дать таблетки Майеру, померить температуру этому рыжему Фишеру... А кто скажет, где сейчас мой брат? Жив он? Убит? А если в плену – кто принесет ему воды? Кто накормит? Кто подаст ему чистый рушник? Господи, если бы можно было спросить: *“Вы не убивали моего брата, господин унтер-офицер? Вы не его повесили на воротах нашего дома?”* Но за такие вопросы могут бросить под суд... Нельзя их обижать, нужно, как говорил замполит, проявлять вежливость. *“Покушайте, господин унтер-офицер. Ну, пожалуйста, еще одну ложечку. Вам нужно много кушать, иначе вы не скоро еще поправитесь. А суп для вас сварили такой вкусный, такой вкусный. А пахнет-то как!”* Господи, уж лучше на фронт – вытаскивать наших раненых с поля боя. Уж лучше под пули, чем так».

От неотступных дум, забирающих душевные силы, было только одно избавление – работа.

«Так работой только и спасались для будущей жизни».

Вспышка сыпного тифа сосредоточила всех на одной цели – победить коварное заболевание. Объем работы утроился. Все были сосредоточены на том, чтобы спасти больных и защитить от заражения неинфицированных.

Но летом, когда с сыпняком было покончено, когда у военнопленных проявились явные признаки выздоровления и поправившиеся начали выходить на улицу, среди сотрудниц желание покинуть госпиталь усилилось вновь. Да и сводки Совинформбюро об освобождении от оккупации все новых районов будоражили истосковавшихся по родным местам людей и заставляли думать об отъезде. Останавливало только чувство долга.

Местное население, в большинстве своем также женщины, трудилось, не покладая рук, по 12-14 часов в сутки. Наравне со взрослыми работали и подростки. Мужчины, оставленные по брони в тылу и мобилизованные на трудовой фронт, работали на самых трудных направлениях, например, на лесоразработках. Им же пришлось в том месте, которое все здешние жители называли Северным Светофором, копать и первую могилу для умерших военнопленных, заниматься захоронениями и на других участках. Но умерших постепенно становилось все меньше: бывшие солдаты вермахта шли на поправку.

О питании, которым власть обеспечивала находившихся в Пионье военнопленных, вспоминают буквально все, кто пережил военное лихолетье. И для сотрудников госпиталя, и для местных жителей это было что-то умопомрачительное. Белый и черный хлеб; мясо, молоко и масло; свежая и копченая рыба, сухофрукты, сахар... Так не кормили защитников Отечества!

Сотрудникам полагалось питаться по нарядам и карточкам, да и те почти не отоваривались. Ржаная болтушка с головой копченой селедки – обычное меню сотрудников. Легче стало, когда наконец начали получать продукты с госпитального подсобного хозяйства: тогда появились горячие обеды и завтраки.

В окружающих деревнях жители и эвакуированные ели хлеб с мякиной, клевером.

Елена Селиверстовна Панова (Инькова), бывшая медсестра отделения выздоравливающих, мне говорила: «Мы были едва одеты. Бог знает, чем питались. Но не ныли. Трудились, ждали конца войны».

В госпитале имелась баклаборатория, аптека, рентген. Лечение и прежде, при красноармейцах, было налажено хорошо. Но в первые же дни после размещения военнопленных, как взорвавшаяся бомба, начиненная патогенными микробами, со страшной силой грянул сыпной тиф.

В разгар эпидвспышки умирали до двух десятков военнопленных за сутки. Смерть косила людей, особенно итальянцев и венгров, так неистово, что всем поселком едва успевали копать общие могилы.

Заболевших медсестер и санитарок вывезли в Пушму. По распоряжению райздравотдела их заменили группой медсестер из Лузской районной больницы.

Переносчиками сыпного тифа являются вши. Нужно было повторить всеобщую санобработку. Но шквалом нарастающее количество больных не позволяло организовать ее вовремя и в необходимом объеме.

Где-то в мае солнышко все чаще стало показываться из-за туч. Все военнопленные, способные передвигаться, потянулись на ули-

цу, поближе к земле. Ели траву. Поедался любой клочок зелени, выросший на обнесенной территории госпиталя. Ели крапиву, лебеду, щавель. Ели какие-то листочки, которые никто из местных жителей никогда даже не пытался есть. Кто-то из военнопленных ел и лягушек. Стали перелезать под ограждение. Охрана ругалась, делала с вышек предупредительные выстрелы. Но все бесполезно. Военнопленные вылезали за ограждение даже по дренажной канаве.

Летом эпидситуация нормализовалась. Все вздохнули с облегчением. Выздоровевшие пленные наконец-то вырвались из опустылевших палат, причем вышли на волю, так сказать, на законных основаниях. Работа на воздухе была им только в радость. Работали в подсобном хозяйстве – растили зерновые культуры, картофель, овощи, табак, ухаживали за скотом, выезжали в лес на заготовку дров, помогали соседним колхозам на сенокосе и уборке урожая.

Спокойные пейзажи, мирный лес, озвученный гомоном птиц, просторные поля и луга – казалось, сама русская природа взялась за помощь госпитальным медикам: природа исцеляла.

Положительно менялась обстановка и в самом в госпитале. Появился склад обмундирования. Заработали мастерские – и еще как заработали! Мастера из военнопленных отлично тачали и ремонтировали обувь (и не только для соотечественников: заказы на модные туфли поступали даже от жен офицеров, работавших в госпитале).

Швейную мастерскую возглавила Валя Бетехтина. Под ее началом был мужской трудовой коллектив: поляки, чехи, немцы. Из старых шинелей и другого поношенного обмундирования они делали замечательные костюмы, куртки и пальто.

Печникам, столярам, плотникам, равно и военнопленным врачам давался свободный выход в поселок. (Люди с особой признательностью вспоминают двух итальянских врачей – Фабьетти и Франзенелли).

А еда, которой жители щедро расплачивались за работу, была особенно нужна в те дни, когда продукты, целенаправленно поставляемые в госпиталь, по каким-то причинам поступали нерегулярно. Военнопленным и сотрудникам проносить на территорию госпиталя съестное запрещалось. Но за ремонт квартир, помощь в уборке урожая или на сенокосе, а часто просто из неизбывной русской жалости к подневольным людям жители бросали через ограждение госпиталя хлеб, овощи, ягоды, даже бутылки с молоком. Охрана ругалась, пугала выстрелами, но не слишком усердствовала.

Однако плен даже при самых благоприятных условиях остается пленом, из которого так хочется вырваться – вырваться как

можно скорее. Больше того: чем мягче режим, чем благоприятнее условия пребывания, тем острее соблазн свободы, ведь кажется, что до нее рукой подать, стоит сделать лишь несколько шагов...

Бывшие сотрудницы госпиталя, с которыми я разговаривал, припомнили три попытки побега.

Однажды шестеро ушли. Днем отсиживались в чаше. По ночам выходили на колхозные поля, копали и пекли картошку... Специальный отряд НКВД из Кирова задержал всех вблизи села Староверческое.

Трое как-то ушли с сенокоса, отсиживались в лесу, потом вернулись.

Мадьяр Дермонт совершил побег в одиночку. Тоже неудачно, но успел уйти от Пинюга на 19 километров.

Сотрудники НКВД все-таки знали свое дело.

Но один из главных чекистских принципов того времени можно сформулировать одной фразой: бей своих, чтобы чужие боялись!

Показательно, что и через 60 лет после событий мои собеседницы испытывали мистический страх перед НКВД: вспоминая о своем общении с военнопленными, седые постаревшие женщины вдруг переходили на опасливый шепот, а то и вовсе замолкали.

«К бывшим эсэсовцам не разрешалось подходить ближе пяти метров. Но выявленных эсэсовцев скоро отправили по лагерям. С остальными военнопленными разрешалось говорить только о лечении и только в палате. За разговор в коридоре медсестру или санитарку могли отправить под суд или посадить без суда и следствия. Так же, как за пятиминутное опоздание на работу».

Нина Михайловна Зубова

«Разлука с родиной некоторым военнопленным давалась трудно. Нам, детям, казался странным бредущий по улице стройный, высокий, уже немолодой седоватый мужчина. В ясную погоду или когда солнышко из-за туч ненадолго выглянет, он мог остановиться и, забыв обо всем, что его окружает, долго смотреть в небо. Наверное, в эти минуты он мысленно улетал к своим родным и близким людям. Такая грусть и тоска появлялась на его лице, что нам плакать хотелось. Потом мы узнали, что этим мужчиной был итальянский врач из военнопленных. У него был свободный выход из госпиталя. Он ходил лечить людей в Пинюге.

Еще запомнился случай, когда ранним утром с мамой мы отправились то ли за ягодами, то ли за рыжиками. Стоял сильный туман, и мы чуть поплутали. Потом вышли на какую-то поляну.

Там мужики, по пояс раздетые, бреются, умываются, поливают друг друга. Они увидели нас, разулыбались, позвали: «Швестер, швестер! Гутен морген! Идите гостить». Мы перепугались, убежали.

Хлеба давали по 600 граммов работавшим, по 400 граммов – не работающим и ребятишкам. Мама часто сунет мне кусок: «Поди, доченька, перебрось несчастным. Тебя не тронут охранники». Охрана ругалась, стреляла в воздух, но так, для острастки. По людям, конечно, не стреляли».

Антонина Ивановна Ильинская (Фалалеева)

«Я работала сперва заведующей санпропускником, мне было тогда двадцать лет, потом сестрой-хозяйкой, – вспоминала Антонина Ивановна. – Мы считались вольнонаемными, но одели нас в шинели и спрашивали, как с военных:

После отправки красноармейцев в Слободской, в конце 1942 года, мы целый месяц мыли, белили и красили все корпуса. Выполняли приказ командования готовиться к приему военнопленных иностранцев.

Потом какое-то время стояли на консервации. В это время приходили вагоны с продуктами. Забили все склады и ледники мясом, рыбой, другими продуктами, каких мы не имели, когда лечили красноармейцев. Своими силами разгружали вагоны с мукой для белого и черного хлеба.

Привезли новое постельное и нательное белье. Но по всему было видно, не знали, сколько человек привезут.

Перед поступлением военнопленных приезжали люди из НКВД. Нам читали инструкции: не обижать, в разговоры не вступать, вести себя культурно».

Вспоминая военнопленных, Антонина Ивановна первыми назвала двух итальянцев – Фабьетти и Франзенелли.

«Они были врачами. Имели свободный выход в поселок. Лечили всех, кто обращался: детей, стариков, женщин, подростков, мужчин, комиссованных с фронта или мобилизованных на трудовой фронт.

Война нам не позволяла жаловаться на здоровье. К врачам обращались только в самых крайних случаях.

Из других военнопленных запомнились черный, как негр, венгр Легель, помощник доктора Руис, печник Бубенчик, помощник в санпропускнике Ленс, санитар в палате Отто Шумахер, зубной врач Богоручанер».

Антонина Ивановна была среди тех, кто встречал в Пинюге первый состав с военнопленными.

А. И. Ильинская 2000 г.

«Состав из 13 вагонов подогнали в начале марта 1943 года. Упаси Бог еще раз такую картину увидеть! Их было больше тысячи человек. Одеты кто во что: фуфайки, шубы, пальто, шинели, а то и в мундиры без знаков отличия.

Грязные, вши на них просто кишмя кишели!.. Обросшие, худые, как скелеты, они едва передвигались.

Некоторых нашли мертвыми. Их сложили в отдельный вагон. Протянули его километра полтора на Северный Семафор, там и похоронили в общей могиле.

Рыть мерзлую землю выгнали всех женщин и подростков поселка.

На откосе железнодорожной насыпи долго еще валялись рамки, бляхи, письма, фотографии, блокноты, какие-то безделушки.

Брать их запретили, но ребяташки, наверное, все равно часть этих вещей растащили по поселку. Когда начался тиф, комиссия признала, что по поселку он мог пойти от этих вещей. Школу на два месяца закрыли на карантин. А в госпитале тогда заболели почти все врачи и медсестры. Приезжали на помощь медики из Лузы.

Поступивших военнопленных мы обрабатывали в санпропускнике. Работали трое или четверо суток без перерыва, без еды и сна.

Зайти домой в одежде, которая на мне была в те дни, не решилась. Скинула на крыльце, зашла в избу в чем мать родила.

После санпропускника военнопленные, кто как мог, колоннами, шли по корпусам. Держались друг за друга. Совсем немощных везли на лошадях, тащили на носилках. В корпусах многих пришлось положить на пол, подстелив солому.

Кормили их так, как не кормили красноармейцев. Но уж очень они были слабые, много и умирало. А когда тиф обложил, не успевали хоронить.

Хоронили всех в общих могилах. Заранее копали. Кажется, некоторые могилы копали военнопленные, которые приехали здоровыми.

Когда потеплело, стали они выползать на улицу, за ограждение. Рвали траву, крапиву. Ловили даже лягушек. Охрана на вышках ругалась, стреляла в воздух, но они знали, в них стрелять не будут.

Поправившись, многие нанимались на работу к частникам. Работали за еду. Помогали картошку копать, убирать сено, молотить; крыши, изгороди ремонтировали.

Своих мужиков-то не хватало.

Мастерские для них организовали: сапожную, швейную. Кузницу свою имели. Косы, грабли, вилы, окучники сами делали. В подсобном хозяйстве лошадей, коров, свиней кормили».

Владимир Павлович Кутергин

Запись в «Книге Памяти Кировской области» объявила Владимира Павловича Кутергина погибшим на фронте. Но это ошибка.

Нет, он не погиб. В 1943 году его комиссовали после ранения, и так получилось, что Владимир Павлович вернулся домой одновременно с появлением военнопленных в Пинюге.

«В вагонах было много умерших военнопленных. Их похоронили рядом с рельсами у Северного Семафора».

Вернулся домой инвалидом 2-й группы, но так как надо было кормить семью, пришлось искать работу. Долго искал. С большим трудом (из-за инвалидности) устроился в спецгоспиталь вахтером.

Там, в госпитале, как-то между делами немецкий хирург сделал ему еще одну операцию на месте фронтового ранения. Здоровье, слава Богу, улучшилось.

Выздоровевших военнопленных Кутергин водил в лес на заготовку дров. Жил с ними неделями в палатках.

«Как-то 6 человек сбежали, – рассказывал Владимир Павлович. – Днями они сидели в чашобе, ночью выходили на колхозное поле за картошкой. Карты у них не было, поэтому заблудились около Староверческого. Один из них при задержании погиб. Вооружены были только ножами.

Задержание проводили солдаты из Кирова.

В госпитале для провинившихся имелся карцер на 4–5 человек. Помещение за колючей проволокой. Всех сбежавших подержали в карцере, затем отправили в Воркутинский лагерь.

Комендант госпиталя отпускал военнопленных помогать жителям поселка копать картошку, выполнять другую работу по хозяйству. Они охотно шли, потому что жители расплачивались скопленными для такого случая хлебом, молоком, порой сметаной и маслом. Только потом самим порой нечего было есть.

Выходцам из Румынии, Венгрии очень нравился русский сенокос. Косы, грабли, вилы они изготавливали сами. Встанут в ряды и косят или жнут. Залюбуешься.

Запомнилась радость военнопленных, когда узнали, что война кончилась. Наделали самодельных скрипок, гитар, мандолин. Пели, плясали как в самый веселый праздник.

В 1946 году пришлось сопровождать 300 военнопленных румын в город Фокшаны. Эшелон готовили в Кирове. Вагоны оборудова-

ли нарами, печками. Загружали продукты, медикаменты, были полевые кухни. Устроили постели с матрацами, простынями. В каждый вагон назначили старшего из отъезжавших военнопленных.

С нами были врачи, медсестры.

Семнадцать тяжелобольных пленных не захотели остаться, тоже поехали. Один дорогой умер при остановке в г. Коврове Владимирской области. Другой мужчина, без ног, там, в Коврове, каким-то образом уполз из поезда, потому что он не хотел показываться инвалидом перед родными. Его нашли, принесли на носилках.

Под Винницей на Украине вагон изрешетила банда бендеровцев. Слава Богу, никого даже не ранили.

На границе нам поменяли наши рубли на румынские леи. Всех военнопленных еще раз проверили, нет ли бывших эсэсовцев.

В Фокшаны всех военнопленных передали по списку представителю СССР для дальнейшего сопровождения.

Все матрацы, простыни, котлы и прочее имущество я сложил в один вагон, в котором и приехал в Киров. Начальство надо мной смеялось. Оказывается, все это можно было оставить там, в Румынии. А почему, никто не объяснил».

Спецгоспиталь № 3169

(ст. ФАЛЁНКИ)

Среди тысяч и тысяч советских солдат, погибших в боях за освобождение от фашизма, в Германии покоятся 70 уроженцев небольшого Фаленского района Кировской области.

В РАСПУТИЦУ, ДО РАСПУТИЦЫ И ПОСЛЕ

Общие сведения таковы.

Госпиталь № 3169 был организован в Фалёнках в августе 1941 года. Госпиталь общехирургический. Профиль – лечение огнестрельных ранений легкой и средней тяжести. Плановая вместимость – 250-270 раненых. Максимальное наполнение красноармейцами было зафиксировано в августе 1943 года: 670 раненых и больных (!).

Не было ни канализации, ни водопровода. Электропитание полностью зависело от регламента конторы «Заготзерно»: во время работы конторы электричество подавалось лишь в один из госпитальных корпусов для выполнения хирургических операций.

Операционная действовала в первом корпусе для тяжелобольных; в остальных корпусах функционировали перевязочные комнаты.

Изолятор, «офицерская» и туберкулезная палаты, а также места общего пользования освещались керосиновыми лампами (при недостатке керосина – только места общего пользования), в остальных помещениях использовали самодельные светильники-коптилки.

В госпитале работал зубоучастный кабинет. Но не было рентген-кабинета. Для рентген-обследования больных приходилось доставлять по железной дороге в село Косино или в Зуевку.

Для доставки раненых и больных военнопленных использовался гужевой транспорт, предоставляемый соседними колхозами.

Воду подвозили таким же способом. Но во время весенней и осенней распутицы, когда даже лошади не могли пройти по бездорожью, воду приходилось таскать ведрами.

Несмотря на крайне стесненные условия, в госпитале была организована своя клиническая лаборатория, в связи с чем один из врачей прошел специализацию в Москве.

Специализированную подготовку прошли врачи и медсестры для проведения лечебной физкультуры, а также приготовления пищи по номенклатуре Московского института питания.

Список врачей, работавших в СГ № 3169 на 01.01.1944

1. Шепилов Василий Кузьмич, 1904 г. рожд., начальник госпиталя, старший лейтенант медицинской службы, хирург. Окончил вуз в 1940 году. До госпиталя работал главврачом Еринской больницы в Ленинградской области.
2. Урина Раиса Абрамовна, 1909 г. рождения. Окончила вуз в 1936 г. Начальник медицинской части госпиталя. Педиатр Ленинградского института педиатрии.
3. Глебова Евгения Федоровна, 1904 г. рождения. Вуз – 1937 г. Хирург. Начальник 1-го отделения госпиталя. До войны врач-гинеколог 1-го роддома г. Москвы.
4. Пенно Лидия Вильгельмовна, 1908 г. рождения. Вуз – 1937г. Зав. лабораторией госпиталя. До войны заведовала больницей в Малой Вишере Ленинградской области. Эвакуирована с ребенком.
5. Жирнова Валентина Евгеньевна, 1918 г. рождения. Вуз – 1938г. Врач – лечебник, ординатор. До войны работала терапевтом Бисеровского ЛПХ Кировской области.
6. Короткова Людмила Васильевна, 1910 г. рождения. Вуз – 1937. Врач-лечебник, ординатор. До войны заведовала Фаленской районной больницей.
7. Успенский Сергей Николаевич, 1897 г. рождения. Вуз – 1925 г. Начальник пятого хирургического отделения, терапевт. До войны работал хирургом Паратинской больницы в Ленинградской области.

Коллектив сотрудников СГ № 3169, 1946 г.

8. Богданова Любовь Ивановна, 1912 г. рождения. Вуз – 1940 г. Начальник 3-го хирургического отделения. Врач-эпидемиолог. До войны заведовала педиатрическим отделением в г. Ленинграде. Эвакуирована в Фаленки с ребенком.
  9. Сентякова Лидия Сергеевна, 1912 г. рождения. Вуз – 1942 г. Ординатор, начальник 5-го хирургического отделения. До войны работала в Ушинской больнице.
  10. Баранова Полина Васильевна, 1904 г. рождения. Вуз – 1938 г. Начальник 4-го отделения, гинеколог. До войны – терапевт Подоплекской больницы.
  11. Ладыгина Мария Васильевна, 1914 г. рождения. Вуз – 1941 г. Врач-ординатор. До войны врач – служащая в РККА.
- В госпитале также имеются 8 врачей из военнопленных: четверо терапевтов, хирург, трое зубных врачей.

Средним медицинским персоналом госпиталь обеспечен в достаточном количестве.

За 1178 дней существования госпиталя через него прошло 5235 раненых и больных красноармейцев и военнопленных.

ГОСПИТАЛЬ: «КРАСНОАРМЕЙСКИЙ» ПЕРИОД

Замполит госпиталя № 3169 Гаврилов в политдонесении от 25.08.1943 года сообщает о жалобах красноармейцев и о том, что мешает работе. Легко заметить, что в донесении есть ключевое слово – «скученность».

«Скученность, – пишет Гаврилов, – превышение количества раненых сверх всякой меры.

Почти полное отсутствие костылей, когда 80% раненых с повреждениями ног. Нет необходимого количества тапок. Имеющиеся тапки не пригодны для починки. Недостаточное количество белья, халатов.

Самый острый вопрос – транспорт и подвозка дров.

Районные организации выделили 4 лошади. Но они могут обеспечить текущий расход дров только до 1 сентября. На осеннюю распутицу требуется запас 450–500 кубометров дров».

Относительно «политической части» Гаврилов отмечает пренебрежение врачей к указаниям пропагандистов, но основное внимание концентрирует на жизненно важных вопросах:

«Нет электроосвещения. Керосина нет, и не дают.. В 5 часов вечера весь госпиталь с 547 ранеными погружается в темноту, поэтому о политмассовой работе среди военнослужащих Красной Армии не может идти речи. Нет книг, струн к музыкальным инструментам...

Не хватает тапок, халатов, белья.

Керосин – 80 литров, бензин – 100 литров – база не отоварила. Продукты со складов НКО не доставлены по причине отсутствия вагонов».

В декабре «дефицитный» список дополнился отсутствием сахара. Гаврилов 26.12.1943 года просит ОК ВКП(б) о помощи в выделении вагона для подвозки продуктов госпиталю.

В декабре по-прежнему нет керосина. Перебои с топливом.

«Для подвозки дров выделены подводы из окрестных колхозов, но стоит хотя бы один день им не выйти в лес, госпиталь оказывается без дров. Обещанный всерайонный воскресник по вывозке дров не состоялся».

Вероятно, Гаврилов совершенно справедливо указывает на недостатки, но не надо думать, что госпиталь в Фалёнках совершенно позабыт, позаброшен. На 25.02.1943 года, то есть в то время, когда пациентами были красноармейцы, над госпиталем шефствовали 25 районных организаций и учреждений, а также 25 колхозов.

С прибытием военнопленных все резко изменилось: помощь свелась к минимуму.

Отныне сотрудники госпиталя могли *рассчитывать только на свои собственные силы.*

И возникает парадоксальный вопрос: кто же кого пленил?!

АВГУСТ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО: ОСЛАБЛЕННЫЕ БАЛКИ

В августе 1944 года *специальная комиссия*, созданная по поручению начальника Управления эвакогоспиталей Кировского ЭП-22 майора Жислина Л.Е., провела всестороннюю проверку госпиталя.

Главный вывод таков: «...госпиталь располагает возможностями принять не более 400–500 военнопленных» (акт от 26.08.1944 года).

Однако, несмотря на заключение комиссии, командование ЭП-22 пытается сориентировать коллектив госпиталя на прием 1000 раненых и больных военнопленных.

Первая партия военнопленных поступила из Смоленска в августе 1944 года.

Всех прибывших на госпитальное лечение временно разместили в клубе. Санобработку проводили в районной бане. Воду привозили и подогревали в бочках.

В первой партии были 528 человек. Санобработка затянулась на 3 дня.

Забегаая вперед, можно сказать, что в дальнейшем вплоть до осени 1944 года помесечные показатели числа находившихся в госпитале военнопленных постоянно менялись.

Так называемая динамика движения пациентов напоминает температурную кривую:

год	1944	1945		1946		
месяц	декабрь	январь	декабрь	январь	март	июль
число в/п	831	952		503	662	482
			306			

В августе 1946 г. основная часть пациентов репатрируется. Эшелоны с репатрированными военнопленными отправляются из Кирова в Фокшаны (Румыния), Сегет (Венгрия), Франкфурт-на-Одере (Германия).

Оставшиеся 35 военнопленных переведены в СГ № 3171 (п. Рудничный).

Для более ясного понимания, что же представлял собой фаленский госпиталь в августе 1944 года, следует подробнее ознакомиться с актом упомянутой спецкомиссии от 26 августа 1944 года.

Комиссия произвела обследование всех лечебных корпусов ЭГ № 3169, санпропускников, окружающей территории, а также источников водоснабжения поселка Фаленки и обнаружила следующее.

«Эвакогоспиталь расположен в 4-х деревянных зданиях, находящихся в 500 метрах друг от друга.

Из них 2 школьных деревянных здания на 125–150 коек. Третье – бывшая райбольница, деревянное здание на 125 коек. Четвертое – бывший дом колхозника, деревянное двухэтажное здание на 100 коек.

Всего полезной площади – 2369,5 квадратных метра.

В одном из лечебных корпусов (корпус № 3) на втором этаже балки поражены грибок, ослаблены, поэтому двухъярусные нары ставить нельзя.

Отопление – печное. Освещение – керосиновые лампы*.

Канализации во всех корпусах нет. Уборные – уличного типа, с малоемкими выгребными ямами, которые быстро переполня-

* Электрическое освещение провели в один корпус от движка элеватора. Свет давали на непродолжительное время, пока работал элеватор. Добиться круглосуточного или хотя бы ночного освещения для госпиталя не удалось.

ются сточными водами. Опорожнение их чрезвычайно затруднено из-за отсутствия транспорта, что резко ухудшает санитарное состояние окружающей территории госпиталя весной и осенью.

Общего санпропускника в госпитале нет. В каждом корпусе имеются примитивные ваннные комнаты. Самый большой санпропускник обрабатывает до 10 человек в час.

Водопровода и колодцев в п. Фаленки нет. Единственным источником водоснабжения поселка является железнодорожная водокачка, на которой берут воду из пруда. Мощности водокачки едва хватает, чтобы наполовину обеспечивать потребности населения поселка в воде.

Река Чепца протекает в 5–6 км от поселка. Автотранспорта в госпитале нет. Имеющиеся 4 лошади не обеспечивают всего объема хозяйственных работ в госпитале, включая доставку воды.

Пищеблок расположен в одном из лечебных корпусов госпиталя. Площадь пищеблока позволяет обслужить одновременно не более 500 человек контингента.

Выводы

Учитывая отсутствие достаточного количества воды, мощного санпропускника и недостаточную кубатуру помещений, которые могут быть приспособленными под лечебные отделения, комиссия считает:

Госпиталь может быть развернут лишь для приема 400–500 больных военнопленных.

Ст. инспектор отд. эвакуогоспиталей Пивоваров.

Председатель райсовета депутатов трудящихся Урванцев.

Секретарь РК ВКП(б) Шуклин.

Начальник РО НКВД Бельтюгов.

Начальник госпиталя Шепилов.

Замполит части Гаврилов».

ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ: КОМИССИЯ ДОКТОРА МЫШКИНА

Через два месяца после поступления военнопленных госпиталя обследуется комиссией облздрава, которую возглавляет главный терапевт отдела госпиталей Иван Иванович Мышкин.

Общее санитарное состояние госпиталя признано удовлетворительным. Причем проверяющие понимают, что такой уровень санитарного состояния при таких неблагоприятных условиях достигнут непомерными усилиями коллектива сотрудников.

Однако в акте указываются моменты, которые грозят госпиталю буквально катастрофой.

Основной предвестник эпидемического смерча – переуплотнение.

Госпиталь так переполнен, что проверяющей комиссии не удалось подыскать помещение, пригодное для изолятора, имеющийся же чрезвычайно тесен и, следовательно, ненадежен и даже потенциально опасен при возможном развитии внутригоспитального эпидпроцесса.

(Кстати, только в сорок шестом году руководству станции Фаленки удалось выделить для госпиталя здание под изолятор! Что ж, лучше позже, чем никогда).

Вторая проблема – недостаточное снабжение водой.

Больные моются лишь раз в 14–15 дней. Иногда больные не могут утром умыться. Часто воды не хватает для питья. Подвозка воды производится в бочках конным транспортом от водозабора 1,5–2 км. Четырех имеющихся лошадей явно недостаточно.

Третья проблема связана с нечистотами.

На тех же лошадях, на которых доставляют воду, приходится из выгребных ям ежедневно вывозить 10–15 бочек нечистот. И это лишь минимум, который необходимо выполнять каждый день, иначе территория госпиталя будет затоплена нечистотами (что и произошло за два дня до приезда комиссии).

Уборные рассчитаны на 200–300 человек, а пользуется ими до 900 ежедневно. Учитывая, что некоторые военнопленные ходят босыми, вся грязь, включая фекальную, переносится в палаты, на койки.

Четвертый эпидемиологически опасный момент – нехватка белья.

Нет ни одного полного комплекта на больного. Из-за недостатка белья стирается редко и наспех. Простыней крайне мало. Тапочек нет. Пятый (но не в порядке значимости) момент – завшивленность (педикулез).

Борьба с педикулезом ведется, но при таком большом количестве больных, недостатке белья и воды борьба малоэффективна.

Наконец, значительное количество больных хронической дизентерией резко повышает риск возникновения эпидемической вспышки.

Комиссия Мышкина также указывает на недостаточное отопление корпусов. Особенно холодно во втором корпусе (причем по той простой причине, что в тамбуре плохо пригнаны двери).

СПЕЦКОНТИНГЕНТ: У КОГО ЧТО БОЛИТ?

На 25 ноября 1944 года в госпитале 826 военнопленных.

Командование госпиталя еще 20 ноября сообщило командованию лагеря № 101 Вятлага о том, что 240 человек выздоровев-

ших военнопленных готовы к отправке. Однако представители лагеря с конвойной командой не появляются. Госпиталь продолжает оставаться переполненным.

Среди 557 больных 39 чисто терапевтического профиля.

В целом контингент средней тяжести.

И.И. Мышкин указывает, что в СГ № 3169 общий фон составляют дистрофии 1-й и 2-й степени; есть очень большая группа с осложнениями (поносы по типу хронической дизентерии); имеются единичные больные с тяжелой формой дистрофии 3-й степени, резко выраженными поливитаминозами. Почти у 100% больных и раненых отмечаются гиповитаминозы – дефицит витаминов С и В.

Отдельную группу больных составляют 7 человек, страдающих полиневритами при явлениях атаксии, арефлексии. У некоторых больных этой группы в анамнезе есть указания на ангину, дистрофию, а у некоторых – явная пеллагра.

И.И. Мышкин считает необходимым указать, что больной из 3-й палаты Мензе (с повышенной температурой 38,5-37,7 без ясных явлений локального поражения) требует тщательного внимания и должен быть взят под наблюдение.

ANAMNES MORBI

У каждого человека есть биография – своя личная история жизни. У каждого пациента клиники, госпиталя, больницы – своя история болезни (anamnes morbi). По крайней мере, таковая должна быть врачами заведена и по ходу лечения пополняться.

В СГ № 3169 ведение историй болезни, по заключению комиссии, возглавляемой Мышкиным, удовлетворительное.

В акте комиссии также отмечается:

- весь контингент больных и раненых военнопленных достаточно своевременно обработан и в большинстве случаев правильно диагностирован (основным недостатком диагностики является отсутствие рентгенконтроля);
- в отдельных трудных для диагностики случаях обнаружены неточности как результат недоучета гиповитаминозов и хронических поносов дизентерийной этиологии;
- консультативная работа начальника медицинской части Уриной проводится регулярно; начальник медицинской части знает всех больных, требующих к себе внимания;
- лабораторное обследование больных удовлетворительное; тяжелые больные имеют полноценные анализы крови, мок-

роты, мочи (правда, отмечается и то, что у многих больных нет в последующем лабораторного наблюдения);

- ведение дневника страдает преимущественным описанием субъективных жалоб больных над их объективным статусом;
- количество туберкулезных больных при всей тщательности проверки, по мнению комиссии, не возросло;
- медикаментозное лечение с использованием сульфопрепаратов вполне соответствует современным установкам.

Комиссия внимательно изучила организацию питания больных. Вопрос чрезвычайно важный.

Питание больных признано вполне удовлетворительным.

В госпитале используется система профессора Певзнера. Применяется дробное питание для дистрофиков.

Витаминизация пищи несколько ослабла с наступлением холодов.

Дрожжи на момент проверки не применяются. Применяется настой шиповника. Дефицит витаминов пополняется введением внутривенно 5% аскорбиновой кислоты (курс кратковременный).

Но вот что надлежало сделать в самые кратчайшие сроки:

«1. Комиссия настаивает на принятии всех возможных мер к устранению санитарных недостатков:

- а) привести в должное состояние уборные, выгребные ямы;
- б) усилить борьбу с вшивостью путем регулярных санобработок один раз в день и ежедневного поголовного проглаживания белья;
- в) немедленно отеплить выходные двери 2-го и 3-го корпусов.
- г) усилить подвоз воды в корпуса с таким расчетом, чтобы обеспечить питьевой водой бесперебойно. Водой для уринного туалета и для полноценной и своевременной санобработки;
- д) выделить срочно палату-изолятор, куда помещать всех поносящих, лихорадящих больных;
- е) устранить мелкие хозяйственные недочеты:
  - выделить электролампочки в уборные и туалеты;
  - выделить по две-три пары тапочек для посещения туалета.

2. Немедленно поставить вопрос перед отделом военнопленных УНКВД и отделом эвакогоспиталей о необходимости сокращения штатного количества коек (не должно превышать 500 коек) и немедленном освобождении госпиталя от здорового контингента.

3. В целях поднятия дисциплины среди военнопленных и среди обслуживающего персонала считать необходимым проводить ежедневные 2-разовые обходы начальником госпиталя и заместителем по режиму и охране. При обходах особо обращать внимание на санитарное состояние внутри зданий и двора.

4. Фарминспектору отдела госпиталей Толстоборовой приравнять спецгоспиталь № 3169 к снабжению медикаментами наравне с инфекционными госпиталями».

ВОСПОМИНАНИЯ И ПРОТОКОЛЫ

В 1941 году 15 августа в Фаленки привезли раненых красноармейцев, их было 211 человек.

Госпиталь приступил к работе.

Загнанных лошадей не пристреливают

Прошло шестьдесят лет. В 2001 году из всех моих собеседников единственным участником событий, происходивших в госпитале в августовские дни первого военного лета, оказалась **Анна Ивановна Драничникова**.

«Под госпиталь готовили школу: красили рамы, полы, белили. Ходили по домам, чтобы собрать посуду, подушки, одеяла, постельное белье. Матрацы набивали соломой на полях колхоза имени Сталина. Для перевозки раненых колхоз выделил негодных к работе лошадей и быков. Лошади и себя-то с трудом тащили, а бык ложился среди пути, и не хватало девичьих сил поднять его. Перекладывали солдат на носилки.

К февралю 1942 года раненых красноармейцев поступило так много, что к двум корпусам добавили здание школы, а в мае – отстроенный Дом колхозника.

Рассчитанный на 500 штатных коек госпиталь уплотнили до 900. Нарями заняли столовую, коридоры, ленинскую комнату».

Евдокия Николаевна Чуракова, бывшая медсестра, рассказывала:

«Приступая к дежурству, медсестра получала пузырек с 20 граммами керосина. Его хватало на ночь горения коптилки.

Воду возили на лошадях – в бочках с водокачки железнодорожной станции. А в распутицу таскали ведрами – когда в руках, когда на коромыслах.

Да и не в распутицу в оглобли телег и саней часто впрягались сотрудницы, потому что лошадей и быков не хватало.

И, правда, работали как лошади.

Об отпусках и не мечтали.

Каждый день медсестре приходилось делать по 50–60 перевязок да переносить раненых с этажа на этаж в перевязочную комнату. Медсестер-то мало было.

На рентген возили в Косино или Зуевку.

А в отделении, глядишь, и того под рукой нет, и этого, во всем недостаток – уж выкручивались как могли. Смекалка выручала.

Вместо ваты иной раз приходилось использовать мох из леса. После стерилизации зашивали его в марлевые салфетки.

Шприцы кипятили в печке, ставили лотки прямо на угли.

Бывало, по четверо суток не уходили с работы, особенно когда приходилось ждать эшелона с военнопленными».

Преступления пресекаются немедленно

Из донесения замполита Гаврилова:

«Медперсоналу карточки НКО не отовариваются, поэтому местные кормятся у родственников и знакомых, эвакуированные держатся на милосердии окружающих людей.

Командованием пресекаются попытки медперсонала съедать остатки обедов, попытки раненых делиться едой.

На кухне при раздаче пищи дежурит представитель НКВД».

Ленинградцы

Ленинград и город Киров история связала особой нитью прочно и надолго. Главную роль в этом, желая того или нет, сыграл человек по фамилии Костриков, известный всем советским людям по своему партийному псевдониму – Киров.

Сергея Мироновича Кирова, пламенного революционера, политического деятеля и верного соратника Сталина (Сталин, собственни, и поставил Кирова возглавлять Ленинградский обком партии, а такой пост вождь мирового пролетариата мог доверить только лучшему из лучших большевиков), ленинградцы любили и считали *своим*. И, конечно, знали, что *Мироныч* родом из города Уржума, что в Вятском крае, то есть вятский человек.

После убийства Кирова в Смольном в 1934 году и начала сталинского террора – большевистского варианта кровавой «охоты на ведьм» – город Вятка получил в качестве своего нового имени партийный псевдоним Кострикова – Киров, а область соответственно, стала Кировской. Это еще больше укрепило традиционно теплое отношение вятских людей к ленинградцам.

Надо сказать, что не только наши земляки, но и жители других областей, краев и республик Союза относились к ленинградцам с известным пиететом, ценили в них спокойный, доброжелатель-

ный нрав и высокую культуру. Провинциалы еще до войны ставили ленинградцев в пример несколько суматошным, вечно куда-то спешащим и не всегда внимательным к гостям столицы москвичам (впрочем, не понимая, что в большинстве своем «заносчивые москвичи» – натурализованные выходцы из провинций). Во время войны авторитет ленинградцев, патриотов героического города, выстоявшего во время блокады, был непререкаем.

Так или иначе, но осенью 2002 года жители Фаленок искренне пытались убедить меня, что в госпитале основную часть врачей составляли эвакуированные ленинградцы. Однако эти жители искренне... заблуждались. На самом деле с медицинскими кадрами все было по-другому. Судя по документам, лишь пятеро из одиннадцати врачей до войны действительно работали в больницах Ленинградской области.

Но, видимо, таково уж было обаяние ленинградского характера, что люди готовы были зачислить в «ленинградскую когорту» едва ли не всех врачей, которые отличались профессионализмом, доброжелательностью и, главное, искренним вниманием к нуждам простого человека.

А если «ленинградцами» признали большинство госпитальных врачей, уроженцев самых разных городов и сел страны, – что ж плохого? По тем временам это было знаком народного признания.

Кругозор

До закрытия госпиталя в 1946 г. сменились четыре начальника госпиталя, но коллектив врачей в основе своей оставался практически неизменным. Этот коллектив был подобен небольшой, но яркой планетарной системе, ядро которой изначально сформировали четыре замечательные женщины – Глебова Е.Ф., Шувалова М.В., Симонова В.А. и Баранова П.В. Со временем к ним присоединились молодые специалисты – выпускники советских вузов. Когда к общей работе подключились врачи из военнопленных (хирург, стоматолог, два терапевта и специалист по ЛФК), интернациональный коллектив врачей СГ № 3169 расширил свой профессиональный горизонт и стал, можно сказать, прообразом современного движения «Врачи без границ».

Суровая жизнь диктовала свои условия, при которых нельзя было долго оставаться в узких рамках своей медицинской специализации, нужно было качественно и быстро осваивать смежные врачебные профессии.

Е.Ф. Глебова до войны работала гинекологом 1-го роддома г. Москвы. В Фаленках взяла в руки скальпель. Со временем ста-

ла ведущим хирургом госпиталя. Госпитальная хирургия поднялась еще на один уровень, когда штат врачей пополнил комиссованный из рядов Красной Армии хирург С.Н. Успенский. За пять лет было выполнено 1752 операции!

Когда по сохранившимся документам знакомишься с результативной работой медсотрудников госпиталя, в какой-то момент начинаешь забывать о месте и времени действия, о неимоверно трудных условиях, при которых достигались эти результаты. Вдруг возникает ощущение, что речь идет об обыкновенном лечебно-профилактическом учреждении, довольно успешно действующем в одном из районов современной Кировской области. Больше того, невольно создается иллюзия, что тугие узлы всевозможных проблем (время-то военное!), которые чрезвычайно осложняли лечебную деятельность, и сама эта деятельность находились как бы в разных мирах.

Но это только лишь иллюзия... Был единый, целостный и вместе с тем внутренне разнообразный, противоречивый мир, до глубины потрясенный чудовищной войной.

Попробуем на минуту перенестись мысленно в маленький уголок, который назывался так, как называется и сейчас – Фалёнки...

Посмотрим, что происходит в спецгоспитале. Конечно, мы не заметим ничего такого, что не сохранилось в памяти людей и в документах.

И все же...

В СГ № 3169 (очевидно, благодаря определенной организационной работе) чуть раньше, чем в другие периферийные госпитали, привозят кровь со станции переливания крови из Кирова. Кровь сдают и свои доноры из врачей и медсестер.

Действует клиническая лаборатория и действует успешно. Для работы здесь врач-лаборант и диетолог прошли специализацию в Москве уже во время войны.

Лечебную физкультуру ведет выпускница института физкультуры, которой помогает высококлассный специалист из военнопленных. Перед каждым занятием проводится «разогрев» – тепловая процедура с использованием аппликаций из разогретого торфа, парафина. Все приспособления для ЛФК – приборы для разработки суставов, шведские стенки, стояки, булавы, блоки над кроватями для лежачих больных изготовлены военнопленными и красноармейцами, находившимися на излечении.

Выясняется, что в овладении военной медициной эффективно помогают специалисты Военно-морской медицинской академии, эвакуированной в Киров из Ленинграда.

А вот нам в руки попадают очень интересные бумаги. Это протоколы партсобраний и бюро первичной парторганизации спецгоспиталя. Они весьма своеобразно фиксируют преданность врачей своей работе: «Недостатком можно считать оторванность коллектива врачей от действительности, узкий кругозор – замыкание только на врачебном деле. Глебова, Короткова игнорируют указания пропагандистов».

Пожалуй, это тот редкий случай, когда «узкий кругозор» мы вправе считать положительной характеристикой. Учитывая при этом два обстоятельства: во-первых, явную узколобость партфункционеров, взявшихся судить о кругозоре врачей.

А во-вторых, место и время действия: все это происходило в мире, пропитанном кровью, йодом и хлоркой.

Выстрел в детство

Впервые жители Фаленок увидели немцев за год до поступления военнопленных в госпиталь.

Однажды по поселку пронесся слух: через Фаленки пройдет спецшелон – фрицев за Урал везут...

Рассказывая о том, что случилось на станции, **Нина Андреевна Ямшнина** не смогла сдержать слез.

«Мы со школьными подружками узнали, что через станцию пройдет состав с пленными немцами.

Нам ужасно захотелось услышать настоящую немецкую речь, ведь в школе мы изучали немецкий язык.

Вместе со всеми одноклассниками рванули к железнодорожным путям.

Взрослые объяснили, что состав с пленными двигался куда-то на восток, в Сибирь.

У нас в Фаленках его задержали, долго не выпускали почему-то.

Паровоз стоял под парами, время от времени посвистывал. Немцы охотно разговаривали с нами через открытые окна вагонов:

– Мы простые солдаты. В войне мы не виноваты!..

Я стояла рядом с одним мальчиком. Я знала, что этого мальчика вместе с мамой эвакуировали к нам из Ленинграда. Его мама заведовала у нас аптекой.

Живых немцев он тоже видел впервые.

А те все говорили, говорили: «Мы не виноваты! Виновато наше начальство!» – и жестами показывали, как начальников надо прижать к ногтю.

Хмурый красноармеец-конвоир с ружьем ходил взад-вперед вдоль вагона. Он был рассержен нашим разговором с пленными. Ужасно злился. Наконец его терпение лопнуло. Он закричал на них, потом на нас. И вдруг в сердцах изо всех сил стукнул прикладом о стенку вагона. Ружье выстрелило...

Пуля попала мальчику в голову... Он упал, не успев закрыть глаза. Эта смерть потрясла меня.

Я помню об этом всю жизнь».

Люди и тени

Первых военнопленных привезли в госпиталь 29 августа 1944 года.

Фаине Николаевне Соколовой в то лето исполнилось девять лет, но яркие детские впечатления не потускнели с годами:

«День выдался солнечный, теплый... Состав с военнопленными поставили на запасной путь. Вижу как сейчас: ссутулившиеся фигуры в зеленых мундирах, отбрасывая угловатые тени, спускаются из вагонов. Худые, обросшие лица, внимательные большие глаза... Взрослые рядом со мной шепчутся: «Ты глянь-ко, такие же люди»... Многие выглядели очень больными».

Но врачи в отличие от столпившихся вокруг и враз притихших детишек отчетливо понимали: эти военнопленные не только *выглядели* – они *были* очень больными. Опасно больными. Они несли в себе угрозу эпидемий...

Первый, второй, третий... пятьдесят седьмой... шестьдесят шестой...

Как же их много! Изможденные потемневшие лица, впавшие щеки, блестящие от голода и лихорадки глаза, треснувшие губы, расчесанные до крови руки – так все начиналось в Пинюге и в Быстрягах, а заканчивалось вспышками инфекционных заболеваний и рядами свежих могил...

Нужно было действовать – действовать грамотно и быстро. И начинать прямо здесь, возле вагона, зияющего открытой дверью в черный ад.

Солнце слепило глаза, природа была на стороне врачей, и они в полной мере воспользовались тем, что день и в самом деле выдался теплый, ведь зданий для предварительного размещения людей до проведения санобработки не было. Да много чего не было!..

Даже сейчас, с большой временной дистанции, кажется чем-то невероятным проведенная тогда работа – практически безошибочная организация профилактических мероприятий при поступлении огромной партии военнопленных в тех труднейших

условиях, в которых существовал госпиталь. Однако все, что можно было сделать, было сделано. Эпидемические вспышки, от которых в 1943 году пострадали Быстряги, Пинюг и Верхошижемье, здесь, в Фаленках, были изначально предотвращены.

Огромную роль в этом сыграла Любовь Ивановна Богданова. До войны она заведовала педиатрическим отделением одной из ленинградских больниц и получила специальное эпидемиологическое образование.

Трое суток подряд, без сна и отдыха, персонал вел санобработку: тяжелобольных – в корпусах, а тех, кто покрепче – в районной бане. В ней же организовали временную перевязочную, заполняли истории болезней.

Для инфекционных больных выделили отдельный корпус (с усиленным режимом дезинфекции). Для офицеров – отдельные палаты (но это уже совсем не по эпидемиологическим соображениям).

Питание было организовано так: трехразовое питание для больных общего режима, для страдающих дистрофией – дробное (5-6 раз за сутки).

И все же призрак эпидемии не покидал стены госпиталя. Трудно, почти что невозможно было в полном объеме и с должным качеством выполнять профилактические мероприятия при такой скученности больных.

В госпитале, где по всем показателям нельзя было размещать более 500 больных, уже к январю 1945 года количество военнопленных приближалось к тысяче (952 человека!).

Скученность усиливалась не только за счет военнопленных, поступавших на лечение. Очень затягивалась отправка уже вылеченных военнопленных в лагерь. Причины самые разные: несвоевременно поступил приказ, нет обмундирования, нет вагонов, не прибыли солдаты сопровождения.

Вылеченные военнопленные терпеливо ждали своей участи, целыми днями лежа на кроватях.

Птицы на нитках

«Такие же люди», – говорили о них в поселке.

Такие же... да не совсем такие.

Что чувствовали эти люди, часами молча смотревшие в потолок? Бывшие пациенты сами отвечали на этот вопрос: «Ничего».

Закроешь глаза: фатерлянд, гитлерюгенд, демобилизация, восточный фронт, бои, бесконечные бои, русские солдаты, бью-

ищиеся за каждую деревушку как за Москву, партизаны, возникающие как из-под земли, эта чертова промерзшая земля, снег, невыносимые сорокаградусные морозы, пронзительные ветры, Сталинград, ледящее завывание «катюш», ранения, болезни, окружение, плен, проклятые вши, душные эшелоны, незнакомая станция, чужие дома, чужая непонятная речь, колючая проволока ограждения, госпиталь...

Откроешь глаза: спинка кровати, плевательница, четыре стены, потолок...

Усталость. Смертельная усталость. Апатия.

Полное безразличие ко всему и вся.

Состояние бесчувствия.

Это тоска по дому, солдат? «Нет». Так что же это? Что ты чувствуешь, отвоевавший свое немецкий солдат? «Ничего».

Неписанный закон медицины гласит: врач и больной должны объединить свои усилия против недуга; они должны быть заодно. Насильно здоров не будешь. Лечить безвольного – дело малоэффективное.

Но и поправившихся военнопленных нужно было чем-то занять. И не только политинформациями.

Часть вылеченных военнопленных привлекается к госпитальной деятельности: они работают санитарями, дежурными по корпусам, заготавливают дрова, сено, занимаются разными несложными делами в подсобном хозяйстве. Мастерские находят себе место в сапожной, швейной, столярной мастерских. Местные ребятишки получают в подарок «живых» деревянных птиц на нитках и другие самодельные игрушки.

В чести и квалифицированный высокоинтеллектуальный труд.

Среди военнопленных нашелся профессиональный переводчик по фамилии Комар. Кто другой, а уж Комар никогда не оставался без дела.

Впрочем, работы хватало для всех желающих.

И даже самые убежденные в идеях национал-социализма военнопленные понимали: это не эксплуатация подневольного труда, это сотрудничество.

Правда, кормили по-разному.

А.Ф. Пенкина, работавшая медсестрой, вспоминала: «Мясо, молоко, масло поставляли для военнопленных гораздо чаще, чем для красноармейцев. Военнопленным пекли и не только черный, но и белый хлеб. Еще лучше питание стало, когда начала приходить помощь из Америки».

Бывшая медсестра **А.Ф. Мильчакова** рассказывала в 2002 году: «Для офицеров готовили отдельно – другие котлы, другой

повар. Им давали папиросы. Наши красноармейцы курили табак, который выращивали в подсобном хозяйстве».

П.И. Жвакина, также бывшая медсестра, призналась:

«Мы к ним относились хорошо, и они к нам тоже хорошо, но, оставшись одна, я плакала: может, кто из них убил моего мужа».

А в коридоре первого корпуса висела карта, где военнопленные отмечали флажками положение фронтов. Услышав новости, немцы сокрушались: «Штадт – капут!»

Такова партийная жизнь. Протоколы

О партийной работе в спецгоспитале можно судить по протоколам общих партсобраний и протоколам заседаний бюро первичной партийной организации ВКП(б).

При первом же знакомстве с документами становится очевидным, что смысл своей партийной деятельности коммунисты видят в постоянной и всесторонней помощи командованию госпиталя.

В повестке дня, как правило, преобладают не чисто идеологические, а так сказать, производственные вопросы. Преобладают, но не исчерпывают всю тематику обсуждений.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 282

Из протокола партсобраний от 17.03.1944 года.

Секретарь парткома указывает на то, что «мало у нас коммунистов среди медперсонала и врачей – тех, кто больше всех соприкасается с военнопленными».

Военнопленные плохо обращаются с социалистической ответственностью – рвут наволочки и мешки, а медсестры этого не видят. Некоторые вступают с военнопленными в панибратство как, например, раздатчица третьего корпуса, Юсупова».

Из протокола партсобраний от 13.09.1944 года.

Товарищ Романов сообщает о работе военнопленных на заготовке дров в лесу: «Производительность их труда очень мала. Присмотру за ними нет. Надо назначить бригадиров».

В ходе собрания коммунисты выражают серьезную обеспокоенность в связи с тем, что кухня, как выясняется, может обеспечить только 50% контингента. Слишком мала прачечная. Недостаточно обуви и обмундирования.

В этой главе, посвященной СГ № 3169, уже говорилось, что до прибытия военнопленных над госпиталем шефствовали 25 органи-

заций и колхозов района. С прибытием военнопленных о безвозмездной помощи пришлось забыть. С колхозами нужно было работать по-новому – налаживать взаимовыгодное сотрудничество.

Для сотрудничества требовалось подталкивать, а то и стучать кулаком по столу того или иного районного начальника. Как правило, катализатором взаимоотношений приходилось выступать РК ВКП(б).

Эта тема – взаимодействие с колхозами, работа подсобного хозяйства и вообще организация питания – никогда не теряет актуальности.

На собраниях обсуждают и работу прачечной, и заготовку дров, и такую болезненную тему, как электрическое освещение.

По части электричества спецгоспиталь в полной зависимости от конторы «Заготзерно». А «Заготзерно» подает в госпиталь электроэнергию (в один лишь корпус) только во время своей работы, то есть днем. В остальное время помещения освещались коптилками. С партийной точки зрения, этот «электрический» вопрос имеет прямое отношение к моральному облику сотрудниц.

Из других документов

«Темных углов хватает. Плохой свет может служить поводом для неблагонадежных поступков медсестер и других сотрудниц». «Санитарки и сестры дают повод к тому, чтобы военнопленные нарушали всякую серьезность в общении и деловитость». «Некоторые сотрудницы и военнопленные уже вступили в панибратские отношения, например, раздатчица третьего корпуса Юсупова».

Не поощряется и способность некоторых сотрудников рассуждать и вообще вести себя независимо:

«Во втором корпусе работники хозчасти приходят на работу, закуривают с военнопленными и рассуждают о том, сем».

Коммунисты ни о чем не рассуждают попусту, даже по поводу скудного электричества. Несколько санитарок и две медсестры отданы под суд. Они осуждены по подозрению в связях с военнопленными. Дальнейшая судьба девушек неизвестна. Нескольким сотрудникам в их трудовые книжки внесены записи о неблагонадежности. Надо ли объяснять, что с такой записью устроиться на работу было практически невозможно, разве что могилы копать на сельских кладбищах.

Вот еще выдержки из протоколированных обсуждений – выдержки, так похожие на элементарные доносы:

«Врачи Сентякова и Короткова изучают немецкий язык у немцев».

«Не передоверили ли свою работу наши врачи врачам из военнопленных?».

Секретарь партийной организации напоминает рядовым коммунистам: «Новый контингент требует новых взаимоотношений, даже другого поведения сотрудников госпиталя. Нам надо научить сотрудников, как себя держать с военнопленными. Сотрудников и военнопленных не распускать, не сердоболить, быть деловыми, требовательными».

Переводчица Пога (эта фамилия упоминается в документах, датированных до 1945 года, в связи с СГ № 3007), на одном из собраний задает вопрос сменившему Шепилова начальнику госпиталя Глиттену: «Спали ли военнопленные на полу?». «Да, – отвечает Глиттен, – так как мест в палатах не хватало, туда поместили тяжелобольных. Остальных поместили на пол в коридорах». Глиттена поддерживает завхоз: «При наших раненых отделение вмещало 150 человек. Сейчас в нем 500 человек». Но переводчицу такие объяснения не удовлетворяют, товарищ Пога проявляет поистине партийную принципиальность. Она говорит буквально следующее: «Требуются большевистская требовательность, критика и самокритика. Ответ товарища Глиттена неправильный. Военнопленные спали на полу, потому что в палатах им мешали, не давали спать клопы». Коллизия нешуточная. Кто же виноват? В чем причина «полового» нарушения? С точки зрения обвиняемого, причина в переуплотнении палат. С точки зрения принципиальной коммунистки Пога, тоже в переуплотнении палат, но – клопами.

Главбух Михнюк жалуется на товарища К., заместителя начальника по режиму: «Не дает военнопленных для работы в «Заготзерно», зато уводит их к себе на огород и позволяет уводить другим сотрудникам. Из райкома партии поступила жалоба, что двое латышей разгуливают по станции Фалёнки как свободные люди, без всякой охраны». Товарищ К. отводит удар с удивительной дерзостью: «Если потребуется, расконвоируем еще 10-20 военнопленных, не райкомовское это дело». Михнюк отвечает серией прямых и боковых ударов: «Он систематически питается на кухне военнопленных. Долго носил обеды семье оттуда. При поступлении военнопленных забирал у них ценные золотые вещи». Но у товарища К. хорошая реакция: «По окончании приема военнопленных составлен акт, вещи лежат, где надо». Но и Михнюк боец опытный, он старается загнать противника в угол: «Акт ты составил потом. А вначале вещи ты клал в свой карман, мог там и забыть что-нибудь».

Жаль, что мы, вероятно, уже никогда не узнаем, кто же победил в этой внутрипартийной схватке и стал «королем ринга».

Тяжелая вода

Среди тех, кто поступал на лечение в спецгоспиталь № 3169, были и красноармейцы, побывавшие в немецком плену. Они не погибли на фронте, вернулись на родину, но судьбы этих людей трагичны.

В воспоминаниях бывших сотрудников самых разных спецгоспиталей повторяется одна тема, когда-то слишком больно ранившая души этих людей. Военнопленных у нас кормили лучше, чем своих, военнопленных одевали лучше, чем своих, к военнопленным относились лучше, чем к нашим раненым и больным красноармейцам. И это говорилось о наших бойцах, попавших в госпиталь с фронта.

На какое же отношение могли рассчитывать красноармейцы, побывавшие в плену, то есть нарушившие сталинский приказ «В плен не сдаваться!», если, вернувшись и попав в спецгоспиталь, они прежде всего пытались замешаться в массу военнопленных, выдавая себя за немцев и австрийцев!

В спецгоспитале № 3169 одному неизвестному красноармейцу, хорошо владевшему немецким языком, удалось выдавать себя за немца почти год. Но в мае 1945 года бригаду немцев вывезли на работу в подсобное хозяйство госпиталя.

В подсобном хозяйстве военнопленные немцы работой себя не изнуряли. А бывший красноармеец, забыв о том, что и он «немец», навалился на землю-матушку со страстью истосковавшегося мужика. Камрады по бригаде округлили глаза. В штаб госпиталя полетело: «Этот не наш!» И это был не донос – это был приговор.

Выявленных красноармейцев, побывавших в плену, полагалось немедленно отправлять в лагеря для советских заключенных.

Из Кирова тотчас прилетел некий «товарищ в фуражке». За несчастного взялись в подвале дома на улице Воробьева (сейчас, по иронии судьбы, там находится региональный центр социальной реабилитации). Били так, что крики слышали в соседних домах. И выбили все, что хотели. Да, был в плену. Сам из бывших советских немцев. Перед войной учился в университете в городе Куйбышеве. В окружение и плен попал раненым, попал вместе с товарищами по роте, с теми немногими, которые каким-то чудом уцелели. Остальные погибли. Вся рота полегла в бою.

Куда отправили красноармейца после такого признания, в какие зоны ГУЛАГа – можно только предполагать. Вполне возможно, что никуда не отправили. Расстреляли. Отчего же не расстрелять, ведь он не абы кто, он талантливый: по-немецки шпарит так, что немцы за своего держали целый год!

А «товарищ в фуражке», направляясь к вокзалу, встретил военнопленных, тащивших телегу с бочкой, наполненную водой.

– Куда везете?

– В госпиталь, герр офицер!

– Отставить! Такого быть не должно.

И телегу с тяжелой бочкой воды дальше к корпусу потянули сотрудницы – санитарки и медсестры.

Главное – порядок. Порядок и бдительность превыше всего.

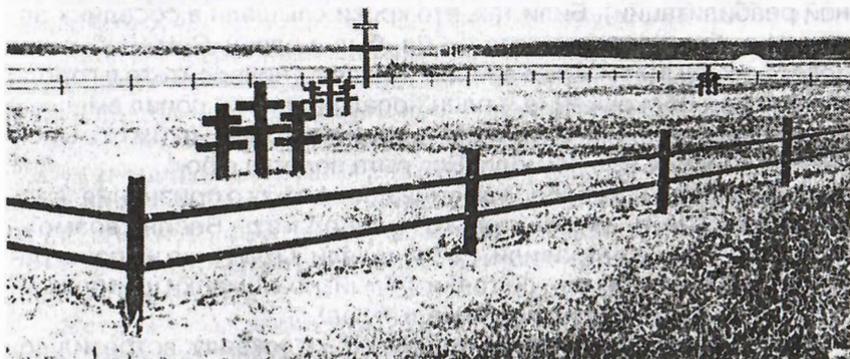
«Севильский цирюльник»

Свободного времени у задержавшихся в госпитале выздоровевших военнопленных имелось достаточно. Затянувшийся досуг отдавали шашкам, шахматам, домино, самодельным настольным играм.

Иногда приходили газеты на немецком, венгерском, румынском языках. Военнопленные просматривали «Известия», «Кировскую правду». Сотрудники приносили и художественные книги на русском языке. Была неплохая библиотека. Некоторые военнопленные с увлечением читали рассказы Шолохова, Симонова, Эренбурга.

Иногда вылечившимся военнопленным удавалось выбирать на отдых в ближайший лес. Тут не было предела восторгам. Как вспоминают сотрудники, больше всех лесной красотой восхищались обычно сдержанные на проявление эмоций немцы.

В фалёнских лесах немцы и сейчас нередкие гости. Не военнопленные, конечно. Сейчас к нам из Германии приезжают лю-

Мемориал в память о венграх – жертвах войны в п. Фалёнки

бители хорошей охоты. Но как знать, возможно, рассказы именно тех «спецгоспитальных» немцев, вернувшихся на родину, их воспоминания о красотах вятской природы как раз и подвигли сыновей и внуков на поиск охотничьих трофеев в обильных фалёвских угодьях.

Венграм как-то принесли полуразбитые гитары, балалайки, мандолины без струн: «Хлам, все равно выбрасываем. Но если наладите, пользуйтесь, играйте на здоровье». Инструменты наладили быстро. Венгерские солдаты изо всех сил старались музыкой вскружить сестричкам головы, взволновать девичьи сердца.

После такого славного начала военнопленным вскоре передали набор старых запыленных духовых инструментов.

Концерты военнопленных в районном Доме культуры оставили яркий след в памяти фаленских жителей.

Для пленных уже сама подготовка к концертам была не только своеобразной отдушиной в рутинной госпитальной жизни, в струнах звенела мелодия надежды на будущую послевоенную мирную жизнь.

Иногда весь концерт состоял из выступления духового оркестра, иногда был смешанным: играли струнные инструменты, звучали национальные мелодии, песни и даже оперные арии.

Среди немцев нашелся композитор по фамилии Книпс. Это был человек разносторонне одаренный: он сочинял музыку, исполнял фортепьянные произведения, владел прекрасным голосом. Вдохновение и мастерство Книпса, великолепно исполнявшего арии из оперы «Севильский цирюльник», заставили полюбить шедевры мировой классики жителей глухой, забытой Богом станции.

Для многих эти встречи с живой музыкой оказались первыми и единственными на всю оставшуюся жизнь.

Домой в Германию

Осенью 1946 года оставшихся в госпитале немцев тремя вагонами с запасом продовольствия, медикаментов, под присмотром врачей и охраной солдат доставили в Омутнинск. Их вместе с 1700 военнопленными из лагеря № 101 репатриировали в Германию.

Начальником эшелона был сотрудник аппарата НКВД в Фаленках Смирнов. Сопровождающими поехали вахтер Савиных, медсестры А.И. Драничникова, К. Зрюмова, Е.А. Кропоткина, А.И. Лопатина, Е.А. Чурина.

До Франкфурта-на-Одере добирались через Белоруссию и Польшу.

Девушки успели погулять по Варшаве и Кракову (там состав долго держали). Польские жители, особенно женщины, узнав, что везут пленных немцев, бросали им хлеб, фрукты, цветы.

Всех немцев довезли живыми. Но долгая дорога ослабила людей, некоторым пришлось лечь уже в *свои* больницы.

Всех наших медсестер поместили в небольшом двухэтажном доме для приезжих гостей города. С хлебом во Франкфурте-на-Одере (как, наверное, и во всей Германии) было не важно, но иногда на первом этаже продавались крошечные, очень вкусные булочки.

Днем девушки помогали оформлять для своих бывших пациентов документы об освобождении из плена. Вечерами гуляли по городу. Небольшой, чистый, уютный городок, к счастью, не попал под бомбежки и сохранил всю свою довоенную прелесть. Среди вылеченных в Фаленках военнопленных оказался местный житель, он настоял, чтобы все девушки побывали у него в гостях, познакомиться с семьей.

Л.И. Лопатина вспоминала: «Нас очень радушно встретили, от души угощали, хотя время для них было очень тяжелое. Нам понравилась квартира, в которой жила семья. Мы остались благодарны на всю жизнь за радушие. Это было для нас как признание нашего труда в госпитале по спасению всех военнопленных».

Опустевший состав через две недели отправился обратно в Советский Союз. Слухи о том, что на этом поезде поедут домой угнанные немцами советские граждане, не подтвердились.

*А.И. Драничникова, медсестра
СГ № 3947. 2001 г.*

Спецгоспиталь № 3426

(г. Халтурин, ныне Орлов)

Госпиталь на 300 коек под номером 3426, организованный на второй день войны 23 июля 1941 года в украинском п. Орджоникидзе Сталинской области, к октябрю был передислоцирован в город Халтурин Кировской области. В Халтурине приступил к работе 1 декабря 1941 года. Профиль – общехирургический (для легкораненых красноармейцев и младших офицеров).

Однако первоначально в госпитале недокомплект хирургического инструмента, не было даже хирургического стола, операции проводились в амбулаторном варианте; полноценная операционная была организована позже – в июне 1942 года. Госпиталь не имел рентгенкабинета и своей клинической лаборатории. Приходилось пользоваться услугами городской больницы.

На 15 февраля 1942 г. в госпитале было 600 раненых и больных красноармейцев. Всех раненых, нуждающихся в серьезных операциях, направляли в ЭГ № 3160 (г. Халтурин) или в госпитали г. Кирова.

Известие о смене контингента на военнопленных обрушилось на личный состав и командование госпиталя совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба.

В спешном порядке выписали 488 человек, комиссовали – 174, отправили в другом госпитали 313 красноармейцев (их разместили в Котельниче, Мурыгино и в Кирове).

Персонал госпиталя остался прежний (эвакуированный). Из Кирова доставили лишь команду наружной и внутренней охраны. Заместителем начальника по режиму и охране назначен майор госбезопасности Буков Георгий Викторович. Охрану вместе с вахтерами поместили в общежитии, но охрана в отличие от других постояльцев жила по Уставу и положениям Красной Армии.

К зданиям, выделенным госпиталю, срочно отдали расположенные неподалеку более крупные здания – недостроенный Дом Культуры, общежитие педучилища и торговые ряды.

В течение 10 дней персонал инструктировался представителями облздрава и Управления НКВД по Кировской области. Много говорилось о бдительности, дисциплине, собственном поведении, о санитарно-эпидемиологической обстановке.

Эшелон с военнопленными прибыл на станцию Оричи 23 августа 1944 года. Их было три тысячи человек. От Оричей до Халтурина – это 22 километра – военнопленные шли пешком. На телегах везли только тяжелобольных. Трое в дороге умерли.

Жители деревушки вблизи поселка Зенгино так вспоминали о переправе этой колонны через реку Вятку (мои собеседники были тогда

подростками): «Мы работали на покосе со взрослыми женщинами. Все мужики находились на фронте. Вдруг видим: военные привезли людей, которые не могли вставать, и принялись опрокидывать телеги с людьми прямо на траву вдоль дороги, которая вела к парому.

Все женщины, работавшие на покосе, бросились кто с вилами, кто с граблями, а кто с кулаками на военных: «Может, наших мужей тоже так сгружают где-нибудь? Эти люди не виноваты, что их послали воевать!» Военные опешили, потом стали аккуратно перекладывать людей на принесенное сено»...

В соответствии с приказом командования ЭП-22 три тысячи военнопленных должны были принять два госпиталя: № 3426 и № 3160. В Халтурине прибывших поделили на две неравные части: госпиталь № 3426, о котором, собственно, идет речь, принял 1200 военнопленных, то есть ровно вдвое больше того количества, на которое был рассчитан; в то же время госпиталь № 3160 принял 1800 военнопленных.

Санобработку и прием в СГ № 3426 пришлось вести 10 дней. Теснота была такая, что даже лежащим на полу повернуться с боку на бок можно было только одновременно всем сразу. Скученность чрезвычайно осложняла поддержание санитарного состояния, чистоты и порядка в помещениях.

Но, несмотря на трудности, личный состав госпиталя выполнил колоссальную работу по обустройству зданий (причем приданные госпиталю недостроенные здания пришлось оборудовать уже в ходе эксплуатации).

Особенно много сил и времени отнял Дом культуры: врачам, медсестрам, санитаркам, помимо своей основной работы, пришлось фактически завершать его строительство. Не хватало лесоматериалов, краски, стекла, извести. А помощь от районной власти практически полностью отсутствовала. Только благодаря самоотверженности сотрудниц удалось выполнить все работы и подготовиться к зиме.

СЕРЫЕ СТЕНЫ, ЯРКИЕ ФРЕСКИ

Забегая вперед, следует сказать, что при закрытии госпиталя здания передали городу в невиданно ухоженном и благоустроенном виде. Внутренние стены Дома культуры художники из военнопленных украсили живописными полотнами...

Здания, в которых разместились госпиталь, строились для целей, далеких от медицины. Под операционные, перевязочные, другие необходимые госпиталю помещения пришлось приспособлять классные комнаты и служебные кабинеты. Но это было

полбеда. Работу госпиталя чрезвычайно осложняло то, что здания были разбросаны по городу: завтраки, обеды, ужины нужно было доставлять в отдаленные корпуса в положенное время; раненых и больных – на перевязки и процедуры строго по графику.

Общезитие, прачечную, конюшню, скотный двор разместили в трех деревянных зданиях, предназначенных под снос.

Кухня для личного состава первоначально ютилась в общежитии, но вскоре выехала на освобожденную от врагов родину Брянская высшая партийная школа, и освободившиеся помещения приспособили под пищеблок.

Вещевые склады двух госпиталей (№ 3160 и № 3426) были в одном здании. Зимой в той части здания, что принадлежала СГ № 3160, вспыхнул пожар, трагедия страшная; это просто счастье, что имущество СГ № 3426 удалось спасти.

Первый корпус госпиталя – каменное двухэтажное здание школы – было подключено к аварийной линии электропередачи. В нем разместили хирургическое отделение (операционная, послеоперационная, автоклавная и палаты). В палатах первоначально стояли топчаны, потом их заменили нарами. В палате от 20 до 60 пациентов. Зимой в корпусе находились до 180 человек. На верхнем этаже корпуса – прооперированные, внизу – выздоравливающие больные.

Второй корпус располагался в бывших торговых рядах. В палатах с низкими потолками, скудным освещением размещались от 40 до 60 человек. Зимой все здание торговых рядов вмещало 600 хирургических и терапевтических больных. Причем на топчанах и койках удалось пристроить только 5% больных, остальным приходилось лежать на полу на соломе, покрытой простынями.

«Теснота невероятная, условия ужасные», – жаловались сотрудники. Ужас был в том, что среди пациентов, принятых по терапевтическому профилю, были люди, пораженные контагиозными инфекционными заболеваниями. В декабре 1944 года пришлось выделить помещение под изолятор.

На верхнем этаже разместили зубной кабинет, пищеблок, кабинет ЛФК, ванную комнату. После пожара там же, на первом этаже, и вещевой склад. На первом этаже нашлось место для гаража.

На дворе в деревянных зданиях устроили прачечную, конюшню, выделили помещения для скота.

Отопление во всех корпусах было печным.

Третий корпус – это здание, прежде принадлежавшее районному военкомату, до госпиталя там размещался штаб эвакуированной Брянской высшей партийной школы (ВПСШ). Третий корпус предназначался для выздоравливающих больных, но потом в нем пришлось разместить изолятор для туберкулезных больных.

Четвертый корпус располагался в бывшем Доме культуры. Там было две палаты – по 40 и 170 человек. Гордостью сотрудников было водяное отопление. Однако из-за неотрегулированности электродвигателя возникал страшный перепад температуры: в одной палате жуткая духота, в другой – замерзала вода. Так называемые «удобства» были весьма неудобны: до туалета надо было идти 150 метров! Зато в четвертом корпусе (да и во всех зданиях спецгоспиталя) имелся водопровод, дававший хорошую воду. Из колодцев воду брали лишь при перебоях электричества.

А перебои в подаче электроэнергии осенью и зимой 1945 года случались особенно часто, и тогда приходилось пользоваться керосиновыми лампами и примитивными самодельными светильниками – коптилками.

Но главная трудность – переуплотнение. В некоторых палатах площадь на одного больного не достигала квадратного метра. Людям элементарно не хватало воздуха. Фрамуги окон не закрывали даже в самую холодную пору зимы. Разбитые стекла закрывали фанерой. Застеклить все окна и завершить реконструкцию корпуса удалось только перед тем, как здание было передано городу.

Закрытие госпиталя осенью 1945 года проходило в такой же спешке, как смена контингента: сотрудники госпиталя готовились к зиме, даже дрова успели заготовить...

СБИТЫЕ ПОДКОВЫ

От Халтурина до Кирова – 56 км, до Оричей – 22. Доставка топлива, продуктов, медикаментов производилась на телегах и санях. Шесть госпитальных лошадей едва справлялись, упряжь и повозки изнашивались так, что даже латать их было бессмысленно. В самых безвыходных ситуациях просили о помощи ближайшие колхозы.

Госпиталю был придан грузовик, но, как скоро выяснилось, он доставил больше хлопот, чем пользы: не было ни горючего, ни запчастей – автомобиль стоял на приколе в гараже.

Водный транспорт – небольшой катерок – почти не использовался из-за мелководья реки.

ГОРЮЧЕЕ ГОРЕ

Топливо, топливо и еще раз топливо – вот что нужно было госпиталю для выживания в вятском климате. Требовалось горючее.

Глубокой осенью 1944 года дрова пришлось буквально выдал-

бливать изо льда на берегу реки. Когда подсчитали, оказалось, что получили 168 кубометров промерзшей древесины.

Зимой совместными усилиями сотрудниц госпиталя и выздоровевших военнопленных там же заготовили 5700 кубометров дров.

В это же время бригада из 30-40 выздоровевших, годных к труду по медицинским показаниям военнопленных заготавливала дрова в 12 километрах от города. Военнопленные жили там в наскоро сооруженных отапливаемых избушках. Зимой и ранней весной до наступления половодья вывезли 2700 кубометров древесины, а когда прошел ледоход, сплавили по воде к городу 500 кубометров.

Летом 1945 года бригада военнопленных заготовила 293 кубометра леса. Помимо того совместными силами сотрудников и военнопленных было заготовлено 3000 кубометров пней и такое же количество торфа.

ДЕЛО ТАБАК

Госпиталь № 3426, как многие другие госпитали, имел свое подсобное хозяйство.

В 1945 году применили комплексную систему посевов. Особенно хороший урожай был получен на участках, которые располагались вблизи госпитальных корпусов. Вырастили даже свой табак.

В порядке трудотерапии на участках подсобного хозяйства трудились военнопленные. Работали с увлечением, даже соревновались друг с другом и с личным составом. В 1945 году вырастили 15 тонн овощей, 4 тонны зерновых на фураж, 1 тонну картофеля.

Кроме лошадей, на выращенном фураже выкормили 2 коровы и 15 поросят.

Молоко выдавали военнопленным, страдающим тяжелыми формами дистрофии, а из сотрудников госпиталя – только кормящим матерям.

ДВИЖЕНИЕ БОЛЬНЫХ

За 1944 год в госпиталь прибыли 1202 военнопленных, выбыли – 31.

За 1945 год соответственно 350 и 1521.

В лагерь № 307 УНКВД в 1945 году отправлены 1114 военнопленных, в другие госпитали – 390.

С августа 1944-го до февраля 1945 года военнопленные вообще не поступали. В феврале, марте, апреле, июне поступали

больные военнопленные из лагеря № 307 УНКВД Кировской области и СГ № 1952 (п. Оричи).

Умерли в госпитале за время его существования 33 военнопленных.

На одного военнопленного пришлось в среднем 263,5 койко-дня.

Командование госпиталя неоднократно обращалось в облздрав, НКВД, Кировский обком ВКП(б): «Больные выздоровели, прокомиссованы с группой трудовой пригодности еще в октябре-ноябре 1944 года». Проще говоря, командование госпиталя просило: заберите выздоровевших людей, мы свое дело уже сделали, а сейчас кормим и содержим здоровых людей за счет больных.

Но вот какой нюанс: согласно инструкции НКВД КО, перемещение военнопленных в обмундировании войск вермахта по территории области категорически запрещалось. Выписку разрешалось проводить только при наличии соответствующего обмундирования и конвоя, но госпиталь – это лечебно-профилактическое учреждение, а не фабрика по пошиву должной одежды.

Госпиталь оказался в крайне сложном положении – в положении заложника нерасторопных, рассогласованных органов областной власти. В этой ситуации госпиталь взял на себя заботу о совершенно здоровых людях. Факт поразительный, если вспомнить, к каким методам прибегали уполномоченные НКВД в госпиталях поселка Рудничный, чтобы «вытолкнуть» не прошедших врачебную комиссию военнопленных в лагерь.

К началу октября 1945 года в госпитале осталось 390 военнопленных, из которых 102 – инвалиды и хронически больные.

По распоряжению облздрави больные и инвалиды отправлены в СГ № 1952 (п. Оричи), здоровые военнопленные после врачебной комиссии – в лагерь.

КАДРЫ

Наибольшая часть медперсонала прибыла с госпиталем из Украины.

С 1942 года госпиталь переведен в подчинение Наркомздрава, с этого момента медперсонал считается работающим по вольному найму. Люди, не желающие лечить солдат вермахта, могли, как гражданские лица, подать заявление об увольнении. Повлиять на них могли лишь партийная и комсомольская организации.

Несмотря на идеологическую обработку, после освобождения от оккупации Украины, Белоруссии, запада России, многие врачи и медсестры уехали на родину. Их заменили выпускницы хал-

туринской школы медсестер – Дмитриева, Шоромова, Вдовкина, Безденежных и другие. Медицинские сестры Вавилова и Зубарева назначены субординаторами.

Произошла замена и на руководящем уровне: начальником госпиталя вместо Счансновича стал переведенный из Шабалино Иван Герасимович Гмыря, майор медслужбы, по специальности врач-рентгенолог. Вместе с Счансновичем выбыла начальник медслужбы Зоя Васильевна Счанснович, ее заменила прибывшая из Опарино Юлия Алексеевна Маркова.

И все же врачей не хватает: к началу 1945 года в госпитале 14 вакансий. Оставшиеся специалисты несли двойную нагрузку.

Помогали 9 врачей из военнопленных. В их числе два хирурга, врач-лаборант и зубной врач. Постепенно сформировался особый язык – смесь немецкого, русского и латинского – своеобразный «эсперанто», который понимали все.

При расформировании госпиталя всех врачей из военнопленных отправили в лагерь.

Гмыря, отмечая важность проведенной ими работы, выделил сотрудничество военнопленного профессора – специалиста по лечебной физкультуре, и врача этой же специальности Н.И. Зубаревой. Эксклюзивная методика профессора, подкрепленная опытом нашего врача, была особенно эффективной при лечении контрактур и разработке тугоподвижных суставов.

Военнопленные назначали из своей среды санитаров для выполнения посильной для них работы. Штатные санитарки следили за выполнением назначений врачей, раздачей медикаментов и подобной необходимой работой. Ее хватало всем.

В 1946 году к правительственным наградам за работу в спецгоспитале представлены ведущий хирург Колодкин, специалисты Тафель, Либерман, Белинская, Шифман; медсестры Позолотина, Вавилова, Безденежных, Зубарева.

Медстатистик Петрова награждена за активность в организации художественной самодеятельности в госпитале; медрегистратор Еремина – за активную агитационную работу на всех посевных и уборочных кампаниях в ближайших колхозах.

Награждены субординаторы Вареня, Гордеев, Печенева, а также один из самых активных ветеранов госпиталя Степанищев Федор Степанович.

СНАБЖЕНИЕ

Медицинское снабжение обеспечивало Кировское Аптекоуправление. В 1944-1945 годах госпиталь испытывал перебои с пе-

ревязочными материалами, сульфидными препаратами, эфиром для наркоза, мазями, жирами, химикалиями.

Гипс, жиры, соду, соляную кислоту и т. д. приходилось доставать окольными путями. Гипс, поступающий централизованно, никуда не годился. Да и отпускали его чрезвычайно мало.

Спасал положение Иван Иванович Печенев, заведовавший аптекой, за его спиной был двадцатилетний стаж работы, он знал, что называется, все ходы и выходы и проявлял исключительную настойчивость в поисках недостающих лекарств и медицинских средств. В частности, за годы войны в госпитале израсходовано:

1. Марли – 39000 м.
2. Бинтов – 3300 шт.
3. Ваты – 500 кг.
4. Спирта – 825 кг.
5. Эфира – 861 флакон.
6. Гипса – 600 кг.;
7. Настойки йода – 70 кг и т. д.

Крайне не хватало твердого и мягкого инвентаря. Ведь госпиталь был рассчитан на 600 раненых и больных, а принять пришлось 1200. Первые месяцы даже топчанов на всех не хватало. Со временем военнопленные изготовили соломенные маты, а на первых порах «норма» была такая: два матраца, две простыни и одна подушка на четырех человек.

Не хватало рубашек, кальсон, халатов.

В хирургический корпус и изолятор сразу набрали топчаны, кровати и комплекты белья в нужном количестве, но в целом в госпитале не хватало всего и вся: уборных, душевых, ванн, котлов для приготовления пищи и кипячения воды, бачков для питьевой воды и т. д. и т. п.

Между тем военнопленные (особенно из лагеря № 307 УНКВД КО) поступали в крайне тяжелом состоянии, зачастую без всяких документов, диагнозов, с плохо наложенными повязками, грязные и завшивленные.

Иммобилизации переломов, как правило, не было. Лишь в первом эшелоне из Смоленска было несколько больных с шиной Крамара.

Обмундирование прибывших из лагеря военнопленных представляло собой рвань. До прибытия в СГ № 3160 люди не получали горячей пищи.

При формировании партий военнопленных профиль госпиталя не учитывался: поступали больные с ранениями черепа, живота, конечностей, грудной клетки, заболеваниями кожи, дистрофией, инфекционными заболеваниями. И напротив: около ста

военнопленных в партии прибывших в августе 1944 года оказались совершенно здоровыми, им требовался только отдых.

Набор функциональных отделений определился только после детального обследования всех прибывших военнопленных: общее, хирургическое, терапевтическое, кожное, туберкулезное и, наконец, отделение выздоравливающих.

СМЕРТНОСТЬ

За все время работы госпиталя в нем умерли 33 военнопленных (2% от общего количества пациентов).

От дистрофии умерли 13 человек.

Десять военнопленных умерли от активного туберкулеза.

У шестерых военнопленных причинами смерти были воспаленные легкие, желтуха, перитонит.

Трое военнопленных умерли, не добравшись до госпиталя, по дороге от железнодорожной станции Оричи до Халтурина.

Двое утонули в реке Вятке, когда на лодке возвращались с сельхозработ.

Большинство погибших военнопленных умерли в первые месяцы пребывания в госпитале.

Всех умерших анатомировали, чтобы установить точные причины смерти.

Каждый случай летального исхода обсуждался на госпитальных консилиумах, часто с представителями облздрава.

ДВИЖЕНИЕ – ЖИЗНЬ!

Выздоровевшие (а также прибывшие здоровыми) военнопленные привлекались к труду только по согласованию с лечащими врачами. При этом не было никакого принуждения.

Военнопленные работали на заготовке дров и торфа, чинили белье, обувь, инвентарь, посуду, занимались плетением корзин, соломенных матов, шляп, даже лаптей.

С особым удовольствием выздоравливающие военнопленные занимались огородами. На прилежащих к корпусам участках причудливо пересекались дорожки, огибая декоративные растения и цветочные клумбы.

Трудно было поверить, что при открытии госпиталя дворы представляли собой жалкие свалки мусора!.. Сейчас корпуса окружали газоны и бордюры из зелени и цветов. Во дворах были свои «солярии» –

песочные площадки для приема солнечных ванн. Всюду цветы, цветы... Все вместе придавало госпиталю вид санатория или курорта. Внешняя благоустроенность вполне гармонировала с внутренним оформлением помещений, которое также выполнили военнопленные.

Выздоровевшие военнопленные помогали в общественных работах. Особенно полезной была их помощь при авральных работах на колхозных полях в посевное и уборочное время, когда так не хватало мужских рук.

И СНОВА ВНЕЗАПНОСТЬ

Приказ о расформировании госпиталя поступил неожиданно – в конце сентября 1945 года, когда полным ходом шла подготовка к зиме.

Большинство врачей выехали в Донбасс. Тафель – в Симферополь, Либерман – в Ленинград. Казаковцева, Данилова, Белинская остались в Кировском облздраве. Средний медперсонал был распределен по госпиталям, которые продолжали работать.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 248, стр. 326–348

Список военнопленных врачей СГ № 3426

1. Ваксман Рудольф, хирург, стаж 5 лет.
2. Баиер Ганс, терапевт, стаж 6 лет.
3. Шилинг Иоганн, хирург, стаж 8 лет.
4. Арнальд Франц, терапевт, стаж 5 лет.
5. Шепс Вернер, хирург, стаж 7 лет.
6. Ункальбах Г., врач практический, терапевт, стаж 5 лет.
7. Фельдбау Герман, хирург, стаж 7 лет.
8. Вильмар Л., практический врач, стаж 3 года.
9. Шнейдер Отто, хирург, стаж 7 лет.
10. Кляудит Альфред, хирург, стаж 7 лет.

Список немецких военнопленных, умерших в СГ № 3426 с 21.08.1944 по 01.10.1944 (похоронены на городском кладбище)

1. Мартин Иоганн, 1924 г. рожд., солдат. Поступил 21.08.44, умер 23.08.1944 от гнойной инфекции по месту проникающего ранения живота.

2. Якобс Вильгельм, 1917 г. рожд., санитар, унтер-офицер. Поступил 21.08.1944, умер 24.08.1944. Диагноз: бронхопневмония, дистрофия 3-й степени.
3. Ульман Карл, 1906 года рождения, солдат. Поступил—30.08.1944, умер 02.09.1944. Дистрофия 3 степени.
4. Болли Карл Августович, 1921 г. рожд., обер-гофмаст. Поступил 21.08.1944, умер 02.09.1944. Сердечная слабость на почве фиброзы правостороннего плеврита.
5. Тесс Адольф, 1909 г.рожд., старший ефрейтор. Поступил 23.08.1944, умер 05.08.1944. Сердечная слабость на почве правостороннего воспаления легких.
6. Меллер Ганс, 1914 года, старший фельдфебель. Поступил 23.08.1944, умер 08.08.1944. Поступил с осколочным ранением правого бедра. Дистрофия 3-й степени. Умер в результате сердечной слабости, общего истощения организма.
7. Фрайшель Пауль, 1899 года рожд., ефрейтор. Поступил 24.08.1944, умер 25.08.1944. Поступил в состоянии дистрофии 2-й степени, со слепым пулевым ранением головы, миокардом. Умер в результате сердечной слабости на почве миокарда, общего истощения организма.
8. Шульдгайс Георг, 1903 года рождения, младший ефрейтор. Поступил 22.08, умер 25.09.1944. Поступил с осколочным ранением левого плечевого сустава с повреждением кости. Умер в результате общего истощения организма и сердечной слабости.
9. Феляу Франц, 1912 года рождения, ефрейтор. Поступил 27.08.1944, умер 30.09.1944. Поступил с септическим тромбозом нижней конечности и миокардитом.

Спецгоспиталь № 3160

(г. Халтурин)

Госпиталь для хирургического лечения советских военнослужащих был развернут 10 августа 1941 года в Оричах на базе районной больницы и уже через неделю принял первых раненых. Большая часть зимней одежды, инвентаря и посуды собрана для госпиталя местными жителями.

Осенью 1941 года СГ № 3160 передислоцирован в г. Халтурин.

Как многие другие спецгоспитали, СГ № 3426 был чрезвычайно переуплотнен.

Из общего ряда госпиталя выделяло то, что в нем лечился, а затем работал будущий лауреат Нобелевской премии австрийский биолог Лоренц Конрад. В списках врачей он значился как профессор-невропатолог.

ОТСТАВИТЬ СКАЛЬПЕЛЬ!

Человеку, далекому от медицины, трудно понять, как непросто переключиться с хирургии на терапию. Врачам СГ № 3426 пришлось это сделать. Начмед доктор Шерстянников, доктор Шерман, начальник корпуса доктор Либман и другие высококвалифицированные специалисты подняли лечебную работу на должную высоту.

Список врачей с высшим образованием, работающих в СГ № 3160
(по данным на начало 1944 года)

1. Довгелло А.П. – начальник госпиталя. Резерв ГУ СМВО.
2. Шерстянникова Н.А. – начальник мед части госпиталя.
3. Бушмелева Л.Ф.
4. Либман С. И.
5. Халтурин В. П.
6. Шерман В.С.
7. Лященко А.А.
8. Каган И.Я.
9. Протасова А.Ф.
10. Савицкая Т.В.

(Остальные 7 фамилий, приведенные в исходном архивном документе [ГАКО, ф. Р-2248, оп. л/с, д. № 94] неразборчивы. – **Б.К.**.)

Всего – 17 врачей. В СГ № 3160 переведены из больниц Шур-

мы, Малмыжа, Халтурина, Шестакова, Вожгал, Кирово-Чепецка, после чего в некоторых из перечисленных районных больниц врачей с высшим образованием не осталось.

Облздрав отозвал в Киров хирурга Фелицину, терапевтов Бушмелеву и Синцову, невропатолога Коган, это поставило госпиталь в затруднительное положение. Кадровые потери были отчасти компенсированы переводом хирурга (из числа военнопленных) из госпиталя № 3426.

ГАСПИ, ф. 1791, оп. 1, д. 11, 12

Список немецких врачей, работавших в СГ № 3160

1. Ехте Вальтер, 1916 г. р.
2. Тайс Ганс, 1914 г. р., хирург.
3. Лоренц Конрад, 1903 г. р., профессор, невропатолог.
4. Жреа Георг, 1913 г. р., терапевт.
5. Гиншт Освальд, 1901 г. р., зубной врач.
6. Гекхаузен Карл, 1906 г. р., зубной врач.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ

ГАСПИ, ф. 1791, оп. 1, д. 11

Фрагмент рапорта

(Можно предположить, что приведенный ниже текст написан сотрудником, ответственным за питание. Нижняя часть листа оторвана. – **Б.К.**.)

Начальнику ЭГ – № 3160

Копии: заместителю начальника по охране порядка в госпитале, секретарю партийной организации госпиталя.

Рапорт. Настоящим доводим до сведения, что с момента заполнения госпиталя спецбольными, с 21.08.1944, от дистрофии умерли 16 человек. Причем за последние дни, с 21.09.1944 погибли 7 человек, и имеем большое количество тяжелобольных дистрофией на сегодняшний день.

Считаем необходимым мероприятием срочно наладить лечебное питание в госпитале, которое не можем организовать по причине непригодности пищеблоков, не рассчитанных на такое большое количество больных. Больные не получают нормального питания по норме 10, по вышеуказанной причине имеющееся питание из одного блюда три раза в день является недостаточным и повышает смертность среди больных. Хлеб с первого дня поступает в недостаточном количестве, и выдается 40–50 % нормы.

Просьба, срочно принять меры.

Заявление

От начмеда Русских,

Гвардии майору медицинской службы Довгелло

Прошу освободить меня по семейным обстоятельствам и состоянию здоровья.

(Дата стерта. – Б.К.)

Из протокола партийного собрания от 15.02.1945

(В протоколе упоминается отчет о работе госпиталя за предыдущий год, сам отчет не приложен, содержатся лишь вопросы начальника госпиталя Довгелло и других сотрудников госпиталя к присутствующему на собрании представителю РК ВКП(б) – Б.К.).

«Довгелло:

– Каковы причины просроченности стажа кандидатов в члены ВКП(б)?

– Некоторые сотрудники госпиталя не получали зарплату по 6 месяцев. Что предпринималось райкомом партии для выплаты зарплат?

У городских организаций выработалась нездоровая тенденция. Если что нужно достать для себя из дефицита, то они обязательно предъявляют нам какое-нибудь требование. И другое: если вы нам..., то мы вам отпускаем. А так не получите! Вообще, местные организации на госпиталь смотрят как на нечто ненужное. Не можем добиться помещения под мастерские. Невозможно добиться вывозки дров, поэтому случаются перебои. С водой также перебои. Нет дров в школах.

Агалаков:

– В какой степени РК ВКП(б) интересовался работой госпиталя?

Лаптева:

– Какие меры предпринял РК ВКП(б) к снабжению товарами и хлебом сотрудников госпиталя? Какая ведется борьба с расхищениями, вот, например, на пекарне? Как райком руководит коммунальным отделом? Помогает ли райком топливом семьям военнослужащих?

Русских:

– В торговых организациях города при комбинате нормы торговли отсутствуют. Если какой дефицит вырабатывается в комбинате, то до низового потребителя он не доходит. Светом госпиталь не снабжается. Беда с переправой через реку.

Колесников:

– Почему трудно работать в госпитале? Потому что нет того, нет другого! К нам относятся с насмешкой, иногда говорят: «Ваши фрицы нам не нужны». Особенно в райисполкоме так говорят. Дело, которое

мы делаем, не только наше. Оно исходит от нашего правительства. РК ВКП(б) надо добиваться, чтобы мнение учреждений города и района в корне изменилось. Мы не виноваты, что поставлены тут работать.

Где время провести, если оно появится? В кино? Надо шубу и валенки надеть, иначе выйдешь из строя на неделю. Подумаешь, идти или нет.

Краснов:

– Совершенно не учитывают, что может случиться, оставляя госпиталь без света на темные ночи. «Ваши фрицы!» Нет, не только они наши с вами, весь район должен отвечать, чтобы ничего не случилось. Идет весна. Где зона? Нужны лес, материалы. Никому как будто бы и дела нет. Мало пожарного инвентаря. А если опять что случится? Один пожар у нас уже был. Всегда так: как что случится – долго обсуждать, а пока нет – молчать, ничего не делать. Надо вовремя все делать. Особенно неповоротлив горсовет.

В заключительном слове представитель РК ВКП(б) Новоселов говорит:

– Вопрос о помощи госпиталю, о зоне, чтобы наши враги весной не сделали побега, не натворили в городе безобразия, я буду ставить перед РК ВКП(б)».

Из протокола партийного собрания от 12.04.1945

«Одного вахтера посылают с большим числом военнопленных. Довгелло:

– Военнопленных посылать в колхоз «Смена» для ремонта машин мы не имеем права».

Из протокола партийного собрания от 12.07.1945

«Колесников:

– Я, рискуя, послал специалистов из военнопленных для ремонта машин в подшефный колхоз, но председатель не распорядился ими правильно. Их заняли ремонтом замков, ведер и другой ерунды, а сельхозтехника осталась неотремонтированной».

Из протокола партийного собрания от 15.08.1945

«На 15 августа 1945 года в спецгоспитале 13 членов ВКП(б); 4 кандидата, в том числе кандидатом числится гвардии майор медицинской службы Довгелло».

«Помощь фронту с 1 августа 1944 года по 15 февраля 1945 года: собрано средств помощи фронту (цифры нет. – Б.К.); подписались на 4 денежно-вещевые лотереи; собрано овощей и картофеля из личных запасов в фонд РККА – 1900 кг; собрано средств в помощь военнослужащим – 6000 рублей».

Из выступления (фамилия неразборчива. – Б.К.)

«Я заступил зам. начальником материального снабжения и работаю 20 месяцев. Предыдущий начальник Жданов работал месяц. Второй корпус госпиталя оказался разрушенным. В нем находился батальон выздоравливающих красноармейцев, с разрушенной психикой, из штрафбатов. Люди из тюрем, по несколько раз судимые. Одни бросали тарелки стопами, другие – вещи из окон. Электричество подают с ограничением 50–60%. Из-за отсутствия провода сделали временно напрямую, и за 4 года войны ни разу не проверили».

Из протокола партийного собрания от 04. 10. 1945

«Русских:

– Нерационально используется машина. С отчетом везет одного человека в город, когда не хватает бензина для нее, или многое приходится таскать на себе. Военнопленные плохо одеты. Многие работают босыми.

Агалаков:

– Самый большой вопрос – обмундирование. Босых военнопленных выводить на работу невозможно. Мало простыней, полотенец».

А.П. Довгелло, гвардии майор медицинской службы, умер в 1946 году. Похоронен на кладбище с. Шалегово.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 187, л. 164–165

Акт обследования госпиталя главным терапевтом эвакуотдела госпиталей облздрава Мышкиным (от 14 – 19. 10. 1944 года).

«Госпиталь находится в 3 зданиях. Первый корпус – каменное двухэтажное здание. Размещено 1000 больных в палатах от 20 до 100 человек.

Второй корпус. – деревянное одноэтажное здание имеет светлые палаты, вмещающие по 50 человек. Всего – 160 человек. В нем размещен изолятор, где собраны инфекционные больные. Третий корпус – двухэтажное каменное здание бывшей школы с большими высокими окнами и высокими потолками. Палаты вмещают от 30 до 100 человек. Всего размещено 545 человек, в основном здоровых военнопленных, ожидающих отправки в лагерь. После их отправки в помещениях здания должны размещаться на карантин военнопленные поступающих вновь партий.

Санитарное состояние: отмечается большое количество больных дистрофией и длительной диареей.

В связи с приближением холодов требуется ускорить изготовление топчанов, матов из соломы.

В дни обследования в госпитале находится 1630 человек. Хирургических – 792; с ранениями головы – 65; с ранениями грудной клетки – 47; живота – 3; бедра – 236; с повреждениями конечностей – 258; с повреждениями мягких тканей – 424; с поражениями суставов – 129; терапевтических больных – 432:

а) алиментарная дистрофия	– 144;
б) прочими заболеваниями	– 252;
Инфекционные заболевания	– 36 человек:
а) дизентерия	– 10;
б) дифтерия	– 12;
в) полиневриты	– 8;
г) туберкулез	– 4;
д) волынская лихорадка	– 2.

За этот период умерли 35 человек. Причины: алиментарная дистрофия – 32 летальных случая; туберкулез – 2; органические поражения сердца – 1. Основную массу терапевтических больных составляли больные, страдающие алиментарной дистрофией. Чистых случаев – 144. И если к этому присоединить больных, ранения и дистрофию, больных с резким упадком питания на почве дизентерии, туберкулеза, то мы должны констатировать, что общий фон всех больных – тяжелый, к тому же все больные, как терапевтические, так и хирургические, на 80–90% страдают нарушениями витаминного баланса, чаще В и С витаминной недостаточности. Нередки случаи, когда нужно говорить о поливитаминной недостаточности. Крайне малое количество выделенных больных, страдающих туберкулезом легких, указывают только на совершенно недостаточный рентгеноконтроль и на трудности диагностики арреактивно протекающего туберкулеза. Надо заметить, что проведение курса лечения сульфидином больных дизентерией и пневмонией необходимо проводить строго по схеме «В», «С», «У»; может быть, в легких случаях, не ясных по этиологии на дизентерию, ограничивать дачу сульфидина на курс лечения по 12 гр.

В лечении туберкулезных больных необходимо использовать опыт врачей фтизиатров Шерстенниковой, Лященко, врачей-хирургов военнопленных из соседнего госпиталя, и в случаях показанных прибегать к наложению пневмоторакса и френико-алкоголизации».

КОНРАД ЛОРЕНЦ

Конрад Лоренц (1903-1989) – выдающийся австрийский ученый-биолог, один из основоположников этологии, науки о поведении животных. В 1973 г. удостоен Нобелевской премии (совместно с К. Фришем и Н. Тинбергеном) за исследования индивидуального и группового поведения животных.

Конрад Лоренц был призван в немецкую армию в качестве врача. В 1943 г. попал в плен. Был врачом в лагере на Кавказе, потом в СГ № 3160 (г. Халтурин Кировской области).

Говорил соотечественникам: «Ешьте лягушек, змей, улиток. Русские дают нам столько, сколько могут, они сами сейчас голодают». У охраны пользовался уважением и даже любовью.

В госпитале СГ № 3160 на бумаге от цементных мешков начал писать книгу «Обратная сторона зеркала».

Известный журналист Василий Михайлович Песков в заметке о Л. Конраде, опубликованной в «Комсомольской правде» (9-16 февраля 2006 г., стр. 18), приводит в частности такой эпизод из воспоминаний профессора:

«Однажды обернувшись, увидел начальника лагеря А.П. Довгелло: “Что Вы пишете?” Я протянул листки грубой серой бумаги. На другой день он мне их вернул вместе с двумя толстыми сброшюрованными тетрадями: “Пишите на этой бумаге”».

Конрад Лоренц

Спецгоспиталь № 3007 (РЯЗАНСКИЙ ГОСПИТАЛЬ В ПРИКАМЬЕ)

По приказу Рязанского облздравира госпиталь на 500 мест был организован 9 августа 1941 года. Первое место дислокации – село Михайловка. Первый начальник госпиталя – Шепилов Василий Алексеевич.

Население собрало сотни и тысячи необходимых госпиталю вещей. Люди несли подушки, матрацы, простыни, посуду, койки, мебель и сверх того цветы, гитары, балалайки, мандолины, книги.

Осенью того же года, 5 октября, госпиталь передислоцирован в Рязань, а 10 октября принял первую партию раненых советских солдат (194 человека).

С приближением фронта к Москве госпиталь был переведен в подчинение НКО.

27 ноября госпиталю дано 6 часов на свертывание и подготовку к эвакуации. К станции подогнали 8 вагонов. В спешке грузили раненых и госпитальное имущество. Ночью состав тронулся в путь... Место назначения – Новосибирская область.

В поселок Рудничный Кировской области госпиталь перебрался к декабрю 1941 года. В Рудничном происходит слияние с ЭГ № 2992. Выделено 800 коек для хирургических больных.

Госпиталю предоставлено 13 отдельных зданий на территории радиусом 500 метров. В 7 зданиях – службы обеспечения: 2 кухни, продовольственные и вещевые склады, прачечная, конюшни, ледники при продскладе. Построена вошебойка.

В 4 отделениях все палаты сообщаются между собой, что очень затрудняет противозидемический режим. Водопровод только в 2 корпусах. В остальные корпуса вода из местных источников подвозится бочками. В качестве санпропускника совместно с другим госпиталем используется поселковая баня.

Представитель райкома партии на первом собрании коллектива госпиталя говорит: «Работа с вашим контингентом имеет международное значение. На хорошую работу надо мобилизовать всех. Надо организовать повседневную воспитательную работу с врачами, медсестрами и всеми сотрудниками. Когда-нибудь военнопленные попадут домой, и то, как они там вспомнят свое пребывание у нас, зависит от вас».

В декабре того же года представитель райкома напоминает, что «врачи должны лечить не только военнопленных, но и своих советских людей».

Как ни в одном другом спецгоспитале, в СГ № 3007 придается большое значение соцсоревнованию, заключению соцдоговоров

и взятию социалистических обязательств. При этом обязательно включается пункт о скорейшем выздоровлении военнопленных, культурном, уважительном обращении с ними.

В череде проблем, терзающих госпиталь, важнейшие – это транспорт, вода, топливо. Газогенераторная трехтонка большую часть года не используется: нет запчастей, с одной стороны, с другой – совершенно непроезжие дороги.

Дрова, а госпиталю нужно на сезон 7000 кубометров дров – завозятся лошадьми. Иногда выздоровевшим военнопленным приходится носить дрова из ближайшего леса. Зимой 1943–1944 гг. недостаток дров ощущался особенно болезненно.

Начальник госпитального клуба Свердлов говорит: «В отделениях часто не бывает дров. В палатах холодно. Нет кипяченой воды. Даже посуду моют холодной водой».

Госпиталю, лечившему красноармейцев, добровольно помогали рудоуправление, ближайшие колхозы района, но с появлением военнопленных такую заботу они сочли ненужной. Потребовалось решение облисполкома, бурные заседания райкома, чтобы помочь возобновилась... но, увы, не на длительное время.

Лечить военнопленных начали в марте 1943 года.

Летом территория госпиталя приводится в надлежащий вид. Каждую неделю проводится генеральная уборка в палатах и корпусах. Принимаются активные меры против клопов. Нары промываются горячей водой. Во всех палатах и корпусах организовано самообслуживание.

Начальником госпиталя назначается Благовещенский В.А., а затем Морозов Г.И., капитан медицинской службы, военврач 2 ранга.

Его переводят из ЭГ № 3160 г. Халтурина Кировской области. По отзывам коллег, Морозов был не только знающим врачом, но и больше, чем его предшественники, занимался хозяйством госпиталя. Георгий Ильич немногословен, точен в выражениях, доброжелателен и общителен с людьми. Очень хорошо разбирался в международной обстановке. Это был человек, исключительно преданный врачебному долгу, большого жизненного опыта и такта.

При поступлении военнопленных в госпитале организовали службу крови, обзавелись двумя системами переливания крови. Подготовили 2 врачей, 5 медсестер, 14 доноров (из числа выздоровевших военнопленных).

Опытный врач-лаборант (с 17-летним стажем работы) обслуживала клиническую лабораторию. В рентгенкабинете работали врач (14 лет стажа) и рентгенотехник (12 лет стажа работы).

Все военнопленные проходят через рентген на предмет выявления туберкулеза легких.

Совместно с СГ № 3171 оборудовали дрожжеварку. В лечении используются сульфидин, глюкоза, сульфазол, стрептоцид. Для страдающих дистрофией военнопленных применяется дробное питание.

С выздоравливающими пациентами проводилась лечебная физкультура. Инструктор – комиссованный красноармеец Медведев, имеющий высшее физкультурное образование.

В середине 1942 года госпиталь переподчинен гражданскому ведомству – Наркомздраву.

Крайне не хватает врачей и медсестер. Частично кадровый дефицит компенсировали врачи из военнопленных, но полностью решить кадровый вопрос не удалось ни разу.

Шесть врачей окончили полуторамесячные курсы по хирургии. Работали они под руководством профессора – хирурга из военнопленных. Хирургические инструменты были в достаточном количестве, но очень плохого качества.

Два врача и три медсестры прошли двухнедельные курсы по переливанию крови. Всех медсестер обучили технике гипсования.

По приказу Управления эвакуационных госпиталей в госпитале было открыто отделение для туберкулезных больных на 300 коек.

Санитарного врача и эпидемиолога не было, их функции были возложены на дезинфектора.

В качестве общего санпропускника двух госпиталей использовалась поселковая баня, никогда не подвергавшаяся ремонту.

Прачечная, рассчитанная на обслуживание 500 человек, работала для 1500 военнопленных!

В госпиталь поступают больные сыпным и брюшным тифом, туберкулезом открытой и закрытой форм, желтухой, дифтерией. Были случаи скарлатины, сифилиса. Почти все военнопленные поражены авитаминозом, многие – дистрофией 1-й, 2-й, и 3-й степени.

Оба госпиталя в 1944 году переполняются больными до состояния скученности.

Теснота в палатах, дефицит врачей, недостаток качественного питания, лекарств, санитарных средств, белья – все это в 1944 г. ставит коллектив СГ № 3007 на грань потери контроля над ситуацией. Если другие спецгоспитали Кировской области испытывали подобные трудности лишь временно на первом этапе приема военнопленных, то здесь это продолжалось до окончания войны.

В актах за май 1945 года отмечаются неимоверные усилия, которые предпринимал медперсонал для того, чтобы переломить кризисную ситуацию: «Диагностика туберкулеза легких поставлена удовлетворительно. Врачи стали больше уделять внимания на наличие авитаминозов у больных как доминирующего и сопутствующего заболевания и на диагностирование рецидивов

хронической дизентерии. Больные с открытой формой туберкулеза находятся в основном в СГ № 3007. Отмечается рост активной терапии туб.заболеваний».

В акте от 20 мая 1945 года начальник лечебного сектора отдела ЭГ Пергаминов пишет: «Просить МЭП-22 обратить внимание на недостаточное снабжение продуктами питания госпиталей № 3007, № 3171».

Жизнь приучила сотрудников госпиталя быть в постоянной готовности к любым неожиданностям. Иногда поступала партия больных военнопленных без документов или с историями болезни, заполненных на иностранном языке непонятным почерком. Диагноз устанавливался уже при приеме.

Беда еще и в том, что как и в других госпиталях туберкулез, авитаминоз, дистрофия и дизентерия словно заключают некий «тайный союз», чрезвычайно усложнявший диагностику. Сходная симптоматика дистрофии и дизентерии постоянно вызывает споры.

Врач Сабурова (стаж работы 19 лет) категорично заявила: «В госпитале свирепствует дизентерия вследствие санитарной небрежности». Строгое выполнение всех санитарных норм в переполненном тяжелобольными военнопленными госпитале действительно невозможно. Но лабораторными данными наличие дизентерии у большинства военнопленных не обнаруживается. Заявление Сабуровой дало лишь повод одному из проверяющих назвать работу начальника госпиталя Морозова Г.И. «диверсионной – шпионской».

Комиссия облздрава, возглавляемая Мышкиным И.И., при самом тщательном обследовании госпиталей в Рудничном (с проведением бактериологических анализов в ИС и ЭККА) факт дизентерии не подтвердила. Патологические процессы вызваны дистрофией и авитаминозами.

Но отношения между начальником госпиталя Г.А. Морозовым и оперуполномоченным Касаткиным летом 1944 года обостряются, 8 августа Касаткин заявляет: «Органам стало известно, что многие госпитали скрывают истинное число выздоровевших военнопленных. В лагеря отправляют меньше».

Инфекционных больных необходимо содержать в изоляторах, но отдельных зданий для этого нет. Приходилось отгораживать инфекционных больных фанерными и дощатыми перегородками, занавесками из пропитанных дезрастворами простыней.

Наконец рудоуправление выделило под изолятор дом, но его необходимо перевезти на обнесенную забором территорию госпиталя. Выздоровевшие военнопленные готовы выполнить эту работу. Но начальник режима и охраны Иванов не выделяет вах-

теров, чтобы сопровождать военнопленных. А выход им в поселок без вахтерского сопровождения запрещен.

Какие-то трудности удается преодолевать, но какие-то, напротив, возникают.

В 1943 году все чаще отмечаются перебои в поставках продуктов со складов НКО. Местные колхозы не могут в полной мере снабжать госпиталь овощами, молоком и мясом.

Увеличиваются задержки в поставках лекарств, инструментов, гипса и санитарных средств. Недопоставляют кальций, глюкозу, камору, кофеин, аскорбиновую и никотиновую кислоты, сульфидиновые препараты. Мыло приходится заменять щелоком. Дезинфекционного мыла «К-2» нет. Нет хлорки и других дезсредств. Белье и одежда изношены и требуют списания. Со складов НКО поступает белье «5 категории годности», не списанное разве что по причине чьей-то забывчивости.

В 1944 году госпиталь, наполненный полутора тысячами больных, имеет в наличии 600 комплектов белья 2-й и 3-й категории годности. Каждая стирка выводит из обращения новые партии белья. Не хватает зимней одежды, валенок, нет даже тапок для прогулок. Больные залеживаются, мало двигаются. Им приходится дышать спертым, застоявшимся воздухом в переполненных сверх всякой меры палатах.

А на станцию Фосфоритная прибывают все новые партии тяжелобольных военнопленных.

Третьего марта 1944 года приняли партию военнопленных, из которой 10 человек скончались при выгрузке. У остальных туберкулез на фоне тяжелой дистрофии.

В апреле новая партия тяжелобольных. Всех пришлось разместить в третьем отделении, которое без того перегружено. Нет должного питания для больных дистрофией. Бывают случаи массового отказа больных от однообразной пищи.

К маю в госпитале около 1500 военнопленных, из которых 300 – в тяжелейшем состоянии. Положение с лекарствами очень тяжелое.

Зав. аптекой на собрании зачитывает телеграмму: «Все лекарства отправлены в освобожденные районы».

Начмед говорит: «Будь у нас сметана, животные жиры, творог, молоко, смертность была бы меньше».

Начпрод дважды безрезультатно ездил в Киров: «Склад НКО № 1292 стоит пустой. Меры к бесперебойному снабжению иссякли».

Коллектив понимает, что решение трудностей за пределами человеческих возможностей. Где выход?

На партийном собрании говорит оперуполномоченный Касаткин: «Выступать должны врачи. В госпитале такая смертность, а

они все молчат, как будто бы не их дело. В отсутствии продуктов питания виноват начальник госпиталя Морозов Г.А. Он должен подгонять начпрод. Съездил два раза в Киров и успокоился. Военнопленный, которого мы вернули из побега, сказал нам: «Надоела однообразная пища, бессонные от клопов ночи. Часто страдаю расстройством желудка. Боюсь умереть в таком госпитале»».

Заведующая первым корпусом Панина:

«Медленное выздоровление военнопленных объясняется тем, что к основному заболеванию присоединяется ряд сопутствующих болезней. Иногда затрудняешься, от чего в первую очередь надо лечить».

Заведующая третьим корпусом Забродина высказывает свое мнение: «Смертность в нашем отделении за счет перегрузки больными. Если здоровый побудет у нас 30 минут, у него заболит голова. Больным туберкулезом нужен чистый воздух. Тогда они и кушать будут охотнее».

Выступление Забродиной было расценено чекистами как поддержка опального Морозова, пришло время, и ей это припомнили

В декабре Забродина уехала на 5-й лагпункт, чтобы навестить своего осужденного друга. Заодно хотела привезти оттуда книги для военнопленных. На другой день по каким-то причинам поезд из Лесного с утра не вышел – Забродина вернулась в госпиталь только к вечеру. Касаткин в течение трех месяцев инициировал череду собраний и заседаний бюро первичной организации ВКП(б) вокруг этого события. Женщину обвинили в незаконной связи с человеком, чуждым обществу, к тому же немцем. От суда спасла только нехватка врачей в госпитале. Но с должности заместителя секретаря парторганизации Забродину сняли. Проступок был квалифицирован как нарушение указа ПВС СССР от 26.06.1940, сделана соответствующая отметка в трудовой книжке, объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку члена ВКП(б), предложено «немедленно порвать связь с человеком, который ее дискредитирует».

Начальник медчасти госпиталя докладывает в декабре 1944 года: «В связи с эпидемией сыпного тифа госпиталь в начале декабря поставлен на карантин. Выписка в лагерь запрещена. Хирургическую работу выполняет профессор из военнопленных. Доноры из числа выздоровевших военнопленных. Количество ольных в госпитале растет лавинообразно. В госпитале со штатным числом мест 800, а реальным 600 мест размещено – 1500 военнопленных. На одного больного остается 1,1 квадратный метра барака при двухъярусных нарах. Возникает кислородный голод, условия биологической тьмы. За период 01.04.1943 –

01.07.1944 госпиталь принял 2704 военнопленных. В лагерь отправлен 971 человек.

За 1944 год прибыли с фронта и из лагерей 3333 военнопленных.

После лечения врачебной комиссией при госпитале признаны годными к физическому труду в лагере 1942 военнопленных. Умерли – 870, или 26%. Из них 265 – туберкулезных больных, Было много больных другими инфекционными заболеваниями. Остальные находились в состоянии дистрофии 3-й степени. Многих военнопленных можно было спасти, если бы было хорошее питание. Требуются мясо, молоко, животные жиры. В конце года положение усугубляется пожаром в 6 корпусе. Здание выводится из эксплуатации».

Морозов Г.А.(из выступления на партсобрании):

«За год поступил 41% безнадежно больных; 47% – с дистрофией, подозрениями на дизентерию». «Картина далеко не привлекательная. К нам везут нетранспортабельных больных. Почти каждая партия добавляет эпидемическое заболевание. Медперсонал работает в скверных условиях, когда возникающие трудности не зависят от него. Нам подсунули больных из инфекционной зоны, и сказали мне об этом, когда мы уже приняли весь этап. Вот и получили вспышку тифа. В условиях такой скученности коллектив смог затушить болезнь. Не дали ей перебраться на население, в другой госпиталь, лагерь. Не получаем полной меры питания, медикаментов, белья, мыла. Мало врачей. Нарушены всякие нормы размещения больных. Контингент, в том числе с новыми инфекционными заболеваниями, продолжает прибывать. Были больные скарлатиной, дифтерией, сифилисом, дизентерией. Удалось ликвидировать почву для распространения».

Замполит госпиталя Эпштейн:

«Медперсонал госпиталя работает хорошо. Плохо дело с отправкой в лагерь. Отправляем большими партиями. Пока накапливаем, выздоровевшие военнопленные залеживаются. Надо отправлять малыми партиями». Но условия отправки военнопленных из госпиталя продиктованы волей командования лагеря № 101.

Морозов на том же собрании:

«У всех у них, военнопленных, сейчас упавшее настроение, вот и потеряли интерес к жизни. У одного умершего нашли в желудке табак. Другой себя задушил».

По результатам работы 1944 года в госпиталь хлынул поток комиссий.

Атмосфера сплошных проверок, посыпавшихся на коллектив обвинений побудила уехать троих из восьми врачей. В феврале

1945 года у Морозова остается всего 5 врачей (по одному на корпус!). Как выйти из этой тяжелой ситуации? Можно принять на работу спецпереселенцев. Но им для устройства на работу в госпиталь необходимо отметиться у замначальника по режиму и охране, а тот не только не дает разрешения на работу, но и обвиняет Морозова: «Засоряете коллектив чуждыми людьми». Обвиняет конкретно: неоднократно ставит вопрос на обсуждение в партийной организации.

«Высокую смертность в нашем госпитале, – отмечает в 1945 году Морозов, – я объясняю тем, что поступают нетранспортабельные больные. Некоторые поступающие больные умирают, прожив несколько часов после прибытия. Туберкулез, другие болезни у них в стадиях, не поддающихся лечению».

На первое января в госпитале 1242 военнопленных. Из них хирургических больных – 92, с активным туберкулезом – 137, с дистрофией 1-й степени – 110, дистрофией 2-й и 3-й степени – 521. Сыпным тифом болен 41 человек. Умерли от тяжелых форм дистрофии, после авитаминоза – 440 человек. В течение года поступили 1238 военнопленных, 570 после лечения отправлены в трудовой лагерь, 519 умерли.

Госпитали № 3007 и № 3171 объединили в апреле 1946 года. С этого времени по февраль 1947 года умерли 245 военнопленных. Отправлены в лагеря с ограниченной трудоспособностью 806 человек, полноценно годных к физическому труду – 600 человек.

Сто пятьдесят человек помогали в обслуживании госпиталя.

Список врачей СГ № 3007 на 01.01.1944

ГАКО, ф. Р-2248, оп. «л. с.», д. 94, л. 52

(В списке указываются: Ф.И.О., год рождения, год ок. вуза, должность и место работы до госпиталя, специальность, должность в госпитале).

1. Морозов Георгий Александрович, 1893 г. р., 1918, начальник лечебного бюро г. Сталино, Донбасс. Начальник госпиталя.
2. Яценя Засим Романович, 1891 г. р., 1927, нач. отдел. райондиспансера в г. Киеве. Начальник медицинской части госпиталя (вскоре выбыл).
3. Сабурова Мария Михайловна, 1896 г.р., 1920, гинеколог-акушер в г. Беломорске, Карелофинской АССР. Начальник отделения.
4. Гробов Николай Васильевич, 1898 г.р., 1928, терапевт районбольницы с. Лойно. Начальник отделения.

5. Ганина София Ивановна, 1918 г. р., 1941, завбольницей в г. Рязани. Начальник отделения.
6. Лузина Зоя Порфиревна, 1898 г.р., 1925, врач-лаборант в г. Рязани. Стаж 16 лет. Заведующая клинической лабораторией госпиталя.
7. Конькова Анна Ивановна, 1918 г. р., 1941, довоенного стажа работы нет. Начальник отделения.
8. Благовещенский Владимир Алексеевич, 1901 г. р., 1929, заведующий рентгенокабинетом.
9. Маркелова Валентина Ивановна, 1920 г. р., 1942, начальник отделения.
10. Некрасова Нина Дмитриевна, 1910 г. р., 1941, зубной врач. Заведующая зубным кабинетом.

Список врачей СГ № 3007 (на 1 декабря 1944 г)

1. Морозов Георгий Александрович, 1891 г.р. Начальник госпиталя. Перед войной начальник лечебного бюро г. Сталино, Донбасс, Украина.
2. Яценя Засим Романович, 1891 г.р. Начальник медчасти госпиталя. Перед войной начальник вендиспансера г. Киева. Выбыл в первой половине 1944 г.
3. Сабурова Мария Михайловна, 1896 г.р. Начальник отделения. Перед войной акушер-гинеколог в г. Беломорске Карелофинской АССР.
4. Ганина София Ивановна, 1918 г. р. Начальник отделения. До войны заведовала больницей в г. Рязани.
5. Гробов Николай Васильевич, 1898 г. р. Начальник отделения. Перед войной заведовал больницей в с. Лойно.
6. Лузина Зоя Порфирьевна, 1898 г. р. Врач-лаборант, те же обязанности выполняла перед войной в г. Рязани.
7. Конькова Анна Ивановна, 1918 г. р. Начальник отделения госпиталя. Довоенного врачебного стажа нет.
8. Благовещенский Владимир Алексеевич, 1901 г. р. Заведующий рентгенкабинетом.
9. Маркелова Валентина Ивановна, 1920 г. р. Начальник отделения. Довоенного стажа работы нет.

КАЙСКИЕ ТУПИКИ

**(по воспоминаниям участников событий,
протоколам партийных заседаний, архивным
документам спецгоспиталей № № 3171, 3007)**

К 1944 году самым «густонаселенным» военнопленными местом в Кировской области был поселок Рудничный (ст. Фосфоритная). В кайских лесах (п. Рудничный) находилось Управление трудовым лагерем № 101 Вятлага. Для лечения военнопленных освободили от раненых защитников Отечества два госпиталя – № 3171 и № 3007. В 1946 году госпитали объединили под номером 3171. Судя по некоторым данным, военнопленных продолжали лечить до 1949 года.

Комиссией ОПВИ НКВД КО и ЭП-22 Кировского облзддрава 17 января 1944 года установлено, что каждый госпиталь может вместить не более 1200 пациентов (при организации госпитали рассчитаны на 600 и 800 мест). Военнопленные теснились на двух- и трехъярусных нарах. Члены комиссии надеялись, что посланные ими в Москву сведения о чрезмерном переполнении кайских госпиталей приведут к уменьшению потока раненых и больных, отправляемых в Рудничный. Но акт не возымел действия. С этим актом знакомятся проверяющие лица из Москвы, Свердловска, Кирова, но нетранспортабельные больные военнопленные продолжают и продолжают прибывать.

Госпиталь № 3171 был организован в Рудничном в августе 1941 года. Для него выделены лучшие здания поселка, к которым были подведены канализация, водопровод, электричество. Но все эти здания раскиданы по поселку, что очень затрудняло работу госпиталя.

Первый начальник госпиталя военврач второго ранга капитан Маслов С.И. умер, не проработав года.

На этапе внезапной подготовки к приему военнопленных умер и второй начальник – Васильев-Чеботарев А.А.

5.03.1943 начальником госпиталя назначена И.Я. Поляк-Брагинская, капитан медицинской службы, военврач второго ранга, призванная на военно-медицинскую службу Молотовским РВК (в Молотов попала во время эвакуации из Москвы).

Брагинская имела двадцатилетний опыт административной и врачебной работы в медицинских учреждениях столицы, была исключительно компетентным врачом и жестким администратором.

Госпиталь № 3007 был эвакуирован из Рязани. Он оказался в Рудничном, уже побывав в Новосибирской области. В 1942 году занял 13 лучших из оставшихся в поселке зданий. Лишь в двух из них имелся водопровод. Канализации не было ни в одном.

Перед поступлением военнопленных начальником госпиталя назначен Морозов Георгий Александрович, возглавлявший до этого ЭГ № 3160 в г. Халтурине. По опыту и своим заслугам Георгий Александрович не уступал коллеге Брагинской из соседнего госпиталя. Военную медицину он изучал в полевых и прифронтовых госпиталях Первой мировой и гражданской. Перед Великой Отечественной войной возглавлял лечебное бюро в г. Сталино на Украине. Почти 20 лет там же возглавлял клинику НКВД (при этом подчиненные отмечали сложность его отношений с отделом режима и охраны и некоторыми представителями аппарата НКВД).

Оба руководителя, волей случая оказавшиеся в глухомани Кайских лесов, выпускники медицинского факультета Харьковского университета (окончили этот вуз с промежутком 5 лет). Каждому до войны пришлось поработать и в эпидемически напряженных ситуациях, что очень пригодилось в Рудничном.

Все это, без сомнения, способствовало взаимопомощи в работе. В Рудничном оба вступили в кандидаты, затем в члены ВКП(б).

А события 1944 г. в кайских госпиталях развивались по трагическому сценарию.

Согласно справке МВД, представленной правительству области (1.04.1996), из 9962 военнопленных, похороненных в области, в Рудничном похоронено 4722! Среди жертв войны – немцы и русские, итальянцы, венгры, румыны, австрийцы, чехи, южные и восточные словаки, поляки, евреи, испанцы, украинцы.

«СИГНАЛЫ» И «СИГНАЛЬЩИКИ»

В кайских лесах с тридцатых годов двадцатого века обособился Вятлаг – одно из крупных подразделений сталинского ГУЛАГа. Перед войной сюда свезены тысячи спецпереселенцев.

Для спецпереселенцев существовали зоны проживания, за пределы которых нельзя было переходить никому – ни людям, ни лошадям. Например, картофель из Ожмегово подвозился к границе зоны, затем грузился на транспорт из Рудничного, который доставлял его в госпиталь.

Но реальная жизнь вносила свои поправки.

В середине 1943 года замполит СГ № 3171 Гарцман сообщает: *«Из 226 сотрудников госпиталя 96 – местные жители, среди которых имеются спецпереселенцы».*

НКВД постоянно упрекает руководителей обоих госпиталей в «засоренности спецпереселенцами». Но, судя по сохранившимся

ся документам, качество труда спецпереселенцев, кем бы они ни работали, вполне отвечало существовавшим требованиям.

Дополнительными тяготами для руководителей кайских госпиталей обернулся переход к ним на работу бывших сотрудников лагеря № 101 Вятлага, пополнивших госпитальные отделы охраны и режима.

Один из бывших таких сотрудников вспоминал, какой легкой казалась им служба по охране военнопленных по сравнению с той, что им приходилось нести в зонах, наполненных советскими заключенными. Основная часть военнопленных беспрекословно подчинялась всем требованиям лечебного и общего режима, неподчинение, тем более побеги случались крайне редко.

И все же побеги были.

Так, группа из 7 военнопленных румын как-то совершила побег, причем поначалу относительно удачный: на одном из этапов перехода в сторону Архангельска им помогали местные жители. Однако исход был трагичен: на какой-то животноводческой ферме военнопленные наелись жмыха и все скончались.

Но основные проблемы создают медсотрудникам служащие, руководившие режимом и охраной госпиталей, а также оперуполномоченные НКВД. Два кайских госпиталей превзошли все остальные госпитали области, вместе взятые, по числу «сигналов» – оперативок сводок, жалоб и доносов, которые пришлось проверять облздраву, НКЗ РСФСР, УНКВД КО и другим органам, включая Уральский военный округ.

Привычки сотрудников НКВД, наработанные в зонах, не меняются и при общении с сотрудниками спецгоспиталей и, конечно же, с пациентами. Начальник СГ № 3171 И.Я. Брагинская в письме к прокурору области Пунгину (14.05.1945) сообщает о поведении оперуполномоченного Рындина: «В пьяном виде он заявил начальнику госпиталя: “Если найду нужным, ворвусь к тебе на квартиру, взломаю замок и арестую”. Вместо проворовавшегося начальника материального снабжения арестовал прекрасно справляющегося, поправившего работу по снабжению Геллермана, завхоза Гударовских». Потребовалось решение обкома ВКП(б), чтобы отстранить Рындина, запретить ему находиться на руководящей должности в НКВД.

Но из госпиталей от бдительных товарищей идут и «сигналы» такого рода:

«Морозов принял без документов санитаркой спецпереселенку Стегманис. Ее муж осужден за контрреволюцию», «Работница швейной мастерской Зернова – спецпереселенка. Там работают военнопленные, а это прямое нарушение бдительности»,

«Брагинская допускает засоренность коллектива спецпереселенцами. Собственные сотрудники разбегаются, не выдерживают ее высоких требований».

В протоколах партийных собраний действительно встречаются упоминания о 16 наложенных взысканиях и выговорах, 8 увольнений из госпиталя. Там же отмечается высокая требовательность Иды Яковлевны к выполнению задачи, над которой работает весь коллектив.

Встречаются в документах упоминания о попытках НКВД повлиять на процесс лечения военнопленных: «Военнопленные залеживаются в спецгоспиталях № № 3007, 3171, долго не отправляются в лагерь по вине начальников». «Начальники данных спецгоспиталей скрывают истинное число выздоровевших военнопленных».

Коварство подобных сообщений из Рудничного усиливается двумя обстоятельствами.

В течение всего 1944 года переполненным госпиталям приходится принимать особенно тяжелобольных военнопленных.

По соседству находился трудовой лагерь для военнопленных, где количество трудоспособных людей катастрофически уменьшалось. Трудоспособность вылеченных в госпитале военнопленных устанавливала врачебная комиссия из состава госпитальных специалистов. Вмешательство в работу комиссии категорически запрещено инструкцией НКВД.

За количество переданных в лагерь трудоспособных военнопленных (но не за количество вылеченных) несет ответственность оперуполномоченный НКВД при госпитале. За смертность в госпитале чекисты также спрашивают по всей строгости.

Все попытки НКВД увеличить число выписанных военнопленных, уменьшить смертность не поддаются никакой критике. Они только мешали врачам и медсестрам, и без того перегруженным работой, а военнопленным наносили прямой вред.

Здесь необходимо упомянуть, что в других спецгоспиталях области: №№ 1952, 3160, 3264, 1149 вылеченные, прокомиссованные военнопленные лежали по два-три месяца. Причина – организационные неурядицы между НКВД, НКО, НКЗ и железной дорогой.

Вот что о положении в СГ № 3007 сообщает в Киров и Москву оперуполномоченный Касаткин: «В госпитале хозяйничает дизентерия, допущенная вследствие санитарной небрежности». Может быть, оперуполномоченным движет рвение о пациентах? Нет. Его заветная цель – отстранить от дел начальника госпиталя Морозова Г.А., который, по мнению Касаткина, противится отправке недолеченных военнопленных в лагерь, а значит, не подчиняется НКВД.

К «делу Морозова» подключена врач Сабурова. Пытались подключить итальянского врача Пореити, но итальянец деликатно отказался от такой чести.

Разгоревшийся конфликт привел к тому, что в госпитале № 3007 к маю 1944 года на 1300 больных военнопленных осталось 6 штатных врачей.

Но главная проблема была чисто медицинского характера. Массовое поражение дистрофией с одновременной витаминной недостаточностью напоминало вспышку дизентерии.

Комиссия облздрава, благодаря главному терапевту отдела госпиталей Мышкину И.И., смогла дать необходимые рекомендации по разграничению этих болезней. Рекомендациями воспользовались. Однако недоразумения, вызванные последствиями перенесенной дистрофии, прослеживаются в документах госпиталей Кировской области до 1947 года.

С конца 1944 года и весь январь 1945 года госпиталь № 3007 не покидает старший инспектор УНКВД КО Котов. Акты, оставленные им после столь обстоятельной проверки, отстаивают выдвинутый им тезис: *«Раз смерть столь большого числа военнопленных наступила в стенах госпиталя, вина лежит на начальнике госпиталя. Такая работа начальника госпиталя может быть названа диверсионно-шпионской».*

В госпиталях имелись списки военнопленных, которым разрешалось без сопровождения по просьбе жителей покидать территорию госпиталя, чтобы на оговоренное время работать на частных подворьях. Мужчин в деревнях почти не было. Женщины и старики для оплаты непосильной для них работы скапливали масло, сметану, творог, мясо (если таковые вообще имелись), к военнопленным относились сочувственно, иногда подкармливали их просто из жалости.

Но никакой жалости не испытывали авторы доносов:

«Брагинская отказала в рабочей силе (военнопленных) рудуправлению под предлогом, что у нее лечебное учреждение. В то же время вывезла бригаду военнопленных на поля колхоза «Балаковский», «Морозов занимается раздачей военнопленных частным лицам».

Совместная директива НКВД СССР, НКЗ РСФСР от 26. 07. 1944 года за подписями Крайнова и Миловидова обвиняет Морозова «в антигосударственной практике использования военнопленных, в том числе раздаче частным лицам».

«Санитарка Шерстнева приносит военнопленным продукты из дома», «...медсестра Никонова написала для военнопленного письмо и отправила его с почты».

Оставим без комментариев и такие сообщения: «Морозов выписал 1,5 литра спирта для заведующего местной больницы», «...медперсоналу СГ № 3007 начальник госпиталя позволил питаться на кухне военнопленных, только предупредил, чтобы никому об этом не рассказывали», «...врачи у Брагинской передоверили работу врачам из военнопленных, а сами только едят», «...медсестры болтают с военнопленными во всех углах, а это прямое нарушение бдительности».

В документах за 1945 год упоминается, что все приемы на работу спецпереселенцев, случаи трудоустройства военнопленных вне госпиталя санкционированы устными «договоренностями» с оперуполномоченными НКВД при госпиталях.

Электроэнергией с госпиталями делился рудник. При появлении военнопленных его руководство стало требовать компенсации рабочей силой. Капитан НКВД Дибров попытался использовать бригаду военнопленных, не предупредив начальника госпиталя Брагинскую. Брагинская, узнав о самоуправстве, потребовала от УНКВД КО наказать нарушителя. Того слегка пожурили, а в УНКВД полетела «телега»: мстительный оперуполномоченный Дибров жаловался на Брагинскую по поводу бригад военнопленных, которые она разрешила отправить в колхозы на посадку капусты и сенокос.

Отношение сотрудников госпиталей к аппарату НКВД выразила заведующая канцелярией НКВД СГ № 3007 Фетисова. На собрании 20.12.1944 она сказала: «Со стороны многих людей госпиталя наблюдается отстраненность и недоброжелательность к нам, сотрудникам НКВД».

2.01.1944 УНКВД КО требует от Брагинской И.Я. объяснений по поводу отставания СГ № 3171 в восстановлении трудоспособности военнопленных в 1943 году: «СГ № 3007 имеет 38,8%, другие спецгоспитали области от 49% до 60,9%. Ваш – 23,1%». Вскоре кандидату в члены партии Брагинской устраивается разнос в ОК ВКП(б). Но разве в нерадивости Брагинской причина «невысокого процента»?

Уже в первых донесениях замполиты обоих спецгоспиталей Гарцман и Эпштейн высказывают удивление по поводу тех жесточайших условий, в которые поставлены госпитали, в частности по поводу плохого продуктового, материального и лекарственного обеспечения.

«Зачем лечить военнопленных в условиях столь отдаленной периферии? Ведь в области к началу 1943 года почти 60 эвакуогоспиталей, большинство из которых находится в более благоприятных условиях? Зачем из спецгоспиталей отзывают ведущих врачей?..»

К началу 1944 года «лекарственное, продовольственное снабжение, количество поступающих к нам тяжело больных военнопленных не позволяют проводить весь комплекс лечебных мероприятий, необходимых для быстрого восстановления здоровья».

Причина «невысокого процента» в том, что специалисты врачебной комиссии выполняли требование Брагинской: *«Допускать трудоустройство вылеченных военнопленных только после комплекса общеукрепляющих процедур, предотвращающих рецидивы болезней».*

В СГ № 3171 контроль над нормированием рабочего времени выздоровевших военнопленных (в частности, при заготовке дров) вела лично Брагинская. Продолжительность работы не более 4-6 часов. Тщательно подобранная, хорошо просушенная одежда, обувь. Обязательно горячий, повышенной калорийности обед.

В апреле Брагинскую вызывают в Киров на совещание начальников госпиталей при ОК ВКП(б). В течение ее недельного отсутствия отдел охраны и режима (сотрудники НКВД) поднимают бригаду на час раньше установленного времени. Военнопленных не отпускают с делянки весь световой день. Вернувшись, Ида Яковлевна узнала о допущенных нарушениях. На начмеда наложено взыскание. Наказана зав. отделением выздоравливающих военнопленных. Но главные виновники вне зоны ее административной досягаемости. Наложено ли на них взыскание отделом ОПВИ УНКВД КО после ее докладной, неизвестно.

На партийном собрании 17.06 1944 Брагинская говорит: «С полной ответственностью заявляю, что отдел охраны и режима пытается заменить неокрепших, еще не совсем здоровых военнопленных на заболевших военнопленных из лагеря № 101. У нас появились люди, не числящиеся в списках отделения тяжелобольных».

В сентябре 1944 года в госпитале Брагинской появляется новый оперуполномоченный НКВД – Рындин, пьяница и дебошир. О неблагоприятных делах этого сотрудника Брагинская вынуждена сообщить начальнику УНКВД КО Умахину, секретарю ОК ВКП(б) Лукьянову, начальнику отдела госпиталей ЭП-22 Барынину и его заместителю Жислину, наконец, секретарю Кайского РК ВКП(б) Кирилловых.

Коллега Брагинской – Морозов Г.А. много лет руководил клиникой НКВД в г. Сталино. Опыт научил его быть настолько дипломатичным в отношении с оперуполномоченными, что у некоторых сотрудников даже появляется иллюзия о его административной слабости.

Зав. рабочим отделением Панина жалуется на заседании партбюро, затем на собрании: *«Отдел охраны уводит военнопленных то на разгрузку, то на погрузку вагонов в 11 часов ночи. Им не дают времени, чтобы тепло и хорошо одеться. После этого они*

получают простудные заболевания. Некоторые военнопленные стремятся получить умышленные обморожения, чтобы не участвовать в таких работах».

Заведующая Забродина солидарна с Паниной: «Военнопленных переводят от нас в рабочее отделение недолеченными от дистрофии, чесотки, последствий перенесенного туберкулеза. После работы им негде высушить обувь, одежду, поэтому болезни мгновенно возвращаются. На работу уводят даже не прошедших комиссию военнопленных»

Выступление рядового врача: «К военнопленным применяют дисциплинарное взыскание без санкции врача. Мы потом не можем получить от них истории болезней. Мы бессильны сопротивляться действиям упоминаемого здесь отдела».

Замполит Эпштейн говорит: «Врач – главное лицо госпиталя, и ему надо помогать, а не противодействовать в работе».

Но НКВД неумолимо гнет свою линию.

8 августа 1944 года Морозов докладывает партийному бюро госпиталя в присутствии приглашенного представителя РК ВКП(б): «Аппарат НКВД не считается с единоначалием в госпитале. Оперуполномоченный Касаткин вызывает сотрудников в свой кабинет, требует нужные ему сведения, запугивая людей, если посмеют о том сообщить мне. 22 июля Касаткин сказал на комиссии по отбору военнопленных в лагерь, что выздоровевших военнопленных находится в госпитале не 86, а 250. Сам набрал комиссии 120 военнопленных. Восемь военнопленных не смогли работать в первый же день».

То, что происходило в 1944 году в кайских госпиталях, до сих пор вызывает недоумение. Неокрепших, больных военнопленных выталкивают на работы, в то же время в других спецгоспиталях области люди, на 100% признанные годными к труду, по два-три месяца валяются на койках в ожидании конвоя из трудовых лагерей.

При этом в кайские госпитали, переполненные до крайности, продолжают направлять партии военнопленных.

ГДЕ ТОНКО, ТАМ НЕ РВЕТСЯ

Больных военнопленных каким-то образом распределяли по спецгоспиталям... Но каким именно образом? Была ли в этом какая-либо система, например, учитывающая нозологию, тяжесть заболевания и другие факторы?

В нашем распоряжении лишь единственный документ из ГАКО, вносящий некоторую ясность в этот вопрос, – совместная директи-

ва НКЗ РСФСР и НКВД СССР от 15.03.1944. Читаем. В связи с ростом процента заболевших туберкулезом военнопленных (9,3 – 9,7 %) дано распоряжение открыть три отделения для лечения больных туберкулезом.

В частности, в СГ № 3007 выделено 300 мест.

Не только в этом спецгоспитале, но и в СГ № 1149, СГ № 2074, СГ № 1173 отмечены поступления «тяжелобольных военнопленных, инфицированных, с открытой и закрытой формами туберкулеза, нетранспортабельных».

Но в партиях с туберкулезными больными есть и больные тифом и другими инфекционными заболеваниями. Как правило, в 1944 году новые партии поступают внезапно, без предупреждения, что еще больше осложняет профилактическую работу.

Не менее 17 партий военнопленных поступили в 1944 году в Рудничный из других госпиталей, лагерей, накопительных пунктов.

По крайней мере, в 11 партиях были пораженные инфекционными заболеваниями, нетранспортабельные военнопленные.

«Второго апреля на станцию Фосфоритная прибыла безномерная санлечка из Киевского сортировочного госпиталя № 398.

Военнопленные взяты при проведении Корсунь–Шевченковской операции. Их 313, большинство немцы, румыны.

Вагоны не оборудованы нарами, уборными, не отапливались. Все прибывшие одеты в куртки. 13 военнопленных не имели обуви. В пути находились 1,5 месяца. Никаких сопроводительных документов нет. Все истощены, грязные, завшивленные».

Брагинская сообщает в облздрав 10.04.1944: *«Из расспросов выяснилось, что дорогой 79 военнопленных умерли. Лихорадящее состояние заканчивалось летально. Все прибывшие в партии военнопленные находятся в состоянии дистрофии 2-й и 3-й степени».*

Сто военнопленных из партии разместили в СГ № 3007, остальных в СГ № 3171. 14 апреля у 45 поднялась температура, у 16 – установлен сыпной тиф. 26 апреля к ним перевезли шестерых, находящихся в подобном состоянии, из госпиталя Морозова.

Карантинными и другими мерами тиф удалось локализовать и затушить. Но в госпитале у Брагинской не смогли спасти 184, у Морозова – 269 военнопленных.

В течение марта-апреля госпитали приняли больных тифом, в мае – с желтухой, в июне – с туберкулезом.

«Первого мая прибывает вагон с 29 военнопленными, которых везли в лагерь № 101 из лагеря № 144 г. Харькова на работу.

Состояние военнопленных требует немедленной госпитализации.

В течение суток им оказывали помощь в вагоне, пока занавесками да досками отгораживали место в карантинном корпусе, чтобы достичь хотя бы частичной изоляции. В числе прибывших имеются и находятся под особым контролем лихорадящие военнопленные.

На месте прибытия обнаружена форма № 4 (сыпной тиф)».

Третьего мая прибывает партия военнопленных в СГ № 3007, о которой следует предупреждение: *«Имеются больные туберкулезом на фоне дистрофии 2-й и 3-й степени»*. Число прибывающих военнопленных не указано в акте. Десять военнопленных умерли в первые часы нахождения в госпитале и при перевозке со станции Фосфоритная в Волосницу, где находится корпуса госпиталя.

Партии прибывают до конца июня. Потом следует перерыв до октября.

Восемнадцатого октября прибывают 298 военнопленных из Смоленска. В СГ № 3007 поместили – 100, в СГ № 3171 – остальных 198 военнопленных. При разгрузке и передаче умерли пятеро, один – при перевозке со станции, еще трое – в госпитале. За первые 14 суток умерли 30 военнопленных из этой партии.

Двадцатого октября в Рудничный прибывают 200 военнопленных из лагеря № 252 города Бежица. Начальник УНКВД КО полковник Умахин, начальник ЭП-22 полковник Барунин шлют протест председателю военного трибунала Карельского фронта по поводу состояния прибывших военнопленных.

В своих рапортах Брагинская и Морозов просят *«вмешательства и указаний лагерям о прекращении практики транспортировки крайне тяжелых, заведомо безнадежных больных военнопленных, которым медицинское вмешательство не может дать эффекта. Такую практику транспортировки военнопленных следует считать безусловно порочной, противоречащей установкам НКЗ. Прием таких партий подвергает риску, увеличивает смертность военнопленных, находящихся в госпитале на стадии выздоровления»*.

Словно в ответ на протесты, рапорты и письма, 11 и 27 ноября по нарядам из Москвы прибывают – без предварительного уведомления! – 260 военнопленных из лагерей № 200 и № 184 (г. Алабаск и г. Алапаевск).

Первичное обследование сразу же выявило подозрения на сыпной тиф (форма № 4).

Прибывшие с этой партией военнопленные говорили «старожилам»: *«Нас пытались где-то пристроить, но там нас не взяли»*.

Сыпь у троих военнопленных, выступившая через день после прибытия, заставила провести фронтальные меры против педикулеза во всем СГ № 3007. Подозрительных на тиф изолировали

в отдельный корпус. Для обслуживания выделили специальный персонал, его одели в специальные комбинезоны, разместили в отдельном общежитии, запретили общение с теми, кто не работал в корпусе». Утешением стало неразрастание инфекции до степени эпидемии в госпитале, не пустили тиф в поселок. Тиф потушили. Но в карантинном корпусе умерли 63 военнопленных.

Отдельно положили троих военнопленных с подозрениями на дизентерию, находящихся в крайней степени дистрофии. Они скончались. Помимо этих троих в корпусе умерли 34 военнопленных.

Когда по сохранившимся документам изучаешь кайские госпитали, начинает казаться, что правы те люди, которые считают, что за картинами ада не надо спешить в мир иной. Земной ад – дело людских умов и рук.

БЕГ ЗА ЦЕЛЮЮ ПО ПЕРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ

Количество врачей в каждом из кайских спецгоспиталей не превышало треть от штатного расписания по нормам НКЗ РСФСР, утвержденным НКВД. В сравнении с другими спецгоспиталями области положение не самое худшее. Спецгоспиталь № 1773 (в д. Тарасовых), например, начинал работать при одном враче.

Ядро каждого коллектива врачей спецгоспиталей Рудничного составляли высококвалифицированные специалисты из медицинских учреждений Украины, Белоруссии, оккупированных районов России.

Бывшие гинекологи, педиатры и микробиологи, зубные врачи, невропатологи переучивались, осваивали специальности, необходимые для лечения огнестрельных ранений.

Такие специалисты составляли 80% врачей, работавших в госпиталях Кировской области.

Лучшие из хирургов, терапевтов, освоивших военную медицину и годных по состоянию здоровья, были мобилизованы в прифронтовые и фронтовые госпитали.

Когда выяснилось, что большинство из прибывших военнопленных – больные терапевтического профиля, это заставило многих врачей вторично переквалифицироваться: вновь осваивать терапию.

Врачи переучивались при вузах и исследовательских центрах Москвы, Горького, Кирова. Но решающую роль сыграли курсы, семинары, конференции, школы повышения квалификации, организованные на рабочих местах. Это было тем более важно, что даже временное отсутствие любого врача весьма болезненно отражалось на работе всего госпиталя.

Инициатором повышения квалификации врачей на рабочих местах стал главный терапевт отдела госпиталей Кировского облздрава И.И. Мышкин. Идея была подхвачена И.Я. Брагинской и реализована в минимальный срок.

Энциклопедические знания, трудолюбие, потрясающая диагностическая пронизательность доктора Мышкина просто фантастически повлияли на врачей Рудничного: у них, что называется, открылось второе дыхание.

И.И. Мышкину поручен отбор врачей из числа вылеченных военнопленных. Среди них оказались высококлассные хирурги, терапевты, невропатологи, зубные врачи, другие специалисты, имеющие профессорские звания. В Рудничном каждый из госпиталей получил в разное время по 7-8 таких специалистов – немцев, итальянцев, австрийцев, венгров, румын.

В документах почти не отмечается присутствие специалистов по санитарно-эпидемиологической работе на этапе приема военнопленных в 1943 году. У Морозова за данную работу отвечал дезинфектор с большим стажем работы; у Брагинской должность санитарного врача оставалась вакантной. Однако в марте-апреле 1943-го года первые партии военнопленных, среди которых были больные сыпным тифом, полностью спасены. Угроза эпидемии ликвидирована.

Брагинская, готовя сотрудников к приему каждой партии военнопленных, четко расписывала все профилактические действия. За выполнением санитарно-гигиенической дисциплины обязаны следить буквально все. И даже замполит Гарцман – не исключение. Результат красноречив: ни одной вспышки сыпного тифа!

Нарушители, не подчинявшиеся противоэпидемическим указаниям Брагинской, изгонялись из госпиталя немедленно, даже несмотря на противодействие сотрудников НКВД и партийной организации госпиталя.

С одной стороны, эти увольнения и выговоры порождали массу жалоб и кляуз (а вслед за этим – партийных разбирательств), но, с другой стороны, для Иды Яковлевны *дело* прежде всего. Она – непреклонна. Ее личные и профессиональные качества спасли сотни жизней военнопленных.

Брагинская предвосхищает свое время: она понимает важность не только оперативного и терапевтического лечения, но и выхаживания больных. В палатах была налажена четкая система ухода за больными, этим занимались фельдшеры и санитарки из числа выздоровевших военнопленных. Больше того, у Брагинской имелась собственная школа медсестер, где учились не только работавшие в госпитале санитарки, но и жительницы поселка, в том числе из спецпереселенцев.

Врачам давался трехдневный срок на установление диагноза.

Специальным приказом облздрави врачам предписывалось использовать все методы комплексной терапии: переливание крови; внутривенные вливания камфары, хлористого кальция, аскорбиновой и никотиновой кислоты, всех прочих препаратов, использовавшихся в то время. Обращалось внимание на своевременное применение соллюксов, парафина и торфотерапии.

Служба крови у Морозова состояла из 5 медсестер, 2 врачей (все они подготовлены на рабочих местах). Донорами были 14 добровольцев из выздоровевших военнопленных. В экстренных случаях кровь сдавали и сотрудники госпиталя. Чаще это были медсестры.

Для организации лечебного питания все госпитали обучили своих шеф-поваров на курсах при ЭГ № 1093 в Кирове, где работал высококлассный врач-диетолог Рахманчик.

В палатах для выздоравливающих военнопленные занимались лечебной физкультурой. Первоначально ее проводили обученные палатные медсестры. Потом им помогал комиссованный после ранения красноармеец Медведев, имевший специальное образование.

Шесть врачей СГ № 3007 для освоения хирургии прошли полуторамесячные курсы в г. Горьком. Руководил бригадой новоиспеченных хирургов немецкий профессор (к сожалению, в документах облздрави не упоминается его имени).

Специалист такого же уровня (профессор-хирург) работал у Брагинской.

Клинические лаборатории обоих госпиталей, укомплектованные опытными, исключительно добросовестными врачами-лаборантами, работали с максимальной нагрузкой. Часть врачей-лаборантов прошла курсы бактериологического анализа на базе Института санитарии и эпидемиологии Красной Армии. Помимо госпитальных клинических лабораторий имелась общая лаборатория по контролю за качеством готовящихся для военнопленных дрожжей.

Рентгенкабинет также проходил каждый военнопленный.

При поступлении, а затем с интервалами 10-12 дней все военнопленные проходили санобработку. Для тяжелобольных в некоторых корпусах были выделены санкомнаты с ваннами.

Успех в противодействии тифу, достигнутый на первом этапе, Морозову Г.А. и Брагинской И.Я. закрепить не удалось. Весь 1944 год ситуация в госпиталях Рудничного напоминает бег за ускользающей целью при нехватке сил.

Главная причина неудач – порочная система отправки военнопленных по госпиталям, противоречащая установкам НКЗ РСФСР.

За год в два госпиталя поступили 765 больных военнопленных из трудового лагеря № 101 Вятлага; 85 из них спасти не удалось. Высокая смертность побудила ОПВИ НКВД СССР к проведению целого ряда проверок. Но, судя по документам, реально положение дел там либо не хотели, либо не сумели увидеть.

В апреле СГ № 3007 потерял 91 военнопленного. Комиссией НКЗ РСФСР под руководством Соколовского установлено: «Толчком для скачка смертности в госпитале послужила партия высоко смертных военнопленных, поступивших в марте».

Новая подобная партия (из 313 военнопленных) поступила из Киевского сортировочного госпиталя № 398. Военнопленных разместили в обоих госпиталях, другой возможности не было.

Корпус, в который были размещены военнопленные из этой партии, объявлен в СГ № 3171 карантинным. По госпиталю издан приказ о борьбе с распространением ф. № 4 (сыпного тифа).

«Мероприятия по корпусу:

1. По прибытии партии два дня активной борьбы с вшивостью.
2. Первичная и вторичная санобработка со сменой постельного и нательного белья.
3. Ежедневный осмотр каждого больного на наличие вшей.
4. Бритье всех волосистых частей тела, вплоть до бровей, верхних и нижних конечностей.
5. Проглаживание белья каленым утюгом.
6. Кожа всех прибывших военнопленных обрабатывается «антившином».
7. Весь персонал обработан противотифозной сывороткой; работает в специальных комбинезонах, которые оставляет в палатах; ежедневно проходит санобработку.
8. Сотрудников, переболевших сыпным тифом, в госпитале нет, поэтому персонал заменить нечем.

Госпиталь испытывает острую нужду:

1. В вакцине Красовского для вакцинации и ревакцинации новых сотрудников. Ее нам отпущено всего 50 куб. см.
2. В керосине, который входит в состав антившина. Наряды на керосин не выполняются последние 6 месяцев.
3. В мыле «К-2» для дезинфекций.
4. В уксусной кислоте, которая растворяет оболочку вшей.
5. В камфарном масле... (далее неразборчиво. — **Б.К.**) для подкожных инфекций.
6. В сульфидине.

Капитан медслужбы Брагинская».

В марте и апреле кайские госпитали приняли военнопленных, больных тифом и туберкулезом; в мае – желтухой, в июне – из зоны, пораженной тифом.

Все силы врачей направлены на предотвращение эпидемии как в госпиталях, так и за их стенами.

К середине 1944 года кайские спецгоспитали оказались в положении, из которого самостоятельно выйти уже не могли.

В течение года ухудшалось поступление лекарств. Закончились запасы медикаментов в аптеках хирургических госпиталей области.

На запросы из штаба Уральского ВО приходят ответы: «Лекарства отправлены в освобожденные районы».

В течение мая-июля 1944 года Мышкиным проконсультированы все тяжелобольные военнопленные в обоих госпиталях Рудничного, в том числе лихорадящие, находящиеся в карантинных блоках, сыпнотифозные, и туберкулезные больные. С врачами проведены инструктажи. Сроком на две недели к СГ № 3007 прикомандирован опытный врач Кудрин А.Н. Для помощи в Рудничный из ЭГ № 3773 г. Кирова выезжает фтизиатр Пергамин. Мышкин добивался его приезда для организации квалифицированного лечения туберкулеза.

Лето, казалось, принесло надежды. Главное – нет партий безнадёжно больных военнопленных.

Из докладной облздрава от 14. 10. 1944 видно, что к этому времени рассматривалась идея о возможном размещении в госпиталях части прибывающих военнопленных совместно с красноармейцами. Но замнаркома НКЗ РСФСР Миловидов телеграфировал: «Категорически запретить».

В документе № 255 от 29.07.1944 из НКЗ РСФСР сообщается, что из Москвы для кайских госпиталей отправлено два вагона с лекарствами (камфарой, глюкозой, хлористым кальцием, аскорбиновой, никотиновой кислотой) и бельем. «Отправлено и получено в конце июня 1000 пар нательного белья, 250 наволочек и простыней, 100 полотенец, 60 медицинских халатов».

Надежды врачей рухнули в октябре. Партии военнопленных из Бежица, Алапаевска, Асбеста вернули госпитали к состоянию заложников тифа, туберкулеза и дистрофии.

Выписка выздоровевших военнопленных в лагеря временно отменена в связи с карантинными мероприятиями. Но партии военнопленных продолжают поступать. Количество больных лавинообразно нарастает.

Вот что говорят врачи на собраниях: «Некоторых больных мы могли бы спасти, будь у нас мясо, творог, сметана или хотя бы молоко. Мы не получаем полной меры питания, медикаментов, белья, мыла.

На врача приходится до 400 больных, на медсестру – до 80, большинство из которых тяжелобольные. Были носители скарлатины, дифтерита, сифилиса. Но распространение заболеваний удалось предотвратить.

Тиф к концу года затушили».

За 1944 год в госпиталь № 3171 поступили 3257 военнопленных. В лагерь отправлено 58,48%; умерли 637 военнопленных.

В СГ № 3007 к декабрю того же года находится 1242 военнопленных. Тяжелобольных – 300. За год в госпиталь поступили 3333 военнопленных. Из них 41% безнадежно больных, 47% – в состоянии дистрофии 2-3-й степени либо с подозрениями на дизентерию. Смерть настигла 870 военнопленных (265 из них умерли от туберкулеза). В лагерь отправлены 1942 человека.

Положение в этом госпитале продолжает оставаться сложным и в 1945 году (за год умерли 519 военнопленных).

Госпитали объединили под № 3171 в апреле 1946 года. Максимальное количество больных колеблется от 2113 до 1806 военнопленных. В это время появляется понятие ограниченной трудоспособности. С этим в лагерь отправлено 610 военнопленных. Со 100%-ной трудоспособностью – 806 военнопленных. Еще 150 человек трудятся на хозяйственных работах в госпитале.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Количество лиц, проверяющих спецгоспитали (не только в Рудничном, но и по всей области), было чрезмерным. Руководители спецгоспиталей в Халтурине (ныне Орлов) даже обратились в ОК ВКП(б) с просьбой: «Пусть позволят добиваться поставленной цели без постороннего вмешательства и не мешают нам». Но не позволяли: каждый приехавший требовал к себе внимания, времени, иногда нескольких собраний, написания множества бумаг. Проверяющие приезжали из штаба военного округа, управлений НКВД всех уровней, ЭП-22, ОК ВКП(б), из НКЗ и облздрава. Надзор райкомов партии был практически непрерывным. В работу спецгоспиталей пытались вмешиваться райисполкомы... И все это, как правило, бесполезно.

Пожалуй, нужными были только посещения представителей облздрава. Они реально помогали в таких вопросах, как размещение военнопленных, оптимизация лечебного процесса и питания, соблюдение санитарно-гигиенического режима; оказывали методическую помощь врачам и среднему медперсоналу.

Все комиссии облздрава под руководством главного терапевта отдела госпиталей Мышкина И.И. не были контролирующими в

привычном понимании. Подобранные им фтизиатры, невропатологи, гигиенисты, эпидемиологи и другие специалисты начинали и заканчивали свою работу врачебно-консультационной помощью. Большое внимание Мышкин И.И. уделял выяснению причин смерти военнопленных, он много работал в прозекторских.

В апреле 1944 года комиссия НКЗ РСФСР под руководством Соколовского устанавливает порочность отправки в госпитали тяжелобольных, нетранспортабельных, инфицированных военнопленных из лагерей и распределительных пунктов. Комиссия отметила, что поступление таких партий военнопленных подвергает риску пациентов, находящихся в госпиталях на стадии выздоровления. Как ни поразительно, рекомендациям комиссии никто не внял: военнопленные повышенного риска продолжали поступать в Рудничный.

Самыми мучительными для врачей и руководителей госпиталей в Рудничном стали проверки по линии НКВД Кировской области.

Роль, которая отводилась аппарату НКВД при спецгоспиталях, можно понять по рапорту лейтенанта госбезопасности Аксенова о результатах проверки 1944 года: «Как недостаток по всем спецгоспиталям нужно отметить то положение, что заместители по режиму не уяснили свои обязанности, не вникали в лечебное состояние, не интересовались причинами высокой смертности. Не отвечали за санитарное состояние госпиталей; вернее, забывали о том, что они представители НКВД».

Уникальной (по поставленной задаче) стала проверка, учиненная старшим инспектором УНКВД КО капитаном Котовым. Проверя санитарно-эпидемиологическую работу СГ № 3007, он приходит к самому примитивному выводу: «Смертельное состояние военнопленных наступило в госпитале – значит, ответственность за смерть военнопленных должен нести руководитель, то есть начальник госпиталя». Результаты работы высоких комиссий, работавших до него в Рудничном, Котов сформулировал следующим образом:

«1. Прибывающий контингент военнопленных своим физическим состоянием объективно определяет уровень смертности в СГ № № 3007, 3171; (ответственность за это Котов адресует ОПВИ НКВД СССР. – **Б.К.**);

2. Уровень смертности военнопленных зависит от продовольственного, лекарственного и вещевого довольствия, финансирования, руководства госпиталями облздравом».

Котов находит и третью группу причин, приведших кайские госпитали к высокой смертности. Он ссылается на заместителей начальников по режиму и охране: «Они говорили о бездеятельности».

тельности зам. начальников по снабжению, плохо поставленной медицинской работе в госпиталях. Наконец, они обратили внимание на заявление врача Сабуровой о том, что в госпитале № 3007 как следствие санитарной небрежности разбойничает дизентерия. Никто из прежних обследователей даже не прислушался к ее высказыванию».

Как могут судить о медицинской работе замначальники по режиму, имеющие образование не выше семи классов – для Котова это не вопрос. Подчас кроме военных курсов сотрудники НКВД, служившие при госпиталях, вообще не имели никакого образования.

Ссылка Котова на врача Сабурову не случайна. Ее заявление стало предметом разбирательств нескольких общих собраний врачей и заседаний партийного бюро первичной организации ВКП(б) СГ № 3007. Врачи отнеслись к высказыванию Сабуровой самым внимательным образом, но подтверждений ее обвинениям не нашли. Сабурову на этих собраниях поддерживал только оперуполномоченный СГ № 3007 Касаткин. Врачи говорят о переполненности госпиталя, жутких последствиях перенесенной военнопленными дистрофии и скорбуге, массовой диарее при отсутствии лабораторных данных, которые указывали бы на дизентерию. Выполнение всех санитарно-гигиенических норм в госпитале, переполненном тяжелобольными военнопленными, при недостатке белья, дезсредств действительно не на высоте, ведь не хватало элементарного – даже мыла «К».

Неблагоприятную санитарно-гигиеническую обстановку в госпитале Котов увязывает с анализом болезней военнопленных. Просмотрев 500 историй болезни, он делает заключение: «При неблагоприятной санитарно-гигиенической обстановке вспышки смертности происходят не сразу с прибытием партий тяжелобольных военнопленных, а спустя некоторый промежуток времени. В течение этого промежутка времени состояние прибывших тяжелобольных улучшается. Затем происходит резкое ухудшение состояния и наступает смерть». Тем и защищает установленный заранее тезис: «Не прибытие в тяжелом состоянии, а постепенное утяжеление в стенах госпиталя приводит военнопленных к смерти». Например, причиной смертности в декабре стала, по мнению Котова, «индукция, наведенная инфекцией» после прибытия 309 военнопленных из города Осташкова.

Для разъяснения смысла придуманных им терминов он составил 5 таблиц.

Если известное выражение «Кто ясно мыслит, ясно излагает» применить к Котову, то что можно сказать о его умственных способностях по такому, например, заявлению, сделанному при де-

кабрьском посещении СГ № 3007: «Все обстоятельства заставляют искать не лицо, ответственное за высокую смертность, а персонального виновника в допущении массового распространения инфекционного заболевания (дизентерии) в госпитале».

Виновником, по мнению Котова, является начальник госпиталя Морозов Г.А., который якобы «ведет себя так, что его поведение мало чем отличается от диверсионно-вредительского. Капитана Морозова Г.А., как совершенно не оправдавшего себя на посту начальника госпиталя, с данной должности снять, и в отношении его сделать оргвыводы».

Что может сказать в ответ Морозов?

«Медработа в госпитале налажена неплохо. Врачи умеют и знают все, что необходимо для успешного лечения. Они не могли не распознать дизентерию. Рецидивы имеются, но массовой дизентерии лабораторными анализами не установлено.

Решением Управления эвакогоспиталей открыто отделение на 300 коек для лечения туберкулезных больных. Стационарное содержание таких больных требует особых условий. Сюда входят климатические условия, благоприятные санитарно-гигиенический и диетический режим. Параллельно с этим должен проводиться комплекс лечебных мероприятий. В условиях местности Лойнского района (Кайский район. – *Б.К.*), убогости санитарно-технических условий, ограниченной зоны дворовых удобств пребывание туберкулезных больных военнопленных в СГ № 3007 благоприятным ни по какой мере признано быть не может.

Исключительно неблагоприятные условия севера с ветреной длительной зимой, дождливым коротким летом исключает возможность проведения основных факторов гелио-, аэротерапий. Скуденность больных, отсутствие особого санитарно-гигиенического режима для туберкулезных больных также должно быть отмечено как неблагоприятные факторы.

На основе изложенного, анализа 167 историй болезни, я вынужден утверждать следующее:

1. Рост числа туберкулезных заболеваний среди военнопленных, отягощенных предшествующей дистрофией, полиавитаминозами, не имеет тенденции к понижению.

2. Следует особо подчеркнуть присоединение дизентерии к туберкулезному заболеванию; либо наличие дизентерии у больных в хронической форме дает периодические обострения. В результате чего возникает благоприятная почва для развития туберкулезной инфекции».

Повод для сокращения контингента в СГ № 3007 до семисот военнопленных Морозов нашел с подачи комиссии санэпидстан-

ции. Составлен акт «О непригодности нескольких зданий для эксплуатации. В одном из корпусов произошел пожар, другие здания побиты грибком».

Морозов Г.А. работает до слияния госпиталей в апреле 1946 года. Фамилия И.Я. Брагинской исчезает из документов в середине 1945 г.

ПИСЬМО И.Я. БРАГИНСКОЙ

Письмо написано Идой Яковлевной Брагинской 6 мая 1945 года и отправлено в копиях прокурору КО Пунгину, начальнику УНКВД КО полковнику Умахину, секретарю ОК ВКП(б) Лукьянову, секретарю Кайского РК ВКП(б) Кирилловых, начальнику ЭП-22 полковнику Барунину, начальнику отдела госпиталей при ЭП-22 Жислину.

«Прошу рассмотреть материалы о нижеследующем. Младший лейтенант госбезопасности Рындин Михаил Васильевич прибыл в СГ № 3171 в качестве оперуполномоченного в сентябре 1944 года.

Я, как начальник госпиталя, оказала ему всестороннюю помощь, вводя его в курс работы госпиталя, детально знакомя со всеми разделами, поднимая его авторитет перед всеми работниками госпиталя, считаясь с его указаниями, охотно выполняя его разные советы.

Однако с течением времени тов. Рындин постепенно начинает растрчивать свой авторитет. Появляется в нетрезвом виде. 7 ноября произошел особенно тяжелый случай, который привел к неприятным последствиям (пьянству, битью окон его женой). В день нового года появляется нетрезвым на работе со свежееисцарапанным лицом, начинает бесцеремонно распоряжаться в отделениях госпиталя, грубо кричит на персонал, отдает распоряжения начальникам отделений, минуя командование госпиталя.

Вместе с начальником 5-го отделения Троицким проводит рабочее время в 3 часа дня производственное совещание, несмотря на мое запрещение. Использует свое положение с целью получения продуктов питания сверх положенных норм, угощая ими своих знакомых.

Вместе с тем госпиталь проводит напряженную работу по решению основной задачи, то есть уменьшению смертности, этому подчинены все разделы работы, как непосредственно медицинской части, так и хозяйственной деятельности.

Бывший замначальника госпиталя Мелехин В.Н. оставил госпиталь в тяжелом состоянии: запущен учет ОВС (отдел вещевого

снабжения. – Б.К.), плохое состояние конской тяги, плохо организовано питание сотрудников. Командование поставило на его место Геллермана А.Д., члена ВКП(б), который с ноября 1944 года провел большую работу: добился ажуря в учете ОВС, привел в хорошее состояние поголовье животных и семенной фонд на пх (подсобном хозяйстве. – Б.К.), в целом укрепил его. Только фекалий и навоза вывез – 400 тонн, что явилось важной работой в эпидемиологическом отношении. В отделениях переделали нары, переложили заново часть печей. Планомерно снабжали госпиталь дровами и т. д. Геллерман систематически борется за строгий учет продуктов, их правильное распределение как по линии НКО, так и на питание личного состава.

В такой момент, когда госпиталь стремится выйти из создавшегося положения, находится на подъеме, смертность снижается, в разгар подготовки к весенней посевной в пх Рындин начинает следствие с вызовами сотрудников госпиталя, угрозами в адрес командования.

Первого апреля производит обыск в квартире помощника начальника госпиталя по материальному снабжению Геллермана и завхоза Гударовского. Рындин увозит принадлежащие им вещи: носильное белье, 400 г масла и 2 кг крупы, золотые часы у жены Геллермана, мешок картошки у Гудовского. Арестовал того и другого. Только в час дня Рындин пьяным появился у меня в кабинете и заявил об аресте.

Затребовав у Рындина постановление о производстве обыска, я обнаружила, что он именуется старшим оперуполномоченным по Кировской области. Геллерману копию постановления Рындин вообще не вручил. На мое требование санкции для обыска и ареста Геллермана он заявил, что едет с ним в Лойно (райцентр).

К вечеру Геллерман вернулся из Лойно с распоряжением прокурора о возвращении отобранных вещей, как неправильно без основания изъятых. 2 апреля выпущен и Гудовский. Однако распоряжение прокурора о возвращении отобранных вещей Рындиным не выполнено. Вместо этого Рындин потребовал у Геллермана подписку о невыезде, парализовав его работу.

Действия Рындина стали большим ударом для всего госпиталя в момент наибольшего напряжения работы коллектива. В связи с этим должна указать, что переданный мной материал на бывшего начальника материального снабжения Мелехина Рындиным до сих пор не рассмотрен. Наоборот, есть основания предполагать, что Рындин подчиняется советам Мелехина. Доходят сведения о влиянии на Рындина оперуполномоченного СГ № 3007

Тарасова, присутствовавшего при аресте сотрудников, находящегося в дружбе с Мелехиным. Тарасов скомпрометировал себя в поселке крайне недостойным поведением.

В момент написания данного письма мною и зам. начальника по политчасти Гарцманом в 8 часов 15 минут вечером 5 апреля Рындин явился ко мне в кабинет, заявил, что желает говорить с глазу на глаз. После ухода капитана Гарцмана тщательно запер дверь, проверил, закрыта ли занавеска и в грубой форме стал задавать вопросы:

1. На каком основании я заявляю, что накануне он был у меня в кабинете нетрезвым.

2. Почему ухудшилось питание, которое он получает...

3. Норму закладки продуктов на кухне он проверит без меня и когда ему будет угодно.

4. Почему, получая продукты, я снимаю пробы.

5. Зачем отдаю ключ от своей комнаты, когда мне приносят продукты.

6. Писать на меня он не будет. Но если потребуется, он арестует и обыщет меня без каких бы то ни было санкций. При этом произнес: «Видели мы таких капитанов».

7. Если он найдет нужным, то может взломать дверь и ворваться ко мне домой.

8. На мое замечание, что не нужно учиться у жены хулиганить, он сказал: «Какая там еще жена». (Жена, член ВКП(б), известна поселку пьяными выходками дома и на улице).

Я вызвала капитана Гарцмана, который был в своем кабинете. Стала рассказывать о содержании разговора в присутствии Рындина. Он выбежал из кабинета, громко хлопнув дверью.

*Начальник СГ № 3171 капитан медицинской службы,
военврач второго ранга Поляк-Брагинская И. Я.
6.05.1945 г.»*

В документе от 14 мая 1945 г. начальник ЭГ при облздраве сообщает в наркомздравы СССР и РСФСР:

«Жалоба Брагинской разобрана Кировским обкомом ВКП(б). На Рындина наложено строгое партийное взыскание. Ему запрещено занимать ответственные должности в системе НКВД».

НЕ ОТДЫХАЯ

В Кировской области солдат Второй мировой лечили около 60 госпиталей. В середине 1942 года после переподчинения госпиталей от НКО Наркомату здравоохранения мужчин медиков остается в них едва ли десятая часть. Врачи, годные к строевой службе, мобилизованы на фронт. Основная тяжесть работы легла на женские плечи.

За первую половину 1944 года госпитали Кировской области приняли 45 тысяч раненых красноармейцев.

В одиннадцати госпиталях области за 1943–1944 годы защитников Отечества сменили больные и раненые военнопленные. За все годы войны военнопленные были в 18 госпиталях области.

Курирование спецгоспиталей выполняло Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. К личному составу госпиталей добавлены оперативные сотрудники, переводчики, взводы конвойных войск и охраны. В системе охраны были высокие заборы, вышки, контрольные полосы.

Впрочем, в госпиталях СГ № 3426, № 3160 в г. Халтурине атрибуты сколотить не успели: не нашлось материалов, потом транспорта. На местном погосте остались 119 человек, из которых 105 – немцы (остальные – австрийцы и венгры). Большинство из 3000 военнопленных быстро выздоровели. Но их отправка по лагерям задержалась на 2,5 месяца, потому что не было красноармейского обмундирования, вагонов, конвоя. В целом это военнопленным не принесло такого напряжения сил, какое потребовалось для работы в Кайских госпиталях № 3171 и № 3007.

1943 год стал для немецких, итальянских, австрийских, венгерских, румынских, испанских солдат зеркальным отражением событий 1941 г. – для советских. Только госпиталей для советских военнопленных в Германии не было.

В истории военнопленных есть сюжеты из преисподней. В эшелонах, доставивших по 1000–1500 военнопленных в Пинюг, в Тарасовы, находят до 200 трупов. Некоторые военнопленные прибыли в состоянии агонии. В Киров, Слободской, Вятские Поляны прибыли вагоны, в которых живых уже нет.

Первые крупные партии военнопленных после Сталинграда, сменили раненых красноармейцев в СГ № 1773, СГ № 3947, СГ № 1149, СГ № 2074, СГ № 3171, СГ № 3007. Сыпной тиф, туберкулез, обморожения, огневые ранения на фоне беспощадных дистрофии и авитаминозов, последствия холода, голода и грязи в окружении косят бывших солдат Паулюса. После войны род-

ственники не вернувшихся из плена военнослужащих вермахта требовали проверки качества работы медперсонала спецгоспиталей. Экспертные заключения современных врачей Германии: «Лечили верно».

О тяготах, свалившихся на медицинских сотрудников спецгоспиталей, после войны не вспомнил никто. Эта тема была засекречена. Спецгоспитали как бы не существовали.

Символическая зарплата советских лет позволила беспощадным к себе врачам, медсестрам, санитаркам эвакуогоспиталей иметь мизерные перестроечные пенсии в России, Украине и Белоруссии. Большинство русских, украинских и белорусских старушек, когда-то работавших в спецгоспиталях, уже ушли в иной мир – забытыми и нищими. Где тысячи спасенных от смерти ими людей? Немногие вятские старушки, дожившие до 60-летия Победы над фашисткой Германией, с женской наивностью ждут доброго слова в свой адрес.

СГ № 1773, СГ № 2074 прибыли к нам из Белоруссии, СГ № 1952, СГ № 3264, СГ № 3426 – из Украины, СГ № 1149 – из Смоленска, № 3007 – из Рязани. Остальные организованы в Кировской области. К работе в спецгоспиталях привлекалась элита местных больниц.

Большинство специалистов прибыло с эвакуированными госпитальями: лаборанты, рентгенологи, психиатры, диетологи, врачи ЛФК. Среди них ведущие сотрудники республиканских, городских клиник Одессы, Киева, Минска, Гомеля, Полтавы. Есть москвичи. Много ленинградцев. Большинство продолжало трудиться до полной репатриации военнопленных из спецгоспиталей (1946–1949 гг).

Поезда не подчинялись расписаниям. Прибывшие вагоны требовали срочной разгрузки (иначе громадный штраф в пользу железной дороги). Не хватало своего транспорта.

Начальник ЭП-22 на совещании весной 1946 года говорит: «Имеется постановление ОК ВКП (б), запрещающее отправку медсотрудников на лесоразработки. Но каждый начальник госпиталя должен помнить: все должно быть направлено на улучшение качества лечения. Поэтому, если имеются свободные медсотрудники, то можно их использовать для пользы дела».

Как прожить без овощей и «второго хлеба» – картошки, голодающим врачам, медсестрам, санитаркам?

Старшая медсестра СГ № 1952 Мария Ивановна Корниенко рассказывала в 2002 году: «Господь уберег меня от кары за невольный грех. Мучительно было видеть бледных, изголодавших-ся девчонок-медсестер при той хорошей еде, которой кормили

военнопленных. Они 50-70 перевязок за смену успевали сделать. Тяжелых больных таскали с этажа на этаж, в перевязочную. Как-то я не выдержала. Набрала на кухне всего, чем кормили военнопленных. Собрала и увела всех к себе в кабинет. Разложили по тарелкам, но прикусить не успели. Дверь открылась. Начальник госпиталя Марченко на пороге: «Кто принес? Пройдите, пожалуйста, в кабинет». Лучше бы он меня обругал или стукнул. А он молчал до кабинета, молчит и там. Я кое-как выдавливаю чуть слышно: «Только под суд не отдавайте. Они голодные, скоро умрут девчонки». Долго молчал. Потом – очень тихо: «Иди. Чтобы больше так не было».

Начальник ЭП-22 Тормосов в апреле 1943 г. сообщает Кировскому обкому ВКП(б): «Личный состав спецгоспиталей обслуживает инфекционных больных, а питается значительно хуже военнопленных». Есть резолюция: «Вопрос правильный. Надо помочь». О результате можно судить по документу, полученному обкомом через три месяца: «Санитарка П. уволена из госпиталя, отдана под суд, так как уличена в связи с итальянцем. Она съела обед, которым тот захотел с ней поделиться. Как правило, такое желание выражают все военнопленные, кроме немцев».

В Оричах через крышу общежития девушки видели зимние звезды. Жались друг к другу под одеялами, примерзая волосами к подушкам.

«"Все для фронта! Все для победы!" – превратилось для нас из лозунга в чувство, которое помогало увидеть в будущем жизнь без войны, и страданий. Оставалось оно с нами до 70 – 80 годов. Как бы ни жилось потом, жизнь виделась прекрасной – прежде всего потому, что не было войны», – говорила Е.И. Ефремова, бывшая сотрудница СГ № 1149.

«Один Бог знает, что мы ели, во что одевались. Но мы не ныли. Трудились и ждали конца войны», – вспоминала Елена Селиверстовна Инькова из Пинюга.

Даже скорбный груз в последний путь почти во всех госпиталях отправлялся без мужчин. В Оричах трупы сопровождала тяжело, больная девушке. Однажды сани на повороте к погосту так раскатило, что безответные пассажиры выпали из полога. На жуткий вопль несчастной возницы выбежали все окрестные жители.

«Обозы с пленными прибывали в Белую Холуницу ночью. нас будили для проведения санобработки, – говорила парикмахер В.И. Собачкина. – Все, особенно немцы, имели семейные фотографии. Усатые старики во фраках и галстуках, разодетые женщины, ухоженные дети. Многие сняты у своих домов, с машина-

ми, мотоциклами. Некоторые имели свои тракторы. Зачем им понадобилась эта война?»

Разговоры сотрудиц с военнопленными на темы, не касающиеся лечения, да еще в коридоре, карались беспощадно. Но девичье любопытство обходило запреты: «Сколько русских убил?» «Я не убивал. Дали ружье. Сказали, иди стреляй. Дома трое детей. Как откажешься? Ружье взял, но в человека не выстрелил. Потом в плен взяли. Бог все видел».

Другой отвечал: «Пятерых. Больше не успел».

Немецких полковников держали в полном соответствии с «Положением о военнопленных»: свой котел, неучастие даже в бытовом труде, тщательная профилактика недомоганий, особое тепло и уют.

Керосин экономили. Сестрички обходились шедевром собственного изобретательства: блюдец с камфарой, из которого спускается фитилек. Призрачный желтый шар сопровождал зыбкие тени, перемещающиеся от одного тяжело больного к другому.

«Как вам?»

«Гут»...

«Шлехт». Начинается бешеное метание теней. Появляется ослепительный свет семилинейной дежурной лампы. Если все заканчивается хорошо – слава Богу!. Можно присесть и несколько минут отдохнуть.

СТО ПЕРВЫЙ – ТРУДОВОЙ, ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В основу этой главы положены воспоминания немногих оставшихся в живых свидетелей и участников событий, документы ГАСПИ (протоколы партийных собраний и заседаний партбюро управления трудового лагеря для военнопленных № 101 Вятлага и отделений лагеря)*.

Зафиксированные в документах (ГАСПИ, ф.5991, оп.12, д.341, 445) выступления коммунистов на партийных собраниях, в основном касаются следующих вопросов:

1. Организация труда в лагере.
2. Питание. Контроль расходования продуктов.
3. Жилье. Одежда. Хозяйственные вопросы.
4. Проблемы здоровья и лечения военнопленных.
5. Дисциплина личного состава сотрудников.
6. Агитационно-политическая работа.
7. Подсобное хозяйство лагеря.

Все работы в лагере делились на основные, прочие основные и вспомогательные.

В первом списке 73 вида самых тяжелых работ – для физически крепких, выносливых людей (лесорубы, вальщики, подносчики бревен, трелевщики, грузчики бревен в вагоны). Планы «спускались» из Москвы.

Во втором списке 18 наименований работ, требующих определенной квалификации (шорники, ремонтники паровозов, стекольщики).

Третий список из 36 пунктов включал рабочих ширпотреба, погонщиков, здесь перечислялись все сельскохозяйственные работы вплоть до собирания колосков, прополки грядок, уничтожения мотыльков и грызунов на полях.

Почти все военнопленные 1943 года попали в лагерь из госпиталей. Многие переболели сыпным тифом, туберкулезом всех форм, пневмонии.

К 1945 году стационары переполнены. А что такое лагерные стационары? Это бараки. Ослабевшие люди сидят в них безвылазно. Им уже не нужны шинели, пальто, фуфайки, они обменивают верхнюю одежду на табак.

Пятое отделение переводят в с. Лойно с тем, чтобы организовать еще одно подсобное хозяйство с производством молока и мяса. Опыт 1944 года научил не надеяться на продуктовые склады НКО в Кирове.

* См. также: Борис Кирьяков. «Они все видят. Видят и молчат...»: Военнопленные Второй мировой войны на Вятке // Московская немецкая газета. – № 11 (160). – Май, 2005 г. – С. 11.

Восьмое отделение госпиталя занято сельхозработами. Там военнопленные за свой труд получают продукты питания.

В подсобном хозяйстве выращивают картофель, табак, горох, а также фуражное зерно для содержащихся в хозяйстве лошадей, коров и свиней.

Девятое и десятое отделения летом 1945 года находятся в стадии наполнения контингентом, производственные задания для них невелики.

Сборный отряд для немногочисленных нарушителей дисциплины всех отделений назван штрафбатом. О нем весной 1945 года вскользь упомянуто: «Работает хорошо на раскорчевке пней по полям подсобного хозяйства».

Военнопленным после лечения в стационаре категория трудоспособности врачебной комиссией меняется с первой на вторую, либо со второй на третью. Их переводили в ОК (оздоравливающий контингент). Основное занятие ОК – сельхозработы. Но люди из ОК работают и в мастерских по ремонту одежды и обуви.

В 1943 году отмечается очень хорошая работа портных и сапожников второго отделения. Кроме починки одежды из военного утиля, они шьют сотни наволочек и полотенец, тапки и фуфайки. Выполняя заказы населения поселка и сотрудников лагеря, мастерская приносила 50 рублей дохода ежедневно.

В лагере при каждом отделении был врач, ему помогал средний медперсонал – фельдшеры и медсестры. Врач имел право привлекать врачей из военнопленных.

В конце 1944 года врачам запрещено отлучаться из отделений.

Врачебный прием должен вестись ежедневно, без выходных. Врачи обязаны следить за качеством пищи, диетическим питанием, приготовлением хвойного витаминного отвара и, естественно, за своевременным приемом лекарств. А также за санитарным состоянием жилых помещений, окружающей территории, санитарной обработкой людей – регулярностью бань (один раз в 10-12 дней). В случае необходимости – организовывать уничтожение клопов, тараканов, вшей. Врач должен следить за чистотой белья военнопленных, соответствии их рабочей одежды погоде и сезону года.

Общелагерный стационар при отделении 2 ведет прием самых тяжелых больных с признаками пневмонии, туберкулеза и других заболеваний. Лучшим доктором лагеря признан Савинов, врач стационара (к сожалению, не удалось найти более подробных сведений о нем).

И все же смерть продолжала вести свой «прием». Смертность по лагерю за третий и четвертый квартал составила 2,7%. В декабре 1944 года умерли 14 человек, в январе 1945 г. – 8 военнопленных.

В феврале Управлением лагеря объявлен приказ № 288 «Об улучшении физического состояния военнопленных». Отмечено, что состояние здоровья военнопленных усугубилось тяжелыми работами, которые пришлось выполнять по приказу из Москвы.

Военнопленные очень тяжело переносят сезонные колебания температуры и влажности. Угнетает серое, мышиное небо, дожди. Особенно тяжело выходцам из теплых стран – Италии, Венгрии, Румынии. Переход от зимы к лету люди переносили не легче, чем от лета к зиме. Сказывался авитаминоз.

В январе 1945 года положение с питанием улучшилось. В марте в лагерь начали поступать американские продукты. Склады забиты мукой, мясом, рыбой, крупой, тушенкой, сгущенкой, яичным порошком в таких количествах, которые потребовали срочного вмешательства ревизионной комиссии лагеря.

Контингент выводится на работы при температуре не ниже 25 градусов. Отменены ночные смены. Категорически запрещено использование оздоравливающегося контингента (ОК) на основных работах, удлинение смен. Запрещена переброска военнопленных из одного отделения в другое. Однако в силу каких-то причин продолжается обмен военнопленными между лагерями, да и по лагерю данный пункт нарушается.

КАЙСКИЙ КРАЙ: ПРИВЯЗКА МОСКОВСКИХ МЕЧТАНИЙ К МЕСТНОСТИ

Москва составляла планы. В том числе и по самоокупаемости лагерей для военнопленных. Занимались этим разные люди, в том числе и не совсем грамотные, имеющие в лучшем случае среднее образование да несколько месяцев бухгалтерских курсов.

Расчет прост: чтобы лагерь себя окупал, его «сидельцы» должны были приносить государству определенные нормированные доходы.

Не учитывался суший пустяк: насколько эти нормы реальны?

Понимая, что о реальности не может быть и речи, люди посылали «наверх» отчеты, окрашенные политическим цветом: главное, чтобы цифры понравились начальникам района, области, военного округа и, наконец, государства.

За первое полугодие 1944 года на содержание лагеря № 101 израсходовано 3500 рублей. Военнопленными заработано 1300 рублей. Чтобы окупить содержание лагеря, каждый «лагерник» должен заработать 200 рублей.

Условная зарплата военнопленных приблизительно составляет 70 рублей. Любопытно, что предложений по сокращению расходов на содержание лагеря в документах нет.

Что же мешает выполнению намеченного плана? Вопрос, достойный обсуждения на партсобрании.

«Военнопленные не расставлены на рабочих местах в соответствии с имеющимися у них специальностями. Их продолжают перебрасывать из одного отделения в другое. Командировочные – 17% от заработанных лагерем сумм.

Инструмент, которым пользуются на работе в лесу, на сельхозработах тупой, не отлажен, старый. Но даже его не хватает.

Каждый день военнопленные долго стоят на разводе утром.

В некоторых отделениях до работы приходится шагать до 4 км.

В других – долго ждать вагонов, которые доставят к месту работы. Где-то столько же – для загрузки готовой продукции. Бывают дни, когда участок работы не готов, либо работы нет».

Собрание находит и вину бухгалтерии в невыполнении планов: «Прогрессивка в лагере не используется. Нормы выработки и расценки не контролируются. Инспекторы по труду, как правило, люди безграмотные даже в написании своего имени. Бухгалтеры в растерянности от вопроса, как учитывать работу на подсобном хозяйстве, хозработы по лагерю, в колхозах. Должны ли засчитываться в самокупаемость суммы, заработанные там? Они ничтожны, но продукты, которыми рассчитываются председатели, имеют цену жизни колхозников, которые умирают от недоедания. Для ремонта и строительства в лагере не хватает (либо вовсе нет) гвоздей, теса, стекла, краски, извести. Сдерживает работу отсутствие лошадей».

На один из лесных участков привезли трофейных немецких коней-тяжеловозов. Бригада рабочих ездила за ними в балтийский порт Лиепая. Радость оказалась недолгой. Вятский климат быстро сгубил животных.

Дольше служили лохматые рыжей масти лошадки, прозванные «монголками», которых привезли с Дальнего Востока.

Но люди, конечно же, не обладали такой выносливостью.

К маю во втором отделении скопились, ожидая отправки, 40 больных туберкулезом.

В июле выход на работы сократился на 21% (в то же время план на третий квартал, спущенный Москвой, увеличен в 5 раз).

Несмотря на то, что расходы на содержание лагеря сократились на 20%, государству перечислено лишь 64% от суммы, израсходованной на содержание лагеря.

Попытки партийной организации расставить на ответственных местах коммунистов и комсомольцев результатов не дают.

«До сих пор я следила за работой военнопленных, чтобы они были здоровыми. Как я могу руководить ими на подсобном хо-

зайстве, если сама не знаю, в чем должна заключаться их работа?», – говорит медсестра комсомолка Бякова.

Начальник второго отделения не заметил воровство со склада продуктов.

Он говорит: «Я не знаю, каким должен быть ширпотреб и где его реализовать. У меня нет возможности избавиться от смертности. Но воровства в отделении не будет. Обещаю».

С весны 1945 года не ладятся дела 5-го отделения под руководством нового начальника Панкратова, бывшего до этого начальником 3-го отделения, где дела шли также не важно. Партийное руководство дало Панкратову шанс «показать себя», но увы... Село Лойно находится примерно километрах в сорока от п. Рудничного (и столько же от железной дороги). Туда перевели 96 коров, принадлежащих лагерю. Районное руководство заверило, что имеющегося там сена хватит до начала выгула. К сожалению, сена оказалось не так много. Часть коров пришлось резать.

На закрытом партбюро замполит отделения жалуется: «В пятом – пьянки, драки, воровство. На кухне заправляют военнопленные, которые кормят всех, кому хочется. На складе скопились излишки продуктов: 300 кг капусты и 260 кг других продуктов. Панкратов часть капусты отправил своей семье. Потребовал бухгалтера списать. Та отказалась. Он ее выгнал и посадил бухгалтером военнопленного».

Системы контроля над расходом рационом продуктов в лагере нет.

Внезапно нагрянувшая комиссия обнаружила отсутствие свыше 100 кг различных продуктов только в одном отделении. Бросились в глаза свертки с крупой, рыбой, мясом, кому-то приготовленные. Часть туш мяса, рыбы хранилась в воде. Подмочены крупа, сахарный песок. Выяснилось, что свертки приготовлены для лейтенанта Буркова. Он даже за уборку своей квартиры расплачивается 3-4 кг хлеба.

В третьем отделении накопилось 160 кг излишков хлеба. Руководство отделения в счет кухни выписало яичный порошок, сало, муку для проведения праздничного вечера 8 Марта.

На собрании 7 июня парторг лагеря говорит: «Продуктов в лагере много, а количество больных увеличивается и смертность растет. За присвоение одной продуктовой карточки в поселке РК ВКП(б) отдал человека под суд. От голода в поселке умирают дети и старики. Нашим сотрудникам дано право кушать в столовой. Некоторые получают паек. И все равно хищения. Коммунисты продаются за 300 граммов яичного порошка. Военнопленные все видят. Видят и молчат. Придет время, и они скажут».

Здоровье, питание, одежда, жилье, организация труда военнопленных – вопросы, которые занимают большую часть времени на собраниях. Но первым всегда стоял вопрос агитационно-

массовой работы с личным составом и военнопленными. Материал для бесед с военнопленными в виде инструкций поступал сверху. В отчетах перечисляется количество бесед с сообщениями Совинформбюро. В беседах обсуждаются условия жизни, права, законы в СССР и странах, где у власти фашисты.

В лагере имелась библиотека, книги из которой поступают и в два поселковых госпиталя. Приходят газеты: «Кировская правда», «Известия», «Правда». Во время бесед обсуждаются произведения Шолохова, Эренбурга, Симонова.

Самым большим спросом пользуются газеты на родных языках – итальянском, венгерском, немецком, румынском.

В документах упоминаются несколько десятков концертов, данных военнопленными. Среди военнопленных были талантливые музыканты, певцы, танцоры.

Часть музыкальных инструментов, настольных игр, спортивного инвентаря военнопленные изготовили сами.

В октябре 1945 года началась репатриация.

На 1 марта 1947 года в лагере находится 1841 военнопленный, в основном нетрудоспособный контингент. Они ждут нарядов МВД.

РАБОТАТЬ ПО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ!

В августе 1943 года ставится вопрос об увеличении числа сенокосных бригад и об организации соревнования среди пленных. Коммунисты говорят о производительности труда в сапожной, пошивочной мастерских.

Начальник третьего отделения отмечает случаи грубого отношения к пленным: «Военнопленные изгоняются из конторы, хотя они еще не решили вопросов, с которыми пришли туда».

В сентябре, августе, октябре 1943 года на собраниях повторяется: мастерские работают хорошо, там высокая организация труда. Завмастерскими Коротаяев самокритично отмечает: «Имеются недостатки... нет оборудования, часто нет света, материалов, нерегулярен контроль над работой».

В феврале 1945 года в лагере проводится специальное партсобрание, посвященное снижению смертности. Из выступлений: «Добиться улучшения условий труда на производстве. Устранить чрезмерную утяжеленность труда, например, ночные смены. Контингент переведен в оздоровительную группу, чем снизил выход работы хозоргану».

В июне 1945 года звучат претензии к Панкратову, начальнику 5 отделения:

«Военнопленные с 50% работоспособности работают по 14 часов».

Панкратову часто достается на партсобраниях, он просит освободить его от обязанностей начальника отделения. Просьба остается неудовлетворенной.

На общем партийном собрании коммунистов лагеря, собравшихся при Управлении 12.08.45, звучали малознакомые для большинства слова: «хозрасчет», «самоокупаемость», «производительность труда», «ширпотреб»... Из пяти-восьми коммунистов при каждом из отделений лагеря в лучшем случае лишь один имеет незаконченное среднее образование. Инспекторы по труду (учетчики) чаще вообще не грамотны. Все образование бухгалтеров – 3-6-месячные курсы.

Начальник лагеря: «В Москве на совещании представителей всех лагерей страны вопрос о трудовом использовании военнопленных поставлен очень резко. Именно в летний период, чтобы выполнить все, что можно, поставлен вопрос о производстве ширпотреба, который имел бы рынок сбыта».

Другие выступающие отмечают недочеты в своей работе:

- много расходуется на переброски пленных из отделения в отделение без нужды на то;

- не получаем прогрессивки от хозоргана;

- бухгалтерские работники плохо контролируют выполнение нормы и расценки на произведенные работы;

- командировочные расходы 17%; люди шатаются по трое суток из отделения в отделение, не работая;

- инспектор по труду 10-го отделения, человек без грамоты, своей работы не знает; контингент в 10-е отделение прибыл 10.07.45 и 16.07.45 приступил к работе.

Начальник одного из отделений говорит:

«Перед партийной организацией поставлен вопрос самоокупаемости лагеря в целом. Хозорган нас обманывает, недочисляет за выполнение работы только потому, что мы не проверяем, не контролируем количество произведенного труда.

Для ремонта жилых помещений нет гвоздей, тесу...

До работы 4 км. Дорога плохая. Хозорган это не учитывает.

Управлением НКВД вопрос о трудовом использовании пленных и их оздоровлении поставлен очень резко. Эту задачу можно решить и должны решить, для этого требуется опытные кадры. Надо проводить семинары руководителей и инспекторов по труду. На ширпотреб Вятлаг плана не спустил. Плановая группа Управления лагеря плана также не спустила. Я, как начальник отделения, не знаю, что делать. Какой ширпотреб выпускать (изготавливать) и куда его реализовать?»

Начальник другого отделения спрашивает:

«Как оплачивать труд пленных на хозработках? Для выполнения плана зимой требуется соответствующая одежда, обувь. Пленные долго стоят на разводе, долго получают план, задание. Инструктор бывает неточен».

Из выступления Желудева:

«Недостатки не зависят от начальников отделений. Большой тормоз от хозоргана. Пленные не обеспечены вещдовольствием. Не одеты и не обуты по сезону. Долго нет вагонов для перевозки к месту работы. Восьмое отделение тянет вниз подкомандировку, так как занято на сельхозработках. В изготовлении ширпотреба имеем сдвиг. У пленных не хватает портянок. Ходят на работу босыми. Лошадей нет, поэтому дрова приходится носить на себе».

Из выступления Рулева:

«Многие военнопленные из 5-го отделения проматывают вещдовольствие за воротами: обменивают на шинели, рукавицы. Многие из них для работы не пригодны. Третью категорию работоспособности выводят в 8 часов утра и заставляют работать по 10–12 часов в день».

В чем участникам собрания видятся успехи работы лагеря за последние два месяца?

- вывод военнопленных хозоргану увеличился на 133 %;
- отработано человеко-дней у хозоргана на 132%;
- валовая сумма выработки увеличилась на 135%;
- увеличилось покрытие расходов на содержание военнопленных на 20%;
- хозобслуга сократилась на 0,4%;
- оздоравливающий контингент в стационаре сократился на 7%.

А какие отмечаются недостатки?

- не выполнен план по выработке на человеко-день 9%;
- расходы на содержание военнопленных покрыты на 64% .

Причины невыполнения плана:

- аппарат лагеря недостаточно мобилизован на выполнение плана;
- большое количество людей 1 и 2 категории работоспособности заняты на внутрилагерных работах;
- низкая производительность труда;
- недостаточен учет трудоиспользования на отделениях;
- неэффективны мероприятия по оздоровлению контингента;
- военнопленные специалисты не используются;
- не все военнопленные выводятся на работы, не всегда обеспечены работой;
- не организовано производство ширпотреба, чтобы использовать ослабленный контингент.

Партсобрание выносит решение:

1. Правильно использовать военнопленных на работах по их физическому состоянию и специальности.
2. Добиться полного возвращения в госбюджет средств на содержание военнопленных.
3. Развернуть производство ширпотреба и хозобихода для использования на этой работе ослабленных военнопленных.

Итоги работы в 3-м квартале 1945 года подводятся на партсобрании 15 октября 1945 года.

Сергеев (секретарь-парторг 2-го отделения): «План, спущенный Москвой на третий квартал 1945 года, не выполнен».

Кроме того отмечается, что приближается зима, а в новых отделениях – 9 и 10 – нет бань, кухонь. Распределяются места по успехам в работе:

- первое место – отделение 9;
- второе – отделение 1;
- третье – отделение 3;
- отделение 8 занимает последнее 10-е место, «так как военнопленные неправильно используются. Они работали на сельхозработах».

ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ЛАГЕРЯ

Удивительно, но прямых указаний сверху о необходимости организации подсобного хозяйства при лагере в документах архивов не встречается. Очевидно, существование такого хозяйства считается само собой разумеющимся.

Необходимость серьезно заняться производством сельхозпродуктов партийная организация отмечает на августовском собрании 1943 года при обсуждении «Постановления Совнаркома о ходе уборки и заготовки сельхозпродукции».

Сенокосение при хорошей погоде выполнено к 10 августа на 22 %; собрано ягод – 289 кг. Достаточного внимания к посадкам не было. Уборочный инвентарь не отремонтирован.

Тема подсобного хозяйства обсуждалась на собрании 28 марта 1944 года. Составлен план: «Площадь – 12 га: картофелем занять 10,75 га, луком – 0,75 га, табаком – 0,75 га. Занять индивидуальными огородами 2 га. Должны снять: картофеля 537% центнеров, лука – 30 ц, табака 3 центнера».

В августе 1944 года обсуждают подсобное хозяйство в 3-м отделении. Коммунисты говорят о подготовке к зиме овощехранилища, необходимости приобретения тары для засолки; о заготовке овощей, фуража и их хранении; своевременной уборке и сушке

сена с 10 га, отправке его из колхозов в отделения; отгрузке овощей с перевалочных пунктов; сборе ягод, грибов силами комсомольцев, коммунистов, антифашистов из военнопленных. Обо всем говорится в планах на будущее, хотя осень уже на дворе.

14 апреля 1945 года. Партийное собрание «О готовности лагеря к весеннему севу».

Из выступления замначальника 5-го отделения Гостюхина:

«Материальной предпосылки для ведения подсобного хозяйства нет. Нет инвентаря, семян, тягловой силы, тем более машин. Отдаленному отделению надо помогать не на словах, а на деле – материально. Иначе задачи, поставленные подсобному хозяйству, невыполнимы».

Из выступления Петрова: «Проверяем семена на всхожесть, не хватает железных грабель».

В других выступлениях отмечается, что есть только земля и то неподготовленная.

Собрание записывает в решении:

- посевного материала не завезено;
- нет всех площадей, которые надо засеять по плану;
- не хватает инвентаря: грабель, лопат и т. д.;
- минеральных удобрений не завезено;
- местные удобрения, фекалии, навоз, зола не везде собраны в течении зимы;
- лошади не распределены по отделениям;
- люди не разбиты по бригадам.

18 мая 1945 года. Партийное собрание на тему «Задачи лагеря в период посевной».

Из протокола:

«Медленно и плохо идет раскорчевка земли под подсобное хозяйство, необходимо своевременно точить инструменты... Штраф-взвод хорошо работает на раскорчевке пней, на земле, выделенной для подсобного хозяйства... Выделенные товарищи должны руководить работами, расставлять людей, выявлять недостатки в работе и докладывать о них коменданту лагеря».

7 июня 1945 года. Панкратов, начальник 5-го отделения, говорит на собрании: «Совхоз обещал трактор, лошадей. Посевной материал носили на себе за 40 км. Скот – 96 голов перебросили в Лойно (туда перевели зимой 5-е отделение), а корма нет».

1 сентября 1945 года. Из выступления Исакова: «Говорили, что 9-е отделение заготовило сена 150 тонн. При проверке оказалось 50 тонн. Все овощи отравлены. Плохо идет заготовка овощей. Нет засолки капусты».

ПИТАНИЕ И КОНТРОЛЬ

В 1943 году на некоторых складах продукты выдавали без весов, на глазок. В октябре 1944 года трех вахтеров, комсомольцев едва не отдали под суд. На привезенных ими со станции подводах «недосчитались... копченого и простого мяса, колбасы, лапши; 36 коробок спичек, несколько пачек перца, лаврушки». Деревенские парни, только что призванные на службу в НКВД, в недоумении: «Вы же видели, что мешки не вскрыты. Как мы могли взять?» Дело передано в следственные органы.

Из протокола партсобрания 26 января 1944 года.

Панкратов, будучи еще начальником 3-го отделения, говорит: «Часть продуктов расхищается... При отпуске продуктов со складов на кухню кладовщики не пользуются весами и гирями. Якобы их нет».

Меркулов (отдел охраны): «Питание часто не доходит до военнопленных, так как дежурные не контролируют отпуск продуктов со складов, не следят за доведением норм питания по назначению».

16 февраля 1945 года. Обсуждаются меры по реализации приказа управления лагеря «Об улучшении физического состояния военнопленных».

Со слов лейтенанта Буркова, во втором отделении смертность в декабре – 14 человек, январе – 8 человек. Уменьшается, так как питание улучшилось.

Жаров: «Предлагается иметь меню на каждый день. Калорийность не должна снижаться».

Сизов: «Продукты получают и привозятся вовремя. Запасывают лишь на 1 – 2 дня, не больше. До этого времени снабжение шло бесперебойно. Сейчас, если и имеются трудности, то с получением, будут завезены на отделения».

Из протокола от 23 января 1945 года.

Токарев: «Продукты выдаются военнопленным на кухне нерегулярно. С кухни их крадут».

Васильев: «Офицеров, которые незаконно поедают продукты, надо судить. Коммунистам, комсомольцам, парторгам надо вернуть борьбу с разворовыванием продуктов».

23 февраля 1945 года. Коммунистам на партсобрании сообщается, что завскладом и экспедитор Рулев Николай Яковлевич за разбазаривание государственного имущества и продовольствия военным трибуналом осужден на три года лишения свободы. Из кандидатов в члены ВКП(б) исключается.

Мурашкин, секретарь партийной организации при Управлении лагеря № 101, сообщает, что за расхищение соцсобственности ответственность понесли 3 члена ВКП(б).

СЕКРЕТНО

РЕШЕНИЕ

Исполнительного Комитета Кировского Областного
Совета депутатов трудящихся

№ 40-с

14 июня 1944 года

О запрещении расходования государственных
средств на банкеты, вечера и пины.

В соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 1 июня
1941г. № 411-84с ив. акм. Облсовета **РЕШИЛ:**

1. Запретить и.п.с. комм. районных /городских/ Советов депута-
тов трудящихся, бюджетным учреждениям и хозяйственным организа-
циям расходовать денежные средства на организацию и проведение
каких либо банкетов, вечеров и приемов, устраиваемых по различным
поводам.

2. Научить Облфинотделу /г. Уварову/ в случае выявления ука-
занных в п.1. вышесказанного решения расходов, виновных в этом лиц
привлекать к ответственности.

Зам. председателя исполкома Облсовета - ПЕТУХОВА/

За Секретаря исполкома Облсовета - Шеня

РАЗУСЛАТЬ: Исполкомы райсоветов, Кировскому и Слободскому
райсоветам, Облбю, областным отделам, СНК СССР.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 170, л. 39

СЕКРЕТНО

РАСПОРЯЖЕНИЕ

Исполнительного Комитета Кировского Областного
Совета депутатов трудящихся

№ 14рс

22 апреля 1944 г.

О распределении лимитов на протомоварное
снабжение руководящих работников.

В соответствии с распоряжением СНК СССР № 5328рс от 9 марта
1941г.:

1. Утвердить распределение лимитов на снабжение протомоварами
руководящих работников в 1941г. в 1/У-де 1/Х-/, согласно приложен.
2. Обязать Облкартбюро выдать лимитные протомоварные книжки
до 1 мая с/г.;
3. Ответственность за выделение необходимых фондов протомоваров для
стопарквальной книжки в указанный выше срок.
3. Ответственность за протомоварные книжки возложить на г. Кирову
на Облторг, на райсовет области - на систему Петробкооперации и
Облторг /где есть его отделение/.

Зам. председателя исполкома Облсовета - Е.Машин

РАЗУСЛАТЬ: Облфинотделу, СНК БНП/с/ Облкартбюро, СНК СССР, г. Мерзосу,
Облбю, Облветробсоюз, отделам и управлениям /вн.п.з.
приложить/.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 170, л. 11

Абраков (начальник 5-го отделения до весны 1945 г.): «Хищения объясняются тем, что подбор людей производится сверху управлением лагеря, без согласования с начальниками отделений. Управление лагеря к протестам начальников отделений не прислушивается».

31 марта 1945 года. На закрытом партбюро слушается вопрос о Столбове и Шамшурине. Последний – член ВКП(б), офицер НКВД, некоторое время был парторгом отделения.

Столбов объясняется: «8 марта Кобзев дал распоряжение выписать в счет пленных продукты. Я и замначальника отделения по снабжению Смирнов согласовали вопрос и дано распоряжение кладовщику выдать муку, сало, яичный порошок».

Член бюро управления Васильев: «Руководство отделения заранее договорилось устроить вечер 8 Марта. Решило выписать продуктов за счет кухни военнопленных. Значит, коммунисты не борются с расхищениями, а занимаются сами этими расхищениями».

Решение бюро: Кобзева предупредить; Столбову, Шамшурину объявить выговор.

18 мая 1945 года. На партсобрании отмечаются недостатки:

- выдача пайков военнопленным не контролируется;
- нерегулярно готовится хвойный отвар;
- нет контроля над приготовлением дрожжей;

Калорийность в ноябре, декабре была хорошая, к маю снизилась.

31 мая 1945 года. На партсобрании Петров сообщает, что Бурков брал продукты себе на квартиру.

Обнаружена недостача мяса 100 кг. Кладовщик Калинин подводил остатки по книжному остатку и обнаружил излишки, а фактически не хватило 100 кг.

Бурков объясняет: «На проверку мяса назначена комиссия, которая приняла все меры к его спасению».

Лихачев, председатель ревизионной комиссии Управления лагеря: «В отделении на складе мне бросились в глаза свертки крупы, рыбы, мяса, которые приготовлены лейтенанту Буркову. Из чего создались излишки?»

Со слов завскладом, все потерянное возвращено по акту сдачи: пшено, сухое молоко, табак, комбижир, мясо.

В протоколе также говорится: «Были случаи, заливали мясо водой, подмачивали другие продукты, и все равно недодачи до 46 кг. В столовую продукты идут хорошие, а готовят плохо. Продукты со склада и кухни тащат благодаря бесконтрольности Петрова. Сотрудники писали жалобы в Москву, другие места. При отделении 2 работала мастерская пошива и ремонта обуви и одежды. Приносила 50 рублей дохода ежедневно. Где деньги? Все документы сгорели!»

Мурашкин: «Коммунисты хорошо видят ошибки, но не исправляют их, а скрывают. Начальник отделения взял себе яичного порошка, поэтому подчиненные не считают его за начальника. Начальник финчасти Шевлога присвоил себе деньги мастерской».

На 5.05.45 обнаружены продукты в 5-м отделении у Панкратова. За 8 дней мая накоплено продуктов 208 кг. Он выписывает продукты на сторону и себе. На кухне военнопленных меню не проверяется и не утверждается. Продукты закладываются на другой день после получения на складе без веса и нормы.

7 июня 1945 года. Закрытое партийное собрание.

Первым выступил Шевлога: «Деньги в сумме 332 рубля за обеда я не удержал, так как не своевременно выдавали зарплату».

Столбов: «Обнаружено хищение продуктов во втором отделении. Для чего создавались излишки продуктов, а контингент недополучал питание?»

Завскладом утверждает, что Бурков самовольно брал продукты со склада, «а кладовщик мне говорил, что продукты у него просят начальник отделения и оперуполномоченный». Представитель бухгалтерии управления замечает, что документальные проверки 2-го отделения недостатков не обнаружили, а частные устранялись начальником отделения.

Скворцов: «Коммунисты продавались за 300 граммов яичного порошка. Военнопленные видят все эти безобразия, но молчат».

Гостюхин, замначальника 5-го отделения: «К хищениям продуктов причастно такое количество людей, что складывается впечатление, тут была круговая порука».

Мурашкин: «Есть указ правительства привлекать к ответственности виновных в хищениях к строгой ответственности. Продуктов много, а количество больных и смертность растут. Руководство пущено на самотек».

Столбов напоминает: «За присвоение одной продуктовой карточки в поселке райком партии исключил из партии, отдал под суд. Тут массовое хищение, и начальник дал этому повод».

Петров в заключительном слове говорит: «Из того, что тут сказали, меня надо снимать с работы и отдавать под суд. Смертность военнопленных будет продолжаться и впредь, но хищений не будет. Я приму меры к устранению недостатков».

Пришла очередь отчитываться начальнику отделения в Лойно Панкратову: «Я незаконно выдал крупы автоколонне, обменял двух коров на телят, менял рыбу на мясо, давал колхозу имени Дзержинского, отправил семье капусты. У нас ее излишки 300 кг».

Столбов: «За май 24 смерти. От 400 человек получились большие излишки продуктов. А еда – вода и непроваренный рис. Люди тоща-

ли и умирали. На кухне военнопленных кушают все, кому не лень. За май сэкономили 260 кг продуктов без овощей. Панкратов берет капусту и предлагает ее списать бухгалтеру Бушуевой. Она отказалась. Тогда он ее арестовал, и на ее место посадил фашиста (пленного. – **Б.К.**). Я его предлагал исключить из партии. Он плакал, а сейчас говорит другое. Райорганизации в Лойно смотрят на 5-е отделение как на наживу. Панкратов всех хотел забросать пайками».

Панкратову объявлен строгий выговор.

На 9 июля в 3-м отделении выявлено 160 кг излишков хлеба. Эти излишки якобы накопились за декаду, так как весы были неисправны.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

26 января 1944 года. Обсуждается вопрос «О состоянии здоровья военнопленных».

Панкратов: «Главная задача – оздоровление военнопленных. Для этого надо взять под контроль отделение выздоравливающих 2-е, пищевой блок, бытовые условия, санитарию. Диетическое питание для дистрофиков часто отсутствует со ссылками на их малое число и отсутствие посуды. Часто нет варки хвои. Часто несвоевременно выдаются медикаменты».

Меркулов: «Несвоевременно ставится диагноз. Нет борьбы с вшивостью. Больные не лечатся, а передаются в госпитали п. Рудничный. Следует напомнить всем коммунистам, что всякое заболевание военнопленного, а особенно смертность в отделениях, лежит на ответственности всех служб: хозяйственной, санитарной, пищевой, бань, складов и так далее».

15 октября 1944 года. О будущем начальнике медчасти второго отделения Шилове на собрании говорится: «Должного внимания лечению военнопленных не уделяет. Не контролирует работу медперсонала, работающего на подкомандировке. Военнопленные сидят грязные, санобработка – баня – проводится не по графику».

Желудев: «Врачи из числа военнопленных совершенно не используются. Большая часть из них не находит себе работы, бездельничает. Амбулаторный прием военнопленных проводится плохо. Часто ставится неверный диагноз. В бараках военнопленные не осматриваются. Санитарному состоянию барачных медперсонал не уделяет внимания. Нет борьбы с клопами. Витамины из хвои варятся несвоевременно. Больные госпитализируются несвоевременно. Работа санчасти пущена на самотек».

Рулев: «Количество больных ежедневно увеличивается по вине медобслуживания. За Рудаковым отмечают факты грубого отношения к военнопленным».

Постановили: «Поставить вопрос перед Управлением лагеря об укреплении руководства санчастью».

23 января 1945 года. Общее партийное собрание, на котором коммунисты пытаются выяснить причины высокой заболеваемости и смертности военнопленных. Рабочая сила поступает из госпиталей (собрание предполагает, что им отправляют недолеченных или неокрепших людей). Отсутствует полный набор продуктов: выдавали по 50% хлеба и других продуктов. В целом рабочий фонд стал хуже. Причины смертности: дистрофия и пневмония.

Петров называет причинами смертности во 2-м отделении нехватку продуктов и сгущенность в бараках.

Убаров: «В 3-м отделении сгущенность и слабое здоровье у прибывающих из госпиталей». Недоумевает: «Зачем посылают?»

Гостюхин: «В четвертом квартале умерло так много, потому что выполнялись работы в тяжелых условиях по указанию Управления».

Лихачев: «Смертность объясняется тяжелой работой, недостатком продуктов и соответствующего обмундирования».

В постановлении записано: «Поручить партбюро Управления лагеря поставить вопрос оздоровления контингента на партсобраниях отделений, потребовать от руководителей отделений – коммунистов улучшения работы по оздоровлению контингента, не допускать ни одного случая смертности. Состояние здоровья военнопленных в 3-м и 4-м кварталах 1944 года считать неудовлетворительным, так как допущена смертность 2, % к общему числу контингента. Особенно большая смертность в отделениях 2 и 3. Контингент перешел в оздоровительную группу, чем снизил выход хозоргана».

13 февраля 1945 года.

Абраков: «Начальник пятого отделения Панкратов не выполнил приказ Управления лагеря о запрещении вывода оздоравливающего контингента на работу. Он вывел людей за 5 километров на лесоповал при 30-градусном морозе. 5 человек замерзли. Первое и четвертое отделения борются за здоровье и сохранность контингента и выполнили план 3 и 4 кварталов на 100%».

С 16 февраля 1945 года в документах начинает фигурировать приказ Управления лагеря № 288 «Об улучшении физического состояния военнопленных». Смертность: 24 – в декабре 1944-го, 8 – в январе 1945 года.

В приказе отмечается улучшение питания и жилищно-бытовых условий. Увеличение госпитализации.

Улучшили медицинское обслуживание на местах, в отделениях. Уменьшили скученность в бараках.

И тут же ставятся задачи перед санитарной частью лагеря:

- снижение госпитализации;
- добиться полной ликвидации вшей и клопов;
- внимательно ухаживать за больными в стационарах;
- своевременная и полная сохранность продуктов от расхищения.

Как итог частичного выполнения приказа отмечается улучшение стационара 2-го отделения.

В третьем имеются недоработки:

- плохо отапливается баня (недостаток дров), поэтому при мытье военнопленные простужаются; пни к бане не подносятся;
- белье после стирки принимаем грязнее, чем сдавали.
- слабая группа меняется через 7-8 дней; поправка людей в ней идет медленно, поэтому группа неэффективна.

Младший лейтенант Овчинников предлагает: «Если дров нет, стационару считать всех людей больными – их из зоны на работу не выводить. Освещение сокращаем по своей вине, сейчас нет керосина».

Врач медсанчасти Бяков: «При этапировании военнопленные прибывают к нам с диагнозом гриппа. При обследовании выясняется, что у них воспаление легких. В стационаре второго отделения, где работает доктор Савинов, порядок. Почему этого нельзя добиться в других стационарах? Существует неправильная выдача лекарств».

Гостюхин: «Приказ по Управлению вызван смертностью у нас в 5-м отделении. Причины: режим работы в летнее время, ночные работы (необходимости в них вовсе не было). У больных по 10 дней не трясут матрацы. Больные лежат на крошке».

Рулев: «Количество больных военнопленных было превышено, что способствовало смертности. В стационаре вставляют шпильки друг другу».

31 мая 1945 года. Партийное собрание отмечает: «...большинство военнопленных цингозно больны.

Для сельхозработ и хозработ используется только оздоровительная команда.

Продукты получаем хорошие».

О пятом отделении докладывает начальник медсанчасти Управления лагеря Васильев: «В пятом отделении за 21 мая принесли четверых с работы и одного мертвого. Те – четверо умерли на другой день. Начальнику пятого отделения объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Военнопленные в этом отделении в плохом состоянии. Много больных открытой формой туберкулеза. Несмотря на мой приказ не отпускать врачей в Управление, врач 5-го отделения трое суток болтался по Управлению. Отделение было без врача трое суток».

7 июня 1945 года. Закрытое партсобрание Управления лагерем. Докладывает начальник 2-го отделения: «Кс:тингент при-

бывает с дистрофией 3-й степени. Мест в стационаре нет. Скудность. Необходимо открывать новые стационары». Это выступление стало поводом для нападок.

Первым кидается Рулев, бывший завскладом ст. Има, впоследствии осужденный на три года за разбазаривание лагерного имущества. Он говорит: «Второе отделение выздоравливающих, но оздоровления нет. На кухне распоряжаются военнопленные. Имеется черная касса. Военнопленные проматывают вещдоловствие».

Парторг лагеря Мурашкин: «Продуктов в лагере много, а количество больных увеличивается. Смертность растет. Начальник отделения пытается направить разговор на пользу дела: «От нас срочно надо отправить 40 человек больных туберкулезом военнопленных (в госпиталь. – **Б.К.**).

Панкратов: «Пятое отделение принял в феврале 1945 г. Весной отделение перевели в Лойно. Контингента было мало. Пополняли ослабленными».

Столбов: «За май 24 смерти». Мурашкин поправляет: «28».

Гостюхин (замполит): «Положение пятого отделения в Лойно тяжелое. От железной дороги далеко. Транспорта нет. Райорганизации смотрят на пятое отделение как на наживу. Панкратьев всех хотел закидать пайками. Даю приказы, он другие. Все брал на себя, но у него ничего не выходило».

ЖИЛЬЕ, ОДЕЖДА ВОЕННОПЛЕННЫХ

7 сентября 1943 года. Бараки отеплены, оштукатурены, выбелены изнутри и снаружи. Устроены нары вагонного типа. Сделаны тамбуры. Недостаточно скамеек, табуреток, вешалок. Не закончены печи, не отеплены двери. Не оборудованы сушильные помещения. Недостаточно ремонтируется одежда военнопленных.

2 января 1944 года.

Меркулов: «Надо всех военнопленных снабдить постельным бельем, сменить сено в матрацах».

14 февраля 1944 года.

Выступает Таратухин: «Часть военнопленных можно одеть без помощи извне, своими силами. В нашей мастерской починено 400 пар обуви, 300 фуфаек. Сшили 10 новых фуфаек, 240 наволочек и полотенец для стационаров. Пальто и шинели военнопленные меняют у населения на табак. Они не видят в них необходимости, так как сидят целыми днями в бараках даже при 25 градусах. В бараках душно, поэтому нет необходимости в систематической топке печей, чтобы не было перерасхода дров».

15 января 1945 года. В решении партсобрании записано: «Ремонт обмундирования по лагерю проводится медленно.

Военнопленные третьего отделения по-зимнему пока не одеты».

Столбов добавляет: «У военнопленных не хватает портянок. Ходят на работу раздетыми».

16 февраля 1945 года. В связи с обсуждением приказа № 288 по лагерю «Об улучшении физического состояния военнопленных» представитель медсанчасти Жаров говорит: «Оздоровливающий контингент разместился в 7-м бараке, но там тесно. В третьем стационаре 12-13 градусов. В бане холодно. Свет в бане из трех коптилок, а в предбаннике света нет вовсе. Не хватает бритв».

Овчинников: «Если дров нет, считать всех военнопленных больными и выводить всех на зону не следует. Освещение сокращаем по своей вине. Сейчас нет посуды для керосина. Предлагаю провести в субботу борьбу с клопами. Тяжелобольных перенести в 6-й барак, остальных – в третий. Перевести туда доктора Савинова».

31 мая 1945 года. Из решения собрания: «Многие военнопленные проматывают вещдоловствие».

7 июня 1945 года. Из решения: «Не выполняется приказ о сдаче зимней одежды. Пленные проматывают вещдоловствие. Вещи выносятся за зону. Режим охраны действует плохо».

О ДИСЦИПЛИНЕ И ПОВЕДЕНИИ СОТРУДНИКОВ ЛАГЕРЯ

20 июля 1943 года. Из постановления партбюро: «Состояние дисциплины военнослужащих в лагере неудовлетворительное. Военнослужащие ходят в гражданской одежде. Одеты как вздувается. Не приветствуют старших по званию, не докладывают о выполнении полученного приказа, не отреклись от гражданской жизни» (военнослужащие – только что мобилизованные гражданские лица из районов области, в основном не годные к несению военной службы в условиях фронта. – **Б.К.**)

4 декабря 1943 года. Третьему отделению нужна помощь командования в налаживании командирской работы.

9 февраля 1944 года. В повестке собрания вопрос «О воинской дисциплине среди вахтеров». Отмечается, что бывают случаи неприветствия командиров, невыполнения приказов; командиры не обязывают подчиненных повторить приказ».

Команда вахтеров размещена в хорошем здании. Но оно не приведено в культурный вид. В комнате, отведенной под Ленинскую, обвалилась штукатурка, поломан пол, стены и потолок в

копоти. Нет надлежащей мебели, художественной литературы, музыкальных инструментов, настольных игр.

15 октября 1944 года. При проверке знаний караульной службы, Устава РККА выяснилось, что вахтеры плохо знают и то, и другое. Вахтер Постников совсем ничего не знает. Был случай, когда он ушел с поста. Офицеры занимаются вахтерами недостаточно. Вахтеры вступают в ненужные разговоры с окружающими людьми. Вахтер вступил в пререкания с младшим лейтенантом Овчинниковым.

31 марта 1945 года. На партбюро рассматривается в частности вопрос «Пьянка Столбова и Кобзева 13 и 25 марта». Из объяснительной записки, зачитанной на партбюро: «С инспектором по охране мы достали 1,5 литра вина и выпили его в обед. Потом пошли в Управление лагеря. Туда зашел Шамшуринов (фронтовик, офицер НКВД, парторг 3-го отделения – **Б.К.**). Он стал поднимать шум, выражаться нецензурно. Его забрал Меринов и повел в кабинет начальника Управления майора Новикова. Того в кабинете не оказалось, а Шамшуринов захотел в уборную. Медведев предложил ему оправиться в шапку, что тот и сделал. Потом вызвали двух вахтеров и отвели Шамшуринова домой».

18 мая 1945 года. Разбирается нарушение приказа начальника Управления лагерем «О запрещении ношения оружия личным составом во внеслужебное время». Из постановления: «Ношение оружия коммунистом Р. в неположенное время говорит о полном незнании Устава РККА, дискредитации должности командира отделения».

7 июня 1945 года. Закрытое партсоборание о положении дел в 5-м отделении. Парторг докладывает: «У Панкратова драки, пьянки, дебошничество. Он не способен руководить». Новиков: «В 1943 году Панкратов исключен из партии. Был осужден на 3 года. Восстановлен без стажа. За что исключен, объяснения нет. В его отделении вахтеры ходят где не надо, вооруженными. Везде распущенность, пьянство, воровство и грязь. На кухне хозяйничают все, кому не лень. Около зоны барак. Взаимоотношения со всеми организациями обострены».

27 июля 1945 года. На партбюро рассматривается вопрос «О нарушении Устава РККА и облика военнослужащего при проведении отпуска Токаревым».

Токарев, офицер НКВД, только что вернувшийся с фронта.

Из докладной Яранского РО НКВД: «Токарев получил краткосрочный отпуск и поехал навестить сестру с маленькими ребятишками в Яранск.

Будучи пьяным, зашел на рынок, пытался разогнать его с оружием в руках. Потом схватил двух женщин и поволок их в отделение милиции. В пути несколько раз ударил. Оружие в милиции у него забрали».

Парторг добавляет, что Токарев перед войной был осужден на 1 год 6 месяцев. Отбывал в Вятлаг. При вступлении в партию скрыл этот факт.

Из объяснений Токарев: «Шел я не пьяный, а чуть выпивши. Эти стервы стояли посереде тропки так, что не пройти, не объехать. Я потребовал освободить путь. Сказал по-хорошему, без мата. Тут они развехались языками во всю ивановскую. Заорали на весь Яранск. За три года войны я не слыхивал такого. Откуда у них на уме столько набралось? Тут я решил пугнуть их милицией. Вытащил пистолет. Пистолет именной, врученный на фронте командованием. Одна хотела убежать. Я выстрелил в воздух. В райотделе у меня, его забрали. В придачу отобрали все документы. За что?»

26 октября 1945 года. Вновь разбирается недисциплинированность и нарушение партийной этики коммунистом фронтовиком Р. «Он оформлен дежурным офицером. Часто уходит с вахты во время несения службы. Дежурство по вахте, как положено Уставом и правилами, не передавал. Были случаи – во время несения службы уезжал со станции Има. Не проверял постов как дежурный офицер. Стрелял из нагана в конторе отделения и на квартире одной девушки. Якобы из-за любви. Во время прибытия этапа военнопленных был уличен в том, что снял сапоги с военнопленного в присутствии лейтенанта Куприянова. В мае или июне потерял их и в конце сентября опять снял сапоги с военнопленного штрафного взвода, надев на него свои лапти, в которых приехал из командировки в Германию. Растратил в командировке 2 тысячи рублей. Вступил в половую связь с женой младшего лейтенанта медицинской службы».

На все обвинения Р. отвечает: «Свою вину я признаю. Сапоги дважды с военнопленных снимал. Но я их не отдам, потому что ходить будет не в чем. Квартиры не имею. Ночевать приходится где придется. Отсюда лишние разговоры».

ВОСПОМИНАНИЯ

Окончание войны привело в таежную глухомань много людей, воевавших от звонка до звонка. Немногочисленных оставшихся в живых местных уроженцев, выходцев из Мурашей, Свечи, Уней, Вожгал и десятков других мест Вятской земли каждую зиму сгоняли на расчистку площадки для будущего химического комбината и п. Восточный. В 1945 году в Омутнинск прибыл эшелон с тремя ротами молодых трудармейцев – ребят и молодых мужчин, побывавших в немецком плену.

Николай Васильевич Крысов

«Я попал работать на железную дорогу после 6 месяцев учебы. Сразу прицепился остряк-мучитель: «Иди-ка протри куран Ляпушин-

ского». Слышал про такой кран, но где он и для чего служит, в памяти не отложилось. Ходил, мучался, вспоминал, пока один из пленных не подсказал. В течение часа надо было тереть железину битым стеклом с маслом. Я несмелый был. Плохо к нам молодым, начинающим работать после учебы, относились. Особенно те, кто кулаки крепкие имел. Иногда принуждали: «Иди взамен меня смену отработай». Ладно, если килограммом картошки расплатится за смену, некоторые подзатыльниками зарплату отдавали. Бывало, приходилось выходить работать неизвестно за кого, не в свою смену. По четыре смены без сна и еды на паровозе, пока с ног валиться не начнешь. Если находилась добрая душа, видел человек, что не вмоготу мальцу, с ног валится от усталости, тогда поможет с заменой. Большинство работников на паровозах в те годы – женщины, мужиков не хватало.

Военнопленные пилили для нас дрова на 132-м километре. Невдалеке трудились наши осужденные. Нам, кочегарам, было важно, чтобы дрова имели длину и толщину, подходящую для топки и по нашим силам нетяжелые. Пленные такие и пилили. Наши находили утеху себе в том, чтобы делать наоборот – пилить страшно тяжелые и безразмерные.

Жуткие морозы, легкие шинели и деревянные подошвы ботинок принуждали военнопленных проситься в кабины паровозов, поближе к котлам. За посторонних в пути следования нас ругали, могли наказать. При остановках на все смотрели сквозь пальцы, и мы пользовались этим. В недоумении от нашего малолетства пленные тут же принимались нам помогать: поддерживали крепкий огонь, закачивали воду в котел. Радовались теплу. Кто-нибудь просил закурить. Узнав, что не курю, весело хлопали по спине, хвалили.

На Омутнинском металлургическом заводе пленные работали по несколько человек в цехе. В качестве их слесарной, кузнечной, токарной или любой другой работы можно было не сомневаться. Узкая специализация наших рабочих вызывала у них недоумение, по-ихнему рабочий-слесарь должен выполнять любые работы. Раз к новому году вырезали из жести Деда Мороза и черта. Раскрасили, поставили на самом видном месте. Но особый восторг рабочих и администрации вызвал локомотив, в который они вдохнули долгую и прочную жизнь. Собрали его из старой рухляди, привезенной на переплавку. Реставрированная машина надежно служила заводу несколько лет. Потом ее продали другому предприятию, где она также надежно работала.

Сливочное масло впервые попробовал в 17 лет. Выглядел я мальчишкой-недорослем. Зубы доняли так, что со слезами пошел к зубному врачу. Первый она выдрала сходу, но облегчение не пришло. Показываю на другой: «Этот рвите тоже». Врач глаза округ-

лила: «Мальчик еще, а такой выносливый». Зуб выдрала, йодом смазала раны. Потом ломоть хлеба от своей пайки отрезала, сливочным маслом намазала, подает: «Через два часа скушай». Два часа я не выдержал. Мелкими кусочками, как воробей, щипал».

Петр Егорович Катаев

«Привезли военнопленных в Белореченск около 7 ноября 1945 года. Примерно 250 человек. В охране были красноармейцы. Немецкие офицеры принимали участие в организации работ, охране, обустройстве зоны.

Работа заключалась в заготовке леса. Часть вырубленного леса вывозили к железной дороге, часть – к берегу Вятки, чтоб весной сплавить. Вывозили лес лошадьми. Деляны оставляли в образцовом порядке. Замечаний в работе они не получали. Пытались бежать, кажется, человека три. Догнали и поймали на р. Бисер. Вывезли их так же неожиданно, как и привезли. В 1947 году ночью подогнали вагоны, погрузили и увезли».

Лидия Ивановна Шумайлова

«Продукты им привозили, каких местные люди не видели. Какого привезли для них бочки с соленой рыбой, и кто-то из них решил украсть. Вора нашли очень быстро. В наказание отлупили ворованной селедкой по морде. В зоне даже магазин был. Имели свою пекарню, медицинский пункт. Между собой почему-то особенно сильно не любили немцев. Заставляли их петь русские песни. Все работники зоны были приезжие».

Николай Афанасьевич Запольских

«Зона для военнопленных имела также на участке Метрострой, где готовили метровые дрова для Омутнинского металлургического завода.

Там тоже после них осталось кладбище.

Немцы в Белореченске работали не больше двух лет.

Всем запомнились чистота и ухоженность зоны. Также на делянах, где работали военнопленные, соринки и палочки после себя не оставляли.

Из-за забора часто слышались звуки губных гармонок, пение на русском языке.

Примерно в 1947–1949 гг. после военнопленных привезли спецпереселенцев. Забор при них разгородили. Жили они не

вольными, но и не свободными. Когда всем разрешили уехать, один почему-то остался и потерянно бродил по поселку».

Нина Павловна Гусева

«Наш начальник Костя и командир из немцев дружили. Другой раз просит: «Бабушка, принеси цибульку». Некоторые местные приходили полюбопытствовать на чужестранцев. Врагами они уже не смотрелись. Старая солдатская поношенная одежда, обувь, хотя была швейная и сапожная мастерские. Ботинки на деревянных подошвах. Все время кутались. Пели в основном русские песни. Может быть, их заставляли? Умерло их довольно много, хоронили там, где потом вблизи выстроили конный двор».

ДОКУМЕНТЫ

ЗДАНИЯ СПЕЦГОСПИТАЛЕЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1. СГ № 3160 Халтурин (Орлов) – здание средней школы, корпус райбольницы, здание педтехникума.
2. СГ № 3426 Халтурин (Орлов) – здания ср. школ № 2 и № 3, райисполкома, горсовета, музея, речного училища.
3. СГ № 2074 Пинюг – ж/д клуб, ж/д школа, жилой дом Лестрансхоза, жилые помещения ЛТХ, изолятор больницы Лестрансхоза.
4. СГ № 3171 п. Рудничный (ст. Фосфоритная) – здания бывшего клуба ИТР, детсада, железнодорожное рабочее общежитие.
5. СГ № 3007 п. Рудничный – здание школы № 1, общежитие рабочих Рудоуправления, райсельхозуправления Кайско-го района, 4-квартирный дом.
6. СГ № 1149 г. Белая Холуница – здания педучилища, заводууправления.
7. СГ № 3169 Фаленки – два школьных здания, райбольница, дом колхозника.
8. СГ № 1952 Оричи – половина здания райбольницы, ср. школа № 1, райисполком, райпотребсоюз.
9. СГ № 1173 ст. Быстряги – здание сельской школы, клуб.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107, стр. 7

Приказ № 3 от 7.02. 1943

По Кировскому облздраву. В соответствии с приказом НКЗ СССР от 26.01. 1943 отвести нижеследующие госпитали для госпитализации военнопленных, доведя их в порядке уплотнения до плотностей:

1. Быстряги ЭГ № 1173 – 800 коек.
2. Белая Холуница ЭГ № 1149 – 1100 коек.
3. Пищалье ЭГ № 3947 – 800 коек.
4. Вятские Поляны ЭГ № 3161 – 1100 коек.

Начальникам госпиталей увеличить число коек до указанного числа без увеличения количества обслуживающего персонала. Госпитали для военнопленных остаются в подчинении НКЗ и работают на общих основаниях.

Спецмероприятия по режиму и охране госпиталей для военнопленных осуществляются органами НКВД.

Питание раненых и больных военнопленных производится по нормам, предусмотренным инструкциями НКВД. Отпуск продуктов производится по линии НКО.

Отделу ЭГ выделить в соответствии с наличием мягкого инвентаря, столовой и кухонной посуды.

Зацепин

15.02.1943 (ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107)

В соответствии с постановлением ГКО от 2.01.1943 и решением Исполкома Облсовета от 3.01.1943, 21.01.1943, 31.01.1943 перемещено 3000 коек.

Порошино – ? (цифр нет – **Б.К.**)

√ Котельнич ЭГ № 3717 (добавить 100)

Ст. Луза ЭГ № 3469 (+ 400)

Зуевка – (+ 300 коек)

г. Киров – ЭГ № 1236 (+600)

г. Киров – ЭГ № 3727 (+500)

Слободской ЭГ № 1510, и ЭГ № 1734 (400). Добавить в порядке наращивания в действующие госпитали: ЭГ № № 1353 – 200; ЭГ № 3158 – 100; ЭГ № 1952 – 100; ЭГ № 4017 – 200; ЭГ № 1417 – 300; ЭГ № 3365 – 100 коек.

Зацепин

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107, стр. 34

Летом 1943 года в Кирове 14 эвакуационных госпиталей.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107

15.02.1943 ЦК ВКП (б) (ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37–38)

Всесоюзному комитету помощи раненым.

Докладная записка Кировского областного комитета помощи раненым.

«О мерах, принятых по устранению недостатков в работе эвакуационных госпиталей, отмеченных бригадой Всесоюзного комитета помощи раненым».

Принято следующее:

1. ХОЗВОПРОСЫ:

а. для заготовки и подвозки дров госпиталям привлечь 750 пеших, 250 конных рабочих. Госпиталю г. Кирова отгружено 103 вагона на ст. Луза.

б. организованы ремонтные работы, подогрев пищи, утеплены санпропускники. Отремонтированы канализации, уборные, выстроены новые прачечные.

в. урегулированы вопросы с отпуском электроэнергии госпи-

талям города Кирова. Труднее решается вопрос в Зуевке, Юрье, Вахрушах, Шабалино. Увеличено время подачи электроэнергии в Опарино. Поставлен новый локомотив в Быстрице (ЭГ № 3172). Подведен свет к 7 корпусу в Мурашах (ЭГ № 3170). Улучшению электроосвещения мешает нехватка электрошнура, лампочек. Улучшилось снабжение эвакогоспиталей керосином. Передано 4100 кг.

г. требуется больше мыла, бельевой соды. Напряжение с мылом может быть исправлено только при увеличении выпуска его местной промышленностью.

д. со складов отпущены подушки, мануфактура, рубашки, кружки и другая посуда. Собрано среди населения и передано госпиталям 23750 штук посуды.

2. ПИТАНИЕ: Питание поставлено удовлетворительно. Однако случаются перебои с поставкой продуктов со складов НКО №№ 568, 1269. Крайне плохо обстоит дело лишь с табаком. Его нет уже больше месяца. Случаются задержки с поставкой овощей, картофеля гужевым транспортом.

3. ЛЕЧЕБНАЯ РАБОТА: за инспекторами облздрава закреплены определенные госпитали. Закончена аттестация всех врачебных кадров, госпиталей и перераспределение более рациональной их расстановки.

Необходимо заметить, что 80% всех прошедших переаттестацию врачей работой по лечению раненых овладели в период Великой Отечественной войны....

Раненые с переломами бедер, поражением периферийных нервов, а также обморожениями сосредоточены сейчас в наиболее приспособленных и оснащенных отделениях....

Усилилась помощь общественности, сандружинниц, Общества Красного Креста в разгрузке раненых в военно-сортировочных пунктах.

Количество сандружинниц: Омутинск – 80; Слободской – 35; Котельнич – 48.

Для улучшения хирургической помощи к госпиталям прикреплены высококвалифицированные специалисты – коммунисты-хирурги: ЭГ № № 3007, 3477, 3159 – профессор Тихонович. Военно-Морская медицинская академия перестроила работу в сторону усиления своей практической работы.

Введена комплексная терапия (за последние два месяца) по лечению огнестрельных остеомиелитов, вяло-гранулирующих ран, поражений нервной системы.

4. ТРУДОЛЕЧЕНИЕ: организовано трудоустройство и устройство работ: сапожное, швейное, столярное, точной механики – ремонт часов, швейных машин и др., счетоводство.

5. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ и культурно-массовая работа.

Комиссариат здравоохранения отвечает на поставленные запиской вопросы:

«За отсутствием фондов пошивочного материала, спецодежды поставить не представляется возможным. Электролампы, провод будут выделены и отпущены.

В приказе от 15.02.1943 г. заведующий облздравом Зацепин требует: «Немедленно разгрузить койки из корпусов, развернутые как временные, сверх плана».

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37–38

Сообщение начальника отдела ЭГ при ЭП–22 Жислина председателю Всесоюзного комитета помощи раненым, секретарю ЦК ВКП (б) Андрееву

Постановление ГКО 2949 от 27.02.1943 года.

Обеспеченность медсанхозимуществом [СГ] по состоянию на 03.04.1943.

Не хватает мягкого и твердого инвентаря, белья, столовой посуды, топлива, лошадей.

Кадры	требуется	имеется
врачей	40	16
медсестер	200	120
санитарок	182	подбираются на месте

Медикаменты, перевязочные материалы – 6000 м; ваты – 350 кг; спирт – 120; антисептики – 250; наркоз – 30 кг. Обеспеченность прочими медицинскими средствами 25%, инструментом – 30%.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107, стр. 11

Приказ № 7 – с от 3.03.1943

В связи с прибытием спецконтингента в госпитали № № 1773 – Быстряги, 1149 – Белая Холуница, 3947 – Пищалье, 2074 – Пинюг.

Приказываю:

Под ответственность старшего (санитарного – ?) государственного инспектора тов. Попову А.А. установить специальный надзор и контроль по пути следования контингента до госпиталей.

1. Во всех населенных пунктах, через которые будет следовать контингент и останавливаться, установить надзор и контроль санитарной и эпидемиологической службы из районов по пути следования.

2. Выделить по пути следования специальные дома, в которых разрешить останавливаться.

3. Каждую партию пополнения в обязательном порядке сопровождать работниками санитарной инспекции.

4. После разгрузки поезда перед отправлением в госпиталь, необходимо на месте произвести санобработку. Санобработке подвергнуть всех возчиков, которые принимают участие в перевозке.

5. Тов. Поповой составить план санитарной и эпидемиологической работы по обработке спецконтингента и населенных пунктов, через которые проходит путь следования контингента.

План составить к 8.03. 1943 и разослать по назначению.

Зацепин.

На обороте приписка: «Разъяснить начальникам госпиталей».

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37

17. 03. 1943. Совершенно секретно.

Секретарю Кировского обкома ВКП (б) Лукьянову

Нас удивляет беспечность, существующая сейчас в транспортировании военнопленных.

13 марта сего года к нам в район, на ст. Быстряги, был доставлен эшелон с военнопленными для выгрузки в госпиталь. Эшелон пришел без конвоя. Сопровождавший его санинструктор оказался болен сыпным тифом и лежит без сознания.

В числе прибывших много здоровых и часть русских, служивших у фашистов. Имеются сведения, что некоторые из них вылезли дорогой из эшелона, причем уроженцы Кировской области.

На станции Быстряги имеются всего лишь два здания (под госпиталь. – **Б.К.**) школа и колхозный клуб, однако эвакуотдел предложил выгрузить также и больных тифом. Условий для строгой изоляции сыпнотифозных нет, и имеется опасность распространения болезни среди населения. Часть выгруженных на станции Быстряги больных военнопленных должна быть направлена в Верхошижемский район. Однако Верхошижемский райисполком не высылает за ними своевременно лошадей.

Секретарь РК ВКП (б) Созин.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37

23.03. 1943 Совершенно секретно

№ 0354. С питанием обслуживающего персонала госпиталей, загруженных спецконтингентом:

№ 1149 – Белая Холуница;

№ 2074 – ст. Пинюг;

№ 3007 – ст. Фосфоритная (п. Рудничный);

№ 3947 – с. Верхошижемье обстоит очень плохо. Личный состав этих госпиталей обслуживает инфекционных больных, а пи-

тается значительно хуже военнопленных, что создает нежелательные настроения.

В целях устранения такого положения прошу Вашего указания торгующим и заготовительным организациям об обслуживании персонала госпиталей как работающих на инфекции.

Начальник ЭП № 22 – Жислин.

На документе имеется резолюция Петуховой: «Вопрос, по моему, поставлен правильно».

На обороте: «Дано указание о приравнивании в снабжении работников спецгоспиталей по нормам работающих в инфекционных отделениях. 27.03.1943».

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37-38

23.03.1943

Тов. Запольскому,

начальник отдела эвакогоспиталей Кировского облздрави

Военврач 2 ранга – Жислин

п. 1. За 2-е полугодие 1942 принято в области 62249 раненых преимущественно с тяжелыми огнестрельными повреждениями. Оседание легкораненых на первых этапах эвакуации и улучшение сортировки предыдущих этапов повысили количество раненых с огнестрельными повреждениями костей в госпиталях области до 79% против 50% в первый период ВОВ.

п. 2. Отдел госпиталей увеличил сеть специализированных госпиталей и отделений в Кирове. Профилировал и перестроил работу периферийных госпиталей в целях надлежащего обслуживания раненых.

п. 3. На научных конференциях, сборах начальников госпиталей и ведущих хирургов обсуждаются новейшие методы лечения. Проводятся курсы по повышению квалификации, переобучению врачей и среднего медицинского персонала.

п. 4. Возросла хирургическая активность ведущих хирургов; количество операций при огнестрельных остеомиелитах за 2-е полугодие 1942 г. проведено в два раза больше, чем за весь первый год ВОВ. Общее количество операций увеличилось на 40%. Число летальных исходов не превысило 0,1%.

п. 5. Специализированные госпитали и отделения разработали и усовершенствовали методы оперативных пособий при сложных повреждениях жизненно-важных органов и дали высокий процент возврата раненых в строй.

ЭГ № 4017 для раненых в грудную клетку вернул – 78,29%;

ЭГ № 1093 для раненых челюстной-лицевых ранений – 77,7%;

ЭГ № 1356 ушное отделение – 63,1%.

п. 6. Среднее количество возвращенных красноармейцев в части по месяцам 58–46 %. Если прибавить уволенных в краткосрочные отпуска, то цифра возврата в Красную Армию: 62–54%;

п. 7. Успешному лечению во втором полугодии способствовало применение комплексной терапии, увеличение электропроцедур, торфо-глино-лечение, парофино-терапия. Лечебная терапия. Благодаря чему снизилось число осложнений огнестрельных переломов конечностей, контрактурами, тугоподвижностью суставов.

п. 8. В конце 1942 года проведена аттестация врачей, которая показала приобретение навыков и опыта у подавляющего числа врачей по лечению огнестрельных повреждений.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37

Приказ № 8

от 30 марта 1943 года.

С целью упорядочения дела психиатрической помощи в эвакогоспиталях области, приказываю:

1. Возложить на психиатрический корпус ЭГ № 1322 функции организационно методического центра по постановке психиатрической помощи в госпиталях и других лечебных учреждениях города и области;

2. Возложить на начальника психиатрического корпуса ЭГ № 1322, доктора Авербаха функции областного консультанта – психиатра, назначив его по совместительству инспектором по психиатрическим отделениям эвакогоспиталей.

3. Взять под руководство и контроль 2 психиатрических больниц из Котельнича и Советска.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37

14.04.1943

Председателю Всероссийского Комитета Помощи раненым,

Секретарю ЦК ВКП (б) Андрееву.

Секретарю Кировского ОК ВКП (б) Березину.

Согласно постановлению СНК РСФСР, в Кировской области, кроме развертываемых 4300 госпитальных коек, по постановлению ГКО дополнительно предложено увеличить коечный фонд на 20%, за счет уплотнения действующих госпиталей.

Обком ВКП(б) и облисполком возбуждают перед СНК СССР ходатайство о представлении в г. Кирове под госпиталь на 800–1000 коек здания бывшего пединститута.

Начальник управления ЭГ Гамбург

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37
5.05.1943.

В соответствии с приказом от 27.02.1943, № 2949 с 1.04.1943 в области 55 госпиталей на 31500 коек. Причем 2455 коек составляют 20 % уплотнения.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107
Приказ № 17 от 25 мая 1943 года

1. Возложить обязанность за проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в спецгоспиталях на районы, имеющие эти госпитали.

В спецгоспиталь № 3947 с. Пищалье направить врача (Строителева -?) начальником с/э службы.

Спец госпитали Кайского района – врача Глушкову.

В госпиталь ст. Пинюг – инспектора Попову.

Быстряги – врач Дич.

2. Обязать посещения приказами врачам не менее раза в месяц.

3. При больших партиях военнопленных в спец госпиталях, заврайздравам и обл. санитарно-эпидемиологической службе организовать спецбригады для санобработки. Старшему ГСИ Поповой, начальнику эпидемуправления Колуговой, профессору-консультанту Вайдраху – проверить соответствующие мероприятия по борьбе по форме № 30 и доложить мне не позднее 5.06.1943.

4. В исполнение решения областной Чрезвычайной Комиссии от 5.06.1943 начальника медчасти СГ № 2074 Бермана направить в распоряжение облздрави не позднее 1.06.1943.

5. Выдвинуть на должность начальника медчасти СГ № 2074 достойного врача, который бы обеспечил все мероприятия госпиталя по борьбе с инфекционными заболеваниями.

Приказ по Управлению ЭП № 22 от 25 мая 1943 года

Состоит из множества пунктов, из которых упомянем несколько:

п. 17. Принять решительные и срочные меры к ликвидации в госпиталях самовольных отлучек и аморальных поступков среди раненых и больных. Прекратить самовольные хождения раненых и больных вне госпиталей; прогулки совершать только в обмундировании и только под командованием дисциплинированного состава и персонала.

п. 18. Начальникам госпиталей, их заместителям по медчасти всю работу подчинить лучшему лечению раненых, больше возвращать раненых в армию; как можно меньше увольнять в долгосрочные отпуска.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 38

В отчете Кировского областного комитета помощи раненым отмечено, что за первую половину 1943 года госпиталям области отпущено 5,5 тонны фанового мха, 2 тонны шиповника, 1,5 тонны черники, 2 тонны лекарственных трав.

На Кировском мяскокомбинате организован цех производства гематогена. Запущен витаминный завод, который отпустил 3000 л жидкой витаминной настойки из хвои.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 107

Приказ № 15-с

Секретно. Май 1943 г.

Обязываю всех начальников госпиталей при наличии непригодных для работ лошадей: хромым, с дефектами, больных, сообщить облздраву для представления сведений в облисполком, для замены. Предупреждаю настоящим приказом, что ни одна лошадь без разрешения Ветнадзора не может быть забита.

Зацепин

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 107, стр. 162

Список специалистов с высшим образованием, работающих в эвакогоспиталях Кировской области на 5. 01.1943 – 8.06.1943

*Дислокация спец госпиталей Кировской области,
начальники, зам начальников по политчасти,
число развернутых коек на 11.06.1943года.*

1. № 3160 Халтурин (Орлов) 800 коек – Морозов Георгий Александрович. Мишечкин П.Г. (Тахтеев Петр Григорьевич).
2. № 3426 г. Халтурин, 600 коек – Счанснович Виталий Борисович; Трушков?
3. № 1952 ст. Оричи, 600 коек – Марченко И.Г., Радзянский Н.Н.
4. № 2074 ст. Пинюг – Киселев А.А., Яковлев А.А.
5. № 1773 Тарасовы (ст. Быстряги), 300 коек – Забродский Василий Иванович, Орлов Александр Иванович.
6. № 3161 Вятские Поляны, 500 коек – Зорин. Столяров.
7. № 1149 Белая Холуница, 500 коек – Горшков Андрей Васильевич, Григорий Петр Павлович.
8. № 3947 Пищалье, 200 коек (Верхошижемье – 800) – Самойленко В.К., Чиров И.Д.
9. № 3171 ст. Фосфоритная (п. Рудничный) – Брагинская И.Я., Гарцман.
10. № 3007 ст. Фосфоритная (п. Рудничный) – Бухало Д.М., Степанов.
11. № 3169 Фаленки – Шепилов, Гаврилов.

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37–38

Список дислокаций по Кировской области на 1.07. 1943, представленный комитету помощи раненым, содержит 58 эвакуогоспиталей, в которых лечатся 31070 раненых. В том числе 3027 военнопленных. 8.09. 1943 – развернуто для вп 6800 коек, лечится 4332; 15.09 – лечится 4148; 30.09. – 4638; 30.10. 1943 – 3933. Ноябрь – 3797, декабрь – 3341.

В докладной записке начальника отдела эвакуогоспиталей Кировского облздрава Жислина от 1 июля говорится: «В коридорах госпиталей находится 2280 коек. В лечебных кабинетах (кабинеты физкультуры, торфо-лечения, манипуляционных и других) – 268 коек. Ленинские комнаты (комнаты отдыха) имеются только в 10% госпиталей. А всего в них располагаются 980 коек.

В помещениях, где должны располагаться столовые, находится 1545 коек.

Столовые имеются лишь в 20% госпиталей, а остальные помещения заняты койками. Больные питаются в коридорах и палатах.

Работники всех госпиталей отдают большую часть своей зарплаты государству в виде займов, лотерей и т.д. Вот наиболее типичный пример того, как это делалось (пример взят из политдонесения по ЭГ № 3169. п. Фаленки). Госпиталь еще лечит советских солдат и офицеров.

«В связи с объявленным правительством государственным займом проведен общий митинг ранбойцов и обслуживающего персонала. Митинг прошел с большим подъемом. От ранбольных и персонала призвали отдать месячный заработок в займы государству на укрепление обороны нашей страны. Весь актив был брошен по палатам и отделениям для проведения подписки. Подписка на государственный заем была закончена через 2 часа.

При фонде зарплаты 54900 рублей сотрудники подписались отдать 58775 рублей. Ранбольные подписались на 3647 рублей».

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 211

Приказ от 10.07. 1943 г.

Предусмотреть возможность приема пострадавших во время налета авиации.

Выставлять пикеты для приема пострадавших. Дать четкую расстановку детского персонала с быстрым оказанием медпомощи, созданием аварийного освещения.

Приказ от 16.07. 1943

Организовать взаимопроверку эвакуогоспиталей на наличие коечного фонда.

ГАКО, ф. Р-2248, д. 187, оп. 6

Доклад на совещании начальников госпиталей и зам начальников по политчасти 25.07.1944

ГАКО, ф. 2248, оп.6, д. 187, стр.150.

Доклад на собрании начальников и заместителей по политчасти эвакогоспиталей Кировской области 25.07.1944

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 37

5.08.1943г. Секретарю ОК ВКП (б) Березину

Обследование спецгоспиталей нашей области комиссией НКВД СССР установило, что постановка лечения военнопленных решительно страдает из-за низкой квалификации врачей по вопросам диагностики и лечения дистрофии и авитаминоза. Эта же комиссия НКВД СССР обязала нас принять решительные меры к повышению квалификации врачей по вопросам терапии. Учитывая вышеизложенное, отделом эвакогоспиталей намечено проведение с 10 августа специального декадника семинара по основным вопросам терапии с вызовом на декадник 30 врачей периферийных госпиталей, в первую очередь из госпиталей для военнопленных. Приложение: программа декадника. Занятия провести в ЭГ № 3154 и ЭГ № 3156 города Кирова. А также в помещении бывшем парткурсами по улице Урицкого, занимаемого Военно-Морской медицинской академией.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 170, стр. 25–29

Решение секретно Исполнительного Комитета Кировского областного Совета депутатов трудящихся

Об улучшении работы эвакогоспиталей области. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 17.04.1944 «О ходе выполнения постановления СНК РСФСР № 684 от 30.08.1943» – исполком Облсовета решил:

1. Обязать председателей исполкомов райсоветов Слободского, Кировского, Куменского, Оричевского, Халтуринского, Медянского, Котельничского, Зуевского, Опаринского, Мурашинского, Верховинского, Подосиновского, Шабалинского, Свечинского, Омутнинского, Фатовского, Просницкого, В.-Полянского, Верхошижемского, Белохолуницкого, под их личную ответственность обеспечить заготовку топлива и завоз на территории госпиталей силами колхозного транспорта к 1.10.1944 – 60% годовой потребности топлива, и к 1.01.1945 остальных – 40% согласно приложения Л.1.

2. Предложить уполномоченному промкооперации (т. Семеновых), облместпрому (т. Синельникову) потребовать от руководителей своих предприятий категорического выполнения решения облисполко-

ма от 27.08.1943 по организации и работе в госпиталях мастерских восстановительной трудотерапии (слесарных, столярных, швейных, сапожных, и др.), обеспечив их сырьем и инструментами.

3. Обязать уполномоченного управления т. Семеновых обеспечить поставку госпиталям 700 телег, выделенных постановлением Совнаркома РСФСР от 8 апреля 1944 года № 347, не позднее 20 июля и отремонтировать госпиталям 500 телег до 1.08.1944.

4. Обязать начальника облавтоуправления (т. Репакина) с 1.08.1944 по 1.01.1945 отремонтировать по нарядам эвакуогоспиталей 20 госпитальных грузовых машин согласно приложенному графику (приложение 2). Начальнику отдела эвакуогоспиталей Жислину привлечь к ремонту шоферов и подсобных рабочих из госпиталей.

5. Предложить автотрансбиту (т. Пирогову) отпустить необходимые запасные части для ремонта машин.

6. Утвердить прилагаемый план развития животноводства подсобных хозяйств госпиталей на 1944 год (приложение 3). Предложить исполкомам выделить для этих хозяйств сельхозинвентарь и оказать помощь в приобретении коров, коз, свиней, домашней птицы в колхозах и у колхозников.

7. Предложить тов. Зацепину (облздравотдел):

а. Укомплектовать до 15.08.1944 недостающий до штата потребности средний медперсонал, поставив одновременно запрос перед соответствующими органами НКЗ, НКО о мобилизации на работу в госпитали медсестер, заканчивающих курсы Красного Креста.

б. Организовать при госпиталях курсы по подготовке медсестер.

в. Установить надлежащий контроль за применением физических методов лечения, лечебной физкультуры, трудотерапии за полным использованием рентгеновской и физиотерапевтической аппаратуры.

г. Утвердить прилагаемый план повышения квалификации врачей и среднего медперсонала по эвакуогоспиталям области (приложение 4).

8. Прикрепить к эвакуогоспиталям согл. приложению 5 пошивочную, ремонтные и сапожные мастерские местной промышленности, промкооперации и кооперации инвалидов для починки обмундирования и обуви раненых больных, возвращаемых по излечении из эвакуогоспиталей на фронт.

9. По г. Котельничу прикрепление артелей к эвакуогоспиталям возложить на исполком райсовета; по г. Слободскому – на исполком горсовета.

10. Обязать облплан выделить во 2-м и 3-м кварталах 1944 года целевым назначением для эвакуогоспиталей 300 кг бумаги, 1000 рублей на канцелярские принадлежности и 25 кг подковных гвоздей.

11. Предложить председателю горпромсоюза Леонову организовать в своей кузнице госпитальных лошадей.

12. Исполком областного Совета предупреждает председателей городских и районных Советов о недопустимости снижения заботы о нуждах эвакуогоспиталей и об их персональной ответственности за полное своевременное обеспечение нормальной работы эвакуогоспиталей. А также хозяйственному и культурному обслуживанию раненых и больных...»

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 170, стр. 43.

12.08.1944

Решение Кировского областного исполкома депутатов трудящихся о заготовке топлива спецгоспиталям.

СГ № 3171.

1. По заявлению Брагинской, из потребных 7800 кубометров дров заготовлено и вывезено 100 кубометров. Поставлено на вывозку 3 лошади.

2. Председателю исполкома Кайского райсовета тов. Куликову до 1.10.1944 необходимо обеспечить вывозку не менее 60% годовой потребности топлива и обеспечить пиломатериалами для ремонта госпиталя.

3. Предложить Жислину (отел ЭГ облздрави), выделить госпиталю из отпущенных исполкомом стройматериалов: белил – 10 кг, гвоздей – 150 кг, наплитных котлов – 3 штуки.

СГ № 3426

1. Из 3700 кубометров вывезено 300.

2. Предложить и. о. председателю исполкома Халтуринского района Солдатову:

а) обеспечить вывозку дров к 1.10.1944;

б) выделить тесу 30 кубометров;

в) обеспечить бесперебойную подачу электроэнергии;

г) предложить местному промкомбинату изготовить к 15.10.1944 сто прикроватных тумбочек, 150 табуреток, 5 чанов для квашения капусты.

3. Предложить Жислину не позднее 20.08.1944 выделить: гвоздей – 70 кг, белил – 15 кг, олифы – 50 кг, наплитных котлов – 8 штук.

СГ № 3160 г. Халтурин.

1. Из 3500 кубометров дров заготовлено 1900 кубометров. Однако на дворе больницы 60 кубометров.

2. Пункт, совпадающий со вторым пунктом из решения по СГ № 3426.

3. Изготовить 100 прикроватных тумбочек, 150 табуреток, чанов для квашения капусты. Выделить пиломатериалов 45 кубометров.

4. Просить Жислина о выделении: белил – 15 кг, олифы – 50 кг, кровельного железа 10 листов, гвоздей – 200 кг, котлов – 8 шт.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 223

29.10.1944 в ЭГ № 3007 поселка Рудничный из лагеря № 297 г. Смоленска доставлены больные военнопленные в количестве 100 человек. Из указанного числа в первые же часы умерли 3 человека в корпусе, при транспортировке в санпропускник – 1, из санпропускника – 1. Среди оставшихся 59 человек были в крайне тяжелом состоянии дистрофии 3-й степени. Со слов начальника эшелона, старшего лейтенанта Логиновских, в пути следования умерли 30 человек. Все доставленные военнопленные были завшивлены, в крайне изношенном обмундировании: 60% без шинелей, 35% – без обуви. Нет с прибывшими больными историй болезней, учетных карточек. В аналогичном состоянии доставлены 20 октября 1944 года 200 больных военнопленных из лагеря 252 г. Бежица. Состояние здоровья большинства доставленных больных военнопленных было таким, что они нетранспортабельны. Ставлю Вас в известность об этом. Прошу дать указания лагерям о недопустимости отправления подобных больных военнопленных в Кировскую область.

Начальник отдела ЭГ Жислин.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 211, стр. 151

Докладная записка от начальника отдела ЭГ облздрава Жислина начальнику Управления НКВД по КО, полковнику ГБ Умахи-ну (ноябрь 1944 года, без числа).

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 211, л. 9–14

СПРАВКА медико-санитарного состояния спецгоспиталей на конец 1944 г.

СГ № 3160 – смертность в нормальных границах. В октябре (3 дек.) распознаны 2 случая брюшного тифа. Источник неизвестен. В ноябре число случаев возросло до 4, на 10.12 – 6 случаев. На 31.12 – умер один. На 1.01.1945 налицо 5 случаев. В январе двое выздоровели, остались больными трое. Больные изолированы в отдельной палате. Меры профилактики приняты. Дальнейшего роста заболеваний сыпным тифом не наблюдается. Смертность – за счет необратимых дистрофиков брюшного тифа.

Имеются случаи свежих обморожений вследствие трудоиспользования военнопленных с нарушением правил трудоисполь-

зования, причем в-п используются и на сторону. Военнопленные помещаются с уплотнением: вентиляция не используется или отсутствует. Палатное и постельное белье в крайнем недостатке. Каждая пара нательного белья используется на 2 военнопленных. Обстоятельство, которое крайне затрудняет санобработку, и снижает ее качество. В результате – наличие вшивости. Дезкамера имеется, но маломощная. Санпропускники имеются в двух отделениях. Кроме того, используется городская баня с хорошей дезкамерой и пропускной способностью до 75 человек. Санитарное состояние удовлетворительное. Лечебная работа хорошо поставлена. Налажена физио- и трудотерапия. Отрицательное явление – перепоручение патоанатомических вскрытий – местному фельдшеру, выполняющему роль судмедэксперта.

СГ № 3426 – смертность отсутствует. Наблюдается несколько случаев дизентерии. На 1.01. 1945 осталось четверо; выздоровело – 10. Распространение инфекции не наблюдается, больные изолированы; необходимые меры профилактики принимаются. Помещения переуплотнены. Положение с постельным бельем как в СГ № 3160. Дезокамера (маломощная) сгорела. Используется городская баня. Вшивость – отдельные случаи. Но отмечены отдельные случаи среди медицинского и обслуживающего персонала (медсестра, санитарка). Наблюдаются случаи простудных заболеваний вследствие того, что больные ходят в городскую баню в тапочках и халатах (она рядом с госпиталем). Сансостояние неудовлетворительное в части уборных. Нечистоты имелись в открытых ямах. Очистка затруднена из-за отсутствия транспорта. Лечебная работа поставлена хорошо. В обоих госпиталях г. Халтурина имеются инфекционные отделения. Как и в СГ № 3160 имеется физио- и трудотерапия.

С патоанатомическим вскрытием дело обстоит так же. Проводятся регулярно, как и в СГ № 3160, конференции врачей и медсестер с использованием больных для демонстраций.

СГ № 1952 – смертность в декабре – 1, в январе вновь прибывший этап дал в первой декаде – 24; во второй – 12 (за счет тяжелых форм дистрофии, по сведениям госпиталя.) Это свидетельствует, если принять большую инфекционную загрязненность последнего этапа, о хорошо поставленной санитарно-эпидемиологической и лечебной работе. Санпропускная система четкая и качественно выдержана. Имеются 3 санпропускника в отделениях, в остальных – ванны комнаты.

Имеется отделение для поступающих больных в госпиталь, где проводится полная обработка, с бритьем всей волосяной растительности.

Имеются инфекционное отделение (2 корпуса), лечебные корпуса, 3 отделение с хорошо поставленным операционным блоком, где работают квалифицированные хирурги, проделавшие ряд серьезных операций. 2 (терапевтическое – 34) для выздоравливающих и, наконец, 4-е отделение – для неврологических больных и нуждающихся в физиотерапии, а также в парафинотерапии.

В лечении применяются новейшие методы.

Госпиталь вооружен рентгенкабинетом и лабораторией. Имеется зубной кабинет. Лучше всех госпиталей этот госпиталь организовал медицинскую учебу: по заранее намеченному плану проводятся врачебные, а также сестринские теоретические конференции как в общегоспитальном масштабе, так и в отделениях. Причем для общегоспитальных подбирается материал более общий и серьезный.

СГ № 3169 – смертность в 4-м квартале 1944 года почти отсутствовала. В январе – резкий скачок смертности – 27 и 25 случаев за первые две декады. По сведениям госпиталя, за счет дистрофии. Ход кривой смертности – типа обычной этапной. С замедленным снижением. Необходимо присматриваться в дальнейшем ввиду инфекционной загрязненности вновь поступившего этапа, давшего такую смертность. Помещения значительно переуплотнены. Вентиляция производится. Госпитальное белье в дефиците. Собственного сандезюла нет. Госпиталь пользуется городской баней. Дезкамера – передвижная, мощность 10 комплектов. Санобработка проводится регулярно. Вшивость была лишь в единичных случаях. С вновь прибывающими этапами увеличивается. Последний этап помещен в один корпус и гарантирован. Проведена полная санобработка, но, очевидно, недостаточная.

Санитарные потребности до последнего времени лимитировались недостатком воды. Сейчас госпиталь воду смог добыть, произведя ремонт водонасосного устройства соседнего бурового колодца. Лечебная работа поставлена вполне удовлетворительно, но нет рентген кабинета и лаборатории. Физио- и трудотерапия применяются в небольшой степени. Для хирургической работы условий нет (возможна лишь малая хирургия).

В системе госпиталей, прикрепленных к лагерю 101, может играть роль госпиталя-приемника для поступающих этапов.

СГ № 1773 – смертность в 1944 году была мала, несмотря на поступающие крупные этапы. Но последний этап дал 18 случаев в январе, по сведениям, за счет дистрофии. Кривая смертности не внушает опасений. Плотность населения в корпусах велика. Госпиталь может быть взят за образец санэпидработы; выделен специальный врач (лаборант), который организует все санэпид-

мероприятия, руководит санобработкой принимаемых этапов и ведет всю санитарную работу в госпитале, являясь санинспектором для отделений и пищеблока. Сыпной тиф, появившийся в прошлом году, был образцово ликвидирован без единого случая внутри госпитального заражения. Лечебная работа поставлена хорошо; хирургическая ограничивается малой хирургией. Рентгенкабинета нет. Питание военнопленных – хорошее. Госпиталь, несмотря на малые размеры, имеет свою хлебопекарню.

СГ № 2074 – смертность за 4-й квартал прошлого года внушает тревогу, т.к. держалась на некоторой своей нормальной высоте. Велика цифра за 2-ю декаду января сего года. Необходимо наблюдать в дальнейшем за уровнем смертности. О медико-санитарном состоянии госпиталя не могу ничего сказать, т.к. командировки туда не имел (в них было отказано).

СГ № 3171 и № 3007 – состояние и основные причины смертности одинаковы и изложены в специальной записке. Разница: СГ № 3171 – лечение больных в отличие от СГ № 3007 проводит и медикаменты для этого находит. Сандезузел используется СГ № 3171 систематически. Санобработки проводятся регулярно и в должные, как правило, сроки. Прибывающие в СГ № 3171 этапы обрабатываются тщательнее, чем в СГ № 3007. Санитарную и лечебно-профилактическую работу по поводу массового распространения дизентерии оба госпиталя не проводят. Принимаемые этапы госпиталя № 3171 размещаются в одном корпусе, СГ № 3007 – в нескольких. Большим санитарно-эпидемиологическим минусом является обычай делить этапы между собой. Он должен быть запрещен и заменен следующим способом: один госпиталь принимает весь этап, а другой дает сдачи из собственного контингента в размере половины прибывшего этапа (или в другом, более удобном, по обстоятельствам). Необходимо отметить, что дрожжи в СГ № 3171 делаются более высококачественно, под контролем лаборатории, чего в других госпиталях нет.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 181.

Краткий обзор о работе ЭГ за 1944 год – 38 стр.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 223.

Акты расследования чрезвычайных происшествий за 1944 – 1945 гг.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 187.

Акты обследования госпиталей за 1944 – 45 гг. – ф. Р-2248, оп. 6, д. 197. История СГ – 3160.

Даты нет. По содержанию документа можно понять, что речь идет о конце 1944 – начале 1945 года.

О недочетах со стороны районных организаций по отношению к спецгоспиталям.

СГ № 3160, № 3426 г. Халтурин. По решению Облисполкома № 1428 от 13.10.44. Халтуринский райисполком обязан был обеспечить госпитали топливом, а также лесоматериалами для постройки зон и нар. Это решение не выполнено. Лесоматериал полностью не предоставлен, благодаря чему зоны и нары не достроены.

Топливо райисполком должен был подвести в течение октября – декабря: 2000 кубометров. Фактически подвезено 420 кубометров.

Райисполком в последнюю очередь обеспечивает госпитали хлебом с пекарни. Зачастую вместо положенных 600 граммов в день выдается 200–400 граммов.

(Местному населению количество выдаваемого на талоны хлеба не превышает, а порой меньше, выдаваемой в госпитале пайки). За первую половину декабря СГ № 3160 не получил 2753 кг хлеба.

СГ № 1773. Станция Быстряги. Со стороны Оричевского маслопрома имеют место случаи несвоевременного отпуска масла по нарядам.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 211

Начальнику УПВИ УНКВД по КО от начальника СГ № 3426

Гмыря, И.О. замначальника старшины Титова.

Сообщаем о гибели двух военнопленных 9.07.1945 года, которые утонули при переправе через реку Вятку при следующих обстоятельствах.

Партия выздоравливающих военнопленных, 22 человека, при 2 вахтерах и руководителе работ в лице коменданта госпиталя была отправлена на сеноуборку. Сеноуборка находится ниже по течению реки Вятки, на противоположном берегу. Во время переправы на лодках, поднялся большой ветер, создавший волны, которые захлестнули одну из лодок. В лодке находились 6 человек военнопленных. Быстро организованная помощь успела подобрать четырех человек. Двое утонули:

Гаас Иозеф Вильгельм – 1909 г. р.

Линтер Герман Альберт – 1919 г. р.

Более подробно – протокол оперуполномоченного при госпитале старшего лейтенанта Смердова.

Гмыря, Титов.

12.09.1945

Акт консультативного осмотра зданий и оборудования ЭГ № 3164.

Рассматривается вопрос о превращении его в госпиталь для туберкулезных больных для репатриированных, численностью 400 человек.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 211

Состояние режима и охраны спец госпиталей Кировской области СГ № 3160, № 3426 – г. Халтурин (Орлов).

1. В данных госпиталях до сего времени не закончено строительство зон из-за отсутствия лесоматериалов.

2. Пропуски в зону госпиталей выдаются не только заместителями начальников по режиму и охране, но и начальниками материального снабжения.

3. Плохо поставлена работа по предотвращению пожаров. Сгорел вещевого склад.

СГ № 3169 станция Фаленки.

1. Оружие хранится без всякого закрытия, в комнате, где проживает вахтерский состав;

2. Занятия с вахтерским составом не проводятся. Плана работы нет;

3. Плохо поставлено противопожарное дело. Пожарного инвентаря нет. Имело возгорание.

СГ № 1952 поселок Оричи.

Не на должной высоте находится бдительность. Как со стороны зам начальника по режиму Николаенко, так и вахтерского состава. Состояние зоны не проверяется. В результате чего 1 ноября 1945 (– ?) года допущен побег двух военнопленных.

СГ № 3171 поселок Рудничный (Ст. Фосфоритная).

1. Не на должной высоте режим. Военнопленные выводятся на работу под охраной медсестер и санитарок.

2. Вопреки существующим указаниям военнопленные выводятся на работы в колхозы.

СГ № 2074 п. Пинюг. Вахтеры проживают не в общежитие, а на квартирах.

Как недостаток по всем госпиталям отмечается, что заместители по режиму не уяснили свои обязанности: не вникают в лечебное дело, не интересуются причинами высокой смертности, заняли положение лица, не отвечающего за состояние госпиталя, вернее, забывая, что они представляют НКВД.

*Начальник отдела военнопленных
лейтенант госбезопасности Аксенов.*

Зацепин, замнач. облздрави.

Начальник отд. ЭГ майор медиц. службы Жислин

На 1.01.1946 в документе значатся спец госпитали: №№ 1773, 1952, 2074, 3169, 3171. Там же имеется протокол совещания начальников госпиталей от 15.06.1946. В качестве демонстрации логики руководителя того времени, определявшего в том числе и условия работы госпиталей, можно привести выступление (нового – ?) руководителя отдела ЭГ при облздраве Золотаревского: «Кстати, о заготовке дров. Имеется постановление ОК ВКП(б) о том, чтобы медработники не направлялись на лесозаготовки. Но каждый начальник госпиталя должен помнить о том, что все должно быть направлено на улучшение качества лечения, и поэтому, если имеются свободные медработники, можно их мобилизовать для пользы дела».

**Совещание начальников госпиталей Кировской области
от 15.06.1946**

Викторов (нач. госпиталя): «С питанием дело обстоит очень плохо: мясо дают в виде копченых хвостов, вымя, голов и т. д. Обращался в соответствующие организации и получил ответ: мяса нет, что есть, то и берите. Представитель Минздрава предложил обращаться прямо в Минторг. Это не помогло.

Крупы однообразные. Овощей нет никаких, кроме картофеля. Подсобное хозяйство есть, но оно приносит только убытки. Колхоз каждый год меняет землю, и заранее подготовить почву, удобрить ее совершенно невозможно. Надо иметь сведения, где будут выделены участки сенокосения. Нет строительных материалов: краски, олифы, стекла, лесоматериалов ... Недостаточно медицинских препаратов и средств. Отвратительно качество хирургического инструмента. Прошли времена, когда обязывались все давать разные организации. Сейчас приходится все просить».

Там же. Лист 25. Итоговое совещание начальников госпиталей области, замполитов, главных хирургов, начмедов, начальников отделений с представителями Минздрава РСФСР во главе с доктором Жуковым Е.К. 25.02.1947.

«... со всей откровенностью надо сказать, что в ваших госпиталях обеспечен хороший. Добросовестный стиль отношения к нуждам инвалидов Великой Отечественной войны, но это в массе».

Вопрос доктора Мышкина: «Меня интересует, есть ли разница в обслуживании госпиталями с другими областями РСФСР?»

Жуков: «Ваша область по количеству госпиталей первая. Работа поставлена хуже, например, в Краснодарском крае. В Воронежской лучше, но там один госпиталь».

В постановлении имеется: «Из 17 машин в госпиталях области 13 едва передвигаются. С запчастями скандал. На всю область дают 1000 рублей для их приобретения. Для машин, как правило, нет даже гаражей... Ликвидировано 25 госпиталей».

Лагерь № 101

(Кайский район) Кайский райуполнаркомзгаг из занаряженных 400 тонн картофеля, 342,5 тонны овощей отоварил 251 тонну картофеля и 315 тонн овощей. Остальное количество отоварить не могут, т.к. в районе больше нет овощей и картофеля. Между тем произведен отпуск картофеля и овощей Кирсинскому заводу, и Омутнинскому металлургическому заводу.

Лейтенант госбезопасности Аксенов

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 140

Директивы и распоряжения НКЗ РСФСР о мероприятиях по борьбе с заболеваниями в СГ и переписка по этим вопросам.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 148а

Сведения о работе эвакогоспиталей Кировской области за период ВОВ. Переписка с ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам формирования новых госпиталей и их передислокации. – 123 стр.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 186

Акты расследования вспышек инфекционных заболеваний и пищевых отравлений. – 292 стр.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 224

Докладные записки о состоянии материально-технического снабжения ЭГ.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 223

Содержит докладные записки, донесения и переписка о чрезвычайных происшествиях в госпиталях Кировской области.

Стр. 150. «Врачебными кадрами Кировская область укомплектована на 70 %, средним медперсоналом – на 80%».

Стр. 151. «В госпиталях № 1952, № 3426 операции остеомиелита проводятся недостаточно радикально, что является одной из причин частых рецидивов».

«Многие начальники госпиталей, загрузив себя хозяйственной работой, совершенно не уделяют внимания лечебному делу.

Ярким примером служит ЭГ в Вахрушах, где трудно разобраться, что там: госпиталь или подсобное хозяйство...»

О медснабжении: «Многие госпитали испытывают острую нужду в перевязочных материалах и наркозе, а это лимитирует количество проведенных операций.

Облздраву необходимо принять меры и обеспечить бесперебойное снабжение ЭГ медикаментами, гипсом, перевязочными материалами, костылями.

Начальникам госпиталей необходимо проверить свои аптеки и посмотреть, что в них имеется. При проверке выясняется затоваривание некоторыми медикаментами, которых в других госпиталях не хватает».

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 107, стр. 42

Приказ

Проект. Дата вытерта

по Кировскому областному отделу здравоохранения

Вследствие недооценки в деле лечения военнопленных, давшее в результате повышенный процент смертности, приказываю:

1. Начальникам СГ № № 3171, 3007, 1773, 1149, 2074, 3947 в корне изменить постановку лечебного дела. Диагностика заболеваний должна быть точной и ясной. Должна ставиться в течение первых 3-6 дней с применением всех диагностических методов обследования (рентген, лабораторный анализ, консультации специалистов). В лечении больных и раненых применять все виды комплексной терапии: переливание крови; внутривенное вливание хлористого кальция, глюкозы и все другие виды химиотерапии; сульфидин, стрептоцид и т. д.

2. Поставить на должную высоту лечебное питание, с какой целью приказываю начальникам госпиталей: командировать диетсестер, шеф-поваров в порядке работающих на местах, на 3-5 дней в г. Киров в распоряжение диетврача ЭГ № 1093 доктора (Рахманчика -?).

3. Уделяя исключительное внимание форме ведения историй болезни, приказываю начальникам медчасти ЭГ вновь проработать вопрос ведения записей в историях болезни, обращая особое внимание на отражение анамнеза и первичного статуса поступающих больных.

4. Главному терапевту доктору Мышкину немедленно командировать для консультаций в спецгоспитали опытных терапевтов и фтизиатров; закрепить их потом за госпиталями в качестве опытных консультантов. Главному терапевту принять на себя функцию постоянного наблюдения лечебного процесса в названных госпиталях.

5. Для постоянной консультативной работы с выездом в названные госпитали прикрепить:

Пергамин (из ЭГ № 3773) к спецгоспиталям № 3007, 3171;

Акимова (из ЭГ № 3154) – СГ № 1773;

Рахманчик (ЭГ № 1093) – СГ № 2074;

Берман (ЭГ № 1433, фтизиатр) – СГ № 2074;

Чуватин (Слободской, тубдиспансер) – СГ № 1149;

Злобина (ЭГШ № 3156) – СГ № 3947.

Фарминспектору тов. Ицкову принять все меры к снабжению медикаментами спецгоспиталей.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 211

Начальник управления 2-го отдела МЭП – 91 майор Эпштейн просит направить в госпитали инструкцию по профилактике паразитирующих тифов. Копию прислать в МЭП – 91. Дата 9.12.43 г. (Непонятно происхождение документа, кем отправлено? Почему во время, когда волна сыпнотифозных больных уже идет на убыль).

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 211

Акт

По приказанию заместителя окружного интенданта Уральского ВО ст. лейтенанта Пивоварова совместно с начальником ПФО Южным, помощником начальника СГ № 1773 Самойленко проверено работа продслужбы и организации питания в спецгоспитале.

1. Учет и отчетность ведутся верно.

2. Продовольствие и овощи хранятся правильно.;

3. Для контроля работы пищеблока ежедневно назначаются дежурные из лиц официального состава.

4. Хлеб, сахар, сливочное масло (30 г. утром. – **Б.К.**) выдаются в отделениях в присутствии дежурных на отделение.

5 .....
...

13. Жалоб на питание от больных нет.

14. Не выдается туалетное мыло.

Выводы: ...2. Помощник начальника госпиталя по материально-техническому снабжению Самойленко Ю.Г., начальник продуктов фуражного склада Юшин, завпродскладом Жевакина, ст. сестра Николаева К.Ф., а также остальной поварской состав знают свое дело и к работе относятся с любовью и аккуратно 3. Пищеблок СГ № 1773 один из лучших в Кировской области. 1.02.44 г.

Стр. 15. График обходов отделений командованием госпиталя № 1773. 1. Начальник госпиталя - Крамник. 2. Начальник медицинской части - Сергеев; 3. Зам начальника по политчасти госпи-

тая – Шкардных. 4. Начальник материальной части госпиталя – Самойленко.

Стр. 16. СГ № 1773. 3.01.44. Госпиталь обслуживается лишь 3 врачами; не обеспечен нательным и постельным бельем, обмундированием, которое имеется не более чем половина или трех четвертей комплекта на койку при износе 60%; Транспорт 6-7 лошадей не обеспечивает потребностей в перевозках, и госпиталь не может своевременно перебрасывать продукты питания, другие грузы из Котельнича, Кирова, Оричей. Недостаточен ассортимент продуктов; дрова завозятся в количестве, не превышающем суточную потребность.

Зам.нач. НКВД КО подпол. Семенов. 13.12.43 г.

Стр. 17. Главное управление эвакогоспиталей НКЗ РСФСР просит начальника управления ЭГ КО провести обследование лечебно-профилактической работы и материально-хозяйственного состояния спецгоспиталей для военнопленных по плану:

1. Состав больных и раненых в СГ.
2. Санитарно-эпидемиологическое состояние госпиталей. И больных в этих госпиталях.
3. Постановка лечебно-профилактической работы в спецгоспиталях.
4. Сроки пребывания военнопленных в госпиталях на лечении, и наличие показаний к пребыванию военнопленных.
5. Организация питания больных и раненых.
6. Кадры и их подготовка.
7. Материально-техническое обеспечение. Материалы представить в ГУЭГ НКЗ СССР.

Бархатов (Должности, звания нет)

Стр. 19. Результаты обследования лечебно-профилактической работы и материально-хозяйственного состояния спец госпиталей для военнопленных (отчет из 7 пунктов. Документ приводится с сокращениями). Сроки пребывания военнопленных в госпиталях и наличие показаний к их госпитализации. «Доставка больных, не нуждающихся в лечении, встречается крайне редко. Выявлены единичные случаи. Выписывание выздоровевших военнопленных из госпиталей крайне затруднительно по следующим причинам:

1. Позднее прибытие представителей из лагерей для отбора.
2. Затруднения при отправке поездами.

Эти обстоятельства задерживают выздоровевших военно-

пленных в госпиталях до 2,5 месяца, что подтверждается актами от 27, 29 января 1944 года. СГ № 1773, СГ № 1149 потеряли 4644 человеко-дня в ожидании отправки в лагерь за 6 месяцев второго полугодия 1943 года.

Основную массу доставленных военнопленных составляли больные алиментарной дистрофией. В этой группе больных необходимо учесть значительное число случаев нераспознанного туберкулеза легких. Особенно в госпиталях, не имеющих рентгеновских установок. И меньшее число дистрофии в комбинации с гиповитаминозами.

Необходимо отметить, что прибывшие военнопленные в тяжелом состоянии умирали в первые дни. В основном страдающие алиментарной дистрофией и далеко зашедшими формами туберкулеза легких. Такие больные продолжают встречаться. Например, партия военнопленных, прибывшая в СГ № 2074 в начале февраля 1944 года. Правильное в основном лечение страдающих дистрофией в ряде СГ нарушается. Отсутствуют возможности построения режима питания, богатого витаминами, белками, постепенным увеличением калорийности. Все же процент летальности во втором полугодии 1943 года упал с 31,1 до 6,6%».

Стр. 21. Все спецгоспитали имеют прикрепленных и регулярно посещающих консультантов-фтизиатров. СГ № 3007 и СГ № 3171 Пергамин (спец стаж 20 лет), СГ № 1149 Чуватин – 15 лет; СГ № 1773, 3947 – Мышкин – 18 лет стажа.

Кадры и их подготовка. Врачебных кадров явно не хватает. Привлечение врачей из военнопленных сглаживает нехватку, но все – таки остается напряжение. Несмотря на малое обеспечение средним медперсоналом, недостаток сестринского состава ощущается не столь остро благодаря четкой организации ухода за тяжело-больными силами военнопленных. Уделяется большое внимание организации сестринских и врачебных конференций по трудным вопросам медицинского характера. Особенно в СГ № 3171, СГ № 3007. По основным вопросам терапии проводятся семинары-декадни в Кирове, Горьком. Старший инспектор отдела ЭГ при облздраве Пивоваров, инспектор УНКВД по делам ВП Иваницкий, дают консультации. Главный терапевт области Мышкин проводит консультации, разбор больных, дает инструкции.

Материально-техническое обеспечение. Отсутствие рентгеновских аппаратов (СГ № № 1773, 3947). Отсутствует лабораторное оборудование (СГ № 3947). Не хватает 5 аппаратов для наложения искусственного пневмоторекса. Недостаточно шприцов «Рекорд» и игл к ним. Не хватает грелок, колпаков для льда.

Совершенно нетерпимо положение с бельем (нательное и постельное белье пришло в негодность, кроме того, едва дотягивает до 1 комплекта. Наволочки и простыни – 1,5 комплекта. Одежда – 1 комплект. В трех спецгоспиталях имеются годные к эксплуатации автомобили (СГ №№ 3171, 1149, 2074). Острый недостаток конского транспорта (в СГ № 3947 больные доставляются за 50 км; продукты – 85 км. СГ № 1149 из 14 необходимых лошадей имеет 4. Больные из Слободского, доставляются за 45 км, продукты – за 75 км).

ГАСПИ, ф. 1290, оп. 9, д. 38

Из ЭГ № 3339 г. Кирса, находящегося вблизи п. Рудничный.

Письмо написано 16 апреля 1943 года. Под грифом «Секретно» копия письма хранилась до нашего времени вместе с политдонесениями замполитов и перепиской обкома ВКП(б) по вопросам жизни госпиталей.

«Дорогой наш и мудрый вождь народов, товарищ Сталин!

Прошу Вашего внимания и помощи. Мы, бойцы с Ленинградского фронта, находясь на излечении ран в госпитале, где начальником товарищ Гапонов, помощником товарищ Бутман, сильно раздражены и обеспокоены. Лечат нас очень плохо. Питание плохое. Песку или сахару, сливочное масло или жиров мы не кушаем с 28 марта и по сие время. На вопрос нам отвечают, что нет и неизвестно когда будет.

И вот недавно мы узнали, что в соседнем госпитале, где лечатся раненые проклятые немецкие изверги, душегубы наших детей, отцов, матерей, получают еще суточные 0,5 кг хлеба, масло, сахар, молоко. А мы, защитники Родины, потерявшие в борьбе свою силу и кровь, получаем 0,6 кг хлеба, пшеничную кашу и горькую черную капусту.

Мы считаем, что здесь есть вредительство. Местная коммунистическая ячейка работает плохо. Шефы, школьники, дети мне рассказывали, что тут процветает антисемитизм над эвакуированными людьми. Им вслед кричат: «Голодай! Скелеты» и прочие злые иронии. Эх, как жаль, что в этих местах не прокатилась волна войны. Пусть бы проклятые кулаки, и спекулянты испробовали ее. Местная партийная организация на все смотрит сквозь пальцы.

Очень прошу Вас, дорогой наш товарищ Сталин, подсобрать наладить жизнь в местечке».

Кировская область, Омутнинский район, местечко Кирс. Эвагоспиталь № 3339 палата 3.

Раненый боец Шуралев Василий Михайлович».

Письмо завизировано старшим помощником начальника приемной НКО майором Пашенцевым 05. 1943 года.

Кировский обком ВКП(б) командирует в Кирс старшего лейтенанта Крыловича для проверки жалобы бойца, изложенной в письме.

Акт проверки Крыловича заверен Секретарем ОК ВКП(б) Лукьяновым.

Ответ в Приемную НКО шлет секретарь ОК ВКП(б) Березин.
«Тов. Бондареву

По письму бойца Шуралева установлено:

1. В период март–май 1943 года действительно перебои в снабжении питанием были.

Масло не выдавалось 31 марта – 17 апреля, 11–19 мая.

Сахар 9–27 апреля.

Указанные продукты отсутствовали на складах НКО.

В настоящее время жалоб раненых на плохое питание нет.

2. В части лечения и обслуживания ран, больных отзывы положительные.

3. По вопросу антисемитизма установлен единственный случай недружелюбного отношения к эвакуированным со стороны отдельных местных граждан, что отразилось на поведении и взаимоотношениях среди детей.

Например, был случай в начале 1943 года. Один из учащихся школы № 5 обозвал учительницу еврейкой, в связи с чем проведено разъяснение.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 148а

Стр. 27. Список СГ Кировской области по состоянию на 1.01.44г. с числом штатных и развернутых коек.

№ п. п	№ СГ	Штатных	Развернутых
1.	1952	700	700
2.	3169	500	400
3.	3160	800	800
4.	3426	500	500
5.	1773	600	600
6.	3007	1500	1500
7.	3171	1500	1500
8.	3947	500	500
9.	3161	500	500
10.	1149	1200	1200
11.	2074	1000 ...	

СГ № 3171. Начальнику госпиталя Брагинской И.Я. от зам. начальника УНКВД КО подполковника Семенова. 2.01.44.

При анализе количества больных военнопленных, поступающих в спецгоспитали и выписанных в лагеря, бросается в глаза отставание вашего госпиталя от других. Восстановили трудоспособность и направили в лагеря спецгоспитали СГ № 1149 – 60,9% поступивших; СГ № 3007 – 38,9%; СГ № 1773 – 49%; ваш СГ № 3 171 – 23,1%.

Очень жаль, что нет ответного письма Иды Яковлевны, которое могло бы рассказать и дополнить все изъяны организации транспортировки, приема, лечения, питания и содержания военнопленных, которые от нее не зависели. Как пример, объясняющий всю сложность событий, существовавшей неразберихи в организации приема военнопленных, находим.

Стр. 31 этого же дела. От Брагинской Савельеву, Жислину. 10.06.44. «...213 военнопленных, прибывших 2.04.44 г. без номерной санлетучкой, следовавшей из сортировочного эвакогоспиталя № 398 г. Киева, в сопровождении медсестры Карма новой, она же начальник санлетучки, прибыли. Все чрезвычайно завшивленные; лихорадящих больных с высокой температурой не было. 10–11 апреля появилась высокая температура у 45 военнопленных. 17.04 установлено клиническое заболевание (форма № 4) у 6 человек, у 40 человек подозрительных, и, очевидно, клинический диагноз тот же. Сыворотка крови 7 человек послана в ближайшую лабораторию для исследования на реакцию Вейль–Феликса. Все лихорадящие с явными признаками изолированы в отдельную палату. Из изложенных сведений, очевидно, что большинство больных прибыло в состоянии инкубационной формы № 4. Корпус и отделение карантинаны. Издан приказ по госпиталю о мероприятиях по борьбе с распространением заболевания в другие корпуса госпиталя и населению поселка. Мероприятия по корпусу: 2 дня активной борьбы со вшивостью; на второй и третий день провели вторичную санобработку всех больных со сменой постельного и нательного белья; ежедневный осмотр «В»; поголовное бритье всей кожи, вплоть до нижних и верхних конечностей и бровей; все белье обработано горячим утюгом; кожа каждого обработана антившином; персонал принял антисыпнотифозные прививки. Работает в специальных комбинезонах и остается в палатах и подвергается регулярной санобработке; переболевших сыпным тифом медсотрудников в госпитале нет, и заменить медперсонал данного корпуса не представляется возможным. Стационар для изоляции заболевших сотрудников в случае их болезни, готов. Госпиталь испытывает острую нужду:

1. Вакцине Кремновской для ревакцинации и вакцинации новых работников, которой отпущено всего 50 куб. см.

2. В керосине, который входит в состав антившина. Наряды на керосин не выполнялись в течении последних 6 месяцев.

3. В уксусной кислоте, которая растворяет оболочку вшей.

4. В мыле «К».

5. В камфарном масле для подкожных инфекций.

6. В сульфидине.

Капитан медслужбы Брагинская.

Акт от 17.01.44

Составлен начальником ПРИ УНКВД КО майором Иванициким, Врачом отдела ЭГ облздрава Хватовым: «В том, что ознакомившись с помещениями:

СГ № 3007 в п. Рудничный, принимая во внимание площадь 1760 кв. метра, объем 680 кубометров, учитывая, что в поселке площадь увеличена быть не может, комиссия считает, что разместить более 1200 больных военнопленных не может;

СГ № 1773 – не более 450 больных (объем – 2110 кубометров, площадь – 688 кв. метров);

СГ № 1149 – не более 800 больных (3460 кубометров, 880 кв. метров);

СГ № 3171 – не более 1200 (4746 куб. м, 3560 кв. метров);

СГ № 2074 – не более 1000 больных (4680 куб. м, 1604 кв. метра);

СГ № 3947 – не более 500 больных (2516 куб. м, 625 кв. метра).

Заведующий делопроизводством – Изергин. В деле нет ходатайства зам. начальника управления эвакогоспиталей НКЗ РСФСР полковника медицинской службы Резника председателю Кировского облисполкома.

Отдел эвакогоспиталей Кировского облздрава сообщает в НКЗ РСФСР, что вопрос о транспорте госпиталю № 1149 обсуждался в облисполкоме. При больших транспортных нагрузках госпиталю мобилизуются лошади из Слободского и Белохолуницкого районов. Кроме того, госпиталю дополнительно занаряжено 4 лошади. 21.02.44.

Стр. 29. Документ № 0033 от 2.02.44.

1. Поступления военнопленных в январе не было.

2. Врачебные консультации средний медперсонал выполняет хорошо.

3. Рентгенокабинет работает с полной нагрузкой. Обследование проводится поголовное, всех; лабораторных обследований достаточно.

4. Дрожжевое питание налажено и проводится всем больным с 1.01.44.

5. Задерживается выписка военнопленных по причинам отсутствия конвоя и вагонов.

6. Врачей достаточно из-за неполной загрузки госпиталя контингентом.

7. Медикаментами обеспечены полностью.

8. Продовольствия недостаточный ассортимент из-за отсутствия необходимого транспорта, дальности до Кирова.

9. Проводится ежедневный осмотр на вшивость. Она все еще встречается.

10. Патологоанатомирование производится.

Капитан медслужбы Горшков.

СГ № 3007. Отдел оперативными делами НКВД.

Совершенно секретно.

Начальнику отдела эвакогоспиталей при облздраве Савельеву. 23.02.44 г. Начальнику ЭП-22 Жислину. «Отмечаются случаи выдачи пищи, не отвечающей требованиям калорийности и объема. Начальник госпиталя не ведет борьбу с расхитителями продуктов питания на кухне НКО, а наоборот, поощряет. Так, в конце января 1944 года он заявил начальнику 5-го отделения Сабуровой: «Медперсонал может кушать на кухне военнопленных, но об этом не должны знать». 11.02.44 г. на совещании дежурных по кухне Морозов дал установку, что на кухне работники госпиталя могут кушать сколько угодно, но нельзя выносить пищу с кухни. Заведующему Рудниковской больницы Салманову выписал 1,5 литра спирта...

Больные дистрофией залеживаются и не выздоравливают. В январе 1944 г. выписано к отправке в лагерь – 48 вп. В декабре 1943 г. – 110 вп.

Стр. 37. СГ № 1147. Март 1944 г. Документ № 0055

Совершенно секретно.

На 1.03.44 в госпитале находится 261 военнопленный. Из них (40 – цифра не пропечатана. – **Б.К.**) человек здоровы. Отправка задерживается из-за транспорта. В феврале поступлений не было. Выздоровляющих 150. Умерли 3 военнопленных от туберкулеза легких. Врачей - 6. По штату должно быть - 15. Медсотрудников из военнопленных четверо: зубной врач, врач лечебной физкультуры, двое фельдшеров. Диетическое питание применяется, но недостаточно. Два месяца не имеем овощей. МЭП-22 дал наряд на получение помидор на месте, но их тут нет.

Другими овощами местные организации не заменяют. Все недостающие продукты заменяются мукой. В феврале до 15 военнопленных диагностированы дистрофией. Госпиталь имеет 4 лошадей, из которых одна жеребая последним месяцем. Получить лошадь для нужд от районных организаций – событие. Дрожжи изготавливаем в госпитале и используются на всех. В настоящее время имеются продукты: мука белая, комбиджир, растительное масло, сухие фрукты, крупа. Овощей нет, мясо с перебоями. Молока нет. Количество туберкулезных хотя и медленно, но увеличивается. Противотифозных прививок не проводится, так как нет прививочного материала. Вшивости среди военнопленных нет.

Документ 179-с от 15. 05.44.

НКЗ РСФСР отдел эвакогоспиталей. Главному терапевту, профессору Батытькес С.С. Отдел ЭГ КО препровождает копию акта работы комиссии от 20–28.04.44 по эпидемической вспышке сыпного тифа в СГ № 3007, СГ № 3171.

15.05.44. Телеграмма начальнику отдела ЭГ ЭП- 22 Жислину.
Первого мая с.г. прием вп не должен производиться, т.к. СГ № 3007 находится под карантином, по поводу сыпного тифа.

Зам начальника УНКВД КО полковник милиции Наймушин.

Стр. 58 от 26.05.1944 г. От начальника СГ № 3007 Морозова. Зам. начальника ЭП-22, Жислину, Зам. начальника УНКВД КО Семенову. Докладная записка.

Контингент 1300 военнопленных обслуживается шестью врачами. Нет квалифицированного фтизиатра. Нет аппарата для наложения пневмоторекса.

7.06.44. Недочеты в организации лечебной работы в СГ № 3007, СГ № 3171. (Документ отличается крайне непрезентабельным состоянием, малоразборчивым почерком. По стилю письма, документ похож на изложение и подход к обследованию Мышкина. – Б.К.).

1. Основной контингент вверенных Вам госпиталей страдает дистрофией 2 и 3 степени. Тяжелое основное заболевание отвлекает внимание врачей от почти 100% комбинации витаминной недостаточности. Наибольший % падает на витаминную недостаточность, и если Вы учтете это заболевание, то надо предполагать, что энтероколиты, являющиеся основными причинами, ведущими к смерти, будут протекать в известном проценте случаев значительно неблагоприятными.

- Обратить внимание на количество лабораторных исследований. Увеличить количество средних лаборантов.
- Необходимо снабдить военнопленных, работающих в лесу, отварной водой.
- Тяжелых больных выделить в отдельные палаты.
- Фарминспектора Ицкову выделить и снабдить сульфидинными препаратами.

Стр. 60. Докладная. От начальника СГ № 1149 Горшкова Андрея Васильевича.

25.06.44 на станцию Слободской прибыл эшелон с 236 военнопленными для размещения в СГ № 1149. Командование госпиталя получило сообщение о прибытии партии военнопленных лишь через несколько часов. Из госпиталя выехала бригада врачей, которая прибыла в Слободской вечером 26.06 и сразу прибыла к приему. Условия (отдаленность – 45 км, отсутствие транспорта) задержали транспортировку больных, что привело к ухудшению состояния и без того тяжелых, ослабленных военнопленных. Транспортировка началась 28.06. За первые сутки в ожидании транспортировки умерли 4 военнопленных, за вторые – 3. Трое умерли в первые часы прибытия в госпиталь. У всех умерших дистрофия 3 степени. Среди прибывших здоровых нашлось 7 человек из 40 военнопленных, направлявшихся в лагерь № 101. Распоряжением УНКВД КО эту группу приняли в СГ № 1149. У большинства военнопленных дистрофия наблюдается с авитаминозами и скорбутом 2 и 3 степени. Среди дистрофичных много температурающих и подозрительных на туберкулез легких. Те же состояния больных требуют срочных мер к повышению эффективности лечения и снижения смертности, а госпиталь не располагает такими возможностями и средствами...

Стр. 63-64. Документ № 255 от 29.07.1944. «Камфарное масло, глюкоза, хлористый кальций, аскорбиновая кислота отправлены из Москвы и будут отправлены в СГ № № 3007, 3171. За второй квартал СГ № 3171 получил 1000 пар нательного белья, 250 пар наволочек, 250 простыней, 100 полотенец, 60 медицинских халатов. СГ № 3007 получил 800 пар нательного белья, 250 пар наволочек, 20 медицинских халатов. В третьем квартале ожидается поступление дополнительной партии белья и обмундирования. Поставки осуществлены в связи с требованием УПВИ НКВД СССР от 20 июня 1944 года № 28 дробь 4 дробь 13217: «Принять меры против смертности», предъявленным заведующему Кировским облздравом начальнику областным отделом УНКВД.

Стр. 66. В ответ на запрос НКВД СССР: «Доктора Зимина (рентгенолога СГ № 2074) переводят в Рудничный».

Стр. 69. От 22.08.1944. Начальникам госпиталей №№ 3169, 1952, 3426, 3160, 3007, 3171, 2074, 1773. «Примите неуклонным руководством к действию директивное письмо замнаркома НКЗ РСФСР Миловидова от 26.06 о своевременной выписке, работе госпитальных комиссий, запрещении использования выздоровевших военнопленных. Зам. начальника лечебного сектора отдела эвакогоспиталей Вишневецкий.

Стр. 104. Остатки продуктов СГ № 3426 на 1.09.1944.

1. Мясо.
2. Консервы.
3. Рыба.
4. Комбижир.
5. Лапша.
6. Сахар.
7. Чай прессованый.
8. Чай байховый.

С подсобного хозяйства:

1. Картофель.
2. Капуста.
3. Свекла.
4. Репа.
5. Турнепс.
6. Крупа.
7. Зерно.

Шахнаронин.

ГАКО, ф. Р-2248, д. 187, оп. 6, стр. 53

Доклад на совещании начальников и зам. начальников госпиталей по политчасти 25.07.1944 года. За первую половину 1944 года госпитали области пропустили более 45 тысяч раненых и больных. Из них вернулись в строй 49,3% при смертности 1,4%. Однако этот процент ниже общеокружного. Причем выписка в строй из месяца в месяц снижается. Контингент поступает все более тяжелый.

Кадры: Врачебными кадрами КО укомплектована на 70%, (средним - ?) медперсоналом – на 80%. Среди врачей имеются высококвалифицированные специалисты. Недостатком является неравномерность распределения кадров среди ЭГ без учета профиля и тяжести контингента раненых. Некоторые госпитали имеют по два хирурга, которые могут самостоятельно работать,

а другие госпитали таких специалистов не имеют вовсе. Недостаток квалифицированных хирургов, рентгенологов, лаборантов-врачей, руководителей лечебной физкультуры.

В пункте об организации лечебного процесса в ЭГ отмечается только ЭГ № 3196, № 3426 в связи с несвоевременностью обследования больных ведущими специалистами.

Медицинское снабжение. Некоторые госпитали испытывают крайнюю нужду в перевязочных материалах, наркозе, что лимитирует количество операций. В некоторых аптеках при проверке выявляются залежи медикаментов, в которых другие госпитали крайне нуждаются.

В двух корпусах Фаленского госпиталя № 3169 не отремонтированы полы из-за отсутствия пиломатериала и гвоздей.

СГ № 1952 построил 2 пищеблока, овощехранилище на 120 тонн овощей и картофеля, кузницу, столовую для личного состава. (Кажется, докладчик перепутал номер госпиталя. Все это же было построено в ЭГ № 1773. – **Б.К.**).

Материальное обеспечение госпиталей в 1945 году почти прекратилось. Особенно остро ощущается недостаток тапок и одежды для прогулок, спецодежды для персонала. Крайне нуждаются в промтоварах врачи, медсестры и другие работники госпиталей, в свое время мобилизованные из фронтовых районов и зон оккупации. В 1945 году им не выделено ни одного талона на промышленные товары.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 148а, стр. 166

Документ постановления облсовета от 27.07.44 «О свертывании СГ №№ 1149 и 3947 и о передислокации их в другие области» согласно «Распоряжению СНК СССР № 15054 от 21.07.44», «Ведомости загрузки госпиталей за октябрь–декабрь 1944г.»

Среднее число военнопленных по спецгоспиталям на декабрь 1944 г.

СГ № №	Расчетное число в/п	Фактическое число в/в
1773	(600)	707
2074	(1000)	1436
3007	(1500)	1334
3171	(1500)	1564
3160	(1600)	1623
3426	(1200)	1171
1952	(1200)	1145
3169	(1000)	826

**Решение Исполнительного комитета
Кировского областного Совета депутатов трудящихся.
№ 1428-с 13 октября 1944 года**

О неотложной помощи эвакуогоспиталям в подготовке к зиме.

1. Обязать председателя Оричевского райсовета тов. Зорина:
а) до 1.01.1945 года вывести топлива на двор госпиталя № 1773 – 15000 куб м, в том числе в октябре 1000 куб. м; к 1 марта 1945 вывести дров госпиталю № 1952 – 15000 кубометров.

б) До 15.11.1944 выделить эвакуогоспиталю № 1773 из колхозов района двух бычков, доля использования их на тягле; обязать председателя исполкома Халтуринского райсовета тов. Сердитова:

– до 1.01.1945 вывезти топлива на двор госпиталя № 3426 – 1500 куб м дров. В том числе в октябре - 600 куб. м; СГ № 3160 – 2000 куб м. В том числе в октябре 600 куб. м. К 1 марта 1945 вывезти дров эвакуогоспиталю № 3426 – 2000 куб. м, СГ № 3160 – 1500 куб. м.

– В 4-м квартале 1944 года изготовить и продать валенок сотрудникам ЭГ № 3426 – 20 пар, № 3160 – 30 пар.

2. 15.11.1944 обеспечить работников ЭГ № 3160 квартирами.

3. Обязать председателя исполкома Кайского райсовета тов. Куликова до 1.01.1945 г. вывезти дров ЭГ № 2074 - 2000 куб. м. В том числе в октябре 600 куб. метров; госпиталю № 3171 – 3500 куб. м, в том числе в октябре – 1000 куб. м.

4. Обязать председателя исполкома Фаленского райсовета тов. Урванцева:

а) до 1.01.1945 вывезти дров на двор ЭГ № 3169 – 3400 куб. м, в октябре – 500 куб. м;

б) в 4 квартале 1944 года оказать помощь ЭГ № 3169 в приобретении 5 бычков для использования их на тягле;

в) изготовить и продать в 4-м квартале сотрудникам ЭГ № 3169 200 пар валенок.

5. Обязать начальника ЭГ № 31690, тов. Шепилова силами госпиталя в октябре заготовить пней 1000 куб. м плотных.

6. Предложить управлению Кировской конторой Рорснабсбыта тов. Рубочкину к 20.10.1944 продать облздравотделу для эвакуогоспиталей:

а) фанеры: № 1773 – 30 листов и т. д., всем СГ;

б) всяких замков – 400, в том числе по госпиталям;

в) колодок – 500 штук;

г) лопат железных – 500 шт.;

д) автокамер – 50 штук;

е) подков 230 шт.; подковных гвоздей – 5 кг. В том числе СГ (каждому госпиталю нормировано подков и гвоздей по штукам и кг).

7. Обязать тов. Брюхову (облплан) в 4-м квартале 1944 года предусмотреть отпуск отходов кожи для выработки и ремонта в госпиталях обуви.

*Председатель исполкома облсовета Курин.
Секретарь исполкома Теплов.*

Стр. 52-55. Акт. Врача Кудрина об обследовании эпидемии сыпного тифа в СГ № 3171 за период 8-13 мая 1944 года. Больных 1123. Больных дистрофией 2-й степени 192, третьей степени – 89, первой степени – 396. Перенесли тиф 680 (?). Из них с поносами – 104. За указанный период заболели 111 человек, из которых умерли 42. Случаев болезней обслуживающего персонала и в других корпусах не было. Отмечается атипичность течения сыпного тифа, у 50% больных. Контингент 213 военнопленных поступил из госпиталя № 398 г. Киева. Партия находилась в пути 1,5 месяца. Военнослужащие пленены в марте в районе Корсунь-Шевченковский. Состоит из немцев, румын, венгров. Большинство немцев.

*Начальнику МЭП-22 полковнику медицинской службы
Барунину, от Жислина 14. 10. 1944.*

Сообщаю, что в ответ на мою шифрограмму на имя наркома НКЗ, о возможности приема прибывшей санлетучки № 460 с военнопленными мной получено 13. 10. 44 указание замнаркома здравоохранения г-м м -с Миловидова о запрещении размещения военнопленных в общих госпиталях Кирова: «Категорически запретить». (Телеграмма).

Стр. 77. 20. 10. 1944. Обследование спецгоспиталей Кировской области, произведенное УПВИ, установило, что начальники СГ №№ 3007, 3171, Морозов, Брагинская, задерживают военнопленных для выполнения хозяйственных работ. Впредь разрешаю: использовать военнопленных для выполнения хозяйственных работ в госпитале только лишь по разрешению УНКВД области, исходя из конкретных потребностей госпиталя в рабочей силе; привлекать военнопленных лишь для выполнения следующих работ: заготовка топлива, ремонт зданий, ремонт одежды и обуви в мастерских госпиталей, в пищеблоках и санитарами; военнопленные могут привлекаться для работ в подсобном хозяйстве; военнопленные из числа выздоровевших могут привлекаться к хозработам и в качестве санитаров не более как на два месяца с последующей их заменой другими выздоровевшими, за исключением поварского состава, сапожников, и портных.

(Документ издан на основе М-1905с НКЗ РСФСР от 6. 10. 1944).

Стр. 96. Акт От 25.10.44 № 360.

4.10.44 года в 1 час 30 мин. в 3-м корпусе СГ № 3007, где располагались 150 военнопленных, возник пожар. Пожар начался с кладовки, где находились соломенные матрацы и белье. Сгорели белье, халаты, одеяла. В корпусе размещалось 300 штатных коек. Осталось 150. Жертв от пожара не было. Все больные эвакуированы на пригоспитальную площадь. Противопожарных мероприятий было достаточно. Но, учитывая, что в корпусе находились соломенные матрацы, огонь распространился мгновенно, проник под крышу. Затем через финскую стружку проник и быстро охватил весь верхний этаж. Пожарная команда и сотрудники спасли второй корпус, находящийся в 50-70 метрах. В этот день проходила санобработка. Военнопленные носили прохлопывать соломенные матрацы. Предполагается, что кто-то из них уронил искру от папиросы. Уничтожено 75% здания.

Начальник госпиталя Морозов.

Акт о факте прибытия нетранспортабельных, инфицированных, тяжелобольных военнопленных от 25.10.44 в СГ № 3007 составлен Морозовым, фельдшером Островской, сопровождавшей военнопленных, замполитом СГ № 3007, капитаном Эпштейном, начальником медсанчасти Благовещенским, зам. начальника по режиму Дементьевым. Имеется приписка: «Ставлю Вас в известность, прошу дать указания лагерям о недопустимости транспортирования таких больных в эвакогоспитали Кировской области».

Помимо вышеуказанного документа, начальник госпиталя Морозов обращается к зам. начальника отдела госпиталей МЭП-22, Жислину. «Такую практику отправления военнопленных надо считать, безусловно, порочной, противопоставленной всяким санитарным условиям и нормам, противоречащей санитарным установкам НКЗ. Кроме того, прием таких больных увеличивает процент смертности в госпитале. В аналогичном состоянии доставлена партия в 200 военнопленных из лагеря № 252 из города Бежица 29.09.44. Прошу вмешательства и указания лагерям о недопустимости подобной практики транспортировки крайне тяжелых, безнадежно больных, которым наше медицинское вмешательство не может дать эффекта».

Стр. 109. Начальник спецгоспиталя № 1773 Бронштейн докладывает облздраву, что 14.11.1944 года в госпиталь поступил больной сифилисом. Ввиду перегруженности госпиталя, отсутствия венеролога вопрос лечения и изоляции вырастает в проблему.

Стр. 111. Секретарю Кировского обкома ВКП(б) Березину. Согласно Вашему запросу, для устранения недостатков в лечебной работе СГ № 3007 начальник Морозов сообщает.

1. Врачи достаточно освоили лечение дистрофии теоретически и практически.

2. Дневники на тяжелобольных заполняются на 3-4 день. Врачам дано указание о тщательном заполнении дневников.

3. Санитарное состояние корпусов в удовлетворительном состоянии. Мыло выдается больным ежемесячно.

Зам. начальника отдела ЭГ Кировского облздрава Пергамин.

Стр. 113. Докладная в НКЗ РСФСР от зам. начальника отдела ЭГ ЭП-22 Жислина.

12.12.44. За последнее время в спецгоспиталях Кировской области задерживается выписка выздоровевших военнопленных ввиду отсутствия обмундирования. СГ № 3160 - 800 военнопленных; СГ № 3426 - 586 военнопленных выздоровели и прошли госпитальную комиссию. Отсутствие в госпиталях теплой одежды, запрещение пользоваться своей одеждой военнопленных во время пребывания в госпитале не дает возможности использовать трудоспособных военнопленных на работах по обслуживанию госпиталей. Просим Вашего ходатайства перед НКВД РСФСР.

Стр. 115. Докладная в НКЗ РСФСР от Жислина. 28.12.44 г. № 433 с.

По состоянию на 26.12.44 года в госпиталях Кировской области скопилось 3128 выздоровевших военнопленных. Выписка задерживается из-за отсутствия обмундирования.

Стр. 116. Выздоровевших военнопленных по спецгоспиталям: № 1773 - 336; № 2074 - 59; № 3007 - нет; № 3171 - 59; № 3160 - 967; № 3426 - 709; № 1952 - 556; № 3169 - 442 военнопленных. Всего - 3128 военнопленных.

Стр. 117. Докладная в отдел ЭГ ЭП-22 от начальника СГ № 1952 Марченко. Скопилось 560 выздоровевших военнопленных из-за отсутствия обмундирования. За весь период нахождения военнопленных в госпитале здоровыми проведено 34756 койко-дней. Поэтому госпиталю пришлось наполовину нести чужую, не предназначенную ему функцию.

Стр. 124. Строго секретно. Начальнику госпиталя № 3007 Морозову (с. Волосница, Кайского района). Зам. начальника отдела ЭГ при ЭП-22 Жислину. Начальнику УНКВД КО Барынину.

По имеющимся в распоряжении УНКВД сведениям, в СГ № 3007 неблагополучно с трудовой дисциплиной, имеется засоренность аппарата.

1. Начальник ОВС Абрамов и комендант госпиталя Горшков систематически занимаются пьянством; 24.09 они устроили коллективную пьянку в общежитии медсестер, где учинили между собой драку. На службу явились нетрезвыми и свои обязанности в течение дня выполняли плохо.

2. Зав.вещевым складом Андреев (Абрамов) в прошлом судим.

3. Работница швейной мастерской, где работают военнопленные, Зернова – спецпереселенка.

4. У санитарки 5-го отделения Стегманис муж осужден за контрреволюцию.

Зам. начальника УНКВД КО, подполковник ГБ Николаенко.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 140

«Директивные распоряжения по НКЗ РСФСР, по борьбе с заболеваниями в спец госпиталях. 25.12.43 – 23.12.44 гг.»

Ответом на данный документ является объяснительная, написанная замполитом СГ № 3007 Эпштейном. Абрамов – действительно отмечаются факты пьянок. Командование госпиталя принимает меры к замене, но пока подходящей кандидатуры нет. Горшков – бывший комендант. Уволен в ноябре 1944 года. Андреев – заведующий вещевым складом госпиталя. Инвалид ВОВ. Замечаний в части хранения материальных ценностей нет. Зернова – освобождена от работы в швейной мастерской в сентябре 1944 года. Сейчас работает в столовой. Стегманис – муж действительно осужден, пребывает срок в Вятлаг. Приглашена на работу с согласия бывшего оперуполномоченного НКВД при госпитале Касаткина. Замечаний не имела.

Некоторой демонстрацией нравов, свойственных определенному кругу проверяющих спецгоспитали деятелей, может служить письмо-заявление Брагинской И.Я. по поводу дебоша, устроенного оперуполномоченным СГ № 3171 Рындиным в 1945 году.

Еще одним примером может служить рапорт от замполита СГ № 3171 Гарцмана в адрес начальника ЭП-22 Горинштейна. Речь идет об инспекторе штаба Урал ВО, капитане Пивоварове. Приехав в Рудничный, инспектор сдал в мастерскую госпиталя № 3171 на ремонт шинель, ботинки, дамские туфли. По каким-то причинам забрать отремонтированные вещи захотел в выходной день, представившись полковником. Зав. мастерской Петрова отказалась выполнить не просьбу, а требование незнакомого человека. Пивоваров перешел на крик: «Я вам приказываю немедленно вызвать на дежурство канцелярского работника, или вы у меня будете дежурить сами». Затем он потребовал от дежурного по госпиталю замполита Гарцмана вызвать начальника и заместителя по материальной части. Замполит

отказался. Вновь крик: «У меня в области 40 замполитов, и они быстро срываются с места, когда Пивоваров этого захочет».

Документ может служить примером подхода к проверкам госпиталей, которые считали для себя обязанностью организовать военные и гражданские ведомства всех уровней от местного военкомата, райкома ВКП (б), областной власти, штаба округа и так далее.

ГАКО, ф. 2248, оп. 6, д. 224

13.12.1945 года.

Заведующему Облздравом Куваеву из УНКВД КО.

Морозов извещает отел по делам военнопленных и интернированных Кировской области о сокращении контингента в госпитале по причине поражения одного из корпусов грибком и выхода из строя 4-го корпуса вследствие пожара. Управление НКВД Кировской области требует от заведующего облздравом Куваева, чтобы он принял меры к Морозову и заставил его вернуть численность контингента больных военнопленных в госпитале к прежнему числу, так как спецгоспиталь будет загружаться ГУППВИ НКВД СССР полностью в соответствии с установленными для каждого госпиталя лимитами.

Документ подписан начальником ОПВИ НКВД КО Гельфенбейном.

17.12.1945 г. Морозову приходит телеграмма от Куваева. «Прибудьте в Киров 21.12.1945 года».

Секретно. Начальнику госпиталя № 3007 Морозову.

25.12.1945 года.

По имеющимся сведениям, по вашему госпиталю произведено сокращение коечного фонда до 700 мест вместо 1500. Якобы вследствие поражения одного из зданий госпиталя грибком, а также выхода из строя 4-го корпуса, сгоревшего в октябре 1944 года. Примите срочные и решительные меры к восстановлению коечного фонда, так как госпиталь будет загружен полностью. О принятых мерах срочно доложите.

Заведующий Кировским облздравом Куваев.

Стр. 75, 80 данного дела сообщают об организации госпиталей для репатриантов на базе ЭГ № 3156 в Свече, № 3165 в Шабалино, № 1733 в Кирове с числом мест первоначально 1400, затем 1850.

Стр. 49. Акт (даты нет. - Б.К.).

1 мая с.г. в 9 часов утра на имя начальника госпиталя СГ № 3007 Морозова послана телеграмма, а в 19 часов в Рудниковский тупик прибыла партия военнопленных в количестве 29 человек. Боль-

ные оставлены невыгруженными из эшелона, прибывшего лагерь № 101 из харьковского лагеря для военнопленных № 244, как подлежащие госпитальному лечению. В СГ № 3007 никакой подготовительной работы не проведено. По прибытии в штаб на месте никого не оказалось – ни дежурного врача, ни руководства. Меры по розыску начальника госпиталя на квартире результатов не дали. В силу чего больные, способные передвигаться, доставлены в штаб; 7 военнопленных оставлены в вагоне при дежурном фельдшере и санитаря лагеря № 101 до приема в СГ № 3007.

Подписи: комендант аппарата НКВД Иванов; старший уполномоченный НКВД СГ № 3007 Касаткин; дежурный врач при штабе СГ № 3007 Ганина; Врач лагеря № 101 Баскин; Зам начальника конвоя сержант Сонин; Ст. инспектор врач от УНКВД КО по делам в-п., майор медслужбы Иваницкий.

ГАКО, ф. Р-2248, оп. 6, д. 211, л. 1-14

Справка о высокой смертности в СГ-3007

Выводы и предложения

Условия работы спецгоспиталей крайне тяжелы: в медико-санитарном отношении в связи со специфическими особенностями системы перегрузки медперсонала, переуплотнение помещений; смешанная, тяжелая и трудная специфика поступающих на лечение контингентов военнопленных, своеобразная в нозологическом отношении – дистрофия, поливитаминозы, инфекционные осложнения дистрофии: пневмония, туберкулез, атипичная дизентерия. Тяжесть эта увеличивается неправильным отношением советских и общественных организаций на местах в вопросах продснабжения и бытового и специфического устройства госпиталей, а также недообеспечения кадрами и медикаментами, а равно и медицинским руководством со стороны облздрави и продуктами питания по нормам, со стороны ЭП-22. Несмотря на все это, спецгоспитали Кировской области в большинстве благополучно справились со своими задачами благодаря надлежащей постановке лечебной работы. Впереди госпиталь № 1952, далее №№ 3426, 3160, 2074, 1773, 3169. Удовлетворительная лечебная работа в СГ № 3171, неудовлетворительная – в СГ № 3007.

Необходимо отметить следующие дефекты в лечебной работе:

- а) недостаточное руководство со стороны начальника госпиталя и начмеда (СГ № 3007, № 3171);
- б) формальный подход к больным, а по существу отрыв от больного с вытекающими отсюда болезнью (боязнью – ?) терапевтического вмешательства (СГ № 3007);
- в) отсутствие теоретической подготовки (на базе клинического материала госпиталя) в форме конференций врачей и медсестер (СГ

Таблица смертности в спецгоспиталях Кировской области за 1944 г.

Абсолютные цифры.

Итого с/госп.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	Эт год.
3007	42	269	152	397	860
3171	48	184	157	254	637
2074	23	28	72	52	175
1773	21	38	11	11	82
3169				12	-
3160	Вызов открытые госпи-			18	-
3426	тал.			4	-
1962				14	-
1149	6	58	-	-	И предиспокопирован.
3347	5	10	-	-	-

Таблица по-декадной смертности в отделениях СГ № 3007 за май-декабрь 1944 г.

Отделен. госпиталя	Май			Июнь			Июль			Август			Сентябрь			Октябрь			Ноябрь			Декабрь	
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2
1-е	4	4	2	3	4	6	0	12	6	5	3	4	1	2	1	4	1	5	4	30	4	5	8
2-е	0	0	3	3	3	11	10	8	11	10	14	14	5	4	3	18	25	33	22	27	25	10	52
3-е	15	10	5	15	14	9	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	5	8	14
4-е	7	5	1	8	10	5	3	5	1	0	1	2	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-
5-е	5	9	10	12	6	4	5	3	1	4	4	3	2	2	1	4	0	2	1	1	2	1	6
с/г 3007	31	20	21	41	37	26	13	28	19	19	22	23	18	8	5	47	26	40	27	33	36	54	80

№ 3007, № 3171). Постановление санэпидработы, санэпиддисциплины, и наоборот, в большинстве спецгоспиталей не на должной высоте. В результате оказались с колоссальной смертностью СГ № 3007, № 3171, которая и до сих пор не снижена вследствие того, что эти госпитали, недооценивая инфекционную природу поносов, массово осложнивших состояние дистрофии большинства больных и нарушая санитарные установки НКЗ в этом отношении, не проводят полагающихся санитарно- и лечебно-профилактических мероприятий по борьбе с разыгравшейся на базе дистрофии инфекции.

На последнем месте в этом отношении СГ № 3007, который настолько небрежен, неряшлив в отношении санитарной дисциплины, что:

а) санобработки превратились в средство заливывания;

б) поступающие этапы размещают в нескольких корпусах, усиливая тем эпидемическую угрозу со стороны сомнительного в эпидемиологическом отношении этапа;

в) растяжение интервала между санобработками до месяца;

г) не изолируют или недостаточно изолируют подозрительных

Таблица подекадной смертности в этапах, принятых СГ № 3171 на март-декабрь 1944 г.

Коды-цифры этап, подраздел.	Март			Апрель			Май			Июнь			Июль			Август			Сентябрь			Октябрь			Ноябрь			Декабрь					
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
22/II. СГ 2005 - Ушем.	0	1	4	7	8	6	3	4	3	0	1	4	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
СГ 4566 - Пушка.	4	6	4	8	5	2	3	1	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2/II. СГ 398 - К.Р.В.	-	-	-	13	19	21	8	6	11	9	0	6	1	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
25/II. СГ 3007 -	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
6/II. СГ 398 - К.Р.В.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17	11	12	6	7	4	10	5	5	5	3	2	4	2	1	3	6	2	1	3	6			
24/II. Чес. Кочка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	1	1	2	0	0	1	1	0	0	1	0	1	0	1			
3/II. СГ 3007	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	2	4	2	4	1	0	1	0	1	0	1	0			
26/II. СГ 1149	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	4	2	4	4	1	0	1	0	1	0	1	0	1			
2/II. Останко	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	4	3	4	1	0	0	0	1	1	6	3	1	6				
11/II. Лагерь В 64 - Арбост	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	5	2	1	2	1	2	1	0	1	1	0	1	0				
7/II. СГ 3007	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	6	3	9	3	2	1	2	2	1	2	1	2				
12/II. Лагерь В 297 - Соловец	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
9/II. Лагерь В 99 - Барташе	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
10/II. Лагерь В 64 - Арбост	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
2-10. Лагерь В 101	2	2	1	0	1	0	0	1	1	2	0	0	1	1	1	0	2	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	1	0				
I.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-				
II.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-				
III.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-				
Остальные бойцы СГ 3171	2	2	9	5	3	5	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0				
Итого	5	4	15	24	27	30	27	14	24	118	9	5	28	20	14	18	11	14	28	21	19	25	21	46	26	38	47						

Итого

Р. В. В.

Сг. инспектор-эпид.

Таблица по-декадной смертности в этапах,
принятых СГ № 3007 в июле-декабре 1944 г.

Дата прибытия этапа.	Откуда прибыл этап.	У-во принятых	Сентябрь			Октябрь			Ноябрь			Декабрь			Примечания.
			1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
22/УП.	Из Москвы.	-	315	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	Смертность: 0,1-0,2% 27/УП в 2/1-27/1-115	
27/УП.	Городок	-	436	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	1	
1/41	Из Остязкова	-	310	0	0	0	0	2	2	2	2	5	5		
1/У.	Из Бессина - лагерь в 2/22.	-	200	-	-	-	14	10	5	2	1	0	3	8	Многие были больными легочными заболеваниями, в основном туберкулезом
23/У.	Из Соловьевского лагерь	-	95	-	-	-	-	9	5	11	1	4	7	Туберкулез	
11/11	Из г.Анжеро-Судженск	-	68	-	-	-	-	-	12	2	1	8	7	туберкулез и/или дизентерия.	
27/11.	Из г.Алабуга лагерь в 400	-	150	-	-	-	-	-	-	2	10	7			
11.	Лагерь в 101.	-	108	-	1	0	2	5	5	0	0	1	1	7	
1.	" "	-	43	-	-	-	0	2	1	0	1	1	2		
11.	" "	-	111	-	-	-	-	-	4	7	10	10	20	108 чел. Поступили в 101-й лагерь	
	Всего поступившие больными.		8	7	6	31	14	21	11	12	13	15	24	С октября в лагерь сначала поступали из 81 этапа, но в конце Ф. в 252, 297 и 34.	
	Итого:		8	8	5	47	25	41	26	34	33	31	79		

Ст. инспектор-врач

А.И.Иванов

на инфекцию и явно инфекционных больных, перебрасывая их из палаты в палату, из отделения в отделение. Разносят таким образом заразу (сыпной тиф, дизентерию).

Образцовым госпиталем в отношении постановки санэпидемиологической работы и дисциплины является СГ № 1773, который:

а) выделил специально врача для организации санэпидемиологических мероприятий и руководства санэпид работой госпиталя;

б) систематически проводит высококачественные санконтр-роль за пищеблоком и лечебными отделениями;

в) регулярно в должные сроки полноценно проводит санобработку больных;

г) строго выдержанно проводит санэпид мероприятия: законы изоляции, карантин, прививки и прочее. Почти на одном уровне с ним идет госпиталь № 1952.

Плохо обстоит с организацией и устройством сандезузлов в СГ № 3169, № 3160, № 3426. Между тем положение обязывает, т.к. этапы военнопленных с фронта, загрязненные инфекцией, следует ожидать в недалеком будущем.

Всем госпиталям в связи с этим надлежит привести себя в состояние санэпидготовности, а именно:

а) устроить, где этого еще нет, сандезузлы (санпропускник с дезкамерой, прачечную);

б) регулярно проводить полноценную санобработку контингента больных, и принимаемых этапов;

в) строго проводить изоляцию и карантинизацию;

Кроме того, необходимо всем госпиталям:

1) Тщательно проводить захоронение трупов умерших.

2) Прекратить отпуск медперсонала, кроме исключительных случаев.

3) В случаях значительного повышения смертности, давать подекадные сведения о смертности:

а). по этапам

б). по отделениям.

4) Прекратить выезды начальников госпиталей без разрешения облздрави и заместителей по режиму и охране – без разрешения УНКВД Кировской области.

Старший инспектор УНКВД, военврач.

Капитан медслужбы Котов

Справка № 393 правительству Кировской области от 1.04. 1996 г., составленная по архивам МВД, упоминает 16 захоронений военнопленных Второй мировой войны на территории области.

1. Гойно-Кайская ж/д на трассе, **897 чел.**, лаг. 101, отд. 1, 10, 18.

2. Ст. Малый Созим, 24 км, **498 чел.**, лаг. 101, отд. 1, 2.

3. Ст. Има 560 метров вост. 54 км, **123 чел.**, лаг. 101, отд. 3.

4. г. Киров, 300 м от Скопино на берегу Вятки, **125 чел.**, лаг № 307 отд. 2, 3, 7.

5. г. Киров, 800 м восточнее раб пос. Сельмаш, **141 чел.**, лаг. № 307, отд. 4.

6. Кирово-Чепецкий, Каринский с., **376 чел.**, лаг. № 307, отд. 5, 1, 9.

7. Нововятский р-н, д. Крутиха, **213 чел.**, лаг. 307, отд. 6.

8. Омутнинский р-н, разъезд 132 км, **32 чел.**, лаг. 307, отд. 8.

9. Омутнинский р-н, Пермятский с/с, 74-й км, **35 чел.**, лаг. 307 отд. 9.

10. пос. Оричи, **116 чел.**, СГ № 1952.

11. д. Тарасовы (ст. Быстряги) Оричевский р-н, **639 чел.**, СГ № 1773.

12. Подосиновский р-н, ст. Пинюг, **1248 чел.**, СГ № 2074.

13. г. Халтурин (Орлов), **119 чел.**, СГ № 3160.

14. Фаленский р-н 500м восточнее ст. Фаленки, **155 чел.**, СГ № 3169.

15. Верхнекамский р-н, п. Рудничный, **4722 чел.**, СГ № № 3007, 3171;

16. Белая Холуница вост. окраина кладбища, **523 чел.**, СГ № 1149

Общее число похороненных военнопленных, согласно этой справке – **9962**.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВММА – Военно-Морская медицинская академия
ВПШ – высшая партийная школа
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГАСПИ, ГАСПИ КО – Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ИСЭКА – Институт санитарии и эпидемиологии Красной армии
КО – Кировская область
КПП – контрольно-пропускной пункт
ЛТХ – лесотехническое хозяйство
МКК – Международный Красный Крест
МТС – моторно-тракторная станция
МСП – Международная служба поиска
МЭП – мобилизационно-эвакуационный пункт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения
НКО – Народный комиссариат обороны
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКФ – Народный комиссариат финансов
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
НЭП – новая экономическая политика
ОВС – отдел вещевого снабжения
ОК – областной комитет ВКП (б)
ОПВИ – Отдел по делам военнопленных и интернированных НКВД
РВК – районный военный комиссариат
РК – районный комитет ВКП (б)
РО НКВД – районный отдел НКВД
РПС – райпотребсоюз
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
СГ – спецгоспиталь
СНК – Совет народных комиссаров
УралВО – Уральский военный округ
УНКВД, УНКВД КО – управление НКВД Кировской области
ЦК – Центральный Комитет ВКП (б)
ЭГ – эвакогоспиталь
ЭП – эвакопункт

Документально-художественное издание

Борис Семенович Кирьяков

**Военнопленные в Вятском крае
1942-1947 гг.
(спецгоспитали)**

Документы и материалы

Редактор: *Евгений Дрогов*

Литературный редактор: *Владимир Катаев*

Обложка: *Татьяна Коршунова*

Корректор: *Ольга Софронова*

Допечатная подготовка:

Издательство ООО «О-Краткое».

610000, г. Киров, а/я 2946

Тел./факс (8332) 366-144

E-mail: okrat@okrat.ru

<http://www.okrat.ru>

ISBN 978-5-91402-003-0

Подписано в печать 20.06.2007. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,07.
Тираж 500. Заказ 1438.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в Куменском филиале ОАО «Кировская областная типография».
613400, Кировская обл., п. Кумены, ул. Лесная, 4.

Вятский краевед
Борис Кирьяков
собрал уникальный
материал и
приоткрыл завесу
секретности над
пребыванием
бывших солдат
вермахта в
спецгоспиталях
Кировской области.
Написанная
Б. Кирьяковым
книга – не только
достойный вклад
в подлинную
историю, но и дань
признательности
тем, кто
самоотверженно
работал в
спецгоспиталях
ради будущего
мира.